

Вернер
Бройнингер

ПРОТИВНИКИ

Гитлера

В НСДАП

1921—1945

Астрель

ПРОТИВНИКИ ГИТЛЕРА В НСДАП

Вернер
Бройнингер

Астрель

Вернер Бройнингер

**Противники Гитлера
в НСДАП
1921–1945**

Москва
Астрель • АСТ
2006

УДК 94 (430)
ББК 63.3 (4 Гем)
Б88

Настоящее издание представляет собой перевод
с немецкого оригинального издания
«Hitlers Kontrahenten in der NSDAP. 1921–1945», опубликованного в 2004 г.
F.A. Herbig Verlagsbuchhandlung GmbH, München.

Бройнингер, В.

Б88 Противники Гитлера в НСДАП, 1921–1945 / Вернер Бройнингер; пер. с нем. М.: АСТ: Астрель, 2006. — с. 397, [3]: ил.
ISBN 5-17-031698-4 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-12759-1 (ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 3-7766-2367-5 (нем.)

Книга Бройнингера проливает свет на борьбу за власть внутри руководства национал-социалистической партии. Уже во время так называемого «второго периода борьбы» (1925–1933) имели место отстранения с ведущих постов, полный роспуск местных парторганизаций, далеко идущее соперничество среди руководящей верхушки, процессы исключения из партии и следующие за ними восстановления членства в партии.

История НСДАП — непрерывная цепь эпизодов борьбы за власть. В конце концов, после 1933 года образовался организационный хаос, который, перефразируя изречение Гитлера, был «сравним только с древними Египтом, Вавилоном и Римом».

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей Третьего рейха и межвоенной Европы.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей России и Великой Отечественной войны.

УДК 94 (430)
ББК 63.3 (4 Гем)

ISBN 5-17-031698-4 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-12759-1 (ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 3-7766-2367-5 (нем.)

© 2004 by F.A. Herbig Verlagsbuchhandlung GmbH, München
© «Издательство Астрель», 2006

*Инне, которой я благодарен за то, что ее красота и тонкий ум
помогают мне возвыситься над незначительными
и обыденными вещами в жизни*

Вернер Бройнингер.

Введение

*Не совсем лишённое смысла занятие — представить себе
судьбу Гитлера, ибо история лишила его жизненных благ,
чем пробудила его и сделала рупором миллионов,
страдавших комплексами негодования и
незащищенности: унылое существование где-то на
обочине общества, озлобление и мизантропия, но
стремление к великой судьбе и нежелание простить
жизнь за то, что она хотела отказать ему в роли
всемогущего героя.*

Иоахим Фест

Не зная глубочайших культурно-пессимистических тенденций в настроениях общества конца XIX — начала XX века, страха и предсказания победы, в которых изумлённая эпоха осознала себя, вряд ли можно объяснить суть и действия Адольфа Гитлера. Одна фотография, сделанная в новом здании Имперской канцелярии, показывает лежащий на письменном столе Гитлера фолиант, озаглавленный «Спасение мира» («Die Rettung der Welt»). И в самом деле, укоренившееся осознание естественности своей роли «избавителя», связанное с воспоминанием о любимой с детства опере «Лоэнгрин», неотъемлемо от сущности фюрера НСДАП.

Фридрих Гундольф, вышедший из кружка поэта Штефана Георге, такими словами описал невидимый знак, нависший над обществом в первые десятилетия прошедшего века: *«Каждое поколение хочет по-своему подниматься к вечным звездам: бедное наше поколение — первое, которое теоретически желает подъема во всех сферах и практически подтверждает это. Не переоценка прежних ценностей, а обесценивание всех ценностей: «абсолютная относительность». Этого хотят не смелый новатор и не последовательный преступник, а муки и волны, и они теперь не отстающие или бегущие рядом, как прежде, а предшественники духа времени, его самая передовая стадия»*¹. То же самое можно сказать также в ретроспективе о эре «мировой гражданской войны». И учитель Гундольфа Штефан Георге ухватил суть — *«Бесчестие города и империи разрушит фальшивый вождь»* — писал он в своем стихотворном цикле «Седьмой круг» («Der siebente Ring») о Данте. Симптоматично для всех политических одурманиваний духа времени и тоталитарных опытов в Европе XX столетия.

В 1918 году старая Европа лежала в развалинах. Революционный переворот в Германии совсем не затронул чувства людей. Освальд Шпенглер увидел (в своем письме «Прусский дух и социализм») актеров ноябрьской революции как *«сброд, во главе с литературными паразитами, выступивший открыто. Подлинный социализм, возникший в августе 1914 года и ныне преданный, вел последнюю борьбу на фронте или лежал в массовых могилах на половине Европы»*, эта характеристика получила широкую поддержку в то время². Сформировалось сопротивление веймарской демократии, которое началось с Добровольческих корпусов, прошло через кружок «Новый национализм» («Neuen Nationalismus») и завершилось созданием гитлеровской НСДАП и формирований леворадикальных сил.

Подлинной и главной особенностью национал-социалистической системы является двуличие, последствием которой стала ее внутренняя анархия, отмечает публицист, политолог и историк искусства Армин Молер³. Книга, которую вы читаете, — попытка исследовать этот феномен.

В моих публикациях о личностях и группах имманентной

национал-социалистической системе оппозиции, а также о графе Штауфенберге и его приходе из общества «Тайная Германия» («Geheimen Deutschland») остался недостаточно исследованным определяющий фактор, а именно — обхождение Адольфа Гитлера с любыми реформаторами, оппозиционерами или даже постоянными противниками, которые, главным образом, вышли из его *собственного* лагеря⁴. Теперь о них пойдет речь, — о баварских сепаратистах Баллерштедте и Питтингере, которые на раннем этапе национал-социалистического движения причиняли много хлопот, о внутрипартийной оппозиции против притязаний Гитлера на неограниченную власть в руководстве еще юной НСДАП, об активистах фольксдойче подобных Альбрехту фон Грэфе и д-ру Артуру Динтеру, о монархисте графе Йозефе фон Зоден-Фрауенхофен, о бунте вождя СА (Штурмовых отрядов) Вальтера Штеннеса, о руководимой Эрнстом Анрихом оппозиции в Национал-социалистическом студенческом союзе, о ереси главного редактора центрального органа Гитлерюгенда «Воля и сила» («Wille und Macht») Гюнтера Кауфмана, о германском после в оккупированном Париже — франкофиле Отто Абетце, об обер-бургомистре Штутгарта национал-социалисте д-ре Карле Штрёлине, нашедшем в конце концов дорогу в ряды Сопротивления, а также о попытках реформирования «оппозиции гаулейтеров», представители которой по самым разным причинам попали в немилость к Гитлеру. Даже люди, не участвовавшие в Сопротивлении и не замешанные непосредственно в событиях 20 июля 1944 года, пытались помешать самым уродливым наростам внутри национал-социалистической правительственной системы.

Кризисы, связанные с братьями Отто и Грегором Штрасерами, а также с Эрнстом Рёмом и частью руководства СА, не затронуты в этой книге, т. к. они были слишком сложными и не укладываются в рамки нашей темы. Кроме того, по этому вопросу есть много публикаций⁵.

Впервые подробно говорится о судебных процессах по делу об оскорблении личности, возбужденных Адольфом Гитлером против своих противников, дающих слабо использованный до сих пор источник информации для оценки

развития характера Гитлера⁶. Также были озвучены ошибочно считавшиеся незначительными эпизоды, сопутствовавшие Гитлеру на пути борьбы за власть, как, например, ссора с уже влиятельным тогда партийным вождем, настоятелем кафедрального собора в Бамберге, Георгом Шгэнселем.

До настоящего времени вне поля зрения исследователей оставался также тот факт, что до 1933 года Гитлер часто очень обстоятельно спорил с упомянутыми людьми, большей частью в форме так называемых «Открытых писем», но также в форме личной переписки, публичных выступлений и обращений. Это в какой-то степени противоречило основному правилу Гитлера, согласно которому политик должен писать возможно меньше личных писем, т. к. все им написанное впоследствии может стать причиной неправильного толкования и непонимания: *«Все то, что можно говорить, никогда нельзя писать, никогда!.. Слишком много пишут; начинают любовными письмами и кончают политическими. В этом есть что-то отягощающее»*⁷.

В этой связи тем более стоит отметить многостраничный «Документ Германа Фридриха», на написание которого Гитлер потратил много времени и сил — в стиле фридриховских докладов, — чтобы наложить взыскание на одного товарища по партии.

В литературе на эту тему недостаточно исследованы также его жесткие высказывания против народного политика Альбрехта фон Грэфе, шефа кабинета кронпринца Руппрехта графа Йозефа Зодена или председателя Народной партии Баварии, а впоследствии бундесминистра финансов и юстиции Фрица Шэффера.

Автору очень помогли содержательные издания, выпущенные по инициативе Института истории, куда вошли речи, записки и распоряжения Гитлера за период 1925–1933 годов. Для понимания обсуждаемого вопроса безусловно необходимы обстоятельные цитаты из этих изданий. То же самое можно сказать о частом использовании цитат из дневников д-ра Йозефа Геббельса, последние, как всегда, являются единственным в своем роде источником высочайшей ценности, прежде всего также и потому, что из всех прежних высших руководителей

НСДАП, переживших эру национал-социализма, после войны только четверо оставили печатные документы⁸.

Главы книги обстоятельно проливают свет на борьбу за власть внутри руководства национал-социалистической партии. Уже во время так называемого «второго периода борьбы» (1925–1933) имели место отстранения с ведущих постов, полный роспуск местных ячеек, далеко идущее соперничество среди руководящей верхушки, процессы исключения из партии и следующие за ними восстановления членства в партии. Случай гаулейтера Мекленбурга Гильдебрандта – характерный и один из многих примеров подобного рода. История НСДАП – непрерывная цепь эпизодов борьбы за власть. В конце концов, после 1933 года образовался организационный хаос, который, перефразируя изречение Гитлера, был *«сравним только с древними Египтом, Вавилоном и Римом»*⁹.

Гитлер обычно давал очень большую свободу игре различных сил внутри своего движения и активно вмешивался только тогда, когда чувствовал угрозу своему существованию. *«Какое-то время я наблюдаю за ними, – сказал он в одной из речей в 1941 году, – но затем приходит момент, когда я наносу молниеносный удар»*. Как один из песчаных жуков-скакунов он выжидает тихо, а затем бьет свою цель, чтобы сразу же снова внезапно затаиться на длительное время¹⁰. Характеристика Гитлера как «слабого диктатора» должна, следовательно, считаться недопустимой¹¹. Один из организационных принципов Гитлера сформулирован в его *Меморандуме о внутренних причинах, приведших к решению о восстановлении повышенной ударной мощи движения* от 15 декабря 1932 года: *«В организацию объединяются не механически, кто может, а лишь тогда, когда это нужно!»*

Тогда приближалось время принятия решений с важными последствиями, некоторые проблемы охватывались сразу с двух сторон, это несло с собой, наряду с необозримыми преимуществами, также и величайшую путаницу.

Долгое время Гитлер позволял себе вести дела небрежно и в социал-дарвинистской манере, но тем не менее в любой момент оставался на высоте положения и хозяином своих решений. Таким способом он преодолел все кризисы и на-

падки. При этом его высшая цель состояла в сохранении ясной и определенной цели, которую он с вызвавшим удовлетворение у слушателей ударением сформулировал перед НСДАП уже в 1920 году. *«Национал-социалистическая партия, — подчеркивал он в самый разгар кризиса, связанного с Отто Штрассером, — будет, пока руковожу ею я, не дискуссионным клубом безродных литераторов или хаотичных салонных большевиков, а останется тем, чем она является сегодня: организацией дисциплины, созданной не для доктринерствующих глупостей политических перелетных птиц, а для борьбы за будущее Германии, в которой должны быть разбиты классовые представления и новый немецкий народ сам определит свою судьбу!»*¹²

С преодолением внутренних разногласий 1930-х годов, отразившихся в мятеже берлинской организации СА, руководимой Вальтером Штеннесом, и студенческих функционеров Эрнста Анриха и Рейнхарда Зункеля, в партии не осталось ни одного авторитетного члена, который не был бы ставленником Гитлера. Теперь себя показала также беспринципность Гитлера по отношению к якобы непоколебимым устоям веры в партии, как это видно из его поведения по отношению к южнотирольскому вопросу, отказ от принятой вначале хозяйственно-политической программы или гибкость в союзе с Японией, когда мгновенно была забыта расовая теория. «Идеи нашей программы, — разъяснял он в одной из своих речей, «не обязывают нас действовать подобно дуракам». Тем удивительнее выглядит недостаток гибкости Гитлера в период приближения к поражению, его упрямое сопротивление предложениям приспособить военную стратегию к изменившимся обстоятельствам и нежелание ни на минуту задуматься о возможности отступления, даже временного. Для наступления в упоении победами все было спланировано самым тщательным образом, но для отступления планов не готовили.

Командующий частями СА в Южной Германии Август Шнейдхубер заметил в 1930 году, что растущая притягательная сила движения — не заслуга функционеров, а в основном результат воздействия таинственного шифра «Гитлер»,

в поле действия которого исчезают все антагонизмы¹³. Только теперь возник «*вождь*» в «*одинокой монументальности*», «*недоступный для обсуждения, критики или внутривнутрипартийных результатов голосования*»¹⁴.

Методику притязаний на свою исключительность Гитлер использовал также и в борьбе за власть, в конце концов она привела его к победе. Фактически все проходило примерно так, как сформулировал в 1932 году Аксель Эггебрехт в книге «Мировая сцена» («*Weltbühne*»): «*Мы готовы отказаться от себя... это прошло. Теперь сложили руки и ждем Гитлера*»¹⁵. Подобный тезис своей ясностью напоминает наивность библейских сентенций. Иногда говорят также о «своеобразном загадочном характере духовной подготовки» захвата власти национал-социалистами и о Гитлере как «гении дилетантизма»¹⁶. В своей личности Гитлер объединил традицию и дух современности, он был революционером даже там, где он мыслил средневековыми категориями. Имперский мыслитель Кристоф Штединг называл дух современности «восстанием культуры против судьбы»¹⁷. В этой же мотивированной связи стоит также объяснение, что Гитлер не действовал в условиях реальности, являясь одновременно логически мыслящим явлением «фаустовского существа» и «заключительной фигурой кризиса современности». Но гитлеровский Третий рейх был в значительной степени способен принять современный облик. Находившийся во власти мифов Штефан Георге сказал однажды Михаэлю Ландману о национал-социалистическом движении: «*Помимо любого хозяйственного преимущества, есть нечто, называемое честью народа. Если последняя потеряна, все остальное несущественно. Когда национал-социалисты имели десять депутатов, над ними смеялись. Но когда депутатов стало сто семь, то во всех учреждениях, где до этого шла жалкая деятельность, положение немного изменилось. Мне важно не содержание движения, а импульс, который оно дает*»¹⁸.

И все-таки остаются вопросы о психологических предпосылках господства Гитлера и «как он пришел?», поэтому стоит заглянуть во времена его юности. Потому что вся деятельность Гитлера, как будет показано ниже, в очень боль-

шой степени следует по пути, начинающемуся в те годы. Д-р Эдуард Блох, врач-еврей, лечивший в Линце мать Гитлера от рака легких, будучи выслан в США, вспоминал, что юный Гитлер был хорошо воспитан и чисто одет, бледен и высок, выглядел старше своих лет. После каждого визита врача Гитлер кланялся ему и благодарил. Его глаза были похожи на материнские, *«большие, меланхоличные и задумчивые. Этот мальчик жил, в большой степени, внутренней жизнью. Какими были его мечты, я не знаю»*. Годы спустя Гитлер узнал свою мать на одной из картин Франца фон Штука *«Медузы»*¹⁹.

Есть еще одна картина Штука, датируемая 1889 годом (годом рождения Гитлера), которую художник называл своей *«первой»* и на которой изображен Бог войны Вотан с чертами лица, сильно напоминающими лицо фюрера. Черная, падающая на лицо прядь волос, щеточка усов, героический взгляд и рука, фанатически сжатая в кулак, — все это присутствует удивительным образом²⁰. Вотана сопровождает стая волков. Псевдоним Гитлера в *«период борьбы»* был именно *«Волк»* (Wolf). Например, дети Зигфрида и Винифред Вагнер знали его только *«дядя Вольф»*. *“Говорит дирижер Волк,,»* — так он обращался по телефону к Винифред. Во внешнем облике и манере держаться партийного вождя и рейхсканцлера всегда можно было узнать юного представителя богемы.

Адольф Гитлер как творец истории Германии — такой, вероятно, мотив побудил Губерта Ланцингера написать картину *«Знаменосец»*. На ней Гитлер изображен сидящим на коне в позе германской Жанны д'Арк, в средневековом рыцарском снаряжении, держащим в руке поднятое знамя со свастикой, *«решительно и воинственно вглядывающимся в неясную даль»*.

Врач Антон Ноймайр попытался проделать глубокое изучение периода формирования юного Гитлера и в этой связи встречался с психоаналитиком Эриком Эриксоном, который сказал: *«Решающая фаза кризиса личности — так называемый „мораторий“, во время которого личность интровертирует и погруженная в себя проводит дни, перед тем как сформированный образ окончательно выходит на поверхность, чтобы внос-*

лествию сделать себе имя»²¹. Эриксон далее сказал, что особенно консолидирует характер личности человека позднее взросление и раннее возмужание, а детство до пятого года жизни, как считает большинство психоаналитиков, влияет мало. Если рассмотреть жизнь юного Адольфа Гитлера в Линце и Вене, о которой нам известно от его единственного друга юности Кубичека, когда он, по собственному выражению, составил себе «гранитную картину мира», то, без сомнения, последняя сильно повлияла на него. Оглушенный шумом Вены, он искал признания и принадлежности к чему-либо надежному — а узнал, по большей части, только отказы. Так он превратился в «человека, подобного заблудившемуся шаррику», как писал Александр Ключе²².

Таковыми были предпосылки, позволившие Гитлеру стать вождем многомиллионного движения, управляемого людьми.

Одну особенность, как будет показано ниже, представляет явление гаулейтеров и «оппозиции гаулейтеров». Этот образ не должен быть двусмысленным. Среди таковых мы находим множество крайне отрицательных фигур, таких как деспот Одило Глобочник и преступник Эрих Кох, коррумпированные «удельные князья» Мартин Мучман и Юлиус Штрейхер, бездарный Карл Вейнрих или серые личности вроде Якоба Шпренгера и Фрица Вэхтлера, которые перед приходом вражеских войск бежали из своих гау и бросили доверенных им людей на произвол судьбы. Наряду с типом «солдат партии», такими как Иоахим Эггелинг, Фридрих Карл Флориан, д-р Отто Хеллмут, д-р Гуго Юри, Карл Кауфман, Вильгельм Лоепер, Вильгельм Мурр, Отто Телшоф и Карл Валь, были также фанатики, но не догматики, более молодые гаулейтеры, такие как Рудольф Йордан, Гартман Лаутербахер, д-р Густав Адольф Шеель и д-р Зигфрид Уиберрейтер, но также необычайно любимые населением своих гау Ганс Шемм, гаулейтер Баварского Остмарка и фюрер Национал-социалистического союза учителей, или пфалец Йозеф Бюркель. Бросается в глаза очень большое число бывших учителей народных школ; из семидесяти трех гаулейтеров — не менее двадцати имели профессию учителя²³.

Бывший начальник Генерального штаба сухопутных

войск генерал Гейнц Гудериан считал: *«Гаулейтеры... получили в партии признание в зависимости от их активности, а не из-за способности к управлению или за доброту их характеров. Поэтому среди них наряду с очень достойными личностями есть много неприятных элементов»*²⁴. Корпус гаулейтеров образовывал одну из характерных частей национал-социалистической политической элиты, что иллюстрируется также представленными в этой книге биографиями Артура Динтера, Вильгельма Кубе, Йозефа Вагнера, Альфреда Э. Фрауэнфельда и Карла Рёвера²⁵.

Рёверу, гаулейтеру Везер-Эмса, принадлежит тезис: *«Доверие, оказанное фюрером своим гаулейтерам, сделало положение гаулейтеров в Германии неуязвимым»*²⁶. Их назначение Гитлер оставлял за собой. Большинство их после 1933 года получили административные посты, став имперскими наместниками земель или обер-президентами прусских провинций. Мартин Молл в своем труде о совещаниях рейхслейтеров и гаулейтеров НСДАП указывал, что они были даже более значащими, чем предполагалось до сих пор²⁷. Совещания гаулейтеров были «все более мощным инструментом внутренней координации и информации для режима». Так как выступления Гитлера перед своими удельными князьями не могли подвергаться никакой критике, пишет Молл, то нельзя думать, что они имели лишь характер аккламации (т. е. обсуждения без голосования).

Даже для Геббельса гаулейтеры были «отмытой всеми водами» критической публикой, перед которой «нельзя выступать с объяснениями, имеющими мало смысла»²⁸. Впрочем, были также другие голоса, так, например, бывший гаулейтер Гамбурга Карл Кауфман во время Нюрнбергского процесса сказал своему защитнику доктору Роберту Серватиусу: *«Возможности для дискуссий на совещаниях у фюрера оставались почти неограниченными вплоть до изгнания Штрассера в 1932 году, ограниченными до ухода Гесса и полностью исключенными в отсутствие Гесса. С этого времени съезды превратились исключительно в инструмент раздачи приказов, на них больше не давалось возможности для дискуссий или запросов. Эти съезды руководились Борманом»*²⁹.

Мартин Борман стал замечен уже как начальник штаба Рудольфа Гесса, а то какое важное место он занимал в партии, подтверждается многочисленными циркулярами и публикациями. Во время войны он заботился о том, чтобы гаулейтеры не были допущены к Гитлеру, тогда как в первые годы они еще относительно легко могли предлагать ему свое мнение по различным вопросам. Им приходилось отбивать атаки претендентов на их должности от молодых и честолюбивых крайзлейтеров, руководителей управления гау и своих заместителей.

Пока они не интриговали непосредственно против Гитлера, ему было, очевидно, трудно решиться на их смещение; он прибегал к этому крайне неохотно. Однако несмотря на это, лишь половина гаулейтеров, назначенных между 1925 и 1931 годами, сохранили свои посты до 1945 года. Только шестнадцать из них были смещены до 1928 года.

При этом было бы неверно называть корпус гаулейтеров, как это сделано в одной известной работе о «Государстве вождя и управлении», почти «неприкосновенным»³⁰. Гаулейтеры не могли подняться на имперский уровень, таковой была, как утверждают многие, часто повторяющаяся тема разговоров Гитлера в узком кругу. Гораздо легче Гитлер решался на замену неугодных ему руководящих должностных лиц в других областях, как, например, в случаях младшего статс-секретаря Министерства иностранных дел Мартина Лютера, имперского руководителя крестьян Вальтера Дарре и обер-бургомистра Берлина Юлиуса Липперта³¹. Против решения фюрера кто-либо вряд ли мог выступить, если это все же случалось, то выступавшего быстро заставляли подчиниться воле Гитлера. Это тоже было отличительным признаком «авторитарной анархии», как назвал Третий рейх уже в 1946 году консервативный публицист Вальтер Петвайдик³². Налицо внутренняя противоречивость факта присутствия конституционного беспорядка внутри «фюрерского государства», требуемого безусловными для выполнения приказами фюрера. И тем не менее гаулейтеры, о которых пойдет речь в книге, предпринимали попытки, каждый в своем духе, смягчить последствия гитлеровской игры ва-банк.

В национал-социалистическом государстве важнейшее значение почти на всех уровнях, как подчеркнул в феврале 1934 года в одной из своих речей статс-секретарь прусского министерства сельского хозяйства Вернер Вилликенс, имела формула «противодействовать фюреру». Айэн Кершоу, который стоял на позиции Макса Вебера, считавшего власть Гитлера «господством харизмы», исследовал ее в своей обширной биографии Гитлера, чтобы представить объемную картину способа функционирования Третьего рейха³³. *«Как я говорил на Пьяцца Бельжиосо, — писал Бенито Муссолини в 1930 году, — фашистский режим имеет впереди шестьдесят лет, но тогда мы были в начале пути. Сегодня, после спокойного размышления, я говорю вам, что двадцатое столетие будет столетием фашизма»*³⁴. Но вышло по-другому. Фашизм остался лишь эпизодом как в Италии, так и в остальной Европе. И так же вскоре над национал-социализмом «Сумерки богов». *«У меня уже нет времени подготовить людей для осуществления моей политики, — жаловался Гитлер в своем знаменитом завещании и закончил: — Мне потребовалось двадцать лет, чтобы провести селекцию и вырастить новое национал-социалистическое поколение... Трагизм Германии в том, что мы никогда не имеем достаточно времени. Всегда мы вынуждены пробиваться сквозь обстоятельства». Все, что потом случилось, — следствие этого трагизма, а также недостаток внутренней сбалансированности. Только в бункере под Имперской канцелярией в Берлине он понял, что его личный «злой рок в том, что я служил народу в трагическом прошлом, таком непостоянном, что немцы вынуждены были резко, в соответствии с обстоятельствами, с необычным хладнокровием бросаться из одной крайности в другую»*³⁵.

Согласно Якобу Таубе, еврейскому мыслителю и раввину, национал-социализм присвоил себе «само собой разумеющееся» право не считать рейх «сдерживателем зла» — термин политической теологии, который описывает категорию, стоящую выше, чем люди и вещи. Когда военная удача стала ускользать из их рук, власть имущие схватились за революционную символику раннего периода своего движения.

«Вместе со свастикой, — предполагал Кристиан Бём-Эрмоли, — Гитлер создал символ корпоративной идентичности всех немцев»³⁶. Но и символика не могла удержать катастрофу. От экспансивной взрывной мощи национал-социализма, который долгое время держал целый мир на гребне высочайшего напряжения, в 1945 году осталось немного. В конце концов национал-социализм оказался изломом цивилизации и системой политической эсхатологии.

После катастрофы под Сталинградом среди нацистской верхушки больше не было человека, которому Гитлер мог бы передать свои функции руководителя страны. Только его своевременное самопожертвование могло бы дать рейху зыбкий шанс мирного завершения войны. Но Адольф Гитлер не был человеком, который подчинил бы себя интересам государства, как это сделал кумир Гитлера Фридрих Великий. В последние недели своей жизни Гитлер часто сидел по ночам при свете неровно горящей свечи в комнате своего бункера перед портретом Фридриха Великого работы Граффа, в каком-то трансе пристально смотрел на картину и молчал, ведя мысленный диалог с королем Пруссии³⁷. Но дух «старого Фрица» не снизошел на него и не дал совета, что в этот час нужно сделать для спасения рейха. Германия и собственное имя — это две величины, неразрывно связанные между собой в понимании немецкого фюрера. Следует отметить, что слово «капитуляция» отсутствовало в словаре Гитлера. Лишь после целой цепи катастроф и поражений многие высшие чины национал-социалистической партии потеряли веру в Гитлера. Как и все немцы, они поняли наконец, что руководящим мотивом в жизни Гитлера был последний штурм, последний штурм любой ценой.

Адольф Гитлер даже непосредственно перед своим концом говорил о себе, как о «последнем шансе Европы». На основании такой самооценки он хотел защищать мир, который не сумел защитить раньше, — вплоть до его полного разрушения.

Франкфурт-на-Майне, ноябрь 2003

Вернер Бройнингер

«Самым большим моим противником был Баллерштедт»

Баварский сепаратист против Гитлера

Среди федералистско-сепаратистских объединений в период после окончания Первой мировой войны особое положение занял Баварский союз Отто Баллерштедта. Еще в 1919 году он написал работу «Великая Пруссия и распад империи. Немецкий сепаратизм и будущее Германии», в которой резко выступил против господствующего положения Пруссии. Он требовал «массового движения» против «Великой Пруссии» и призывал правые политические силы Баварии выступить за «Великую Германию», «построенную на федеративной основе. Такой, часто выставляемый на показ сепаратизм должен был неизбежно вызвать гнев Гитлера и его движения!». Молодой Гитлер на своем первом выступлении осенью 1919 года перед членами праворадикальной раскольнической группы — Немецкой рабочей партии (Deutsche Arbeiterpartei, DAP), которая тогда еще не была партией в подлинном смысле, а скорее объединением, где смешались типичные для Мюнхена тех лет тайный союз и пивное общество, — получил признание как оратор, когда он «в свободной речи» потребовал аргументов от выступивших перед ним ораторов, ратовавших за отделение Баварии от Пруссии, и заставил их «поджавши хвост» покинуть пивную. Очевидной целью Баллерштедта было отделение Баварии от империи. В свой ранний период НСДАП с особой яростью вела свою пропаганду против этого сепаратиста.

Уже в августе 1920 года Гитлер говорил в Мюнхене о намерении Баллерштедта создать так называемую «Дунайскую конфедерацию». В газете «Мюнхнер нойестен нахрихтен» мож-

но было прочесть его слова: *«Дунайская конфедерация означает зависимость Баварии от чешского и французского угля. Этого нельзя допустить никогда. Лучше большевистская Великая Германия, чем зависящая от французов и чехов Южная Германия!»*² Отто Баллерштедта, находившегося среди слушателей, приспешники Гитлера выбросили из зала с криками «Предатель! Шпион!». Все чаще НСДАП проводила мероприятия, направленные против сепаратистов, во время которых Гитлер с особой яростью сводил счеты с «сепаратистским отродьем»³. Об одном собрании Баварского союза, где должен был выступить Баллерштедт, газета «Фёлькише беобахтер» с циничной радостью сообщала: *«В среду 23 мая (1921. — В. Б.) в Матэзерзале выступает Отто Баллерштедт. Чтобы Баллерштедт не забыл, что он может быть только инженером, а не политиком, на собрание придут 2-й и 4-й отряды, а также как можно больше членов партии из центра города»*⁴.

В январе 1921 года Гитлер и другие ведущие члены партии в первый раз предстали перед судом по обвинению о срыве выступления Баллерштедта. Пресса сообщила об этом и предположила, что Гитлер — *«молодой, но ловкий враг, несмотря на его раннюю помолвку с дочерью восточного еврея, выходца из Галиции»*⁵. Гитлера приговорили к денежному штрафу в тысячу марок, а Баллерштедта — в двести марок; обоих за «злостные сплетни». Уже 27 января 1921 года начались трехдневные слушания в Мюнхенском суде по поводу жалобы в нарушении достоинства, выдвинутой Баллерштедтом против Гитлера в связи с появлением оскорбительных статей и плакатов. Газета «Мюнхнер нойестен нахрихтен», к которой НСДАП относилась неодобрительно, дала следующее подробное сообщение о процессе:

«В 2,5-часовой темпераментной речи Гитлер обосновывал свою точку зрения и программу Национал-социалистической рабочей партии Германии, направленные против устремлений Баллерштедта. Вначале он заметил, что ответственность за инкриминируемое в жалобе содержание плакатов и статей в «Фёлькише беобахтер» несет не Дрекслер, а он сам, Гитлер, как руководитель службы пропаганды. К тому же, по существу дела, подчеркнул Гитлер, он опровергает данную в жало-

бе характеристику нападок против Баллерштедта, что они не такие уж оскорбительные, как думают; он готов доказать, что Баллерштедт своей травлей Пруссии отнимает последнюю надежду у сторонников присоединения немецкой Австрии к Германии. Деятельность Баллерштедта в полном смысле слова разрушает империю. Созданный Баллерштедтом Немецкий союз, или Баварский союз, на словах хочет придать Германской империи федеративную структуру. Но в действительности своей деятельностью Баллерштедт разрушает Германию и тем самым преследует такую же цель, что и французы в течение трех столетий. Требование программы Баварского союза сделать конституцию империи зависящей от результатов голосования отдельных провинций полностью подрывает основные устои империи; намного выше интересов отдельных земель стоит благо Германской нации в ее общности. Гитлер сделал вывод из выступлений Баллерштедта в Розенхайме и Зальцбурге, что Баллерштедт полностью увел в тень мысли о присоединении. Продолжая свою речь, Гитлер коснулся отношений между Немецким народным рабочим обществом и НСДАП. Он объяснил, что НСДАП раньше входила в это рабочее общество. Но когда в начале 1920 года громко зазвучали предложения о приеме в рабочее общество Баварской Королевской партии с ее сепаратистскими тенденциями, НСДАП сразу же объявила о своем выходе из рабочего общества.

В этой связи Гитлер подчеркнул, опровергая утверждения противной стороны, что за свою деятельность в рамках НСДАП он никогда не получал ни одного пфеннига гонорара. Конечно, надо признать, что он получал деньги за выступления на собраниях и доклады вне партии, например на собраниях Стрелкового и оборонительного союза, Союза молота и т. д., и за свои публикации не в партийных изданиях, но он должен был это делать, чтобы иметь средства для существования. Гитлер подробно остановился на тактике борьбы, которую применил истец и которую он резко осудил. Говоря о политической программе партии, Гитлер подчеркнул, что его партия на современном этапе отвергает монархическое правление и что она выступает также против любой насильственной диктатуры, и что для нее даже диктатура Людендорфа лучше, чем

немецкий рейх по системе Баллерштедта. В заключение Гитлер объяснил, что он вынужден защищаться от клеветы и подозрений Баллерштедта, в том числе против утверждений последнего, что он — Гитлер — якобы получил гонорар за доклад в Немецком народном рабочем обществе, чем ему нанесено оскорбление в продажности... Господин Гитлер имеет свидетеля того факта, что инженер Баллерштедт 15 февраля 1920 года участвовал в конференции в Касселе, на которой присутствовали также рейнские активисты»⁶.

14 сентября 1921 года Баварский союз попытался организовать в мюнхенском пивном погребке «Лёвенбройкеллер» массовый митинг в поддержку отделения Баварии от империи. Но НСДАП сумела заранее занять зал, и национал-социалист, доверенный Гитлера, Герман Эссер предоставил слово своему шефу раньше, чем озадаченный Баллерштедт понял, что случилось⁷. По сигналу Гитлера штурмовики СА с громкими криками «Гитлер!» захватили сцену. Затем кто-то выключил свет и возник полнейший хаос. Баллерштедта, протестовавшего против действий сторонников Гитлера, задержали полицейские и грубо выдворили из зала. Очевидно, что именно Гитлер попросил помощи у полиции, т. к. затем он призвал к тишине своих людей, охотно откликнувшихся на призыв, и когда цель устроенного беспорядка была достигнута, пояснил: «Баллерштедт сегодня больше говорить не будет!»⁸. После этого полиция закрыла собрание, и на следующий день Баллерштедт обратился в суд с жалобой на нарушение неприкосновенности жилища. Газета «Мюнхнер нойестен нахрихтен» 15 сентября 1921 года напечатала подробное сообщение об этом спектакле:

«Руководимый инженером Баллерштедтом Баварский союз в среду вечером созвал открытое собрание в большом зале «Лёвенбройкеллер», на котором намечалось выработать позицию по отношению к последним политическим событиям. Заранее был объявлен доклад руководителя союза под названием «Не предадим Баварию!» Собрание, привлечшее много участников, закончилось неожиданно очень быстро из-за заранее подготовленного нападения со стороны национал-социалистов. Национал-социалистские молодчики заблаговременно заняли места

вокруг трибуны докладчика. Много национал-социалистов рас-
пределилось также по залу. Когда в зале появился вождь наци-
онал-социалистов Гитлер, сторонники демонстративно при-
ветствовали его аплодисментами. Приход Гитлера послужил
сигналом к началу акта насилия. Бывший редактор газеты
«Фёлькише беобахтер» Эссер вскочил на стул и стал говорить
о том, что Бавария за положение, в котором она находится,
должна благодарить евреев. Баллерштедт постоянно увили-
вает от решения еврейского вопроса. Поэтому национал-со-
циалисты «вынуждены» лишить его слова и предоставить сло-
во Гитлеру. После этого сторонники Гитлера захватили сцену
с намерением превратить собрание в национал-социалистское.
Большая часть присутствующих горячо протестовала против
этого и требовала предоставить слово Баллерштедту. Бал-
лерштедт протиснулся к трибуне, но национал-социалисты не
дали ему возможности говорить, непрерывно выкрикивая «Гит-
лер».

Кто-то, боясь, что начнется драка, выключил свет в зале,
столпотворение только усилилось. Когда свет снова включи-
ли, Баллерштедт заявил, что на каждого, кто помешает про-
водить собрание, он подаст в суд с жалобой на нарушение не-
прикосновенности жилища. После этого находившиеся на сце-
не молодые люди, среди которых были и подростки, окружили
его, стали избивать и столкнули со сцены, Баллерштедт при
этом получил кровавую рану на голове. Редактор Эссер сооб-
щил, что национал-социалисты беспощадно выпроводят из зала
всех, кто нарушит тишину. Один из членов Баварского союза,
который, по-видимому, должен был председательствовать на
собрании, высказал упрек национал-социалистам в насилии —
его также избili кулаками и палками и согнали со сцены. По-
лицейский с резиновой дубинкой поспешил ему на помощь. Ес-
тественно, присутствующие все громче выражали возмущение,
в это время в зале появились трое полицейских из земель-
ной полиции. Полицейский чин объявил, что полиция распускает
собрание. Усиленный наряд земельной полиции начал очистку
помещения, которая, после того как было обещано вернуть
деньги за входные билеты, прошла без дальнейших эксцессов»⁹.

Понятно, что НСДАП имела совершенно другой взгляд

на произошедшее, что видно из бюллетеня «Политическое положение — падение Баллерштедта» от 24 сентября 1921 года:

«Падение Баллерштедта. В среду 14.9. (1921) известный дипломированный инженер Баллерштедт попытался провести собрание под лозунгом „Не предадим Баварию“ . Господин Баллерштедт, как и представляемый им Союз, давно известны нашей партии. Баллерштедт хочет вести борьбу за федеративную Германию, против унитарной. Выбранный им способ борьбы — ничего больше, кроме разнузданной травли Пруссии. С бесспорной легкостью он сваливает вину за дела, которые сегодня лежат исключительно на совести евреев, на пруссаков, всех немцев, юнкеров и т. д. В тот самый миг, когда туман рассеется, будет ясно, что сейчас речь идет не о господстве Пруссии или Баварии, а о евреях или немцах, и попытку сделать прусский народ ответственным за дела, лежащие исключительно на совести евреев и баварцев, Эберта, Вирта и Геслера, надо назвать чистым предательством. Это вечное средство для того, чтобы отвлечь внимание немцев от подлинной опасности и разобщить их. Но именно сейчас, когда каждый порядочный пруссак преследуется в Германии точно так же, как каждый честный баварец, когда берлинское правительство Вирта, Ратенау и Граднауэра с неслыханной беспощадностью подавляет каждое проявление истинного немецкого, только твердолобые могут думать, что в Берлине сидят немцы, юнкера, короче, пруссаки.

Тот, кто это сегодня отстаивает, вопреки рассудку, фактически является сознательным или несознательным пособником нынешних берлинских евреев-регентов. Поэтому на собрании Баллерштедта пришло много товарищей по партии, которые составили примерно $\frac{4}{5}$ присутствующих. Когда после восьми часов вечера товарищ Гитлер вошел в зал, его встретили бурными аплодисментами. Под давлением многочисленных товарищей по партии сразу взял слово партайгеноссе Эссер, который в краткой речи оспорил полномочия господина Баллерштедта выступить спасителем Баварии, поскольку этот господин не нашел ни слова против берлинского еврейского беспорядка, но зато постоянно кричит о Пруссии. Слова

Эссера сопровождалось продолжительными возгласами одобрения.

Господин Эссер объяснил затем, что присутствующие в зале в подавляющем большинстве национал-социалисты должны потребовать, чтобы первым слово было предоставлено господину Гитлеру — для объяснения своей позиции. Под бурные аплодисменты Гитлер вышел на сцену для короткого выступления. До собрания предусматривалось поставить на голосование предложение — дать господину Баллерштедту на выступление четверть часа, и столько же времени дать господину Гитлеру. К сожалению, объяснение товарища Гитлера сразу же стали заглушать громкие крики, которые издавали отдельные сторонники Баллерштедта, провоцировавшие национал-социалистов, имевших подавляющее большинство. Тогда Баллерштедт попытался сам захватить трибуну, причем заранее он должен был предупредить, что хочет успокоить возбужденных участников собрания. Но вместо этого он стал кричать в зал, что он будет вынужден обратиться к полиции и просить ее арестовать его противников в зале, т. е. большинство присутствующих, за нарушение неприкосновенности жилища.

Тем самым господин Баллерштедт сам подлил масла в огонь. Возмущенные народные массы стащили его со сцены и вытолкали из зала. Разговоры о его ранении и т. п., которые он сам возбуждает, — чистейший обман. Задача всех товарищей по партии — сразу же пресекать подобные утверждения. Несколько дней спустя партия провела собравшее полный зал собрание в „Мюнхнер-Киндль-келлер“, принявшее резолюцию, осуждающую разнузданную позицию берлинского правительства и поддерживающую права баварцев и немцев. Это собрание было блестящим изъяснением народных чувств»¹⁰.

12 января 1922 года Гитлер, Эссер и Кернер за срыв собрания Баллерштедта предстали перед народным судом района Мюнхен I и были приговорены к трем месяцам тюремного заключения по обвинению в нарушении неприкосновенности жилища. Газета «Мюнхнер пост» писала:

«Вчера... объявлен судебный приговор на процессе по делу Гитлера и его товарищей. Подсудимые Гитлер, Эссер и Кернер

единогласно признаны виновными в групповом нарушении общественного порядка и приговорены к трем месяцам тюрьмы. После оглашения обвинительного приговора один человек закричал из зала суда: „Это подлость“. Полиция установила личность кричавшего... Баллерштедт осуществил свое право на неприкосновенность жилища. Его решимость бороться с угрозами путем обращения в суд была обоснованной. Протест обвиняемых, утверждавших, что они и на других собраниях действовали точно так же, но тогда власти не вмешивались, остался без удовлетворения. Гитлер признал, что Баллерштедта согнали со сцены, а сам он не пытался это предотвратить. При этом Гитлер подчеркивал влияние на своих сторонников, значит он легко мог бы отговорить их от насилия¹¹.

Писатель Эрнст Толлер, отбывавший пятилетнее заключение за политическую деятельность, узнал об осуждении Гитлера и так вспоминал об этом в своей книге «Юность в Германии» («Eine Jugend in Deutschland»):

«Человек по имени Адольф Гитлер был в Мюнхене осужден на один месяц тюрьмы за попытку срыва проведения собрания баварской Королевской партии. Под его руководством люди, подняв в руках стулья, прорвались на сцену к оратору, возникла драка, врачи помогали нескольким раненым.

Вокруг Адольфа Гитлера собрались недовольные мелкие собственники, бывшие офицеры, антисемитствующие студенты и уволенные со службы чиновники. Его программа примитивна и глуповата. Наши внутренние враги — марксисты и евреи, они виновны во всех несчастьях, они убивают из-за угла непобедимую Германию, а затем внушают народу, что Германия проиграла войну. Внешние враги — это французы, выродившаяся изнеженная раса, война с которой неизбежна, а потому — необходима. Нордическая немецкая раса победит все другие расы. Для искоренения марксистов и евреев Бог призвал его, Адольфа Гитлера.

Гитлер побуждает народ к яростному национализму. Еще два года назад, когда мы, „внутренние враги“, начинали борьбу против несправедливого Версальского мира, я не слышал о Гитлере. Во время революции он тоже молчал.

Один заключенный рассказал мне, что в первые месяцы рес-

публики он встречал в одной мюнхенской казарме некоего австрийского пачкуна Адольфа Гитлера. Тогда Гитлер называл себя социал-демократом. Этот человек поразил рассказчика тем, что он говорил „очень по книжному и многословно“, как это делает читающий много книг, но не переваривающий их в своей голове. Его нельзя было принимать всерьез — санитарный унтер-офицер рассказал моему собеседнику, что во время войны вернувшийся с фронта Гитлер лежал в госпитале с тяжелой нервной болезнью и слепой; затем, неожиданно, он вновь стал видеть. Эта нервная слепота заставляет меня задуматься. Какую силу должен иметь человек, который может временно ослепнуть, если не хочет ничего видеть»¹².

24 июня 1922 года Гитлер начал отбывать свое наказание в мюнхенской тюрьме Штадельхейм, но уже 27 июля его выпустили. Остаток срока сделали условным — за примерное поведение.

В 1942 году в новой Имперской канцелярии Гитлер еще раз говорил о своем прежнем противнике по Мюнхену 1920-х годов:

«Как оратор, самым большим моим противником был Баллерштедт. Состязаться с ним было великим искусством. Его отец — гессенец, мать — из Лотарингии. Этот парень начал с похвал Пруссии. Он хотел создать впечатление, что имеет одинаковое мнение со своими слушателями! Я получал много наказаний за то, что называл этого находившегося на содержании у французов господина предателем. В конце концов я сорвал его собрание, это стоило мне трех месяцев тюрьмы»¹³.

Организация Баллерштедта постепенно отходила на задний план. Настроения и требования Баварии все в большей мере стали выражаться Баварской народной партией (BVP). После 1933 года и вплоть до 1945-го сепаратизм в Баварии был полностью подавлен. Баварский колорит теперь ловко обыгрывался национал-социалистами, особенно часто вспоминали баварских королей Людвига I и Людвига II. По легенде, этот последний был сослан в Наттернберг, близ Деггендорфа, где жил в пещере, одинокий и всеми забытый, ожидая своего часа. Ежегодно в день его именин, бывший одновременно днем его рождения, седой монарх выходил

из своей каменной пещеры. Со снежно-белыми головой и бородой, сторбленный и печальный, медленно бродил он по проселочной дороге. У первого встретившегося ему спрашивал он гробовым голосом, при этом его глаза редко светле-ли: «Бавария еще вместе с Пруссией?» Спрошенный леденел от страха и дрожащим голосом отвечал: «Да!» После этого король еще ниже ронял голову и удрученный брел обратно к своему подземному обиталищу¹⁴. Так гласит легенда о королевской верности. Адольф Гитлер тоже не прочь был видеть себя чем-то вроде «сказочного короля» Баварии — в одном выступлении 1933 года в замке Нойшванштайн он говорил о себе даже как о исполнителе замыслов Людвига¹⁵.

30 июня 1934 года Отто Баллерштедт тоже стал одной из поздних жертв режима, как представитель баварских сепаратистов, которые, хотя и были замешаны в «путче Рёма», но поплатились за свои старые грехи. При удобном случае от них избавились.

«Партия – не Европейский союз!»

Летний кризис НСДАП в 1921 году

Летом 1921 года в НСДАП шла борьба мнений по вопросу – быть или не быть партии. Она началась с переговоров, проводившихся, вопреки ясно выраженному желанию Гитлера, с некоторыми конкурирующими партиями, прежде всего с Немецкой социалистической партией (ДСП), руководимой инженером д-ром Альфредом Бруннером. Уже в начале декабря 1920 года Бруннер говорил, что все национал-социалисты должны объединиться, *«чтобы не показывать миру картину разобщенности народа, только из-за того, что один фанатичный выскочка ведет себя как слон в посудной лавке»*¹. Под «выскочкой» Бруннер подразумевал Гитлера и добавил, что главный оратор НСДАП закончит манией величия. Адольф Гитлер рано заявил о себе как о непримиримом противнике объединений подобного рода. В этой ситуации Гитлер еще громче возвысил голос, так что уже в начале 1921 года на эту тему прошли многочисленные дискуссии, на которых Гитлера предлагали выдвинуть в руководство партии. Но Гитлер все еще отказывался. Соучредитель Немецкой рабочей партии Антон Дрекслер, человек достаточно умный, писал 13 февраля 1921 года экономическому теоретику партии Готфриду Федеру, что *«каждое революционное движение должно иметь во главе диктатора, поэтому я считаю нашего Гитлера наиболее подходящим возждем нашего движения»*². Возможно, из-за объединительных тенденций в партии еще в декабре 1920 года Гитлер мог «раз и навсегда» лишиться в ней каких-либо перспектив³.

В городе Цейц в марте 1921 года проходил совместный съезд ДСП и НСДАП. Намечалось, что на этом съезде обе партии объединятся в Немецкую национал-социалистическую рабочую партию. Штаб-квартиру партии намечалось

разместить в Берлине. Дрекслер соглашался с этим. То обстоятельство, что существованием успешной НСДАП будет пожертвовано в пользу новой партии, представлялось Гитлеру чудовищным. На одном заседании, посвященном этому вопросу, в середине апреля в Мюнхене Гитлер после долгих споров в резкой форме запретил любое продолжение дискуссии. Но Дрекслер и потом тайно вел переговоры на эту тему. Споры между ДСП и НСДАП шли в основном вокруг персоны Гитлера. По оценке британского биографа Гитлера Айэна Кершоу, Гитлер обнаруживал такие черты характера, как *«признаки неуверенности, нерешительности и непоследовательности. Повышенная чувствительность к критике в адрес своей персоны, неспособность вести дискуссию с привлечением рациональной документации, неконтролируемые вспышки темперамента, антипатия к-любому конструктивному анализу»*, были чертами «не цельной личности», они сопровождали Гитлера на протяжении всей его жизни⁴.

Гитлер, который всегда не переносил внутрипартийную демократию в любой форме, потребовал вхождения ДСП в состав НСДАП. Некоторые сторонники Дрекслера в партийном руководстве настаивали на объединении «всех арийцев» западных стран. Особенно яростный спор разгорелся вокруг книги д-ра Отто Диккеля «Воскрешение Европы» («*Auferstehung des Abendlandes*»), ставшую ответом на работу Освальда Шпенглера «Закат Европы» («*Der Untergang des Abendlandes*») и сумасбродства которой вызвали гнев Гитлера. Гитлер всегда оставался противником романтической игры в тайные союзы. Отто Диккель руководил в Аугсбурге организацией Рабочее объединение, тесно связанной с нюрнбергским отделением ДСП, которое возглавлял Юлиус Штрейхер. После съезда в Цейце Диккель тоже пытался объединить все националистические партии — конечно, под своим началом. В речи, посвященной первой партийной программе НСДАП, 24 февраля 1938 года Гитлер так вспоминал о противоречиях этого периода:

«Я тогда твердо решил порвать с той глупой точкой зрения, что „если взять разнородное, собрать его вместе, то из этого может получиться что-то сильное“. Я был убежден

тогда, что надо порвать с разнородным в пользу единого... Не имеет права на существование буржуазное представление, о котором многие тогда говорили, что якобы можно взять то, что есть, соединить это на конференции или на съезде, дать этому крышу вроде так называемых „Рабочего союза“ или „Рабочего объединения“, и эти абсолютно различные, действующие друг против друга подразделения породят что-то, способное определить судьбу Германии... Вы и сами знаете, что тогда в Германии существовало множество союзов и объединений, все они объявляли себя спасителями народа... Но верно только одно: должно существовать только единственное движение, которое выражает чаяния народа. Нельзя признать верным тезис о том, что на пути «Союза народных рабочих обществ» когда-нибудь можно достичь спасения нации, наоборот, мы должны понять, что победителем может стать только одно движение»⁵.

Уже в «Майн Кампф» Гитлер предупреждал «рабочие объединения»: «Величайшая ошибка — верить, что сила движения возрастает при объединении с другими, подобными ему. Любой рост таким путем означает вначале, разумеется, увеличение видимого размера, и поэтому, в глазах поверхностного наблюдателя, также — и силы, но в действительности, движение заражается зародышами внутренней слабости, проявляющейся позднее действенным образом. Хотя всегда можно говорить об однородности двух движений, в действительности таковой не бывает никогда. В противном случае это были бы не два, а одно движение. И неважно, в чем их различие, даже, возможно, они созданы руководителями с различными способностями, — но они уже есть. Согласно законам природы, любое развитие есть не присоединение второй, даже не одинаковой структуры, а победа более сильной структуры, и только путем возникающей при этом борьбы возможен рост мощи и силы победителя. При объединении со второй примерно одинаковой политической партийной структурой можно получить временные преимущества, но на длинном пути любой успех, добытый подобным способом, превратится в причину слабости, которая проявится позднее. Величие движения достигается исключительно мощным

развитием его внутренней силы — долгим подъемом к окончательной победе над всеми конкурентами»⁶.

По проблеме «рабочих обществ» он высказался так: *«Путем образования рабочего общества слабые союзы никогда не превратятся в сильные, а сильный союз нередко становится слабым. Мнение, что объединение слабых групп даст фактор силы, неверно, т. к. большинство в той или иной форме под любыми предложениями, как это видно из опыта, будет представлять глупость и трусость»⁷.*

В начале лета 1921 года Гитлер на шесть недель приехал в Берлин, чтобы установить связи с влиятельными кругами. Он познакомился с генералом Людендорфом и графом Ревентловым⁸. Гитлер искал в столице империи промышленников, способных пополнить хронически пустую партийную кассу и поддержать переживающую один кризис за другим газету «Фёлькише беобахтер». Он выступал в «Национальном клубе», вел переговоры с консервативными лидерами прусского парламента («Палата господ»)⁹. Затем он, узнав (вероятно, от Германа Эссера и Дитриха Эккарта) о развитии объединительных тенденций, срочно вернулся в Мюнхен¹⁰. А там уже тем временем, не известив Гитлера, назначили на август 1921 года в Линце большой партийный съезд всех национал-социалистических группировок. 10 июля 1921 года над Гитлером стали сгущаться тучи. В этот день в Аугсбурге состоялись предварительные переговоры по намеченному объединению партий. Еще до приезда в Аугсбург делегатов НСДАП, выступавших за объединение, туда прибыл Гитлер, встревоженный и вне себя от ярости. Когда выяснилось, что его с пылом защищаемая позиция не получает поддержки, он сознательно пошел на раскол движения и демонстративно покинул город. Дрекслер продолжил переговоры уже без Гитлера. Сам же Гитлер начал действовать с лихорадочной быстротой и сознательной бесцеремонностью, впоследствии обернувшимися секретом его успеха. 11 июля 1921 года напряжение разрядилось неожиданно резким жестом: Адольф Гитлер объявил о своем выходе из НСДАП, обоснование такого шага он дал в письме от 14 июля:

«11 июля я был вынужден подать председателю и комитету Национал-социалистической рабочей партии Германии заявление о моем выходе из партии. В настоящем письме я привожу объяснение причин, побудивших меня к подобному шагу. Национал-социалистическая рабочая партия Германии была, насколько я понимаю ее назначение, создана как национально-революционное движение. Поэтому она стоит исключительно на народном фундаменте, отвергает любую парламентскую тактику и даже вообще саму форму теперешнего парламентаризма. По типу своей организации она должна быть, в отличие от других существующих (так называемых) национальных движений, так обучена, построена и организована, чтобы в качестве острейшего оружия она могла вести борьбу против еврейско-интернационального угнетения нашего народа. Наконец, это социальная, вернее, социалистическая партия. В соответствии с уставом, ее штаб-квартира находится в Мюнхене и всегда должна там оставаться. Раз и навсегда. Ее твердая и нерушимая программа принята как клятва перед многотысячными народными массами на более чем ста народных собраниях и является гранитной опорной плитой.

До сих пор партия всегда обязывалась перед лицом народа заботиться о безусловной честности в своих рядах, неуклонно следовать основным принципам, решительно борясь с любыми отступлениями от них, не терпеть в рядах движения лицемеров и скрытых врагов, а безжалостно гнать их. Я вышел из движения, потому что эти пункты теперь нарушены. Я констатирую следующее.

Вопреки здравому смыслу и уставу партии, ее руководством подписан в Цейце контракт, согласно которому штаб-квартира партии переводится в Берлин. Несмотря на невероятный гнев руководства партии, мне все же удалось вмешаться и воспрепятствовать этому безумию. Тогда же я заявил, что, если подобные случаи повторяются, я сразу выйду из партии. Несмотря на это, 10 июля в Аугсбурге состоялись переговоры, на которых официальной делегацией партии не только подтверждено это предложение, но и оно даже расширено — поставить над всем движением исполнительный комитет, который не только расположится в Аугсбурге, но и практически

не сможет гарантировать, что основные принципы движения не будут нарушаться. Более того, дальнейшие переговоры должны вести господина, не имеющие никаких полномочий на это.

Хотя я перед отъездом в Берлин предостерегающе и недобрительно высказывался о книге „Воскрешение Европы“, автор книги тем не менее не только приглашен читать лекции членам нашего движения, но и облечен доверием руководить важными переговорами.

Тем самым этот человек, не только внутренне чуждый движению, но и являющийся его ярким противником, фактически занял в нем ведущую позицию. Я упрекаю руководство партии в том, что оно с неслыханной недобросовестностью не утрудило себя даже формально прочитать (не говоря уж о глубоком изучении) творение человека, которому оно предоставило возможность большого влияния на движение, поэтому я ставлю вопрос: как получилось, что руководство партии доверилось человеку, который написал следующее (из множества примеров я привожу лишь несколько)?

Страница 121: „Сейчас в Германии со зловещей быстротой развивается еврейский империализм. Это проклятие, навалившееся на нас. Только Англия избежала его. Там на первые роли все больше и больше выступает западная сущность. Ллойд Джордж, этот видный деятель внутренней и внешней политики, был достаточно мудрым, чтобы ограничить во время Мировой войны могущество еврейства. В течение своего срока правления он делал вид, что является подручным у Нортклиффа. Кто же в действительности был слугой, а кто хозяином, сегодня демонстрирует постоянно ускоряющееся освобождение Англии из-под еврейской кабалы“.

Или страница 242: „Только глупые и низкие могут считать правительство ответственным за печальное положение, в котором оказалась родина. Нельзя назвать немцем того, кто этих людей смешивает с грязью. Они выполняют свой долг, прилагают огромные усилия, мучаются, отдают все лучшее, у некоторых из них, наверно, сердце при этом обливается кровью. Весь народ должен благодарить их за то, что они вообще нашли мужество и желание выполнять свои функции в нынешней обстановке“.

Или страница 99: „Как противоположность Марксу, который, несомненно, был идеалистом, я признаю человека из высшего класса, чья чистота помыслов для меня не подлежит никакому сомнению: Ратенау. Несомненно, на него нападают не меньше, чем на других, и на тех же основаниях. Причины — те же. Как еврей он не может отрешиться от своего представления о судьбе и от своего интернационализма. Его книги дают ощущение, что он борется за чувство родины, как он сам твердо убежден в том, что думает по-немецки“ и т. д.

Я оставляю на усмотрение руководства партии взять себе, возможно, за труд проверку этих трех цитат. Это лишь самые безвредные.

Последнее абсолютно верное доказательство того, что создатель этой халтуры стоит на совершенно иной почве, чем на нашей, он дает сам. В Аугсбурге он требует отказа не только от нашего названия, но и от нашей программы, заменителем которой должна стать ничего не говорящая, рыхлая каучуковая конструкция, и, наконец, требует разжижения организации или ее разрушения тем способом, что на основании предварительно до мелочей разработанных планов хочет взять в свои руки руководство движением. Когда я после трехчасового испытания моего терпения хотел положить конец этим попыткам, но был вынужден покинуть зал, то присутствующие на заседании официальные представители партии не только не поддержали меня, а, напротив, продолжили переговоры дальше. При этом звучали предложения, которые нет смысла даже приводить, т. к., насколько мне известно, они уже обнародованы комитетом.

Я, наконец, утверждаю, что, несмотря на требование устава о безвозмездности партийной работы, на переговорах присутствовал оплачиваемый партийный чиновник. Мирясь с таким положением, партийное руководство потеряло ту опору под ногами, которая коренится в уставе, программе и, в первую очередь, в сердцах членов партии. К тому же добавляется полнейший отказ от тактических основ движения, который, я приведу только один пример из последнего номера газеты [Фёлькише] „Беобахтер“, настолько укоренился, что приветствуется даже германская общенациональная конференция как

знак начинающегося рассвета. Я больше не хочу и не буду находиться в рядах подобного движения.

Т. к. вчера мне со стороны I-го председателя партии по телефону передано предложение Дитриха Эккарта об урегулировании конфликта, я сформулирую здесь условия, от строгого выполнения которых я ставлю в зависимость мое возвращение в ряды движения.

1. Немедленный (не позднее чем через неделю, считая от сегодняшнего дня) созыв чрезвычайного собрания членов партии со следующей повесткой дня: действующий сейчас комитет слагает свои полномочия, при выборах нового комитета я требую пост I-го председателя с диктаторскими полномочиями по скорейшему созданию исполнительного комитета, который должен провести безжалостную чистку партии от проникших в нее сегодня чуждых элементов. В состав исполнительного комитета должно войти три человека.

2. Твердое закрепление основного положения, что штаб-квартира партии всегда будет находиться в Мюнхене. Что, наконец, пока движение не достигло такого размаха, при котором оно сможет выдвигать партийное руководство из своих рядов, руководить партией будет штаб мюнхенской группы.

3. Любое изменение названия или программы партии в дальнейшем запрещается по крайней мере на шестилетний период. Члены, нарушающие это положение, будут исключаться из рядов движения.

4. Любая новая попытка так называемого объединения между Национал-социалистской рабочей партией Германии и движением, неправоммерно называющим себя Немецкой национал-социалистской партией, не должна быть повторена в будущем. Для партии никогда не может стать необходимым объединение с теми, кто хочет вступить с нами в связь, приемлемо только их вступление в нашу партию. Какие-либо компенсации с нашей стороны при этом полностью исключены.

5. Какие-либо переговоры подобного рода могут быть разрешены только мною лично, так же как и выбор участников переговоров с нашей стороны.

6. Мы не участвуем в партийном съезде в Линце, как не имеем смысла.

Я формулирую эти требования не потому, что я рвусь к власти, а потому, что последние события убедили меня больше, чем когда-либо раньше, в том, что без стального руководства партия, даже и без внешнего изменения названия, в короткий срок перестанет быть тем, чем она должна быть, — Национал-социалистской немецкой рабочей партией, а не союзом западноевропейского типа»¹¹.

Для партии оратор и организатор Гитлер был незаменим. Он и его сторонники, в первую очередь Дитрих Эккарт, Фриц Лаубёк, Герман Эссер, Альфред Розенберг, Рудольф Гесс, Готфрид Федер и финансист д-р Готфрид Грандель, определяли в основном лицо движения. На письмо Гитлера от 14 июля последовал меморандум Дрекслера от имени всего руководства партии, в котором среди ссылок на критику Гитлером книги Диккеля есть также некоторые колкости в адрес Гитлера: *«Книга, объем которой не позволяет в короткое время проверить правильность всех ее положений, особенно людьми, целиком посвящающими день своим обязанностям, а потом еще выполняющими другую работу для движения... Комитет приветствует то, что Вы теперь хотите также войти в него и занять руководящее положение как официальное и ответственное лицо»¹².*

Это был ясный намек на отсутствие у Гитлера профессии. Далее восхваляется его редкий «ораторский дар» и выражается согласие предоставить ему «диктаторские полномочия». Однако и после этого ответа положение продолжало обостряться. На 29 июля было назначено чрезвычайное партийное собрание, в повестке дня которого стоял также пункт об исключении Гитлера из партии, предложенный главным редактором «Фёлькише беобахтер» Германом Эссером. Для Гитлера это был еще один знак о готовящейся против него борьбе. Снова он оказался перед лицом тяжелого кризиса. В этой ситуации он и его последователи объявили об еще одном партийном собрании — уже 26 июля. В тот же день он снова вступил в НСДАП (партбилет № 3680). Наконец, Дитриху Эккарту удалось уговорить Антона Дрекслера и других противившихся членов руководства и направить их «на верный курс». Еще одно замешательство вызва-

ла анонимная листовка, озаглавленная «Адольф Гитлер — предатель?». Наряду с самыми сильными ругательствами в ней можно было прочесть, что Гитлер ведет себя как «король Мюнхена» и имеет привычку к «чрезмерному общению с женщинами». Дрекслер и Гитлер теперь сообщили о совместном заявлении в суд против авторов листовки. Скоро их нашли — ими оказались члены партии, референт суда Бенедикт Сеттеле и торговец Эрнст Эреншпергер, причем последний финансировал все мероприятие.

Партийное собрание 29 июля поставило точку в этих спорах. За Гитлера проголосовали 553 из 554 присутствующих, избрав его председателем партии с диктаторскими полномочиями. Дрекслер пожизненно получил пост почетного председателя и был отстранен от руководства партией. В письме Гитлеру, написанном в январе 1940 года, но, по-видимому, не отправленном, он писал со все еще чувствующейся обидой:

«Никто лучше Вас, мой фюрер, не знает, что вы никогда не были седьмым членом партии, в лучшем случае — седьмым членом Комитета, в который я пригласил Вас на пост руководителя пропаганды. А несколько лет тому назад меня в одном партийном учреждении обвинили, что Ваш подлинный партбилет Немецкой рабочей партии, с подписями Шюслера и моей, подделан, — стерт номер 555, а вместо него вписан номер 7»¹³.

На историческом собрании 29 июля 1921 года Герман Эссер впервые назвал Гитлера «нашим фюрером».

После того как буря разногласий улеглась, Дитрих Эккарт поместил в «Фелькише беобахтер» хвалебную статью в адрес Гитлера: *«Мы придали импульс нашему движению; мы располагаем теперь гораздо большей ударной силой; в Мюнхене, ставшем теперь немецким городом, национал-социализм имеет не только преобладающее число сторонников, но и самую прямую линию действий; и мы все должны присоединиться к ней, стать в ряды тех, кто не числом, а энергией и ясностью цели близок нам... Гитлер взял наше дело в свой железный кулак, и теперь покончено с гвалтом»¹⁴.*

Рудольф Гесс закончил: *«Вы действительно были слепы и не видели, что этот человек воплощает в себе личность возж-*

дя, которая одна только может обеспечить проведение борьбы? Поверьте, что без него массы продолжали бы заполнять ресторан „Циркус Кроне“»¹⁵. Примерно год спустя он победил в конкурсе сочинений на тему «Каким должен быть человек, который снова поднимет Германию?», организованном немцем, живущим в Южной Америке, и Мюнхенским университетом, положив образ Гитлера в основу своего сочинения, которое закончил словами: «Мы пока еще не знаем, когда «человек» примется за дело спасения, но то, что он придет, чувствуют миллионы»¹⁶.

«1921-й год имел для меня и движения особое значение во многих отношениях, — многозначительно отметил Гитлер в «Майн Кампф»¹⁷. — Попытка группы народных мечтателей при значительной поддержке тогдашнего председателя партии взять в свои руки управление партией привела к краху этой авантюры, и общее собрание членов партии единогласно передало мне всю полноту руководства движением... 1 августа 1921 года я начал реорганизацию внутренней жизни партии»¹⁸. Серьезные исследователи, как, например, историк Карл Александр фон Мюллер, уже тогда заметили решимость Гитлера и страсть, которую он выплескивал на слушателей своим гортанным голосом. Мюллер предположил в нем присутствие «силы воли и способность вести за собой массы, внутренний „фанатизм“, который может привести к непредсказуемым политическим последствиям»¹⁹.

С избранием Гитлера на пост председателя НСДАП окончательно стала «движением Гитлера» и, значит, партией совершенно нового типа. Победа Гитлера была безусловной. Совершенно открыто он потребовал себе диктаторские полномочия. Отныне НСДАП будет организовываться и управляться в рамках строжайшей военной дисциплины. Так родился «миф о фюрере».

«Пишите свои письма на пишущей машинке!»

Борьба Адольфа Гитлера против Альбрехта фон Грэфе

В лице Альбрехта фон Грэфе Адольф Гитлер еще раз встретил представителя крупной буржуазии и аристократии, цилиндр и чопорные манеры которого постоянно раздражали его; Гитлер воспринимал эти круги как слишком костные и связанные нормами поведения, чтобы нравиться ему. Его звериный инстинкт — несмотря на восхищение этими кругами и тайное желание о его признании ими и о принадлежности к ним — давал ему возможность почувствовать фальшь и слабость подобного, как он их называл, «множества мумий». Он часто подчеркивал, что ни один слой общества не так глуп в политических вопросах, как аристократия.

Альбрехт фон Грэфе, называвшийся также «Грэфе-Гольдебее», родился 1 января 1868 года в Берлине, в семье знаменитого врача-окулиста. До 1900 года он служил офицером в кавалерии, а в 1899-м вступил во владение дворянским поместьем Гут Гольдебее, близ Кастлова, в Мекленбурге. В качестве такового он до 1918 года был членом Мекленбургского парламента. В 1896—1907 состоял на дипломатической службе, а в 1912 был избран депутатом Рейхстага от Немецкой консервативной партии. Во время Первой мировой войны он был призван в армию и воевал на фронте. В 1919 году Грэфе участвовал в национальном съезде Немецкой национальной народной партии (DNVP), проходившем в Веймаре, и с 1920 года постоянно избирался в Рейхстаг от этой партии. В 1922 году он вместе с Рейнгольдом Вулле создал Немецкую народную партию свободы (DVFP), руководителем которой он был вначале и которую представлял в Рейхстаге в 1922—1928 годах¹.

Молодой пропагандист Йозеф Геббельс в своем дневнике так описывает фон Грэфе, присутствовавшего на съезде в Веймаре 19 августа 1925 года: *«Фон Грэфе — высокий, узколицый, в черном сюртуке дипломата. Врожденный аристократ. Что-то декадентское. Чистый расовый тип. Наводит меня на мысль о породистой скаковой лошади»*². Позднее он добавил к этому *«произвел на меня сильное впечатление»*³. В своей книге «Вторая революция. Письма современникам» («Die Zweite Revolution. Briefe an Zeitgenossen») приводится письмо Альбрехту фон Грэфе, в котором речь идет о прояснении понятия народной диктатуры. Геббельс пишет, что мы живем в эпоху массовых движений. Но не им принадлежит будущее, а тем, кто их наполняет органической жизнью. В четком противопоставлении исторической морфологии Шпенглера Геббельс на место цезаризма реакции, являющегося «атавистической чепухой», выдвигает диктатуру социалистической идеи. И очень типично, что представления Геббельса направлены именно фон Грэфе: *«Мы исходим радикально из переоценки всех ценностей. Мы чтим и признаем традицию... Не мы закончим дело, не мы будем праздновать праздник победы и, улыбаясь, украшать головы лавровыми венками. Потому что мы к тому времени будем давно похоронены, сгоревшие и забытые... Мы своими жизнями проложим путь Идее. Придут другие, которые лучше умеют собирать урожай»*⁴.

Геббельс пишет о «Празднике победы», точно так же как это уже делал Эрнст Юнгер, тогда ведущий теоретик «нового национализма». Последний еще в ноябре 1925 года рассуждал: *«Никаких длинных речей, новая сотня бойцов для нас важнее, чем победа в парламенте. Иногда мы устраиваем манифестации, чтобы продемонстрировать нашу силу и чтобы не разучиться управлению массами. На эти митинги уже идут сотни тысяч»*⁵. Юнгер имел в виду ежегодно проводившиеся Дни фронтовика «Стального шлема», на которых этот крупнейший военный союз демонстрировал свою силу и временами выводил на парад до 130 тысяч своих членов. Кроме «Стального шлема» и гитлеровской НСДАП никто не мог организовать подобные массы людей, и уж конечно, не DVFP Альбрехта фон Грэфе.

Чтобы сконцентрировать все силы НСДАП в Южной Германии, Гитлер в 1923 году заключил тактический союз с партией Грэфе. В Северной Германии НСДАП была почти везде запрещена, тогда как на юге, в первую очередь в Баварии, ее оставили в покое. Гитлер предложил разделение работы: на севере DVFP должна влиять на национальные политические организации или полностью их поглотить, на юге доминирует НСДАП. Осенью 1923 года все яснее становилось намерение Гитлера – насильственно свергнуть веймарскую систему. Но из Северной Германии звучали предупреждающие голоса фон Грэфе и графа Эрнста цу Ревентлова, призывающие к разумным действиям: Гитлер вместе с командиром баварских войск фон Лоссовом не должен начинать военных действий, а терпеливо ждать молчаливого согласия Ганса фон Секта, командующего сухопутными войсками рейхсвера⁶. Однако Гитлер настойчиво требовал действий. В мюнхенском «Циркус Кроне» он заявил своим сторонникам 30 октября 1923 года:

«Для меня немецкий вопрос только тогда будет решен, когда черно-бело-красное знамя со свастикой поднимется над берлинским замком. Нет пути назад, только вперед. Мы все чувствуем, что час настал, поэтому мы не уклонимся от нашего долга, а как солдаты в бою выполним приказ: немецкий народ, вперед шагом марш!»⁷

9 ноября 1923 года Гитлер предпринял попытку государственного переворота, которую он, несмотря на полный провал, впоследствии характеризовал как величайшее счастье в своей жизни⁸. Альбрехт фон Грэфе также должен был маршировать во главе колонны демонстрантов⁹.

Гитлер, который после провала своей авантюры бежал на виллу своего друга Эрнста Ганфштенгля в Уффенге на Штаффельзее, незадолго до своего ареста сумел оставить записку Альфреду Розенбергу, в которой нацарапал карандашом: *«Милый Розенберг! С этого момента Вы возглавляете движение!»¹⁰* Под псевдонимом «Рольф Эйдхальт» (Rolf Eidhalt) – анаграмматически образованным из букв имени Адольф Гитлер (Adolf Hitler) – Розенберг пытался собрать оставшихся без вождя национал-социалистов. Сначала в подполье.

Еще до окончания судебного процесса над Гитлером члены запрещенной НСДАП объединились в две группы, в основанное Розенбергом Великогерманское народное общество (GVG), руководимое с 1 января 1924 года Германом Эссером и Юлиусом Штрейхером, и Народный блок, основанный Немецким народным союзом в Баварии. Последний несколько позднее вошел в Национал-социалистическое свободное движение (NSFB), действовавшее на всей территории рейха и впоследствии преобразованное в одноименную партию (NSFP). Ее возглавили Альбрехт фон Грэфе, генерал в отставке Эрих Людендорф и Грегор Штрассер¹¹.

Пока Гитлер, отбывавший заключение в тюрьме Ландсберга, был обречен на бездействие, конкурирующие между собой «фюреры» националистов пытались тянуть одеяло на себя. Эти годы характеризовались бесконечными личными ссорами и интригами. У Народного блока имелось слабое понимание идеи национал-социализма, он мыслил категориями парламентаризма — все это с трудом сочеталось с социал-революционной взрывной силой национал-социалистической идеи гитлеровского движения и было причиной многочисленных конфликтов, расколов и споров, ускоривших распад народной организации. Снова и снова поднимался вопрос об объединении групп и фракций, о назначении руководителем генерала Людендорфа и о неуверенной позиции Гитлера по отношению ко всем этим проблемам. На выборах в Баварский ландтаг 6 апреля 1924 года Народный блок добился существенного успеха. Гитлер из Ландсберга спокойно наблюдал за спорами, но критиковал участие в парламентских выборах и с неприятным чувством узнал, что и NSFP на парламентских выборах в мае 1924 года все же получила 32 места. Особенно хорошие результаты были на родине Грэфе в Мекленбурге. Устав от хаоса и осознания того, что из заключения нельзя эффективно влиять на политическое движение, если не сказать, руководить вообще, Гитлер в своем «Открытом письме» сложил с себя руководство НСДАП на срок своего заключения, отказался от всех полномочий и запретил писать ему и посещать его по политическим делам.

В одном письме Людольфу Хаазе, местному руководителю НС-ячейки, который посещал его в Ландсберге не меньше трех раз, Гитлер коснулся личности фон Грэфе:

«Высокоуважаемый господин!

Только что получил Ваше письмо от 14 июня и сразу же отвечаю. Сначала я должен сделать небольшое уточнение. Неверно говорить, что я полностью отклоняю объединение двух партий и выступаю против членов земельных союзов. Я говорил тогда членам союзов, что через партию Тюрингии мне было предъявлено в грубой форме требование об объединении, в ответ на это я передал требование его превосходительству Люддендорфу с моим замечанием, что я соглашусь с ним только тогда, когда появятся предпосылки для такого объединения, которые, по моему мнению, должны быть двоякими: во-первых — идеальное руководство, во-вторых — образование единой организации. Чтобы создать эти предпосылки, я попросил срочной встречи с господином ф. Грэфе. Сначала господин ф. Грэфе не хотел приехать ко мне, вместо этого было опубликовано разъяснение, которое я, думая тогда, что автором и инициатором документа является господин ф. Грэфе, посчитал нелояльным. Однако я ошибался, поскольку инициатором разъяснения был его превосходительство Людендорф, который верил, что переговоры между господином ф. Грэфе и мною дадут положительный результат. Наша встреча теперь уже состоялась, но с отрицательным результатом, господин ф. Грэфе не сказал мне о уже выпущенном сообщении.

Его превосходительство Людендорф, который теперь прояснил вопрос, предложил провести новую встречу в надежде, что на этот раз удастся выработать общую платформу. Фактически, особенно его превосходительством Людендорфом, мои требования, по крайней мере теоретически, признаны правильными, он их одобрил. Также господин ф. Грэфе изменил свою позицию в тех существенных моментах, которые могут возникнуть при объединении на правильных принципах. Т. к. переговоры еще не завершены, господин ф. Грэфе просил меня повлиять на то, чтобы в ближайшее время наше противоборство не помешало продолжению переговоров. Я подписал короткое воззвание в таком духе.

Таков ход событий. Как я вижу из целого ряда сообщений и заявлений, многочисленные местные группы и отдельные союзы полностью отвергают объединение с Партией свободы. Наконец, я узнал об исключении из движения многих старых партий-геноссе на съездах, основания созыва которых мне не ясны.

При таких обстоятельствах я не могу отсюда контролировать дела или даже брать на себя ответственность за что-либо. Поэтому я решил временно уйти от открытой политики, пока возвращенная мне свобода не даст возможности вести действительное руководство. Я должен Вам разъяснить, что отныне никто не имеет права делать заявления от моего имени. Также я прошу, начиная с этого момента, не направлять мне писем политического содержания.

С истинно германским пожеланием благополучия и приветом Вам лично и другим господам преданный сердечно Адольф Гитлер»¹².

Растерянность в национал-социалистических и националистических кружках была полной. Лишь спустя два дня после опубликования в печати «Открытого письма» Гитлера о его отходе от любой политической активности, Грэфе и Людендорф поспешили официально принять на себя руководство движением «до того дня, когда выйдет на свободу герой Мюнхена и снова третьим войдет в их комитет»¹³.

В этой связи Айэн Кершоу заметил: «В конце лета процесс распада НСДАП и Народного движения продолжался, несмотря на все речи о слиянии и единстве. Грубый, оскорбительный, тиранический стиль руководства Штрейхера и Эссера вызывал горькую неприязнь даже внутри Великогерманского народного сообщества (GVG), приводил к резким противоречиям с Народным блоком, вождь которого в Баварии Грегор Штрассер входил также в состав высшего руководства NSFB, и к полному отчуждению национал-социалистов от политических организаций Северной Германии. Последние не признавали руководства NSFB, которое, в свою очередь, оспаривало какой-либо авторитет правления. Из внутривнутрипартийной борьбы только позиция Гитлера вышла упрочившейся. Осенью траншеи Народного движения стали только глубже... В отсутствие

(Гитлера) политика движения развалилась, в то время как его личные притязания на руководство в той же мере усилились»¹⁴.

После досрочного освобождения Гитлера из тюрьмы в декабре 1924 года Грэфе и Людендорф сложили с себя руководство NSFP и снова анимировали старую DVFP, которая еще сильнее, чем когда-либо, стала выступать за реставрацию монархии.

Вальтер фон Корсвант, ставший позднее на короткое время гаулейтером Померании, так выразил распространившееся тогда настроение:

«Лучше, если один вождь, которому доверяет большинство, не справится с задачей, чем метания туда-сюда многих вождей, каждый из которых хочет что-то другое. Теперь я верю только в божественное провидение Гитлера, которого я никогда не видел лично, но верю в то, что господь просветлит его найти правильную дорогу из этого хаоса»¹⁵.

В заявлении NSFB, появившемся в январе, говорилось, что больше нельзя допускать прежнего авторитета Гитлера в народном движении. В этом таится опасность того, что Гитлер впадет в «ультрамонтанизм». Руководители народного движения намекали на то, что они вообще не считают Гитлера политиком, что его можно только использовать в качестве «барабанщика»¹⁶. Но Гитлер не реагировал на подобную агитацию. Герман Фобке, нацистский функционер в Гёттингене, говорил северогерманским национал-социалистам после встречи с Гитлером в конце января 1925 года:

«Гитлер не собирается заключать союз с Партией свободы. После того как его условия, выдвинутые в начале прошлого года, были отклонены, для него больше нет вопроса об объединении. У Гитлера... нет никаких личных отношений с Грэфе»¹⁷.

На упрек, что Гитлер не ответил на одно из писем фон Грэфе, Фобке отвечал, что Гитлер не видит никакого смысла, потому что фон Грэфе для него не представляет интереса.

27 февраля 1925 года Адольф Гитлер заново создал НСДАП. На грандиозном собрании в мюнхенской пивной «Бюргербройкеллер», на котором присутствовала даже Винифред Вагнер, Гитлер выступал за «единство», но без ма-

лейшего отхода от своего мессианского притязания на руководство, в котором он теперь был убежден больше, чем когда бы то ни было раньше:

«Если кто-нибудь собирается вступить в партию на каких-либо „условиях“, тот плохо меня знает. Я девять месяцев был лишен возможности говорить; теперь я веду за собой движение и никто не может ставить мне условий; если же придут господа и один из них скажет мне, я ставлю условие, другой поставит другое условие, я дам лишь один ответ: остановись, друг, и послушай мои условия. Я не хочу, чтобы кто-то ставил мне условия, пока я лично несу ответственность. А я несу полную ответственность за все, что делается в этом движении»¹⁸.

Мало-помалу тактический расчет Гитлера и, не в последнюю очередь, его сила воли побеждали. Перед персоной Гитлера умолкали различия мнений по стратегическим вопросам, споры разных фракций между собой или даже личные раздражения, которые часто вообще не имели ничего общего с «идеологией». Он олицетворял собой непререкаемый авторитет. Для противодействия воле Адольфа Гитлера не существовало в глазах почти всех национал-социалистов никакого внутреннего оправдания и никакого внешнего одобрения. Культ фюрера скоро обрел собственную динамику. Именно он, правда с большими трудностями, обеспечил сплоченность партии. Георг Франц-Виллинг резюмировал: *«Гитлер сделал для себя вывод из своего опыта со старой партией и путча — полный разрыв с правыми буржуазными политиками. Он показал это на личном примере в своих отношениях с Людендорфом, Грэфе... и Антоном Дрекслером»¹⁹.*

В феврале 1926 года близкий к DVFP Национал-социалистический народный союз организовал собрание в парадном зале мюнхенской пивной «Хофбройхауз», на котором основными докладчиками намечались Грэфе и Ревентлов. Это собрание национал-социалисты сорвали в присутствии Гитлера, слово сразу захватили Герман Эссер и Юлиус Штрейхер. Национал-социалисты громкими выкриками и пением боевых песен мешали говорить Ревентлову, полиция вынуждена была вмешаться и закрыла собрание²⁰.

«Фёлькише беобахтер» язвительно заметила в репортаже, озаглавленном «Расплата с врагами национал-социализма»: «Показательный способ нашли „возжди“ и ораторы Народного союза для спасения от возбужденной массы — они покинули зал через черных ход и под защитой полиции»²¹.

Ожесточенные стычки между членами Народного союза и национал-социалистами, а в персонифицированном аспекте — между Грэфе и Гитлером, достигли кульминации в «Открытом письме» Грэфе к Гитлеру, опубликованном в газете «Мюнхен аугсбургер абендцайтунг»²². После этого Гитлер счел себя обязанным сделать ответный ход и тоже выступил с «Открытым письмом» к Грэфе. На собрании НСДАП 12 марта в Мюнхене он огласил сообщение в полицию: «Господа Грэфе и Ревентлов не могут увернуться от двух вопросов. Первый — клевета о том, что он (Гитлер) состоит в союзе с Римом, который связан с баварским правительством. Ревентлов и Грэфе еще ответят за эту клевету»²³.

А 16 марта он заявил: «Несколько дней тому назад газета „Мюнхен аугсбургер абендцайтунг“ напечатала открытое письмо фон Грэфе, адресованное мне, ответ на которое я дам на завтрашнем открытом собрании в Бюргербройкеллер. Я уверен, что, когда я смогу выступить сам (в это время еще действовал запрет на публичные выступления Гитлера. — Прим. авт.) и приглашу послушать этого господина, ему не хватит мужества явиться. Поэтому мне не остается ничего другого, как по мере надобности записывать мои защитные речи и давать зачитать или опубликовать их другим руководителям партии»²⁴.

Это разъяснение прочитал вслух гаулейтер Адольф Вагнер, голос которого был очень похож на голос Гитлера²⁵. «Открытое письмо» Гитлера стало в известной степени началом целой серии общественных разъяснений, направленных против неугодных ему современников, которые по стилю и содержанию напоминают его ответ на выступление в Рейхстаге 23 марта 1933 года социал-демократа Отто Велса против закона о полномочиях и предшествуют лобовой атаке на президента США Рузвельта, предпринятой Гитлером в его знаменитой речи 28 апреля 1939 года, где он в стиле

блестящей риторике ответил на телеграмму американца, содержащую резкие выражения.

19 марта 1926 года в газете «Фёлькише беобахтер» было опубликовано «Открытое письмо к господину фон Грэфе» Гитлера:

«Глубокоуважаемый господин фон Грэфе,

*Ваше так называемое „Открытое письмо“, которое Вы со-
благоволили направить мне, вынудило меня после почти двух-
летнего молчания тоже отвечать публично. Прежде чем я пе-
рейду к поставленному вопросу об инциденте на собрании 24
февраля 1926 года в зале мюнхенской „Хофбройхаус“, я не могу
не осветить коротко предысторию нашего развития. Она ис-
ключительно важна для понимания этих последних событий.
После краха 1918 года в Мюнхене была создана Национал-соци-
алистическая немецкая рабочая партия. Основателем и первым
председателем партии был господин Карл Харрер. Когда в сен-
тябре 1919 года я вступил в движение, то стал членом партии
№ 7. Программа партии тогда еще не существовала официаль-
но. Не намного яснее виделись тогда и основные принципы, ко-
торые, кроме того, в существенных моментах не совпадали с
нашим сегодняшним пониманием, например еврейский вопрос. С
другой стороны, отсутствовали принципиальные представле-
ния о парламентаризме, его вредности и т. п. Перед моим вступ-
лением в „Клуб шести“ еще не практиковалось проведение от-
крытых собраний. Самым большим собранием была лекция гос-
подина Готфрида Федерера, проведенная в так называемой
„комнате отдыха“ „Штернэкер-Бройс“ в Мюнхене. Я пришел
в партию уже после этого собрания. О дальнейшем развитии я
писал в конце первого тома моей книги „Моя борьба“.*

*Здесь я хотел бы подчеркнуть, что любая деятельность по
привлечению новых членов как таковая в маленькой орга-
низации до моего прихода отсутствовала; все, что случилось
позднее, было результатом моей деятельности; прежде все-
го, я целеустремленно руководил пропагандой, а устные вы-
ступления на девять десятых лежали на моих плечах. Именно
в эти месяцы первых политических схваток нашего движе-
ния господин Дрекслер не только не выступил на передний*

фронт борьбы, но и не мог этого сделать. Кто знает тогдашнюю обстановку и историю возникновения нашего движения, тот не может не улыбнуться, читая то, что Вы, господин фон Грэфе; пишете об Антоне Дрекслере, который передо мной „мужественно развернул знамя национал-социализма в Германии“ . Кто выступал тогда за пределами Мюнхена? Я и только я, уже позднее пришел второй оратор — едва достигший двадцатилетнего возраста юный Эссер. Независимо от нас в Нюрнберге выступал Юлиус Штрейхер. То, что Вы, господин фон Грэфе, пришли к такому ошибочному суждению, можно объяснить, впрочем, моей виной, а именно, из-за моей действительно излишней сдержанности в этом случае. Моей виной было то, что я, по крайней мере, выступая публично, мог создать впечатление, что господин Антон Дрекслер не только был основателем движения, но и внес в него значительный вклад.

В эти годы, глубокоуважаемый господин фон Грэфе, лишь я, и долгое время в одиночку, отважился плыть против течения, против наших партий, справа и слева, занял собственную позицию и на многочисленных собраниях и митингах излагал и распространял основные положения национал-социалистического мировоззрения. Я тогда выработал запас слов, которым позднее стало пользоваться так называемое «рабочее движение», причем уже не вспоминая об авторе, вернее; не желая вспомнить. Это было также время, когда я проповедовал необходимость уничтожения классовых противоречий или, точнее, классовой борьбы, в то время как Вы, господин фон Грэфе, сами были еще членом чисто классовой партии. Это было время, когда я постоянно говорил о необходимости решительной борьбы с марксистским надувательством народа и твердо требовал завоевания умов интернационально настроенных немецких рабочих в направлении чисто немецких интересов и общности немецкого народа — как единственной и важнейшей предпосылки восстановления свободы немцев.

Независимо ни от кого бы то ни было, опираясь только на собственные возможности и собственную силу, юная Национал-социалистическая рабочая партия Германии из небольшой ячейки превратилась в широкое движение.

Когда я в 1922 году выступал в „Национальном клубе“ в Берлине, я впервые познакомился с Вами, господин фон Грэфе. Вы тогда были представителем Немецкой национальной народной партии, т. е. членом движения, имевшего характер классовой партии.

Тогда у Вас, господин фон Грэфе, были другие взгляды, которые, как Вы уверяли, соответствовали моим. Сегодня же Вы отстаиваете необходимость полного единства так называемого „народного движения“. Позвольте задать Вам один вопрос, господин фон Грэфе: почему Вы еще в 1922 году не отстаивали это убеждение? Вы знали тогда Национал-социалистическую немецкую рабочую партию, Вы знали ее устремления и ее учение, Вы знали меня как ее вождя и Вы увлекаетесь необходимостью единства народного движения, почему же Вы, господин фон Грэфе, тогда не сделали логический вывод из Вашего внутреннего представления? Почему Вы тогда не могли признать право на приоритет созданного движения и войти в него, чтобы оформить в нем это единство? Почему Вы тогда делали прямо противоположное и образовали свою собственную, новую партию, если Вы есть и были проникнуты идеей необходимости единства народного движения? Нет, господин фон Грэфе, эта убежденность о необходимости слияния двух структур появилась у Вас лишь тогда, когда у Национал-социалистической немецкой рабочей партии не стало вождя, а у Вас за собой не было никого. Потому что ситуация в ноябре 1923 года была такова:

Национал-социалистическая рабочая партия Германии только недавно создана как народное движение. Она насчитывала в своих рядах сто тысяч и более самых преданных сторонников, но, несмотря на это, она имела лишь немногих вождей. Все руководство партии не пришло из других партий, а поодиночке вышло из широкой народной массы, чтобы в ходе жесткой борьбы добиться права на свое признание. Юное движение испытывало нехватку руководителей, тогда как Ваше движение, господин фон Грэфе, тогда страдало от нехватки сторонников. Потому что, в противоположность нам, Ваше движение, по большому счету, было нечем иным, как отщепенением неудовлетворенных вождей существующих политических

партий правого крыла. Все, что Вы имели, — это некоторое число руководителей, чего Вам не хватало, — это массы сторонников. Армия из одних генералов, но без солдат!

Если Вы сегодня, господин фон Грэфе, объясняете, что мое имя на севере назвали впервые Вы сами, то следует уточнить, что тогда Вы на севере не имели других сторонников, кроме отдельных недовольных немецких националистических элементов. Именно это было причиной, приведшей Вас тогда в Мюнхен с просьбой, разрешите напомнить, о «временном», как Вы тонко выразились, приеме в Немецкую народную партию свободы группы сторонников национал-социалистического движения, оставшихся без организации после запрета. Впрочем, господин фон Грэфе, вы тогда нуждались в моем имени. Одно только пропагандистское использование моего имени привлекло к Вам тогда сторонников. И это было основанием для поступка, за который Вы сегодня особенно должны благодарить меня, хотя бы для вида.

Тогда, господин фон Грэфе, когда я лично руководил Национал-социалистической рабочей партией Германии, не было заметно чьего-либо желания говорить о необходимости единства, была видна лишь забота о размежевании областей текущих интересов. Изменение Ваших представлений произошло только в тот самый день, когда меня поместили в Ландсберг, а другие руководители частью лежали перед «Фельдхерренхалле», частью находились под арестом или в заключении, частью в изгнании. Тогда национал-социалистическое движение одним ударом оставили полностью без руководства. Естественно, в этот момент Вы, господин фон Грэфе, великодушно и дальновидно стали заботиться о слиянии, при котором Национал-социалистическая рабочая партия Германии должна дать массы, а Немецкая народная партия свободы щедро дает вождей.

Однако господин фон Грэфе, я с первого же дня занял твердую позицию против такого бракосочетания. Даже мысль о том, чтобы передать мое старое великолепное народное движение в руки парламентской клики вождей, в дни моего заключения для меня была столь же невыносимой, как сама потеря свободы. Поэтому я тогда категорически потребовал,

чтобы слияние обоих движений стало возможным лишь тогда, когда дело национал-социализма, представления национал-социализма станут полностью господствующими, или руководство партии в принудительном порядке вырастет из национал-социалистического корня.

Но против этого были Вы, господин фон Грэффе. Как ни мало Вы тогда были расположены к органическому единству, тем не менее Вы посетили меня в Ландсберге в присутствии депутата Федера с предложением создать два партийных руководства, одно северо- и другое южно-германское. То есть без разделения на Партию свободы и Национал-социалистическую, но одна партия на севере и юге, удерживаемая лишь общей группой личностей, так называемым рейхсфюрершафтом, не имеющим никакой исполнительной власти и организационных основ. Во время этого разговора, который я после вашего унижительного предложения резко пресек, Вы, впрочем, осторожно умолчали о том, что этот вопрос уже давно стал несостоятелен, поскольку несколькими днями раньше в Берлине всему миру было сказано о моем одобрении, даже желании объединения. Подобная неслыханная нелояльность была причиной того, почему Вы, господин фон Грэффе, тогда не приняли меня. Далее, это стало причиной моего решения немедленно сложить с себя полномочия руководства Национал-социалистической рабочей партией Германии. Я, беспомощно закованный в Ландсберге, не имел больше желания разрешать, чтобы мое имя использовалось против моих целей. Чтобы помешать нелояльному использованию моего имени, со дня объявления о моем сложении полномочий руководства я больше не принимал политических посещений и не отвечал на политические письма.

Как человек, который многолетней работой создал национал-социалистическое движение, который не в состоянии видеть ловкий трюк [именно так!], который долгое время находится в тюрьме, я мог потребовать лишь одного: чтобы моей работе и моим жертвам отдавалось уважение, а окончательное решение спорного вопроса было передвинуто на будущее, пока я не выйду на свободу или появится определенность в продлении срока моего заключения, то есть до 1 октября 1924 года. Любой достойный человек может проверить, как должен оце-

ниваться подобный шаг, как это сделал веймарский съезд²⁶. Человек многолетней и многотрудной работой создал большое движение, за которое, в конце концов, попал в тюрьму. По своему внутреннему убеждению он ярый противник изменений, касающихся созданного им движения. Не думая об этом, не ждут три месяца, а идут через голову основателя движения, ставят вопрос на повестку дня и протаскивают решение, диаметрально противоположное воле и взглядам основателя движения... Как уже сказал, я передаю оценку лояльности этих действий на усмотрение любого порядочного, думающего человека. Несмотря на все это, тогда я строго избегал хотя бы одним словом вмешиваться в происходящее. К сожалению, мои опасения оправдались. Менее чем через два месяца движение развалилось. Большинство руководителей прежней НСДАП было выброшено без всякой мысли об опустошительных последствиях для всех сочувствующих. В этом так называемом едином лагере борьба бушевала более яростно, чем за его пределами. Органы печати объединенного движения считали себя обязанными обмениваться с противной стороной руганью и низкопробными оскорблениями, а сам рейхсфюрершафт был лишь большим прикрытием, под защитой которого любой карлик занимался личными делишками, по большей части, разжиганием вражды.

Однако в это время, когда все разваливалось, каждая из сторон, естественно, хотела иметь мое решающее слово. Господин фон Грэфе тоже озаботился этим. Вы тогда написали мне письмо в Ландсберг, господин фон Грэфе. И не перед самым веймарским съездом, с вопросом, как я отношусь к запланированному объединению, а значительно позднее, а именно тогда, когда приблизились выборы в Рейхстаг и в Вашем полном предчувствии сердце при виде раздробленного «единого движения» стало подниматься страшное убеждение в возможности грядущей катастрофы. Вот тогда только, господин фон Грэфе, вы снова вспомнили меня. Теперь Вы ждете от меня, что я поправлю ущерб, который Вы и ваши парламентарии от Партии свободы нанесли движению. Я должен теперь присягнуть на верность борьбе, которую Вы сами вызвали. Т. к. так называемое объединение проводилось против моей воли, то я в

нем ничего не понимаю; поскольку теперь наступили последствия и новые парламентские выборы вызывают неизбежный страх в вашем парламентском сознании, я всегда останусь верным другом, который встанет перед массами, чтобы успокоить смятение, ранее сотворенное Вами.

К тому же, господин фон Грэфе, раньше я был слишком добрым, таким остаюсь и сегодня. Письмо было для меня тяжелейшим обвинением, какое только может быть. Господин фон Грэфе посчитал необходимым, со знакомыми парламентскими слезами в глазах, бросить мне упреки по поводу моих друзей, и это тогда, когда я в крепости, если не сказать, в цепях, пришел к некрасивому решению — моих лучших друзей отдалил от меня и больше не принимал посетителей. Жертва, всю величину которой может понять только тот, кто сам находился в подобном положении. Наконец, мое терпение и добродушие тоже не безгранично.

Господин фон Грэфе имеет такие же права, как любой другой. То, что я не ответил на это письмо, по человечески было оправдано, это позднее подтвердил сам господин фон Грэфе. Потому что в день, когда он оглашает частные письма, он дает их авторам право начиная с этого момента открывать публике стиль и содержание его собственных писем, как будто они предназначены для всех, и так называемые „кровоточащие сердца“ делать хитрым трюком, придуманным для того, чтобы честному человеку в один прекрасный день возбуждать широкую общественность.

Вы вынуждаете меня дальше общаться как с другом с человеком, который оглашает частные письма с политическими целями, чем уличаете меня в бесхарактерности, которой я старался избегать в национал-социалистическом лагере. После выхода из заключения я повторно основал Национал-социалистическую немецкую рабочую партию и на большом примирительном митинге объединил все, что действительно едино в вере и воле. Этот процесс прошел без единого выпада против инакомыслящих, наоборот, я был готов по устной договоренности идти с ними общим путем, если они также идут вместе.

С 27 февраля 1925 года и до конца осени этого года Нацио-

нал-социалистическая рабочая партия Германии поддерживала согласие. Газета „Фёлькише беобахтер“, центральный орган движения, не напечатала ни одного слова против инакомыслящих. Напечатаны бесчисленные миллионы листовок, сотни тысяч брошюр, специальные выпуски и т. д., даже без упоминания так называемого „народного“ лагеря. На бесчисленных массовых собраниях не было призывов к борьбе против красных, как когда-то прежде. Только в этом году проведено более двух тысяч трехсот больших собраний. К этому надо прибавить также свыше трех с половиной тысяч выступлений, получится в три раза больше, чем у Вас, господин фон Грэфе, и лучше, чем у Национал-социалистического народного союза, направленных против или в сторону от направления вашего движения. А почему? В то время, когда мы вели борьбу на внешнем фронте, Немецкая народная партия свободы видела свою миссию в борьбе против нас. Если Вы сегодня, господин фон Грэфе, говорите о „взаимопонимании“ и „взаимной требовательности“, то я спрошу Вас коротко, придерживались Вы «взаимопонимания» и «взаимной требовательности», когда в «рейхсварте» ваш друг Ревентлов изрекал бесстыдную ложь обо мне; было с Вашей стороны «взаимопонимание», когда Вы на севере по всему движению распространили ложь о том, что я якобы заключил с Римом мирное соглашение, сотрудничаю с иезуитами, нахожусь в союзе с Баварской народной партией и объединился с клерикалами, вступил в связи с баварским правительством, обручен с ультрамонтанной дамой (евреи называют ее еврейкой), и т. д. и т. д.

Нет, господин фон Грэфе, я принимаю это как клеветническое очковтирательство, которое Вы демонстрируете. С подлинно ослиным терпением мы месяц за месяцем выслушивали оскорбления и ложь из Вашего и Ваших друзей лагеря, несмотря на Вашу дружбу со мной когда-то, и не предпринимали ответных мер. Не поступайте так, господин фон Грэфе, как будто Вы только что свалились с луны и не знаете, что творится здесь на Земле. Вытрите свои парламентские слезы, они совершенно на меня не действуют, и поймите, наконец, что факты таковы:

1. Еще прежде, чем была образована Национал-социалистическая рабочая партия Германии, Адольф Гитлер уже был известен как великий оратор и политический деятель. Он был избран в рейхстаг в 1924 году, а в 1928 году стал депутатом рейхстага от Национал-социалистической рабочей партии. В 1930 году он был избран в рейхстаг от Национал-социалистической рабочей партии. В 1933 году он был избран в рейхстаг от Национал-социалистической рабочей партии. В 1934 году он был избран в рейхстаг от Национал-социалистической рабочей партии. В 1935 году он был избран в рейхстаг от Национал-социалистической рабочей партии. В 1936 году он был избран в рейхстаг от Национал-социалистической рабочей партии. В 1937 году он был избран в рейхстаг от Национал-социалистической рабочей партии. В 1938 году он был избран в рейхстаг от Национал-социалистической рабочей партии. В 1939 году он был избран в рейхстаг от Национал-социалистической рабочей партии. В 1940 году он был избран в рейхстаг от Национал-социалистической рабочей партии. В 1941 году он был избран в рейхстаг от Национал-социалистической рабочей партии. В 1942 году он был избран в рейхстаг от Национал-социалистической рабочей партии. В 1943 году он был избран в рейхстаг от Национал-социалистической рабочей партии. В 1944 году он был избран в рейхстаг от Национал-социалистической рабочей партии. В 1945 году он был избран в рейхстаг от Национал-социалистической рабочей партии.

тическая рабочая партия Германии 27 февраля, Вы сами, господин фон Грэфе, с Вашими друзьями Ревентловом, Вулле, Кубе, Хеннингом и т. д. развенчали рейхсфюрершафт в такой же личной форме, в какой Вы упрекали меня.

2. В этот же день Ваша пресса распространила против меня бесстыдную ложь, которую Ваш друг господин граф Ревентлов поведал всему миру в „рейхсварте“, что я лично назначил двух депутатов, что я состою в союзе с Римом, заключил мирный союз и т. д., то есть обвинил меня в клерикализме. Кто может изучить всю бесчисленную ложь, появившуюся с тех пор против меня и моих соратников в Ваших газетах, господин фон Грэфе?

3. Мюнхенский филиал Вашей организации „Национал-социалистический народный союз“ одно за другим проводит собрания, посвященные травле меня и моих соратников, вечера дискуссий постоянно и почти исключительно занимались нами до тех пор, пока, наконец, лопнуло терпение у наших сторонников и они перешли от пассивности к сопротивлению. Впрочем, дорогой господин фон Грэфе, вдруг стали меняться темы выступлений Ваших сторонников, и вместо „Гитлер и его круг“ теперь говорят „от Локарно до Женевы“, и т. д., и т. д.

4. Ваша вюртембергская организация неустанно занималась распространением лжи и клеветы обо мне. А центральный орган этой длительной и лживой кампании, так называемый «Народный герольд», не выпустил ни одного номера без какой-либо лживой подковырки или оскорбительного замечания. Что касается собственно собрания в „Хофбройхаусе“, то господин граф Ревентлов не мог упустить случая намекнуть на какую-то совместную работу с клерикалами, проводимую исподтишка, он полагает, что „Байерише курир“ и т. д. еще перед появлением воззвания в „Фёлькишен беобахтер“ могли знать наше воззвание и комментировать его! Совершенно бесстыдная ложь, все от А до Я — неправда. Только цель оправдывает средства.

5. Публикации «Национал-социалистического народного союза» или его сторонников происходят в действительности не из желания достичь взаимопонимания, а скорее из адской ненависти к Национал-социалистической немецкой рабочей партии. Разве может брошюра „Гитлер и его круг“, кото-

рую тепло приняла ваша печать, вызвать прилив любви к общему движению, почтенный господин фон Грэфе?²⁷ Или Вы об этом ничего не знаете? Это ускользнуло от Ваших кротких слезоточивых глаз? Я могу продолжать примеры до бесконечности. Потому что для меня действительно бесконечно много стоит, когда я отказываюсь от однажды принятого решения и перехожу к противоположному. 27 февраля я решил не произносить ни одного слова, которое каким-то образом может выглядеть как борьба. Но сегодня, господин фон Грэфе, я хочу решительно выступить против клеветнической тактики Вашего движения. Двенадцать месяцев привели меня к убеждению, что результат моей первой позиции не прекратил борьбы, а скорее потребовал ее.

Это убеждение Вы можете, господин фон Грэфе, приписать событиям 24 февраля. Впрочем, я сразу же здесь хочу указать Вам, что происходило в этот день у Вас и у нас: Ваше намерение, господин фон Грэфе, было оформить юридически основание движения на ежегодном съезде, чтобы продемонстрировать всему миру победоносное продвижение вперед Немецкой народной партии свободы, а наше намерение было: задать всего лишь пару вопросов господину графу Ревентлову, а именно:

1. Продолжает ли господин граф отстаивать свою прежнюю клевету о том, что „я заключил мир с Римом“ и т. д.,

2. Если нет, готов ли он теперь отказаться от нее с выражениями сожаления, и если тоже нет, то как Ваше собрание оценивает этот поступок господина графа — как порядочный или как низкий.

Хитрый господин граф учуял, что запахло жареным, и из смертельного страха и ужаса перед разоблачением проявил не свойственный ему героизм: ни при каких обстоятельствах не дал слова господину Эссеру. Теперь каждый, кто наблюдает за деятельностью Немецкой народной партии свободы в других местах, может подтвердить, что это собрание является крупной провокацией. Вы, господин фон Грэфе, никогда не завоевывали раньше признание народа в Мюнхене [именно так!], совсем не нужно этого делать и сегодня. Эту борьбу мы у Вас отняли, сегодня начинаем ее снова. Должен признаться, я удивился, увидев вдруг, что Вы начали борьбу в Мюнхене, так как

не могу вспомнить, чтобы встречал Вас или господина графа в городе, который Вы мечтаете завоевать. Почему Вы, господин фон Грэфе, в высшей степени расточительно растрачиваете свои драгоценные силы в Мюнхене, а не в Берлине? Если я не ошибаюсь, сейчас в Берлине 350 000 коммунистов. Это было бы широким полем деятельности для людей редкой храбрости, таких как Вы и Ваши друзья. Если бы я сидел в Берлине и имел такую же как Вы, господин фон Грэфе, свободу выступать [именно так!], то делом моей чести было бы изменить столицу рейха, а не бежать в Мюнхен, чтобы там собирать хлебные семена, которые лежат под столом национал-социалистического движения.

Но постановка вопроса требует немедленного ответа на него. Вы, господин фон Грэфе, как и господин граф Ревентлов, еще не завоевали душу народного движения, а вечно обворовываете другие партии. Вы не победитель, Вы собиратель недовольных и кляузников, прежде всего собиратель тех, кто ненавидит дисциплину и поэтому чувствует себя вольготнее в Вашей неразберихе, чем в организации с прочной структурой. Поэтому, мой глубокоуважаемый господин фон Грэфе, что же теперь [именно так!] в действительности является программной основой всех Ваших нынешних действий? На это Вы сами уже ответили: Вы хотели бы собрать вместе людей, которые сегодня по каким-либо соображениям не хотят признать ведущую роль национал-социалистического движения. Да, господин фон Грэфе, это не только основа Ваших сегодняшних действий, но и всей Вашей народной деятельности вообще. Собирать людей, которых не могут больше терпеть в других народных движениях и союзах и изгоняют оттуда, или они сами уходят, а также кляузников и недовольных.

Впрочем, это более легкая задача, поскольку когда-то уже была создана Национал-социалистическая немецкая рабочая партия. В 1919 году мы уже боролись за души нашего растерянного народа, когда Вы, господин фон Грэфе, еще вольготно себя чувствовали в немецком национальном лагере. И в 1920 году я каждую неделю, а иногда дважды, трижды или четырежды поднимался на трибуну собрания и говорил до потери голоса с массой, которая не раз приходила для того, чтобы из-

бить нас, чтобы через три или четыре часа идти домой, более или менее изменив свою точку зрения, Вы же в это время не имели никакого понятия о народной идее. В это время, когда мы создали движение, которое Вы позднее нашли подходящим для себя, Ваш и Ваших друзей политический руководящий генерал поставлял на бойню пушечное мясо.

И в этом состоит различие между Вашей Партией свободы и Национал-социалистической рабочей партией Германии. Несомненно, объединяться может только равное с равным, но равными мы, уважаемый господин фон Грэфе, никогда не были, несмотря на формальное название. В то время как мы боролись за души людей, ставшие интернациональными и не германскими, Вы попрошайничали, пытаясь выловить младших руководителей и членов Немецкой национальной народной партии и других национальных союзов. Ваша деятельность была, в лучшем случае, лишь перемещением националистических элементов. И для этого, господин фон Грэфе, Вам еще понадобилась помощь генерала Людендорфа. Сегодня Вы изумленно спрашиваете, почему прежний друг неожиданно превратился во врага. Господин фон Грэфе, либо память отказала Вам, либо Вы слишком рассчитываете на мою сдержанность.

Одно я Вам должен сказать: видит Бог, меня лично не затрагивает борьба с евреями и их товарищами. Если один еврей считает, что я был обручен с еврейкой, что я получал французские деньги и т. д., то это само по себе меня не трогает. Я не жду от еврея ничего другого, кроме лжи. Возможно, наоборот, я бы задумался, если бы он сказал правду. Но если Ваш друг господин Ревентлов в своем рейхсварте распространяет ложь, которая ширится и отравляет всю душу народа, то не делайте кажущегося изумленного вида по поводу ее приема, свойственного Вам. Народ действительно выражает свое самое глубокое чувство по отношению к тем людям, которые способны на утверждение еврейской рабулистики, которая не только глубоко ранит честь другого, но и хотят уничтожить ее совсем. Вы дальше говорите о безмолвной дружбе, которую Вы продолжаете признавать. Покорно благодарю за такую дружбу людей, позволяющих распространять ложь и клевету среди своих сторонников, не протестуя против этого. Поме-

щающих в своих газетах и брошюрах самые злобные памфлеты, где слово «товарищ» позорно оклеветано.

Возможно, подобная форма дружбы в ходу в Вашем лагере партии свободы, но мне, как национал-социалисту, открытый враг приятнее, чем бывший друг. Или это было изливание вашего сердца, жаждущего дружбы. Господин фон Грэффе, который побудил Вас поведать всему миру выгодное Вам разъяснение о Вашем „друге“ Адольфе Гитлере, не правда ли? Дальше Вы говорите о том, что мой прием на Севере был совсем другим, чем Ваш прием в Мюнхене. Да, господин фон Грэффе, это верно, но это — черт побери — заслуга не Ваша, а моя. Потому что не Вы, господин фон Грэффе, создали мне имя, а я себе сам. И прием, подготовленный мне в Северной Германии не зависел от Вас, а только от моих сторонников. Я должен радоваться тому, что встретил другой прием, потому что верю: пришедшие в зал членами партии свободы выйдут из него национал-социалистами. Далее Вы апеллируете как всегда к сентиментальности и при этом называете 8 и 9 ноября [1923]. Господин фон Грэффе, об этом дне Вы не знаете ничего, Вы шли в толпе с другими. Тогда Вы не входили в число тех, которые могли о себе сказать, что в конце этого дня они пожертвуют своей жизнью.

Если же сегодня Вы пытаетесь иронически говорить о других храбрых „героях“ и при этом называть много имен, то я считаю это жестокостью чувств и сердца. Это прекрасно согласуется со всей Вашей слезоточивой сентиментальностью. Где тогда были господа Штрейхер, Эссер и Буттман, я не обязан говорить всем. В любом случае, в не менее опасном месте, чем Вы²⁸. Впрочем, тогда каждый делал лишь то, что было его проклятым долгом и виной. Если бы я хотел это назвать особо славным деянием, то я потерял бы масштаб измерения всего того, что делали более четырех лет, день за днем, миллионы немцев, и среди них я, готовые к смерти за родину.

Также не болтайте Вы о Вашей чистой солдатской чести, на которую никто не нападает, потому что о ней никому ничего не известно, и не касайтесь небрежно, господин фон Грэффе, чести других мужественных людей, которым как раз в то время не раз угрожали смертью, которые выступили на встречу красному валу, в то время когда Вы еще нежились в мягких

креслах в Вашей Немецкой национальной партии.

И вообще, господин фон Грэфе, поберегите Вашу слезливую и чувствительную мечтательность. Не пишите Вашей кровью сердца писем, которые внутренне скорее лживы, чем правдивы, а лучше пишите их на пишущей машинке. Тогда мне легче будет их читать. Никогда не говорите о единстве и чистоте, лучше воспитайте своего господина графа Ревентлова и остальных издателей Ваших газет, чтобы они не перечеркивали предпосылок к ним. Потому что к чистоте относится также основополагающая любовь к правде, не позволяющая делать ложные заявления о других. А к единству принадлежит в первую очередь воля не унижать произвольно другую сторону, как это делают при вашем попустительстве, распространяя низкопробную писанину.

И еще, господин фон Грэфе, не цитируйте сегодня слова прежнего простого барабанщика, я должен Вам раз и навсегда сказать: господин фон Грэфе, я был когда-то барабанщиком и буду им в будущем, но я буду барабанить только для Германии, а не для Вас и Вам подобных, да поможет мне Бог.

Мюнхен, 17 марта 1926 года

Адольф Гитлер»²⁹.

Письмо Гитлера возымело действие. Геббельс писал об этом: «Гитлер посчитался с ф. Грэфе роскошным открытым письмом. Bravo!»³⁰ Не в последнюю очередь под влиянием этого ответа граф Эрнст цу Ревентлов в феврале 1927 года перешел в НСДАП, о чем «Фёлькише беобахтер» сообщила с триумфом. Ревентлов был одним из самых известных представителей DVFP, социал-революционные воззрения которого привели его к заметному конфликту с консервативно-немецким национальным руководством, собравшимся вокруг Грэфе и Вулле. Мотивы этого шага Ревентлова достойны обсуждения, так как лишь незадолго до этого он имел резкую словесную перепалку с Гитлером:

«В Национал-социалистическую рабочую партию Германии я перешел без так называемого приглашения фюрера и без каких-либо условий. Я без дальнейших колебаний ставлю себя в подчинение господину Адольфу Гитлеру. Почему? Он доказал, что может

руководить; он сам, своими взглядами и своей волей, своим цельным национал-социалистическим мышлением создал свою партию и руководит ею. Он и она — одно целое, это единство является безусловной предпосылкой успеха. Два прошедших года показали, что Национал-социалистическая рабочая партия Германии стоит на правильном пути, идет вперед, что она располагает величайшей внутренней социал-революционной энергией»³¹.

В февральском 1928 года сборнике «НС-Бриффе» фигуру Грэфе еще раз оценил уже Грегор Штрассер. В статье «Грэфе ante portas» он характеризовал партию Грэфе как «народно-буржуазную» и насквозь пропитанную парламентаризмом. Скоро DVFP потеряла всякое влияние и канула в небытие; Адольф Гитлер окончательно добился признания. В январе 1928 года Грэфе и Вулле основали еще одну организацию — «Народный боевой блок», который тоже так и не поднялся выше разряда отколовшейся группы.

Но все же, несмотря на это, споры Гитлера со своим равным Грэфе еще ни в коем случае не завершились. 17 ноября 1926 года Гитлер и Штрассер предстали перед мюнхенским судом первой инстанции по уголовному делу «по факту хулиганства» за срыв собрания Национал-социалистического народного союза в феврале того же года. Суд оправдал Гитлера, а Эссера приговорил к двум месяцам тюрьмы условно, позднее замененным денежным штрафом в 150 рейхсмарок. В своем разъяснении от 10 января 1927 года Гитлер взял назад свои слова, высказанные в полемическом запале в листовке НСДАП против десяти депутатов ландтага от Народного блока, среди которых был и Грэфе³². Однако фон Грэфе не успокоился и продолжал агитацию против вождя национал-социалистов. 20 мая 1922 года, в день выборов в Рейхстаг, Гитлер говорил в Мюнхене:

«Постыдная клевета и ложь об оплате нашей предвыборной кампании со стороны фашистов дает нам теперь возможность привлечь клеветников к суду: марксиста Виммера, господина из Немецкого народного союза фон Грэфе и редактора газеты „Байерише курир“»³³.

6/7 мая 1929 года Гитлер выступил истцом в судебном процессе против Альбрехта фон Грэфе, главного редактора «Бай-

ерише курир» Йозефа Остерхубера, члена городского совета от Партии свободы Томаса Виммера, секретаря партии Адольфа Дихтля и Юлиуса Церфаса, также члена Партии свободы, работавшего редактором литературного отдела газеты «Мюнхнер пост»³⁴. Здесь Гитлеру противостоял в высшей степени разнородный союз. Поводом для процесса стало множество статей, в которых Гитлера упрекали в том, что его примирительная позиция в вопросе о Южном Тироле объясняется итальянскими денежными вливаниями³⁵.

Гитлер появился в суде в сопровождении адвоката Франка II, впоследствии ставшего генерал-губернатором Польши. Во время пространного выступления Гитлера были опрошены в качестве свидетелей Эльза Брукман, Макс Аманн, Гертруда фон Зейдлиц, Герман Эссер, Альфред Розенберг, Йозеф Штольцинг-Черни, Эрих Людендорф и Филипп Боулер³⁶. Суд снял с Гитлера все обвинения, а выдвинувших эти обвинения признал виновными в клевете и приговорил к денежным штрафам: Грэфе, Остерхубера и Церфаса — в тысячу рейхсмарок каждого, Дихтля и Виммера — в восемьсот рейхсмарок каждого. Против решения суда все оштрафованные подали апелляцию. При новом рассмотрении дела в земельном суде Мюнхена 4 февраля 1930 года также не удалось доказать вину Гитлера. 5 февраля Гитлер и Грэфе объявили, наконец, что готовы к внесудебному соглашению, поэтому судебный процесс был отложен на неопределенное время.

Имя Альбрехта фон Грэфе осталось в истории как имя противника Адольфа Гитлера, представлявшего для последнего опасность, которую нельзя недооценить. Но в конце концов, он тоже потерпел крушение при встрече с необузданным радикализмом Гитлера, его огромной силой воли, а также, из-за становившейся все менее привлекательной для широких народных масс политики Народного блока. Не позднее 1930 года Адольф Гитлер считался трибуном социал-революционного движения. Ему ничего не могли противопоставить «всего лишь» народники.

Вскоре после «захвата власти», 18 апреля 1933 года фон Грэфе умер.

«Немецкие народные бродячие проповедники»

Религиозно-реформаторское течение
в НСДАП д-ра Артура Динтера

В середине 1920-х годов Адольф Гитлер встретился с противником, заставившим его уже через несколько месяцев крепко задуматься. Но так как Гитлер ценил способности этого человека, он долго боялся ограничивать его действия. Речь идет о гаулейтере Тюрингии д-ре Артуре Динтере, который стремился внести в политическое движение Адольфа Гитлера религиозные идеи. Подобное намерение всегда вызывало решительный отпор вождя партии, не желавшего никаких компромиссов в этом вопросе. Не раз он смеялся над новым религиозным основоположником и «немецким народным бродячим проповедником», в том числе на страницах своей программно-автобиографической книги «Майн Кампф»¹. Против этого принципа Гитлера снова и снова грешил д-р Артур Динтер, считавшийся одним из «этих новогерманских фанатиков», которых всю свою жизнь Гитлер ненавидел.

Артур Динтер родился 27 июня 1876 года в Мюльхаузене (Эльзас), в католической семье таможенного чиновника Йозефа Динтера и его супруги Берты. После окончания классической гимназии изучал естественные науки и философию. Вскоре вышел его первый роман «Юность не терпит» («Jugenddrdngen»). В 1903 году он защитил диссертацию на звание доктора естественных наук. Затем работал директором ботанического сада в Страсбурге, а с 1904 года — старшим преподавателем в Константинополе. С 1905 по 1908 год был режиссером в различных немецких театрах, в том числе в Шиллеровском театре в Берлине. В 1908 году он стал

соучредителем Союза немецких драматургов и возглавил издательство союза. В 1917 году он был исключен из союза за то, что назвал его «инструментом еврейской диктатуры в театре». Будучи человеком контактным, Динтер сразу же выпустил брошюру о подоплеке этого исключения — и это его не последнее письмо в свое оправдание².

Политически Динтер примкнул к Общенемецкому союзу. С началом Первой мировой войны он поступил на военную службу обер-лейтенантом резерва, вскоре был произведен в капитаны и награжден Железным крестом 2-го класса. В 1916 году его демобилизовали в связи заболеванием холерой и тяжелым ранением. Под влиянием британского философа, зятя Рихарда Вагнера, Хьюстона Стюарта Чемберлена Динтер увлекся националистическим движением, в 1919 году поселился в Веймаре, занявшись писательством, и в 1921-м женился. В 1919 году он принимал участие в создании Немецкого народного стрелкового и охранного союза, а после запрещения последнего стал одним из соучредителей DVFP. В 1924 году избран депутатом и руководителем фракции Народно-социального блока в ландтаге Тюрингии; при всем этом он все больше и больше сближался с гитлеровской НСДАП.

Некоторую известность Артур Динтер приобрел своим романом-трилогией «Грехи времени» («Die Sünden der Zeit»). Трилогия состоит из частей: «Грех против крови» («Die Sünde wider das Blut»), «Грех против духа» («Die Sünde wider den Geist») и «Грех против любви» («Die Sünde wider die Liebe»), которые выходили большими тиражами и были оценены Иоахимом Фестом как «чрезмерно раздутый расистский фанатизм»³. Георг Л. Мосс в своей книге «Народная революция» («Die völkische Revolution») констатировал, что некоторые «романы описывают разлагающее действие расово-смесительных связей, например, „Грех против крови“ Артура Динтера (1918), раскупавшийся сотнями тысяч экземпляров, был ясным посланием такого рода. Динтер описывает, как богатый еврей осквернил расовую чистоту немецкой женщины, и хотя она ушла от него и вышла замуж за арийца, ее ребенок родился с еврейскими чертами. Книга... внушает ужас перед

расовым осквернением, воплощенным в совершенно бесчеловечном образе»⁴.

Но у Динтера есть работы и другого рода: естественно-научные, пьесы для театра, полемика по вопросам театра и брошюры по расовой проблематике. Кроме того, он заново перевел часть Библии. Его работа «Происхождение, цель и путь немецкого народного движения свободы» («*Ursprung, Ziel und Weg der deutschvölkischen Freiheitsbewegung*») была его первым чисто политическим исповеданием. Уже тогда он писал: *«Народное обновление и религиозно-христианское обновление — неразделимы, являются одним целым»⁵.* Связывание религии и политики всегда было для Динтера двумя сторонами одной медали. Интриган Динтер выпустил на эти темы бесчисленное множество трактатов, о которых Армин Молер отозвался так: *«Начиная с 1927... идет, подобное взрыву, наводнение брошюр и листовок, выливающих из редакции газеты Динтера, перед которым мы в библиографическом смысле капитулируем»⁶.*

Артур Динтер стал также одним из самых радикальных антисемитов своего времени, на этой почве он искал контакты с домом Ванфрид, обитатели которого его охотно принимали. Госпожа Винифред Вагнер тоже была явно польщена личным знакомством с Динтером, в одном из писем она пишет, что *«(Динтер) ужасно оригинален и фанатик-антисемит... Его главное занятие — выступления с антисемитскими докладами и процессы против раввинов, пока он не проиграл ни одного процесса, так как весьма подкован в этих делах — талмуд знает наизусть, и т. д. и т. п.»⁷.* Динтер сумел добиться списания долгов баварского фестиваля 1927 года государству на сумму 20 000 марок⁸.

Непостоянный темперамент Динтера и его необузданная готовность к действию в середине 1920-х годов нашли себе новое поприще. 27 февраля Адольф Гитлер образовал в Мюнхене свою партию, новую и в то же время хорошо знакомую: *«Я верю в наше старое знамя. Я сам его когда-то создал, первым нес его и имею единственное желание — если когда-нибудь смерть доберется до меня, это знамя станет моим погребальным покрывалом»⁹.* *Время сейчас очень серьезное. Наш народ еще*

танцует, тогда как настоящая смерть приближается... Поэтому оставьте все внутренние распри... Пора прекратить разделяющие нас споры, мы легко это сделаем, если поймем, что у всех нас — один объединяющий идеал, общее благо — одна святая, немецкая родина»¹⁰. После этих слов к Гитлеру на сцену поднялись все ведущие деятели партии, которые враждовали между собой, — Эссер, Штрейхер, Динтер, Буттман, Федер и Фрик, протянули друг другу руки, даже обнялись, все простили друг другу и поклялись в вечной верности Адольфу Гитлеру. Даже Динтер, вступивший в НСДАП в апреле 1925 года, за свою верность был награжден партийным билетом номер 5.

Несмотря на эту яркую нацистскую манифестацию, писатель и журналист Хайнц Поль констатировал в статье «Конец народного движения», напечатанной газетой «Вельтбюне»: *«Народное движение было с самого начала разделено на три больших потока, а именно: баварское, тюрингское и мекленбургское. В Баварии им управлял Гитлер, в Тюрингии — Динтер, и в Мекленбурге — ф. Грэфе. Четвертый руководитель — Людендорф, которого не слишком ценили в Северной и Центральной Германии, нашел приют у Гитлера. Уменьшение размаха движения началось с тюремного заключения Гитлера. Помешало не его отсутствие. Гораздо сильнее повлияла попытка Людендорфа самому сесть на трон, едва его задушевный друг на пару месяцев оказался политически безвредным. Сразу же он пришел к ужасному разрыву с группой Динтера. Динтер стал действовать самостоятельно, предав анафеме Людендорфа, последний ответил тем же... Больной скончался. Члены семьи покойного ссорятся между собой по поводу завещания. Они никогда не придут к согласию»¹¹.*

22 марта 1925 года Гитлер и создатель СА Эрнст Рём приехали в Веймар, где поручили д-ру Артуру Динтеру руководить гау Тюрингия¹². Динтер также стал редактором выходившей в Веймаре газеты «Национал-социалист» («Der Nationalsozialist»). Георг Франц-Виллинг, большой знаток происхождения гитлеровского движения, по этому поводу писал следующее: *«Манера поведения Гитлера, когда он давал поручение, возвещала, как зарница, о гибельном и судьбо-*

3 Противники Гитлера в НСДАП

носном конфликте, пока еще ожидающем в далеком будущем. Признание Динтера вызвало несогласие многих, особенно в Фронтбанне»¹³. Газета «Тюрингише ландесцайтунг» писала про эту встречу в Веймаре: «Гитлер вошел в зал. Присутствующие стоя спели песню о Гитлере, затем из рядов послышались крики «Долой Динтера». Гитлер занервничал, пожал плечами, покраснел и пригрозил уйти. Угроза успокоила аудиторию, но... Попытка Гитлера уладить конфликт объединила членов НСДАП в гау лишь слабо»¹⁴. Гитлер настойчиво призывал собравшихся: «Следуйте за фюрером, который дан вам судьбой»¹⁵.

Петер Хюттенбергер отмечал в своей работе о гаулейтерах НСДАП, что в Тюрингии разбилась «консолидация гау до 1928 года, прежде всего, о Союзы защиты и о псевдорелигиозное сектантство гаулейтера Динтера»¹⁶. Уже в 1924 году Гитлер из Ландсберга назвал Динтера вождем национал-социалистической организации в Тюрингии. Хотя Динтер вышел в 1924-м из фракции Народно-социального блока ландтага, но не захотел полностью отойти от влиятельного «круга вождей» народников. Это были все тот же Альбрехт фон Грэфе и его DVFP, которые хотели перетащить на свою сторону тюрингских руководителей и пугали «бессовестностью» Гитлера. Динтер лавировал между НСДАП, DVFP и сильными Союдами защиты, за что подвергался резким нападкам со стороны вождей СА в Тюрингии. Но Гитлер все еще продолжал прикрывать своевольного гаулейтера.

2 февраля 1927 года он писал в «Фэлькише беобахтер» в статье «Некоторые мысли о выборе Тюрингии»: «Всю власть в свои руки должен получить один человек, невзирая на других, участвующих в борьбе. Его решимость и непоколебимое претворение своей воли привели, наконец, к успеху, и в бурлящем дьявольском котле снова воцарилось спокойствие... Но теперь нельзя говорить о борьбе и работе, не вспомнив всех многочисленных ораторов, агитаторов, партийных функционеров в Тюрингии (имеется в виду Динтер. — Примеч. авт.), ум и осторожная тактика которых, вопреки всем нападкам, так повели национал-социалистическое движение в Тюрингии по скользкому пути парламентаризма, что не произошло преж-

двух временной катастрофы, как это случилось в Мекленбурге¹⁷. Здесь также прошел последнюю проверку этот человек в глазах тех, кто, возможно, сегодня не имеет полного представления о его работе»¹⁸.

Однако Динтер не был человеком, который и теперь, облеченный доверием Гитлера, хотел или мог бы заняться планомерной политической созидательной работой. Снова и снова он действовал как основатель новой политической религии. Д-р Йозеф Геббельс отмечал в дневнике в 1926 году после чтения работ Динтера: «А. Динтер „197 тезисов“. Скорее больше. Между ним и Клаггесом резкие противоречия. Никто из них не Лютер»¹⁹. Геббельс имеет в виду работу Динтера «197 тезисов к завершению Реформации», которая по своему замыслу должна была стать основой нарождающейся «немецкой народной церкви», стоящей на платформе «чистого учения спасителя». Даже центральная газета Союза немецких граждан иудейского вероисповедания (CVZ) уделила целую полосу статье о воззрениях Динтера²⁰. Главным мотивом учения Динтера был умысел, считать ли Иисуса арийцем, учение которого якобы искажено и фальсифицировано евреями²¹. Поэтому предпосылкой для обретения немцами истинной религиозности должно стать «избавление христианства от евреев», у Динтера даже была книга с таким названием.

В программе НСДАП говорилось, что партия стоит на платформе «позитивного христианства». Под этой формулой понималось «неиудаизированное» христианское учение, соответствующее мыслям и чувствам арийской расы, которая исповедует любовь к ближнему и своему народу и тем самым обеспечивает сохранение и развитие вида. Германия с самого начала была христианской. Партия понимала, что политическое движение не может стать новой религией. Поэтому она оставила открытым вопрос о том, нужна ли немецкому народу новая, народно-религиозная, не христианская, Реформация. Динтер придавал идеалу «религиозной революции» гораздо большее значение, чем обычному реально-политическому изменению, и, в конце концов, основал «Немецкую народную церковь», которая должна стро-

иться на основе «чистого, изначального, арийско-героического учения Иисуса Христа», отвергая веру в Ветхий Завет католиков, протестантов и немцев²². Этим он вызвал неминуемый гнев Гитлера.

Подобные попытки реформаторства были отнюдь не новыми, они имелись и прежде. Нечто подобное в 1923 году кайзер Вильгельм II писал из голландской ссылки бывшему военному министру фон Штейну:

«Доорн, 9 сентября 1923

Мой дорогой друг, Ваше превосходительство,

Сердечно благодарю за Ваше любезное письмо. Да, я усиленно пишу. Вы совершенно правы, люди остаются такими же, как их описывает Ветхий Завет, и, прежде всего, евреи. Они остались такими же убежденными разбойниками, убийцами и ворами, как о них говорит Иисус, только стали еще более честолюбивыми и подлыми в своей ненависти к чужим и Христу. Поэтому Ветхий завет имеет для меня лишь историческое значение. Новый мне гораздо ближе. Для меня личность Христа является всем, перед ней Ветхий завет — ничто. Я чувствую себя на светлой высоте под тенью Спасителя, откуда я смотрю назад и вниз на глубокую долину, в которой затопленный туманом лежит Ветхий завет. Из этой долины сияют отдельные освещенные солнцем вершины: великие пророки, отдельные псалмы, отдельные притчи, которые меня радуют. В остальном — старый, охваченный жаждой мести, ведущий народ к гибели Яхве, местный еврейский Бог, который вместе с „Богом-Отцом“ наблюдает, как „сын“ учит нас ничего не делать. Мы дети Бога (Христа), это предчувствовали еще древние германцы, когда молились „всемогущему отцу“, о котором евреи знать не хотят.

Наша церковь в нынешние времена совсем не справляется со своей задачей, вместо того, чтобы укреплять в душах идеи нации и монархии, она остается полностью „нейтральной“ и все больше теряет авторитет. Законодатель церкви — генеральный синод, сборище беспомощных старцев — только компрометирует себя. Храбрые люди, такие как любимый народом Деринг, преследуются! Церковь должна стать народной и на-

циональной немецкой, а не псевдоиудейской как сейчас. Я пытаюсь действовать в этом направлении, но пока без успеха. Рим действует гораздо расторопнее; для католической кайзеровской империи вербуют еврейско-капиталистических чиновников! Орден Иоанна ничего не делает, дворянство в землях ничего не делает! Каким образом это поможет укреплению монархического духа в землях!

Генри Форд сказал: „Евреи одни устроили Мировую войну!“ К этому я добавлю: Долой Моисея, во главе у нас — Христос! Вильгельм».

Здесь уместно сказать о религиозных воззрениях Адольфа Гитлера. Формально католик Гитлер, в отличие от некоторых высокопоставленных товарищей по партии, никогда не выходил из своей церкви. До конца жизни он платил налог католической церкви. Многие национал-социалисты называли себя «верующими в Бога», но отрицали христианские церковные догмы. Термин «верующий в Бога» считался в официальных документах указанием на наличие у человека церковного вероисповедания. В своих речах и выступлениях Гитлер часто говорил о «провидении», «нашем Господе Боге», «всемогущем», жонглировал цитатами, главным образом, из Евангелия от Иоанна и из католического молитвенника. Его восхищала сохраняющаяся тысячелетия организация католической церкви, ее иерархия, ее догматы и ее естественность в деле объединения людей. Особенно ценил он культурное наследие христианства. Почти в каждой большой речи он не упускал случая упомянуть о провидении, которое его, Адольфа Гитлера из города Браунау-на-Инне, призвало для того, чтобы спасти Германию. «Нельзя человеку оставаться одному», — бросал Гитлер с трибуны в 1937 году в Вюрцбурге, говоря о крутом пути к вершинам, который он и германский народ вместе прошли, начиная с 1933 года²³.

Фактически едва ли кто-нибудь другой пробудил так много ожиданий спасения, как фюрер национал-социалистов, много раз отмечались впечатляющие сцены, когда Гитлер позволял массам себя лицезреть как кумира, прежде чем принять

протянутые ему руки и прервать напряжение, это напоминало переживание совокупления личностью с ненормальной сексуальностью. Но насколько сильно Гитлер был пропитан религиозными представлениями, настолько мало он желал позволить национал-социалистическому мировоззрению стать новой религией. Все попытки такого рода душились им в зародыше, даже если они исходили от Розенберга или Гимmlера. Вернер Кунт, бывший руководитель областной организации Гитлерюгенда, вспоминал о своем разговоре с Гитлером в Имперской канцелярии, в котором тот подчеркивал:

«Мы выступаем как политики и имеем свои политические задачи. Заботьтесь поэтому о том, чтобы я не выступал в глазах некоторых наших сторонников как религиозный основоположник... Если бы мы хотели создать новую церковь, то мы скопировали бы старые формы. Тогда товарищ Альфред Розенберг назывался бы ученым отцом церкви, Гимmlер или Лей — кардиналами, гаулейтеры — епископами. Но лучше, если они останутся теми, кем являются сейчас!»²⁴

Бывший гаулейтер Швабии Карл Валь тоже после войны подтвердил подобные воззрения Гитлера: *«Никогда в национал-социалистическом руководстве в отсутствие Гитлера не возникало дискуссии по религиозным вопросам, хотя время от времени звучали резкие нравоучения со стороны тех сил, которые добивались реформ также и в церковной сфере. Очень язвительно он иронизировал иногда над новыми „апостолами“, которые додумались до того, что охотно приклеили бы ему клеймо „святого“. Однажды он сказал буквально так: „Я не святой и не хочу быть им. Моя задача лишь одна — в земной жизни сделать немецкий народ как можно более счастливым, а готовить его к загробной жизни — задача церкви“». Во время одного посещения Гитлером города Аугсбурга, где был штаб гау Валя, он снова клялся в отеле «Три мавра», что Германия не нуждается в религиозном реформаторе, «и если бы таковой потребовался, я не вижу в наших рядах никого, кто хотя бы в малой степени мог быть способным к этому, и никого, кто мог бы выполнять церковные функции. Я не могу себе представить, например, Розенберга епископом, Лея — генеральным предстоятелем»²⁵.*

Свои оговорки против христианства Гитлер излагал исключительно в узком кругу своих ближайших соратников и никогда — открыто. Хотя он благосклонно относился к отделению церкви от государства и полемизировал против «политизированных попов», но держался подальше от открытой борьбы с церковью. Радикальные силы в партии он всегда держал в узде; об этом четко свидетельствуют дневники Йозефа Геббельса. В военное время Гитлер более, чем когда-либо, был принужден к сдержанности в вопросах церкви, перенеся рассмотрение разногласий с ней на время «после окончательной победы».

Однако наиболее точно фюрер национал-социалистов высказал свою позицию по этой теме 23 ноября 1937 года применительно к событию освящения церкви Орденсбурга Зонтхофен в Аллгэу. Там он выступил на закрытом собрании перед окружными гаулейтерами с двухчасовой речью на тему «Построение и организация руководства народом». Там Гитлер, в частности, говорил: *«Мы даем вам неограниченную свободу в вашем учении или в вашем понимании Бога. Потому что мы точно знаем: мы об этом не знаем ничего. Одно решено окончательно: немцами в загробной жизни, возможно, распоряжается церковь, немцами в земной жизни распоряжается немецкая нация, действующая через своего вождя. Лишь при условии такого четкого разделения возможна сносная жизнь в переломное время. Мы, национал-социалисты, в самых глубинах сердца верим в Бога. Но за многие тысячелетия не сложилось целостного представления о Боге. Однако это — гениальнейшее и благороднейшее понятие у людей, которое, главным образом, и возвышает их над зверями, позволяя не только видеть происходящее, но всегда задавать вопросы — отчего, почему, благодаря чему.*

Весь этот мир, такой понятный нам внешне, совершенно непонятен нам в своем назначении и цели. И человечество смиренно склонилось перед убеждением, что перед ним стоит такой всемогущий, такой неслышимый и глубокий, что мы, люди, не в состоянии постичь его. И это хорошо! Потому что это может дать людям утешение в трудные времена, не позволяет поверхностно и высокомерно смотреть на мир, считая, что

они — лишь крошечные бактерии на этой земле, в этой вселенной — могут господствовать над миром и определить законы природы, которые они, в лучшем случае, могут только изучать. Поэтому мы хотели бы, чтобы наш народ остался смиренным и действительно верящим в Бога. Вот огромное поле деятельности для церквей разных конфессий, им нужно только быть терпимыми друг к другу! Наш народ не для того создан Богом, чтобы быть раздираемым священниками. Следовательно, необходимо обеспечить единство народа с помощью системы руководства. В этом задача НСДАП. Партия должна быть инструментом, который, поднимаясь над временем и людьми, гарантирует стабильность формирования воли немецкого народа и тем самым — стабильность политического руководства»²⁶.

Артур Динтер, конечно, понимал, что публичные высказывания по вопросам религии не одобряются и даже запрещаются партией, потому что в циркулярном письме НСДАП от 23 февраля 1927 года четко говорилось:

«Одну газету, считавшуюся до этого времени официальным органом НСДАП, господин Гитлер лишил этого права и запретил печатать в заголовке партийные символы НСДАП (свастику с венком и орлом). Поводом для санкции стало нарушение газетой одного из главных положений НСДАП, гласящего, что безусловно запрещены нападки на религиозные общины и их институты, споры с ними не должны вестись членами НСДАП. Даже с евреем нельзя бороться на религиозной почве, а лишь — на национальной и расово-политической»²⁷.

В тот же день Гитлер ответил графу фон Гертц-Врисбергу, который в письме на его имя сообщил об отказе Союза фронтовиков в Тюрингии от дальнейшего сотрудничества с Динтером. В ответе Гитлер подчеркивал, что он «безусловно защищает своего ландесфюрера»²⁸.

Впрочем, из-за нападков на христианство Динтер стал окончательно нетерпим на посту гаулейтера. В распоряжении от 30 сентября 1927 года Гитлер освободил его от этого поста — якобы по собственному желанию — «из-за профессиональной перегруженности», поблагодарив за многолетнюю «боевую работу». Тем не менее Динтер реагировал с глубокой печалью.

В начале 1928 года он основал так называемую «Духовно-христианскую религиозную общину», которая ставила своей задачей «борьбу против Рима», а в гитлеровском движении видела только инструмент для завершения «народно-протестантской реформации». Его целью было вести немецкий народ к «христианству, очищенному от еврейства»; эту задачу он упорно пропагандировал в своих журналах «Das Geistchristentum», «Die Deutsche Volkskirche», «Die religiöse Revolution».

В 1928 году Комитет НСДАП по расследованиям и улаживанию (УШЛА) разослал в основные гау письма с целью собрать отзывы и мнения о еретических устремлениях Динтера. В гау Тюрингия Динтер, кроме того, приобрел серьезного конкурента в лице Фрица Заукеля²⁹. Наконец, Адольф Гитлер вынужден был в пространным письме призвать к порядку своего неудобного товарища по борьбе, не желая жертвовать им совсем. Гитлер еще не терял надежды на то, что Динтер сам придет к благоразумию. Гитлер писал:

«Многоуважаемый господин д-р Динтер!

Сегодня я должен выполнить задачу, которая причиняет мне сильную боль. Вы знаете мое отношение к Вашим религиозно-реформаторским работам. Я не чувствую за собой ни права, ни достаточной способности [именно так!], упражняться в критике Ваших религиозно-философских идей или ставить под сомнение Ваши научные исследования. Моя собственная точка зрения определяется исключительно заботами политика. Но в этой сфере я все же беру на себя смелость считать себя безошибочным, каковым Вы, дорогой господин доктор, считаете себя в сфере Вашего реформаторства. Как вождь национал-социалистического движения и как человек, слепо верящий, что он принадлежит к тем, кто делает историю, я вижу в Вашей деятельности пока лишь ущерб для национал-социалистического движения, когда оно соприкасается с Вашими реформаторскими взглядами. Это убеждение, как я уже сказал, основано лишь на политических соображениях, а не на религиозных. Точно так же оно никоим образом не направлено против Вас лично.

Я продолжаю быть убежденным, разумеется, что мотивы, которыми Вы, господин доктор, руководствуетесь в Вашей деятельности, это внутренняя убежденность в ее необходимости. Я выступаю лишь против представления, что религиозная миссия может приобретать формирующую силу из политических знаний. Наоборот, они нередко противостоят друг другу. Ни при каких обстоятельствах политические необходимости не могут в один день свергнуть церковь. Однако нередко политические движения с определенными конкретными целями гибнут, если они думают, что их долг — выполнение религиозно-реформаторских миссий. С озабоченностью наблюдаю я, что и в случае, о котором мы говорим, мои опасения оправдываются. В то время когда, возможно, всего несколько лет решают вопрос жизни и будущего нашего народа, национал-социалистическое движение, в котором я вижу единственную действительную силу против угрозы уничтожения нашего народа, внутренне ослабляется спорами по религиозным проблемам. Так как я ранее самым серьезным образом заботился о том, чтобы движение держалось подальше от спорных вопросов, которые в принципе можно оценивать неоднозначно и для окончательного решения которых нет, по крайней мере, безусловно признанного авторитета, движение теперь втягивается в религиозные дискуссии, которые, по меньшей мере, беспокоят членов партии, а в будущем могут совсем развести их.

Как политик — а я должен резко подчеркнуть, что я никто больше и не хочу быть никем больше, — как фанатичный борец за другую Германию, я вижу эту опасность во всем ее полном объеме, и выступаю, повинаясь своему долгу, прислушиваясь к внутреннему убеждению и моему пониманию, против подобного развития. Судьба нашего народа, по крайней мере, как расовая проблема, решится быстрее, чем будет проводиться религиозная реформация. Либо наш народ быстрейшим путем будет отведен от гибели, угрожающей ему большой кровью, либо погибнет.

Милый господин доктор, мне сейчас 39 лет, поэтому, если судьба не даст другого, в самом лучшем случае я имею всего 20 лет в распоряжении, пока у меня еще будут энергия и воля к деятельности, которые одни позволяют решить такую тя-

желейшую задачу. За 20 лет очень молодое политическое движение может победоносно завершить борьбу за власть. Для религиозной реформации 20 лет в период ее начала можно сравнить с девятью месяцами, которые нужны, чтобы человек появился на свет. Для современной борьбы религиозная реформация уже опоздала, а для борьбы будущего ее время еще не настало. Я знаю, что Вы не имели плохого умысла ослаблять движение, которое только одно в состоянии вести борьбу за жизнь нашего поколения и создать предпосылки для будущего развития нашего народа. Но я посвятил себя борьбе современности и поэтому верю, что тем самым собираю камни для фундамента, на котором можно будет воздвигнуть универсальное здание.

Мои взгляды так же сильно связаны с этими опасениями, как сильно до сих пор я воздерживался от выступлений против процессов и газетных статей, которые я как вождь национал-социалистического движения считаю вредными. Хотя у меня есть право встать на такую позицию, что решительно поставлю на место любого, кто думает, что понимает интересы национал-социалистического движения лучше, чем я, его основатель. Но пока я остаюсь в тихой надежде, что Вы сами, милый господин доктор, со временем поймете правильность моих взглядов, поскольку лично мне было бы больно выступить против человека, которого я лично уважаю и работа всей жизни которого внесла неоценимый вклад в нашу великую народную идею.

Несколько недель назад я узнал о статье в вашем новом религиозном философском журнале, написанную лично Вами, господин доктор, и посвященную нашему партайгеноссе графу Ревентлову. Само по себе достойно бесконечного сожаления, когда расхожденья во мнениях между партайгеноссе выносятся на широкий круг общественности. Но уж совсем не терпимо для движения, если такая борьба ведется в формах, используемых Вами, уважаемый господин доктор, в рассматриваемом случае. Религиозные убеждения или взгляды подобным способом очень трудно довести до другого. Но именно это должно, по-моему, быть целью такой дискуссии. Однако Вы сами, уважаемый господин доктор, вряд ли думаете, что теперь убеди-

ли господина графа Ревентлова. Наоборот! Этим примером ярко подтверждается правильность моего понимания; потому что то, что Вам не удалось в случае с Ревентловом, точно также не удастся Вам с десятками тысяч других сторонников нашего движения. Но при этом будет многократно повторяться тот же спектакль, который и сейчас сильно вредит движению.

Верите ли Вы на самом деле, что ударная сила и перспектива на победу нашего движения в политической борьбе гигантски вырастут? Как основатель и вождь этого движения, я непреклонно убежден в обратном. Особенно я сожалею о форме Вашей критики исключительно потому, что она никоим образом не обусловлена упоминаемой работой графа Ревентлова. Граф Ревентлов — партайгеноссе и имеет право требовать, чтобы никакой другой партайгеноссе, и уж тем более занимающий руководящий пост, не обращался к нему в неподобающей форме. Потому что, если граф Ревентлов ответит тем же, то мы окажемся сегодня зрителями спектакля который, по крайней мере, даст новой реформации плохое начало. Надо отдать должное графу Ревентлову в том что он, несмотря на обоснованные оскорбления своей чести, интересы партии ставит выше. Мое личное решение — и если два партийных товарища, занимающие руководящие посты, открыто противопоставляют себя друг другу, я имею право на такое решение — строжайшее неодобрение Ваших статей в духе нового духовного христианства, которые могут быть и являются оскорбительными для партайгеноссе графа Ревентлова. За то, что граф Ревентлов не стал отвечать в подобной форме, я благодарю его от лица движения и от лица всех бесчисленных товарищей по партии, у которых подобная борьба вызывает отвращение. Но то, что он требует восстановления своей чести, кажется мне само собой разумеющимся, справедливым и оправданным. Недавно я получил письмо комитета по расследованиям, копию которого посылаю Вам. В нем комитет выступает гарантом чести, затронутой у товарища по партии, и требует для него удовлетворения. Сначала я отклонил это требование, передав дело на решение самого комитета, которому должен подчиняться любой член партии, включая меня,

но теперь хочу попытаться дать самому решение этого болезненного для меня дела. Как фюрер движения я направляю Вам сердечную просьбу извиниться перед графом Ревентловом в подходящей форме и с выражениями сожаления. Я думаю, что эта просьба будет, несомненно, выполнена, потому что в моих глазах достойнее исправить несправедливость, чем продолжать упорствовать в ней. Выпад против графа Ревентлова был, с точки зрения товарища по партии, несправедливостью. Поэтому смею Вас просить, дорогой господин доктор, сообщить мне, готовы ли Вы выполнить мою просьбу и извиниться в Вашей газете за упомянутые оскорбления перед партайгеноссе господином графом Ревентловом вместе с выражениями сожаления³⁰.

Я потому решил на эту личную просьбу, чтобы избежать последствий, которые были бы слишком неприятны как для Вас, так и для облика партии. Я скажу об этом письме графу Ревентлову. Если Вы захотите, дорогой господин доктор, поговорить лично со мной, то буду очень рад этому и в любое время я в Вашем распоряжении. Содержание беседы можно обговорить с господином Гессом³¹.

*С большим уважением и немецким приветом
преданный Вам
Адольф Гитлер»³².*

Кажется, что рассуждения Гитлера произвели на Динтера мало впечатления.

Так как партийная касса НСДАП из-за предвыборной борьбы в Рейхстаг 1928 года была полностью опустошена, в этом году Гитлер отказался от созыва общего съезда партии, вместо которого он созвал съезд партийных руководителей 31 августа – 2 сентября 1928 года в Мюнхене. На съезде он говорил в основном о внутренней дисциплине в партии и о своей идее собрать только 100 000 членов как элиту партии, замысел, о котором после больших успехов 1930 года больше не вспоминали и который, в конце концов, стал одной из причин гибели НСДАП как партии. В Мюнхене он также еще раз вернулся к вопросу отношения к религии и вспомнил также о Динтере:

«Прежде всего важно одно: необходимость всегда держать движение подальше от любых религиозных дискуссий и споров. (Возгласы: Очень верно! Бурные аплодисменты.) Лично я, пока остаюсь фюрером, не потерплю, чтобы в движение вносились религиозные дискуссии. Я буду избавляться от каждого, кто попытается превратить движение в арену взаимных религиозно-философских разборок. Я придаю важнейшее значение тому, чтобы наша партия непосредственно смыкала пропасть, разделяющую наш народ, в ней могут слиться полностью протестант и католик: мы боремся только за одно — (следующие слова прозвучали в буре аплодисментов) — у меня одно желание, чтобы в партии никогда не возникла обстановка раскола, чтобы стали невозможными религиозные конфликты между католиками и протестантами — членами партии.

Партией всегда надо руководить так, чтобы любой убежденный католик мог проводить ее политику, не вступая в конфликт со своей совестью. Если кто-нибудь скажет: Тогда Вы станете слугой всякой конфессии, мы ответим: Наоборот, не слугой конфессии, а слугой немецкого народа (бурные аплодисменты) в борьбе за будущее немецкого народа, против смертельных врагов нашего народа, против еврейского крово- и расового отравления, против отравления культуры нашего народа. Здесь знаем мы лишь немца, который готов пожертвовать собой за наш народ, неважно католик он или протестант»³³.

В этой связи фюрер НСДАП высказался против любой принципиальной дискуссии и демократизации внутри движения. Д-р Артур Динтер резко протестовал против и предложил Гитлеру создать совещательный орган — партийный сенат. Как заметил по этому поводу Иоахим Фест, «(Гитлер) издевательски отверг предложение поставить с ним рядом „сенат“, сказав, что советчики ему не нужны»³⁴. Когда вскоре был созван новый съезд руководителей, проходивший не в обычной форме выслушивания приказов, Гитлер во время дискуссии молчал с демонстративно скучающим выражением, чем постепенно вызвал гнетущее ощущение никчемности и ущербности мероприятия, так что съезд при общей сдержанности быстро закончился.

Динтер в своем журнале «Дас Гейсткрентум» реагировал резкими нападками на Гитлера, после чего стало неизбежным его исключение из партии. 8 октября Гитлер послал Динтеру телеграмму: «*Настоящим лишаю Вас данных Вам ранее полномочий по защите интересов национал-социалистического движения в ландтаге Тюрингии*»³⁵. 11 октября 1928 года последовало окончательное исключение из партии с официальной формулировкой, что Динтер в своем журнале «Дас Гейсткрентум» поместил статью «Религия и национал-социализм», в которой допустил нападки на программу НСДАП, принесшие вред партии³⁶. Тем самым с проблемой Динтера было покончено. В дальнейшем Динтер развернул яростную публицистическую кампанию против Гитлера³⁷. Социал-демократическая газета «Мюнхнер пост» рассказала о борьбе Динтера против Гитлера после его исключения из партии, в частности о статье «Гитлер и Рим» в его журнале «Дас Гейсткрентум»³⁸.

Во всех случаях борьбы против политических или мировоззренческих взглядов отдельных личностей до сих пор Гитлер всегда оставался победителем. Так произошло и в случае с Динтером. С ростом успехов гитлеровского движения также снова вернулся в спокойное состояние «религиозный фронт». Эрнст Юнгер, как сторонний наблюдатель, в статье, помещенной в печати движения «Новый национализм», осветил еще один аспект случившегося:

*«В последние годы мы имели возможность наблюдать уклон от линии национал-социализма, который хотел бы сделать из него своего рода религию. Из слов, таких как Судьба, Вера и Кровь, сварили некоторый религиозный обряд — защитную стену торжественной терминологии, внутри которой, как полагали, можно прекрасно спрятаться от всех несчастий»*³⁹.

«Потому что мы в судьбоносной борьбе нашего народа не можем отказаться от сил, которые живут в вере» таким было кредо Гитлера еще задолго до Второй мировой войны⁴⁰. Он неизменно выступал против всех родов мистицизма внутри своей партии, о чем он, в частности, ясно говорил на партийном съезде 1938 года:

«Национал-социализм — смелое действенное учение, осно-

ванное на точнейших научных знаниях и их идейных выводах... Потому что оно — не культовое движение, а народное политическое учение, выросшее исключительно из знаний расовой теории. В его сути нет никакого мистического культа... Научный исследователь, который пытается придать ему мистический налет, не может быть терпим в движении... Для культовых отправлений нужны не мы, а церковь!»⁴¹

Об Артуре Динтере забыли. Лишь однажды, в 1932 году он пытался вернуться на политическую сцену со своим недолго прожившим «Союзом Динтера» и стать конкурентом Гитлера. Однако потерпел неизбежный провал. После 1933 года он дважды пытался снова вступить в НСДАП, но его не приняли. Гестапо следило за ним и даже на короткое время арестовывало. Его «Немецкая народная церковь», которая в 1936 году все еще насчитывала 300 000 членов, была запрещена. Затем Динтеру запретили любую ораторскую и писательскую деятельность.

После окончания Второй мировой войны он собрал вокруг себя бывших сторонников своего «Духовного христианства», однако уже в 1948 году скончался в Оффенбурге — почти забытый.

«Везде ложь и мошенничество»

Судебные процессы Гитлера по делу об оскорблении личности в «период борьбы» (1919–1933)

После освобождения из заключения в крепости Ландсберг Гитлер подвергся нападкам своих противников самой различной окраски. Гитлер занял собственную позицию, приобретая тем самым врагов в лагерях всех политических направлений, от народных романтиков до консерваторов старой школы. Все снова и снова фюрер национал-социалистов считал себя принужденным восстанавливать свою честь по суду.

27 февраля 1925 года, в день нового основания НСДАП после провалившегося путча в ноябре 1923 года, в суде первой инстанции Мюнхена состоялся процесс, на котором Гитлер выступил против д-ра Отто Питтингера¹. Питтингер в начале 1920-х годов был районным руководителем Союза жителей Регенсбурга, а затем играл ведущую роль как шеф Союза обороны «Крестьяне и рейх». В августе 1921 года он пытался устроить путч в Баварии с целью восстановить вооруженным путем в должности премьер-министра генерального комиссара Густава фон Кара². Так как рейхсвер все же не участвовал в авантюре, дилетантски организованное предприятие провалилось уже на стадии замысла. Так как Питтингер никогда полностью не рвал связи с гитлеровским движением, его ошибочно считали одним из давних покровителей НСДАП.

25 августа 1922 года Питтингер пытался снова провозгласить Кара диктатором Баварии, на этот раз с помощью «митинга протеста», устроенного на мюнхенской площади Кёнигсплатц. Этот митинг запретили по распоряжению министра д-ра Матта. Так что и в этот раз мероприятие Питтингера плачевно провалилось. В вечер гитлеровского путча Питтин-

гер был среди тех, кому Кар советовал выступить против Гитлера³. Посол Вюртемберга в Мюнхене сообщал после событий о попытке путча Питтингера, что вождь Гитлер является, вероятно, «совершенно ослепляющей личностью»⁴.

Гитлер говорил своему старинному последователю Курту Людке: *«Отныне я пойду один по своему пути. Даже если никто не пойдет за мной. Эти трусы! Я выполню это, даже если никто не отважится... Кончено с Питтингером, конечно с союзами отечества! Только собственная партия! Эти мелкие господа — эти графы и генералы — они не хотят ничего делать. Я сделаю это, я один!»*⁵ По словам Людке, Гитлер так подытожил провалившееся предприятие Питтингера: *«Гитлер отбросил представление о себе самом как о бойце авангарда, барабанщике. С этого дня разочарования он стал фюрером»*⁶.

На процессе вождя национал-социалистов против д-ра Питтингера председательствовал амтсрихтер Ганс Кнёрр. Сам Питтингер предпочел не вступать в открытый спор с радикальным партийным вождем; вместо себя он послал на процесс своего адвоката. Защитником Гитлера выступал адвокат Лоренц Родер. Поводом для жалобы стала речь Питтингера 26 марта 1924 года перед младшими руководителями союза «Бундесфлагге Аугсбург», в которой тот заявил, что британский «рабочий вождь» Эдмунд Д. Морель в октябре 1923 года сообщил фон Кару, что НСДАП получает финансовую поддержку из французских источников — и это происходит без ведома Адольфа Гитлера⁷. Последний уже тогда в своем разъяснении в газете «Фёлькише беобахтер» отвечал на эти упреки:

«В Мюнхене ходят слухи, что Вы, господин Морель, в разговоре с его превосходительством фон Каром якобы заявили, что освободительное движение Гитлера получает французские деньги, не ставя меня в известность. Я считаю эти утверждения низкой ложью и злостной клеветой. Так как я пока сомневаюсь в том, что причиной этой клеветы являетесь Вы, господин Морель, любезно прошу Вас открыто высказаться по этому вопросу.

Адольф Гитлер, фюрер Национал-социалистической немецкой рабочей партии.

*Вторник 30 октября 1923 года. Мюнхен»*⁸.

В газете «Фёлькише курир» о ходе процесса можно было прочесть:

«Гитлер: „Здесь говорилось, что упрек в том, что национал-социалистическое движение получало французские деньги, направлен не против меня лично, и поэтому я не вправе подавать жалобу“⁹.

Господин Морель лишь подчеркнул, что движение получало деньги даже без моего ведома. „НСДАП может финансироваться только лично через меня, каждый пфенниг проходит через мои руки. Абсолютно немыслимо, чтобы партия каким-то образом финансировалась без моего ведома. Другое дело, если отдельные члены партии получают деньги как частные лица. Но если я слышу упрек, что деньги предназначены партии, это значит, что они проходят через руководство партии. Поэтому обвиняется не только движение, но и лично я. Если бы движение действительно получало французские деньги, я бы лично был виновным. Значит, я получил личное оскорбление. Оно выдвинуто против меня на открытом народном собрании. Господин Питтингер заявил, обращаясь ко мне: Вы из Франции получаете деньги! С таким же правом я мог бы спросить, получает ли господин Питтингер из Франции финансовые вливания. Я готов представить доказательства, что господин Питтингер пытался в 1922 году сделать то же самое, что нам не удалось в 1923 году¹⁰. Я должен здесь заявить: Франция заинтересована в том, чтобы в Германии происходили путчи, но не в том, чтобы здесь появилось сильное национальное правительство, и не в поддержке движения, которое оказывает французам сильнейшее сопротивление“.

Гитлер просит вызвать старшего советника почтового ведомства О., начальника управления почты и телеграфа Дортмунда, который может подтвердить, как тогда проводилось активное сопротивление во всей Рурской области, „как почти 300 членов моего движения отправлено в тюрьму, многие убиты, один – партайгеноссе Шлагетер – расстрелян. У французов нет никакого интереса поддерживать движение, наносящее им ущерб, в котором идут десятки миллионов. Если суд считает нужным, я мог бы при закрытых дверях об этом высказаться ясно и подробно“ [именно так!]¹¹.

При этом Гитлер пояснил, что ему хорошо известна статья, исходящая из английских рабочих кругов. Когда он потребовал господина Мореля объяснить, где он получил ее, тот ответил: он об этом не может говорить. Все вместе является жалкой ложью английских рабочих руководителей. Весь мир одним ударом заполнили этим сообщением. Гитлер объяснил, что статья является средством борьбы красного Интернационала против разрушения его (Интернационала) позиции в Центральной Германии, которому надо помешать любыми средствами. Гитлер подчеркнул, что Морель не привел ни одного доказательства, а пользуется лишь слухами. Это свидетельство, во-первых, иностранца, во-вторых, человека, идентифицируемого с державой, пытавшейся уничтожить Германию. „Я должен разъяснить здесь три пункта: во-первых, случай Людеке“. Гитлер подчеркнул, что общественность заинтересована в разъяснении этого случая. „Людеке появился в Мюнхене поздней осенью 1922 года, как посланник графа Ревентлова. Вскоре после этого появилось подозрение, что Людеке является шпионом. Основание, достаточное для того, чтобы установить над ним усиленный надзор. Господин Людеке передал движению 7 — 8 тысяч марок, которые сразу же были депонированы. Надзор не дал ничего подозрительного. Как-то раз к нам обратилось рабочее общество бригады Эрхардта. Людеке сказал, что хотел бы дать им деньги: сто французских франков. Две недели спустя это повторилось. Я велел сразу же депонировать деньги и известил об этом полицию. Дело объяснилось тем, что Людеке имел счет во французском банке. Полиция решила его арестовать. Наше расследование оказалось, однако, безрезультатным. После трех месяцев предварительного заключения его освободили. Мой поручитель бесконечно сожалел, что оказался жертвой злых «бабьих сплетен». Я тоже упрекал себя в том, что человек, являющийся идеалистом, по моей вине попал под следствие. Случай Людеке был самым тяжелым ущербом, нанесенным движению по моей вине. Второй случай связан с одним сообщением из Берлина, согласно которому я здесь, в Мюнхене, присвоил 40 миллионов марок французских денег. Позднее, на процессе Фухса—Маххауса, я прояснил это дело. Речь шла о деньгах Ришера¹². Из всех денег,

которые за все прошедшее время приходили, движение и лично я не получили ни одного пфеннига. Я порвал всякую связь с этими господами и выбросил их из головы“.

Гитлер пояснил, что тогда многие люди, прежде всего промышленники, присылали деньги и думали, что эти деньги предназначены ему, Гитлеру: „Все это было ложью и мошенничеством. Отправители денег сами просили меня не связываться с этим мошенничеством. Во время инфляции 1923 года у нас стало обычным начислять зарплату всем служащим в пересчете на швейцарские франки. Движение также непрерывно получало деньги из заграницы, а именно из Чехословакии, от местных партайгеноссе, потому что движение распространилось на всю германоязычную область. Изю всех мест к нам поступали переводные векселя. Даже газетную бумагу мы оплачивали чеками. Все это дало повод муссировать слухи, что мы пользуемся иностранными деньгами. Лишь в начале 1923 года, когда потребовалось финансировать борьбу в Руре, я должен был обратиться к другим финансовым источникам, которые базировались исключительно на организации этого сопротивления. Для так называемого путча из этих денег не был взят ни один пфенниг, он финансировался за счет конфискации у местных предпринимателей. Осенью 1923 года весь мир знал, что в Мюнхене готовился государственный переворот, но не переворот господина Гитлера, о котором мир не мог знать, потому что мы приняли решение об этом лишь 6 ноября... В октябре 1923 года было объявлено о так называемом пожертвовании Гитлеру“. Адвокат д-р Вармут перебивает, говоря, что он полностью исключает возможность того, что Гитлер мог знать, из каких источников приходят переводные векселя, которые пришли и по этому поводу. Гитлер: „Я потому должен был знать об этом, потому что там везде возникали национал-социалистические организации, которые сами собирали деньги на свои нужды.“

Гитлер отвечает, что, когда Питтингер высказывает подобные ужасные обвинения, было бы целесообразно заранее предупредить об этом. Я очень хорошо знаком с Питтингером, и можно было бы заглянуть в устав партии и прочесть там, что единственным лицом, отвечающим за партию, является ее пер-

мый председатель, то есть Гитлер. С господином Питтингером я работал совместно в ряде случаев, в том числе и в делах, связанных с финансами, и он должен точно знать, кто один в движении вправе вести переговоры. В своем заключительном слове Адольф Гитлер сделал упор на том, что он в этом процессе добивается не наказания Питтингера, а установления судом того факта, что высказывания Питтингера являются ложью и клеветой. Он считает их тяжелейшим оскорблением, которое может быть нанесено ему и его движению, которое нанесло и продолжает наносить ущерб его борьбе против Франции. Суд не должен считать, что Гитлер не был оскорблен.

Гитлер: „Меня оскорбили, все общественное мнение показывает на меня пальцем и говорит, что Гитлер подкуплен на французские деньги! Надо позаботиться, чтобы эти господа в будущем побоялись творить подобные вещи. Я прошу для Питтингера наказания в виде минимального штрафа, но с формулировкой, что его утверждение неверно“»¹³.

После словесной перепалки на тему запутанного положения в 1923 году, году кризиса и инфляции, последовал интенсивный диалог между адвокатами Питтингера и Гитлера. Судья Кнерр прервал его, сказав, что доказательства истины должен представить не Гитлер, а Питтингер. Адвокат последнего, Вармут, на это ответил, что господин Гитлер не был оскорблен и поэтому его жалоба, как жалоба частного лица, незаконна. В заключение Вармут потребовал оправдать своего подзащитного. Суд принял именно такое решение с обоснованием, что Питтингер высказал свой упрек в адрес НСДАП, а не в адрес лично Гитлера. Наконец, суд сделал чисто формальное обоснование того, что Питтингеру не будет вынесен оправдательный приговор до тех пор, пока он не представит доказательств того, что Гитлер или его движение поддерживались иностранным (французским) капиталом, а до этого момента Гитлер не может по закону подвергаться нападкам.

Гитлер подал апелляцию против приговора в верховный земельный суд Мюнхена, но успеха не имел. Об этом сообщила газета «Берлинер тагеблатт» 2 сентября 1925 года, по

мнению Гитлера – неправду¹⁴. Адвокат Гитлера Ханнс Краффт направил в суд жалобу на ответственного редактора газеты Эриха Домбровски по факту клеветы¹⁵. Однако 29 августа Краффт отозвал жалобу, потому что компетентный берлинский суд первой инстанции назначил слушание на 2 сентября – за счет Гитлера. Однако в газете «Фёлькише беобахтер», в статье, озаглавленной «Адольф Гитлер и Берлинер тагеблатт», можно было прочесть:

«По случайной ошибке жалоба была подана одновременно двумя адвокатами Адольфа Гитлера. Первый (Краффт) отозвал только направленную им жалобу. Вторая рассматривается как положено! БТ и другие газеты слишком рано радуются, думая, что ушли от суда»¹⁶. Упомянутую вторую личную жалобу Гитлера направил в суд первой инстанции Мюнхена в сентябре адвокат Гитлера Родер.

В свою очередь, Адольф Гитлер писал 20 сентября 1925 года в газету «Обербайеришен гебиргсботен», которая поместила сообщение о данном случае:

«Многоуважаемой редакции!

В номере 214 от 15 сентября 1925 Вы поместили статью «Деньги для путча», в которой говорится, что я подал в суд на газету «Берлинер тагеблатт», потому что она на основании телеграммы телеграфного агентства Вольффа сделала вывод о получении мною и моим движением французских денег в 1923 году, что я якобы отозвал жалобу, а судебный процесс должен был проводиться за мой счет.

По этому поводу я должен сообщить:

1. Это абсолютная ложь, что я или мое движение в 1923 году, или когда-либо еще, получали французские деньги.

2. Правда то, что я подал жалобу на ответственных редакторов газеты «Берлинер тагеблатт» за клеветническую статью «Французские деньги Гитлера».

3. Правда то, что в этом процессе основные слушания вообще не состоялись.

4. Правда то, что редакторы «Берлинер тагеблатт», на которых подана жалоба, до сих пор не дали опровержения и что вообще не было сбора доказательств.

5. Неправда то, что процесс приостановлен.

6. Правда то, что я не только обвиняю чисто еврейские листки, клеветующие на меня и мое движение, как это делает «Берлинер Тагеблатт», но и нееврейские листки, перенимающие эти клеветнические утверждения у еврейских листков»¹⁷.

Снова и снова Адольф Гитлер вступает в выяснение отношений с авторами безумных, по его мнению, газетных публикаций. Еще за несколько месяцев до процесса Домбровски он счел себя обязанным дать в газете «Фёлькишен курир» от 5 марта 1925 года забавное разъяснение:

«Газета „Лейпцигер Нойестен Нахрихтен“ дала сообщение о моей, якобы имевшей место, помолвке. Это сообщение — от начала до конца — чистый вымысел. Я в такой степени „женат“ на политике, что не могу еще думать о том, чтобы с кем-то еще и „обручиться“»¹⁸.

19 апреля 1926 начался процесс по защите чести и достоинства Гитлера против Эриха Домбровски, который лично не присутствовал. Всем на удивление, его адвокат Фриц Кон, юрисконсульт газеты «Берлинер тагеблатт», вначале сделал разъяснение, что личная состоятельность Гитлера в финансовом отношении не ставится под сомнение. Газета «Фёлькише беобахтер» в статье под заголовком «Расплата» так писала о процессе:

«Вначале Гитлер говорил о свидетельских показаниях Конше и подчеркнул, что ему как частному лицу не нужно привлечение газеты „Берлинер Тагеблатт“ к суду за низкую ложь и клевету. Потому что последующие затем нападки и упреки еврейской прессы для него будут лишь похвалой. Но он является вождем движения, которое имеет такое же судьбоносное значение, как и будущее германской родины. За последние шесть лет мы уже привыкли к потокам лжи и низости. Хотя он, Гитлер, имея великогерманские убеждения, с юных лет борется с антигерманской империей Габсбургов, его подозревают в том, что он „уполномоченный Габсбургов“. В то время, как он всегда выступает против любой религиозной борьбы внутри движения, его обвиняют в поддержке движения „Руки прочь от Рима“. Хотя он всегда был смертельным врагом не-немецких центров и их шпиешников, его подозревают как „наемника иезуитов“».

И здесь такой же случай. Всем известна наша позиция в отношении Франции, злейшего и смертельного врага нашего народа, поэтому партии, имеющие связи с Францией по соображениям тактики или иным, подобной ложью хотят нанести ущерб нашей борьбе. В 1923 году, в дни борьбы в Руре, когда мы фанатично боролись против Франции, впервые начала распространяться клевета о французских деньгах. Нападение начала еврейско-демократическая пресса, благоволившая французским врагам Германии и никогда не отказывавшая им в поддержке, потому что она никогда не боролась всерьез с устремлениями Франции. В то напряженное время инфляции было невозможно из-за финансовых соображений подавать иски ко всей сотне лживых листков, повторявших измышления БТ. На процессе Питтингера суд лояльно установил, что доказательств подозрения представлено не было. Если бы обвинение „французский наемник“ означало, что французские деньги получал лишь один отдельный сторонник — повсюду есть люмпены, и подобный упрек можно точно так же бросить демократам, но сознательно обвиняют целое движение в самом тяжком преступлении. Организованное рыцарство Штрауха — еврейская и марксистская пресса — эту ложь о национал-социалистах распространяет повсюду.

Подробно рассказав о случае Людеке, Гитлер подчеркнул, что тогда все нагромождение лжи рухнуло, потому что речь шла о путанице, допущенной личностью. Когда во время инфляции ему предложили 260 французских франков, он их немедленно передал полиции. Во время процесса Фухса—Муххауса газеты и БТ сообщали, что Гитлер и его движение получили 4 миллиона марок французскими франками, тогда как суд установил, что НСДАП не имеет ничего общего с господами Ф[ухсом] и М[аххаусом]. Когда однажды Фухс и Муххаус хотели прийти к Гитлеру, тот указал им на дверь.

Затем Гитлер перешел к случаю Мореля. Этот человек был в окружении господина фон Кара. Господин фон Кар не знал английского языка, переводчик тоже был неважный. При переводе длинной речи второстепенные вещи акцентировались или происходило обратное, смысл полностью искажался. Поэтому так никто и не понял, что хотел сказать Морель. Но все

же удалось понять, что, по его словам, сам Гитлер ничего не знал о присланных ему французских деньгах. Если он как руководитель, как распорядитель кассы и т. д. ничего не знал об этом — а все финансирование проходит только через него, то нельзя и выдвигать упрек. Кроме того, в движении действуют с большой осторожностью. Всегда вокруг вертится много мошенников, особенно много их было в 1923 году, которые приговариваются, что собирают деньги для национального движения или даже для его движения. К таким людям надо относиться с большим недоверием, потому что нельзя знать, что за ними не стоят господа из определенной конфессии, „о которой говорил господин защитник“¹⁹. Если такие люди приходят в движение, их выпроваживают после проверки на чистоту их помыслов. Партия считает, что ответчики лишь делают вид, что при рассмотрении вопроса о французских деньгах действуют в интересах общества.

Гитлер констатирует, что к этому нет абсолютно никакого повода; после того, как действительные государственные преступники уже осуждены, нельзя дело передавать прессе, есть гораздо более простой путь: пойти в полицию и подать заявление. Так делал он в 1923 году и делает всегда. Для него и его движения каждый, кто вступает на путь государственного преступления, является подлецом, независимо от того, к какой партии в Германии он себя причисляет официально. Но для БТ общественные интересы совершенно не важны [именно так!]. Подлинные руководители за кулисами БТ — хорошие знатоки душ и точно знают, как действует на широкие массы мошенничество, связываемое с определенным именем; названный человек становится носителем клейма мошенника.

После отклонения иска в процессе против советника санитарной службы Питтингера он точно знал, что оно означает для него на некоторое время политический смертный приговор в Германии: „Потому что было ясно, что враждебной нам прессе нужно одно лишь отклонение“, и ни единым словом она не упомянула, что суд однозначно и лояльно установил, что отклонение иска сделано лишь на формальной основе [именно так!], а представить доказательства того, что движение по-

лучало французские деньги, Питтингеру никоим образом не удалось.

И сразу же начался ураганный огонь клеветы! Сообщение БТ перепечатали сотни газет, но опровержения не последовало. БТ точно знала, что эта клевета разойдется по всему миру. Если мне скажут, что они этого не хотели, я спрошу, почему же БТ тогда не напечатала текст приговора по процессу Питтингера. Редакторы БТ всегда называют ее самой информированной в мире газетой. Она всегда представляется как образец политической проницательности, умные господа совершенно точно знают, что произойдет! Когда сообщение появилось в БТ, он был в отъезде. Без его ведома по ошибке сначала отправили жалобу в Нюрнберг. Когда он узнал об этом, то тотчас же распорядился направить жалобу в Мюнхен и отозвать жалобу из Нюрнберга; он не имел желаний из-за этого дела ехать в Берлин. А БТ сразу же сообщила, что Гитлер отозвал жалобу. Почему такой триумф? Еще и сегодня полагают, что Гитлер совсем не хотел жаловаться. И во множестве сообщений пытаются представить отзыв жалобы как доказательство наличия нечистой совести!

Когда же дело действительно дошло до процесса, он, к своему изумлению, услышал, что противная сторона вдруг закричала об амнистии²⁰. А до этого был триумф по поводу отзыва жалобы. Действие сообщения БТ оказалось чудовищным. Вся левая пресса подхватила его, не дав позже никакого опровержения. И суд вряд ли может себе представить, что для него значит, когда в Йене и других городах снова и снова повторяется спектакль — именно перед его отелем, под его окном собираются митинги, на которых ораторы громко заявляют, что этот негодяй там наверху подкуплен на французские деньги, как это установила уважаемая газета — БТ! Этот парень сначала подает жалобу, а затем забирает ее обратно! и т. д. Наша позиция и деятельность всегда и самым решительным образом направлена против Франции. Как же подействует констатация БТ везде, даже на своих людей! Мне кажется, однажды председатель суда приговорил человека, поддерживающего отношения с Дортёном, к большому штрафу, а когда тот стал возражать, — к тюремному заключению²¹.

Утверждение, что он якобы получал французские деньги, является для него тяжчайшим оскорблением, которое ему только можно нанести. Он и его движение не могут допустить подобных вещей, это сотни тысяч порядочных людей, участвующих в движении и ведущих борьбу против Франции, некоторые из них за это отдали свою жизнь в Руре. Он просит вынести такой приговор, из которого массы узнали бы, что справедливость — на его стороне, что он и его сторонники очищены от позорного пятна. Он просит восстановления своей чести и чести сотен тысяч»²².

Суд признал Домбровски виновным в клевете и приговорил к денежному штрафу в одну тысячу немецких марок, обязав также опубликовать решение суда в «Берлинер тагблатт». Однако обе стороны подали апелляции, рассмотрение которых проходило 21 августа 1926 года в земельном суде Мюнхен I под председательством Хельда. Там Гитлер выступил с речью:

«Я разъярялся уже в первой инстанции, что не защищаю себя лично от обвинений противника, потому что, если мой враг прибегает ко лжи, это для меня является лучшим свидетельством действительности моей борьбы, т. е. похвалой для меня. Но в рассматриваемом деле обвинение касается не моей деятельности как политика, я самым тяжелым образом оскорблен как человек, дискредитирован, покусились на мою честь. Потому что обвинение в государственной измене осуждает человека на всю жизнь, если ему не удастся полностью оправдаться. Именно в этом состоит цель всех этих упреков против меня. Они построены таким образом, что всегда утверждают прямо противоположное тому, к чему стремится человек в действительности.

Тот, кто действует как фанатичный передовой боец великогерманской идеи, поносится как проводник политики антигерманской династии Габсбургов, трезвеннику вешают ярлык пьяницы, движение, вся внешняя политика которого, главным образом, направлена против Франции, упрекают в связях с Францией.

Хотя наши товарищи — во главе с партайгеноссе Шлагетером! — пожертвовали решительно всем в борьбе против

французов, враги осмеливаются обвинять это движение в предательских связях с Францией. Они хотят ложью и низкой клеветой уничтожить политическое существование движения и его вождя. Общественное мнение никогда не видит отдельного автора газетного сообщения так называемой мировой газеты, и последняя запускает систему политического снежного кома [именно так!] клеветы в менее известных газетах. Подвергшемуся нападкам в этом случае из-за огромного числа клеветнических листков, с финансовой точки зрения, чаще всего, невозможно в каждом случае обращаться в суд, и так выявляется целенаправленная система клеветы. В случае Питтингера и в Плауэне именно БТ искажила до противоположного смысла текст судебного приговора²³. Зачем же тогда нужны суды, если последнее оружие защиты чести выбивают из рук? Да, БТ удалось в своем сообщении о процессе в Плауэне меня связать с убийством Гарайса²⁴.

Ранее я не настаивал на большом штрафе, потому что мне достаточно установления по суду того факта, что выдвинутые мне обвинения — неправда; но после такого поведения БТ я прошу увеличить размер штрафа и, как устрашающий пример для редакторов БТ — главного исходного пункта военного похода против меня, лишения свободы. Как человек я требую защиты своей чести, чтобы в будущем каждый подумал, прежде чем повторять эту клевету. Также следует увеличить размер денежного штрафа, т. к. 1000 [марок] для такого учреждения, как «Берлинет тагеблатт», — ничто; в других странах подобные штрафы гораздо крупнее, например, несколько лет тому назад лондонская «Таймс» в аналогичном случае уплатила денежный штраф 20 000 марок. Потому что это самая низкая клевета — называть государственным преступником и сутенером Францию человека, который 4,5 года в окопах воевал против французов»²⁵.

Суд удовлетворил просьбу Гитлера и увеличил размер штрафа с Домбровски до 2500 рейхсмарок, но отклонил просьбу истца о лишении свободы ответчика за «оскорбление клеветой». И против этого приговора обе стороны апеллировали в верховном суде Баварии, но без успеха.

Прежде Гитлер уже вел процесс об оскорблении личнос-

ти в суде первой инстанции Плауэна 9 июля 1926 года – против Ойгена Фрича, редактора близкой к СПД газеты «Плауэнер фольксштимме»²⁶. Началом этого дела стали эмоциональные дебаты в городском собрании депутатов Плауэна 24 августа 1925 года. Фрич, отвечая на упрек одного из народных депутатов, что СПД якобы поддерживается «восточными евреями», сказал: «Если Вы полагаете, что мы получаем еврейские деньги, то я отвечу тем фактом, что Гитлер получил 32 000 франков французских денег». Адвокатом Фрича был Пауль Леви, Гитлера защищал Артур Мюллер. Газета «Нойе фогтлэндише цайтунг» 10 июля 1926 года поместила сообщение о «процессе Гитлер–Фрич»:

«(Гитлер) темпераментно рассказывает, как развивались события в Мюнхене с момента начала революции и какое место он и его сторонники занимали в политической борьбе. План Антанты состоял в том, чтобы спровоцировать революцию в Германии, для чего, когда Курт Эйсер в Мюнхене провозгласил о начале революции, в Баварию потекли примерно 175 миллионов марок. Баварская революция имела сепаратистскую тенденцию, имперские кокарды сняли, а баварские оставили. Частный истец коснулся мошенничества Фехенбаха и махинаций людей, обделывавших политический гешефт»²⁷. Национал-социалистическое движение с этого момента работало, чтобы воспрепятствовать сепаратистским тенденциям в Баварии. Он, Гитлер, в борьбе против сепаратистов и федералистов навлек на себя... наказание»²⁸. В 1922 и 1923 годах он уже приводил доказательства того, что это сепаратистское движение в Баварии было связано с Дортоном в Рейнланде.

Национал-социалистическое движение было с самого начала велико-германским. Оно не имеет ничего общего со случаем Рихерта, нашедшего свое покаяние в суде, также ничего общего с Королевским союзом, но оно стоит близко к созданному в сентябре 1923 года Союзу борьбы»²⁹. Деньги, пришедшие от Рихерта, были использованы против Франции. Национал-социалистическое движение не получало денег, ни лично он, ни другие, и также – ни одного франка. Фухс и Маххаус, по его словам, однажды пришли к нему с предложением о переориентации на Запад, но были выброшены за дверь. Оратор бичует

развязанную против него кампанию клеветы. Предателя Людеке он никогда не видел³⁰. На процессе Питтингера было установлено, что случай Людеке не должен рассматриваться. Д-р Гансер хотя и передавал иностранные деньги, но не французские франки³¹. В заключение Гитлер отверг обвинения в том, что за национал-социалистическим движением стоят немецкие промышленники»³².

16 июля 1926 суд присудил Ойгена Фрича к денежному штрафу в 150 рейхсмарок — за клевету; тот подал апелляцию.

В своей речи «Южный Тироль и еврейский патриотический обман» 11 мая 1927 года в Нюрнберге Гитлер, имевший не очень высокое мнение о юстиции, презрительно высказался по поводу суда Веймарской республики:

«Варварские судебные приговоры передовым бойцам идущей вперед Германии доказывают, вместе [именно так!] с крайне мягкими наказаниями преступной клеветы противника, что сегодня мы дважды правы. Пусть одни считают честью представлять сегодняшнее государство, другие же считают честью иметь возможность бороться за будущее государство»³³.

В полицейском отчете говорится, что Гитлер упоминал также о своем процессе по защите чести против Йоханнеса Мюллера, редактора газеты «Апольдаер фольксцайтунг», в связи с появившейся в январе 1926 года его статьей «Гитлер, как настоящий клятвопреступник». Тогда Мюллер был оштрафован судом на 75 рейхсмарок³⁴.

14 июня 1927 года Гитлер снова предстал перед судом, на этот раз — перед земельным судом в Ансбахе. Настоятель бамбергского собора Георг Шпонсель во время собрания католической общины домработниц перед выборами ландтага Баварии в 1924 году сказал, что католик Гитлер будучи школьником выплюнул освященную просфору³⁵. Суд назначил Шпонселю денежный штраф в сто рейхсмарок. Тот обжаловал решение в верховном земельном суде Баварии, который отменил приговор и возвратил дело в суд первой инстанции Ансбаха из-за процедурных ошибок. В газете «Фрэнкишен цайтунг» от 15.6.1927 в материале под заголовком «Судебные слушания» можно было прочитать:

«Истец Гитлер подчеркнул, в частности, как его преследуют только за то, что он стремится к „единству“ немецкого народа; он удивлен тем, что для него и его сторонников ни разу не применили §193; ему важно, чтобы обвиняемый понес наказание; величина штрафа его не интересует. В противном случае, никогда не прекратятся несправедливые обвинения в его адрес; его товарищи за оскорбление наказывались большими денежными штрафами и лишением свободы»³⁶.

Шпонсель заявил, что на следующем собрании католической общины домработниц он взял назад свои слова, которые были пересказом сообщения газеты «Байерише курир». В декабре 1927 года верховный земельный суд Баварии оправдал Шпонселя, а судебные издержки отнес на счет Гитлера³⁷.

В своей речи 29 февраля 1928 года («Баварская народная партия и газета „Байерише курир“ — опоры трона и алтаря») Гитлер еще раз вернулся к этому делу:

«Вы слышали, как близка социал-демократия христианству и религии. Та же самая социал-демократия позволяет себе в своем мюнхенском органе распространять подлую ложь: якобы, я в возрасте тринадцать лет выплюнул просфору. На следующий день «Байерише Курир» перепечатывает сообщение. Я не знаю, был ли у них предварительный сговор. В любом случае это напечатано после. А потом ложь будет распространяться по всей Германии всеми благочестивыми листками, хотя упомянутая средняя реальная школа сразу же заявила, что это неправда, что я никогда не был исключен и т.д.³⁸ Все едино, ложь распространяется дальше. Да, я спрашиваю Вас: даже если бы это было на самом деле с тринадцатилетним мальчиком, следует ли обвинять тридцатидевятилетнего взрослого человека, пытаюсь исключить его из политической жизни? (Возглас: Нет!) Но так как это еще и неправда, насколько же подло эти люди для своих политических гешефтов используют даже святой алтарь! Для них все годится, лишь бы можно было спекулировать. Я не знаю, друзья, по-христиански ли это?»³⁹

Июлем 1929 года датируется удивительный документ, написанный Адольфом Гитлером. Вопреки своему обычаю не писать лично «рядовым» товарищам по партии, Гитлер

посчитал необходимым послать подробное письмо простому партайгеноссе из Бадена Герману Фридриху⁴⁰. В стиле фридриховских «заметок на полях» и докладов Гитлер изложил блестящее по стилю обвинение несчастного Фридриха:

«Хотя мое время чрезвычайно ограничено, т. к. у меня много другой работы, чем думать о склоках или недисциплинированности отдельных партайгеноссе, но в виде исключения считаю себя обязанным исчерпывающе ответить Вам на письма, время от времени присылаемые мне.

Я сделал такие выводы из Ваших писем:

1. Вы упрекаете центральный комитет, что он не ставит меня в известность о всех поступающих письмах, утаивая их от меня. Это дерзкое самомнение я самым решительным образом отмечаю раз и навсегда. К сожалению, я вынужден читать слишком много чуши, чтобы всегда лично высказать свое отношение. В Ваших письмах, в которых Вы подозреваете Бога и мир, ощущается в первую очередь беззащитность, но не приводится действительно обоснованной причины для этого [!]. Я не являюсь служащим господина партайгеноссе Фридриха, а отвечаю за все движение в целом. Я не являюсь также лакеем партии, а я создал это движение, не получаю от него денег и имею лишь одно желание вложить в него мою жизнь и мои силы. Мое окружение, знающее эту задачу, обязано, по возможности, облегчить ее. Товарищи, которые не понимают этого, думают, что оно, несмотря на так называемую начальную политическую подготовку, либо глупое, либо бесцеремонное. Центральный комитет и работающие в нем товарищи заняты огромной практической работой, гораздо большей, чем думают склочничающие [!] партайгеноссе за его пределами. Если в центральном комитете есть недостатки, то мне не нужны глаза партайгеноссе Фридриха из Бадена, чтобы увидеть их. Это дерзкое самомнение — принимать меня за слепого, как будто я второй по способностям склочник в партии. В конце концов, даже в этом проявляется окончательно результат жизненного труда.

2. Вы обвиняете, на примере одного, все отделения в Бадене, что они уличены в заносчивости, грубости, пристрастнос-

4 Противники Гитлера в НСДАП

ти, считаете, что человек в коричневой рубашке способен только подставлять свою голову. Прежде чем Вы, партайгеноссе, подставили свою голову за национальное дело, каждый из нас, если угодно, делал это тысячу раз. Партайгеноссе Вагнера я знаю не по пирушке, а знаю по часам, когда точно так же нужно было подставлять голову. Как неслыханное оскорбление я отмечаю то, что Вы себе позволяете косвенно упрекать другие умы движения в том, что они не готовы отдать себя целиком за прочность партии, особенно если речь идет о людях, которые уже проявили свои убеждения в то время, когда Вы сами еще находились совсем в другом лагере⁴¹.

Ваш упрек в пристрастности Вы сами сняли своей собственной пристрастностью. Из всего написанного Вами я вижу постоянство лишь в одном — что в Бадене есть человек, который, кажется, вообще не способен думать иначе, чем пристрастно, и этого человека зовут партайгеноссе Фридрих. Он в каждом видит врага, в каждом подозревает предателя, в каждом чувствует донос, в каждом мнит засаду и знает, что каждый на него в Мюнхене клеветает. Если бы это был не партайгеноссе Фридрих, а незнакомый мне человек, я бы назвал это выражением нечистой совести. Думаю, у Вас такая же болезнь, какую Вы пытаетесь найти у других. Далее, я отмечаю упрек в высокомерии. Каждый, кто делает определенную работу, может и должен гордиться ею. По-моему, высокомерие — это когда человек не замечает достижения в работе других, а видит только свои. Таким высокомерием дышит каждая строчка Вашего письма. Вы видите только свой политический путь, только свою борьбу, только свои заботы и свое право, но ни в одном письме не высказали уважения к аналогичным ценностям других.

Среди тысяч писем, которые я получаю, есть в лучшем случае одно, показывающее такое высокомерие. И оно неизменно несет подпись партайгеноссе Фридриха из Бадена. Вы жалуетесь на грубость встретившихся Вам отделений партии. Как раз Вы лично не имеете ни малейшего основания выступить здесь судьей других. Грубость — воровать время других людей вечным враньем, измышлениями, склочными письмами и т. п. Грубость — обвинять других в том, что они препятствуют

правде дойти до вождя. Грубость — ожидать от вождя, что он удлинит день до 48 часов, чтобы заниматься уборкой принесенного кем-то мусора, не представляющего для движения ни малейшего интереса. Если бы товарищи знали, какой всегда личной чепухой Вы воруете время у руководителей партии, то Вы получили бы очень впечатляющий [!] ответ на эту грубость. Грубость — угрожать товарищам по партии или даже третировать их, наконец, грубость — распространять или передавать ложные сплетни, например ложь о том, что депутат Штрассер в белом жилете и черном фраке в Саксонии кутил с роскошными дамами и господами в то время, когда другие, и снова, конечно, Вы, господин партайгеноссе, подставляют голову^{А2}. Партайгеноссе Штрассер боролся за эту идею и проливал кровь, когда Вы еще не подозревали, что за это можно бороться! То, что уже в 1923 году партайгеноссе Штрассер, многократно рискуя жизнью, внес свой личный вклад в наше дело, не мешает партайгеноссе Фридриху, не по заслугам, видеть только свое Я.

Говоря по существу, я хотел бы подчеркнуть следующее: организация национал-социалистического движения не делает никому исключений. Партайгеноссе Фридрих не более ценен для движения, чем любой другой партайгеноссе. Все, что делает каждый из нас, включая меня, может, если угодно, выполнять также партайгеноссе Фридрих.

Если партайгеноссе Фридрих думает, что может получить для себя особый статус, то он должен вынести такое предложение на ближайшее общее собрание членов партии, именно так, потому что то, что хорошо для 140 000 членов партии, должно быть принято господином партайгеноссе Фридрихом, как бы это ему не нравилось. Пока в партии существуют равные права для всех, они есть и у Вас. Поэтому я не принимаю Ваше объяснение, что Вы не подчинитесь решению какого-либо созданного для Вас комитета по расследованию и улаживанию конфликта. С тем же правом любой другой партайгеноссе может отклонить и свой комитет. Партайгеноссе Фридрих из Бадена не имеет в партии никаких привилегий, а делает точно то же самое, что должен делать любой другой. Если партайгеноссе Фридрих не может выполнять этого само собой разу-

меющегося принципа любой организации, то он должен выйти из организации и может, по моему мнению, создать собственную организацию, в которой высшим руководящим принципом будет: *Здесь каждый делает то, что может.*

Для НСДАП я в любом случае запрещаю [именно так!] подобную точку зрения. Я должен Вам теперь сказать следующее:

1. Я запрещаю Вам отныне посылать письма в центральный комитет, в том числе и в обход Вашего местного партийного отделения.

2. Я требую, чтобы Вы безусловно, как любой другой партайгеноссе, подчинялись указаниям Вашего местного партийного отделения.

3. Я запрещаю Вам распространять слухи или, как в случае со Штрассером, ложь о партии или отдельных ее вождях.

Этим письмом я предупреждаю Вас и обещаю, что если Вы не выполните эти условия или я получу жалобу, немедленно произойдет Ваше исключение из партии.

Я решился, вопреки моему принципу, на такое длинное письмо потому, что считаю, что имею дело с партайгеноссе, который в глубине души, несмотря на все, имеет доброе сердце, но запутался в конфликте между своей сущностью и темпераментом. Позаботьтесь сами о том, чтобы это мое мнение было правильно понято.

Хайль

Гитлер»⁴³.

В конце 1929 года Гитлер столкнулся с яростными нападениями председателя Баварской народной партии (БНП) д-ра Фритца Шэффера⁴⁴. Последний в своем предвыборном воззвании от 4 декабря 1929 года объясняет:

«Национал-социализм, как следует из названия, является национализмом и социализмом. Это наш враг, потому что социализм — наш враг. Он также наш враг, потому что это — шовинистический нехристианский национализм, опьяняющий себя фразой, не обладающий никакими созидательными силами и полностью распыляющий национальные силы немцев. Поэтому Баварская народная партия ведет борьбу с марксист-

ским и националистическим социализмом и всеми его подголосками. Кажется, что это два фронта, но в действительности — только один фронт»⁴⁵.

На подобное объявление войны Гитлер должен был отреагировать. 7 декабря в газете «Фелькише беобахтер» появился ответ Гитлера, озаглавленный «Спасение марксизма с помощью буржуазии» (см. Документ I). В нем дан подробный ответ Гитлера политику другой партии. Д-р Йозеф Гебельс писал об этом в своем дневнике: «Письмо Гитлера руководителю Баварской народной партии Шэфферу. По содержанию — снова выдающееся, по стилю — не такое отточенное, как у господина фон Зодена»⁴⁶.

Еще незадолго до прихода Адольфа Гитлера к власти, 19 ноября 1932 года рейхспрезидент фон Гинденбург спрашивал Фрица Шэффера о личности Гитлера и о позиции НСДАП в вопросе формирования правительства. Шэффер на это возразил: «Я сам считаю, что характер и личность Гитлера не соответствуют этому. Опасность заключается меньше в личности Гитлера, чем в его окружении... Сам Гитлер, несомненно, кое-чему научился... Мои политические друзья не будут в восторге, если Гитлер станет канцлером, но ради единства мы отодвинем в сторону все личные вопросы»⁴⁷.

28 января 1933 года Франц фон Папен вел переговоры с государственным советником Шэффером, который сразу же разъяснил, что как он, так и Брюнинг готовы к вхождению Гитлера в правительство в качестве министра. Очевидно, что Шэффер мгновенно повернул направление своих взглядов. Однако в феврале 1933 года он говорил в Форххейме, что на границе арестован, предположительно, рейхскомиссар Баварии⁴⁸. В предвыборной речи 24 февраля в Мюнхенском Выставочном павильоне Гитлер остановился на этом вопросе:

«Если кто-нибудь сегодня думает, что он может угрожать линии на Майне, то это не политика Баварии или Южной Германии, а политика партии. Такой политики больше нет, если же, наоборот, кто-нибудь снова поднимет этот вопрос, то Бавария сама разобьет такую попытку. И Вы можете понять одно: я сам — баявар по происхождению и рождению. Впервые

после образования рейха сан Бисмарка передается в руки баварца. Я считаю себя ответственным, и поможет мне Бог, за то, что доверенное мне вместе с этим саном никогда больше не распадется»⁴⁹.

4 июля 1933 года БНП приняла решение о самороспуске.

Гитлеру удалось — также с помощью судебных процессов — всех этих противников в конце концов победить. Он был более современным, находчивым и хитрым, чем все они. И он слепо верил в свою принадлежность к творящим историю. Нисколько не смущаясь катастрофой, происходящей вокруг него, в середине 1920-х годов он, будучи руководителем незначительного политического движения, нарисовал в своей записной книжке подражающие античным формам гигантские здания, с огромными залами под куполами и триумфальными арками, которые он еще тогда задумал воздвигнуть, — безошибочный знак того, что внутри него жило, несмотря на все препятствия, ожидание великого будущего. Во время одного проезда через массу ликующих сторонников чуть позднее он стал верить в то, что является инструментом Бога, предназначенным для спасения Германии⁵⁰.

«Гитлер угрожает кронпринцу Руппрехту»

Дискуссия с монархистом графом
Йозефом фон Зоден-Фрауенхофеном

Характерное выражение, которым комментировал назначение Гитлера рейхсканцлером проницательный наблюдатель, было также общим настроением большей части немецкой аристократии, которая в Гитлере видела лишь выскочку. *«Бродяга, человек, который до 1914 года ничего не добился»*, писал он, *«„неизвестный солдат“ большой войны, оратор мюнхенских пивных, часто высмеиваемый, член партии, насчитывавшей всего семь человек, теперь у власти и с ним его движение, вызванное им к жизни и охватывающее тринадцать миллионов немцев»*¹.

Некоторые монархисты надеялись, что Гитлер реставрирует монархическую форму правления. Но все они ошиблись в нем. Лишь немногие из организованных монархистов, независимо от того, были ли они сторонниками дома Гогенцоллернов или Виттельсбахов, рискнули сопротивляться ему.

Один из этих немногих — граф Йозеф Мария фон Зоден-Фрауенхофен — родился 30 мая 1883 года в Нойфрауенхофене вблизи Ландсхута. Его отец, барон Максимилиан Мария фон Зоден, был депутатом германского рейхстага, камергером баварского королевского двора, имперским советником короля Баварии и президентом баварского Совета сельского хозяйства, а позднее — даже министром внутренних дел. Кроме этого, он основал Баварское объединение сберегательных касс.

После окончания четвертого класса гимназии юный Йозеф стал королевским пажом, так для 13-летнего «мальчи-

ка-аристократа» открылись двери дворца Максимилиана в Мюнхене. После экзамена на аттестат зрелости началась его двухгодичная служба в армии как солдата артиллерии, а затем — изучение права в Мюнхене и Гренобле. В 1911 году он короткое время служил в баварском Министерстве внутренних дел, а затем зачислен в состав баварского королевского посольства при берлинском дворе в качестве секретаря 2-го класса. В начале войны он был ордонанс-офицером при штабе пехотной бригады, был ранен, а в 1915 году болезнь поставила крест на короткой военной карьере графа. Зоден вернулся в Берлин, на прежнее место службы.

Он участвовал в мирных переговорах с русскими в Брест-Литовске в качестве референта графа Клеменса Подевиля. 1 января 1919 года он назначается правительственным асессором в баварское Министерство внутренних дел, но советская республика отказалась от его услуг, и он отправился в Бамберг, где в «полуофициальном» правительстве Баварии в «изгнании» во главе с премьер-министром социал-демократом Хоффманом возглавил отдел полиции. После того как правительство смогло вернуться в Мюнхен, граф Зоден стал начальником «полицейского участка Северной Баварии», который, однако, уже в октябре 1921 года был расформирован. Теперь фон Зоден, имевший к этому времени тесную связь с кронпринцем Руппрехтом, вступил в Оборонительный союз «Бавария и рейх» д-ра Отто Питтингера, упоминавшегося выше². Вскоре он стал шефом кабинета кронпринца, размещавшегося в Лейхтенбергском дворце, рядом с исторической Одеонсплац в Мюнхене.

В его функции входило ведение переписки своего патрона и, самое главное, помощь в политической подготовке реставрации монархии. В этом качестве он контактировал с политиками различных направлений, например кардиналом Фаульхабером, культурологом Освальдом Шпенглером или влиятельным капитаном рейхсвера Эрнстом Рёмом. Он стал также непосредственным свидетелем гитлеровского путча³.

Вечером 9 ноября 1923 года в «Бюргербройкеллер» собрались представители баварских консервативных кругов, фактически все, кто имел влияние в Мюнхене, был там и граф

Зоден-Фрауенхофен. Еще во время собрания его попросили выйти из зала, затем его арестовал Рудольф Гесс, «заместитель фюрера», и доставил как заложника в дом издателя Лемана на Гросхесселоз⁴. Гесс, пишет Зоден, произвел на него «приятное впечатление»⁵. Основание для ареста Зодена сегодня трудно установить, но многие национал-социалисты считали его «уполномоченным Ватикана».

Как считает историк Альфонс Беккенбауэр, кронпринц Руппрехт уже в 1919 году вел переговоры с Гитлером⁶. Однако если вспомнить, что лишь в сентябре 1919-го никому не известный Гитлер вступил в малочисленную политическую группу — Немецкую рабочую партию, о которой вряд ли кто-нибудь знал, то возникают большие сомнения по поводу такого утверждения. Только с начала 1922 года отмечаются более интенсивные контакты между НСДАП и Руппрехтом. Они проходили преимущественно через посредников: Макса Эрвина фон Шойбнер-Рихтера, Эрнста Пенера, Риттера фон Эппа и Эрнста Рёма, которые действовали в основном по приказаниям Людендорфа⁷.

По словам Зодена, Рём с молитвенно сложенными руками упал на колени перед Руппрехтом и умолял кронпринца вступить за Гитлера⁸. Но тот, кто знает характер склонного к интригам ставшего впоследствии начальником штаба СА Рёма, наверняка назовет выдумкой это утверждение графа Зодена. Вероятно, в начале 1925 года состоялась первая личная встреча Гитлера с графом Зоденом. Она проходила в мюнхенской квартире начальника полиции Эрнста Пенера. Но о факте этой встречи нет надежных доказательств. В начале разговора Гитлер извинился перед Зоденом за его арест в ноябре 1923-го; он не давал такого распоряжения.

Зоден пишет: *«Сначала он говорил спокойно, но постепенно — все громче и взволнованнее, наконец, перешел на крик, жестикулировал, бегал по комнате, выступая передо мной как перед толпой... Могу только добавить, что особенно поразил меня в Гитлере какой-то нездоровый взгляд, отталкивающий, как у рыбы»*⁹. *«Парень совершенно сумасшедший»*, — резюмирует Зоден.

В 1924 году в соответствии с планом Дауэса досрочно был

урегулирован вопрос о репарационных обязательствах Германии по Версальскому мирному договору. В 1929 году они опубликованы в так называемом плане Юнга, названном по имени Оуэна Д. Юнга, председателя экспертного комитета по вопросам репараций. Против этого плана выступил созданный летом 1929 года «Имперский комитет по требованиям немецкого народа», его инициаторами были Немецкая национальная народная партия (DNVP), «Стальной шлем» — союз фронтовиков, Общегерманский союз и НСДАП. Этот комитет предложил проект «Закона против порабощения немецкого народа»; 4 139 000 человек, т. е. 10,6 % имеющих право голоса, подписали «Требования немецкого народа». Рейхстаг отклонил проект закона. Но для партии Гитлера эти «Требования немецкого народа» имели громадное значение, потому что впервые позволили ему и его движению наладить связь с влиятельными финансовыми кругами и издательским концерном Гугенберга.

В газете «Мюнхнер телеграмм цайтунг» 24 октября 1929 года под заголовком «Кронпринц Руппрехт против требований народа» помещено разъяснение Мартина Лойбла, депутата рейхстага от Баварской народной партии, который заявил, что Руппрехт не хочет подписывать «Требования народа». После этого Гитлер с помощью художника Карла Рейхеля безуспешно пытался убедить баварского кронпринца поддержать «Требования». Рейхель рисовал портрет кронпринца Руппрехта в начале 1919 года, после бегства того из Баварии, в его имении вблизи Михельдорфа, но теперь был близок к НСДАП и Гитлеру. Художника принял начальник управления двора и имущества кронпринца Руппрехта и председатель фонда компенсаций двора Виттельсбахов принц цу Эттинген-Валлерштейн, и Рейхель потребовал от них убедить своего господина выступить с разъяснением, что Лойбл неправ¹⁰.

В том же духе Рейхель и вождь баварского «Стального шлема» Риттер фон Ленц пытались убедить графа Зодена. Рейхель во время телефонного разговора с Зоденом заявил, что если не появится разъяснения кронпринца, то НСДАП использует всю свою мощь для открытой борьбы с монархией. Граф Зоден повесил телефонную трубку. Кажется, тогда

Рейхель намного превысил данные ему Гитлером полномочия, потому что подобное высказывание не вязалось с тогдашней тактикой Гитлера, который именно в этот период старался завоевать для национал-социализма *все* слои народа. 1 ноября 1929 года в той же газете появилась статья главного редактора Карла Рабе «Гитлер угрожает кронпринцу Руппрехту — ультиматум национал-социалистов»¹¹. Гитлер был вне себя и на 6 ноября 1929 года назначил собрание в «Бюргербройкеллер», где он выступил перед 3000 слушателей с речью «Политика кабинета и Требование народа — ответ графу Зодену»¹².

На следующий день в специальном выпуске газеты «Фёлькише беобахтер» появилось «Открытое письмо Адольфа Гитлера графу Зодену», являющееся одним из самых радикальных документов Гитлера «периода борьбы»:

«Господин граф Зоден,

Вы, господин граф, как шеф кабинета Его Королевского Высочества кронпринца баварского Руппрехта, изволили в газете „Мюнхнер телеграмм цайтунг“ сделать тяжелый выпад против меня лично, подозревать меня и клеветать на меня. Ниже я даю мой ответ и мое опровержение. Если я занят сейчас планом Юнга, а также основными причинами моего отклонения этого документа, то это происходит потому, что в нем можно найти повод начатой Вами борьбы. Я говорю однозначно: только повод, потому что причина, естественно, лежит глубже.

Когда в ноябре 1918 года наш народ, подготовленный разлагающей деятельностью социал-демократов и подталкиваемый ложными обещаниями марксистско-демократических и центристских партийных вождей, сложил оружие, он вышел на дорогу, которая может вести только вниз. С подписанием договора о прекращении огня мы впервые отказались от обеспечения существования нашего народа и рейха посредством собственной мощи, поставив на ее место надежды на иностранные обещания, разъяснения, на фиктивное право — и не в последнюю очередь — на собственную невиновность и на честное намерение дать в будущем миру, как и раньше, пример и образец мирного образа мысли.

Трусливые предупреждают, что, после того как оружие не смогло обеспечить свободу, его место должна занять работа. Упорная, самоотверженная работа, бережливость и готовность к жертвам должны не только быть средством умиротворения вражеских притязаний, но и постепенно убедить враждебные народы и их правительства в том, что будущая Германия окончательно отказалась от прежнего образа мыслей о необходимости мощи, и поэтому достойна другого отношения к ней как признавшая себя побежденной. Лозунгом этой будущей Германии должно стать „Через работу — к свободе“. Новый лозунг сразу же миллионами не слепых немцев распознан как нелепый и зловещий. Он противоречит всему историческому опыту. Ни разу за последние семь тысяч лет не было примера, чтобы народ пришел к свободе на пути мирного выполнения притязаний врага.

История однозначно учит нас, что народы, которые определенное время платили дань, привыкали к такому положению, так же как привыкал получатель дани. Да, со временем победитель находит получение дани своим естественным «правом», как и наоборот, платящий дань народ, из-за недостатка мощи осужденный на несправие, постепенно теряет внутреннюю силу. Точно так же как любое право связано с силой, так и длительное лишение права ведет к потере силы. Такие народы пропитываются внутренней рабской психологией. На их дух и разум ставится клеймо послушности. Но послушный ум делает их все более готовыми для ярма. Если позднее вдруг такие народы решат, что выплата дани может дать им свободу, это сознание приведет их к краху. В конце концов, мы увидим перед собой массу рабов, уже по своему разуму и сущности больше не достойных свободы!

Обессиленные народы, конечно, всегда могут связать их падение с определенными причинами. Кто-нибудь найдет ответственного за их крах. Если причина — в недостаточном вооружении, то ответственны плохие военные мероприятия, которые должны быть заменены лучшими. Если виновато легкомыслие народа, то правительство обязано устранить это легкомыслие и, если необходимо, выбить его палками.

Если же сами правительства или правительственная сис-

тема ответственны за уничтожение империи, то народ должен убраться и позаботиться о замене лучшими. Подобную чистку призваны осуществлять все те, кто несет в себе лучшие черты народа, обладает силой и способностью к выполнению этой миссии. Ответственность должны брать на себя те, кто соединяет в себе способности и добродетели, потому что они обязаны выполнить поставленную задачу. Если же народы стараются показать миру недостойную рабскую позицию, то долг их лучших сил — яростно сопротивляться таким настроениям, чтобы ошибки бездействия во внешних отношениях не вели к подобным ошибкам внутри.

Потому что неверно думать, что недостойная покорность и терпеливая работа изменяют образ мыслей внешнего угнетателя и смягчат его к уступчивости, но точно так же неверно думать, что покорность и терпеливое выполнение своего гражданского долга в смысле несения тяжкого бремени налогов может улучшить плохое правительство, плохую систему или плохих людей. Так же, как во внешних отношениях существует лишь возможность борьбы, она существует и внутри.

При этом оружие может быть различным, но они боятся! Покорность плохой правительственной системы во внутренней политике не может привести ни к чему другому, как к добавляющейся к ней покорности во внешней политике. Мощное движение к свободе и национальной гордости народа с равной степенью выражается как внутри государства, так и вне его.

Поэтому ни один человек в народе не имеет права причитывать о порабощении другими странами или жаловаться на недостаток мужества для сопротивления, если он не может начать борьбу с внутренними проявлениями разрушения. И любая „мудрость“, заключенная в уступчивости во внешней политике, которую Клаузевиц однажды назвал трусостью, точно так же вредит внутри государства: а именно, „мудрость“ мириться с порядками, которые сами по себе разрушительны, но исходят от более сильных в данный момент. То, что более умный уступает, во все времена было комплиментом трусов — слабым, или — наоборот.

Если народы уступают внешнему гнету, то никогда нельзя отказываться от сопротивления этому. Но защитники под-

чинения объясняют отказ от попыток сопротивления тем, что они меньше оспаривают необходимость подобного сопротивления, чем считают, что для него „еще не пришли“ время и обстановка.

Это звучит хорошо и мужественно — говорить, что мы, конечно, за борьбу, но в другой момент. Опыт показывает, что для труса этот другой момент никогда не наступает. Почти никогда нельзя с уверенностью рассчитать заранее, что борьба будет успешной. Да, величие победы заключается, не в последнюю очередь, в величии сопротивления, которое надо преодолеть... Всемирная история показывает, что если в успехе борьбы сомневаются, то победы не будет [именно так!].

Слабый всегда найдет свое время и данный момент неподходящими для начала сопротивления, а вместо этого с сожалением заметит, что в прошлом благоприятный момент был упущен, но его надо снова использовать в будущем. Он будет проклинать в себе слабость, но не захочет в ней увидеть оправдание или даже долг к началу сопротивления. И если кто-то, несмотря ни на что, потребует такого сопротивления, то с торжественным видом — так как необходимость сопротивления больше нельзя оспаривать — начнет оспаривать метод сопротивления как ошибочный и ясно отмежует от него. Но, говоря в целом, никогда не придет из таких сердец к нации сила для сбрасывания иноземного ига. Всегда они останутся носителями несостоятельности и исполнительности. Победа над ними является внутренней предпосылкой победы над внешними врагами. Сегодня изнутри скованы немецкий дух, немецкая душа, а также — немецкая воля, и тем самым — немецкая сила. Тот, кто разорвет эти цепи, создаст могучую стихию для внешней борьбы.

Слабые всегда отрицательно отвечают на вопрос — является ли определенный уровень упадка или гнета оправданной причиной для сопротивления. Потому что, как только вы без нужды склоните голову в первый раз, тем легче отыщутся причины того, что после перенесения первого унижения сопротивление второму имеет меньше смысла. Если же подчинение произошло во второй раз, то в глазах слабого еще меньше оправдано выступление против третьего унижения. Так каждое новое

унижение увеличивает готовность к следующему, потому что величина до сих пор принесенных жертв снова и снова вырастает и все больше говорит против начала борьбы, связанной с новыми жертвами.

Если теперь правительства пойдут по такому пути, народ не должен следовать за ними. Потому что долг и обязанность всех порядочных и мужественных людей — помешать такому развитию. И они не должны внутри себя повторить то, в чем они упрекают правительство. Они никогда не должны считать „время неподходящим“ или „методы неправильными“, когда ситуация однозначно требует наступления! Уже десять лет Германия подчиняется одному приговору за другим.

Наша официальная правительственная пропаганда лжет, делая вид, что за это время ноша немного уменьшилась. Как раз наоборот. Сначала было заключено соглашение о прекращении огня на основе четырнадцати пунктов Вильсона. Затем потребовали новой „компенсации“, составлявшей тогда от 30 до 40 миллиардов. Пакт Дауэса поднял эту сумму уже выше 100 миллиардов, а план Юнга — до 138 миллиардов. Это означает, что гнет на Германию за последние десять лет не уменьшился, а непрерывно повышается. Это величайшее историческое доказательство того, что политический долг с помощью работы вообще не может быть погашен. Точно так же ложь, что Германия способна нести такой груз.

То, что наш народ до сих пор платил в качестве дани, поступало не из его доходов, а увеличивало его задолженность. Прием плана Юнга означает медленную продажу всего национального достояния Германии. Конечным результатом будет не только невозможность выполнения этого договора, но также одновременно вечный оброк нашего народа из займов, которые давят на наше национальное достояние как закладная. Немецкий народ погибнет под тяжестью этой непосильной работы и этой десятины.

Но этот договор невыполним не только в экономическом смысле, но, прежде всего, невыносим политически. Через 11 лет после окончания войны, в то время, когда всему миру ясно, что Германия не может быть виновником войны, заключен договор на основе самого низкого самобичевания всех времен, который

делает крепостными детей и внуков вплоть до отдаленного будущего. От нынешнего правительства мы не ждем ничего другого, чем принятия договора для нашего народа и готовности самому его подписать.

Тот, кто в 1918 году под предлогом, что немецкое знамя никогда больше не должно победоносно возвращаться с войны, разоружил наш народ и оставил беззащитным перед интернациональными финансовыми магнатами, не может сегодня желать его возрождения как сильной политической державы. Они хотят наш народ экономически и духовно сделать белыми неграми [именно так!]. Это цель еврейской расы, господствующей сегодня над Германией. В деле осуществления этой цели мы видим сегодня в Германии коалицию, простирающуюся от социал-демократии до Немецкой народной партии. Необходимо, господин граф Зоден, кратко охарактеризовать единый фронт тех, кто борется за план Юнга, вырастающий из состояния духа и душ людей:

а) Социал-демократическая партия. Она отрицает сегодняшний общественный порядок, государство и его традиционные институты. Она последовательно борется против любой религии, да, она пытается разрушить саму веру в Бога. Она полностью отвергает монархию как форму государства, представляя ее носителей либо как преступников, либо как дураков, ее сторонников как реакционных люмпенов или идиотов. Она протестует против идеи права, самообороны и защиты, засыпает все источники, из которых может прийти сила национального самосознания народа. Она отрицает значение личности, проклиняет чистоту крови, выступает за власть масс и смешение крови! Она разрушает великую линию развития нашей культуры, искажает и борется против ее духовных жертв, смешивает с грязью всех вышедших из народа великих героев, будь они поэтами или мыслителями, государственными руководителями или полководцами, учеными или художниками, королями, князьями или императорами. Ее борьба затрагивает каждую здоровую организацию, начиная с семьи и кончая государством.

б) Немецкая демократическая партия. Она во всем подготавливает дорогу марксизму, покрывает его и надеется вмес-

те с ним извлечь выгоду из бедствий народа. Ее духовная вер-хушка — финансовое еврейство, которому марксистские ку-лаки придают грубую физическую мощь. Социал-демократия и демократия в действительности одно и то же, различия между ними — лишь в различии знаний, формировании харак-теров и в положении людей! То есть для Вас может быть не безразлично, как обе эти большие группы относятся к вопросу монархии или республики. И здесь, господин граф, без сомне-ния, всему миру ясно одно: все партии, поддерживающие фронт Юнга, безоговорочно стоят на почве фактов и единодушно при-знают республику как единственную форму государства. Да, часть этих партий помогла свергнуть с трона дом Виттель-сбахов, в то время как другая — оправдала это и приняла как должное. Социал-демократия разрушила королевский трон, который Вы поддерживали как шеф кабинета последнего пре-зидента, но Баварская народная партия представляет новую власть как „установленную Богом“ и „власть желанную Богу“. По сему, господин граф, любые софистика и буквоедство не могут изменить ничего! Им противостоят сегодня в составе Фронта требований народа те союзы и партии, которые либо признают монархию как правильную форму государства, либо, по меньшей мере, проклинают революцию 1918 года и отверга-ют ее результаты как незаконные. Однако национал-социали-стическое движение никогда не допускало сомнения в том, что если оно победит, то участники государственного политичес-кого переворота и бунтовщики 1918 года — а именно, вожди, а не рядовые — будут арестованы и отданы под суд. Национал-социалистическое движение до сих пор не касалось вопроса — республика или монархия, но оно является непримиримым про-тивником ликвидаторов старого рейха и признает, что оно без предвзятости будет исходить исключительно из истори-ческой целесообразности при рассмотрении вопроса о форме государственной власти. Оно видит в сохранении нашей нации цель нашего существования и задачу этой партии. Государство и форма управления должны лишь выполнить эту миссию и бу-дут наилучшим образом соответствовать этой задаче.

Таковы факты, господин граф.

Хотя лично я считаю, что борьба против плана Юнга под-

нимает вопрос, по отношению к которому каждый обязан занять определенную моральную позицию, тем не менее я могу представить, что озабоченный шеф кабинета посоветует своему королю или кронпринцу сохранять нейтралитет. Конечно, это „неумно“, господин граф. Мудрость советника короля состоит, собственно, уже в том, чтобы привлечь внимание своего патрона к силам, которые, по здравому рассуждению, будут движущим элементом исторического развития. Впрочем, это требует более чем простого понимания ситуации. Кто таковым не обладает, вряд ли может полагаться на инстинкт. Наоборот! Во все времена было так, что ограниченность прорицательницы — продуманный способ достижения нужного результата. Особенно часто это происходило с князьями, когда добропорядочное окружение вызывает волнения в спокойной жизни небольшого двора, за которыми следует борьба между князьями. Наслаждение надежным доходным местом при дворе не подвергаемого нападением претендента на корону для мелкой придворной знати гораздо удобнее, чем слава борьбы за трон, которая может закончиться не получением личного богатства, а эшафотом!

Я убежден, господин граф, что Вы себя считаете примерным управляющим имеющегося сегодня имущества Его королевского величества, но также и в том, что не Ваше призвание — помочь дому Виттельсбахов снова завоевать Баварию. Но именно в этом должна была бы состоять Ваша задача.

Я, господин граф, — лишь борец за мой народ. Вы — шеф кабинета последнего претендента на баварский трон и должны, по идее, бороться за эту корону. Я знаю, что Вы дадите мне ответ в том духе, что Вы не чувствуете себя достаточно сильным для выполнения подобной задачи, но тогда, уважаемый господин шеф кабинета, Вы, по меньшей мере, не должны разбазаривать то, что является материальной основой достижения этой цели другими.

То, что Вы сделали, господин граф, может быть позволено, в лучшем случае, управляющему домом, двором, кухней, погребом, но не шефу кабинета. Как я уже сказал, было неумно с Вашей стороны подбивать Вашего высокого патрона к молчаливому отклонению вопроса, согласие с которым приблизило

бы к нему, по крайней мере, каждого немца, который полностью еще не порвал со старой традицией. Так как подобное решение предположило бы наличие исключительной способности оценивать будущее развитие, а Вам, господин граф, явно недостает такой способности, то было бы правильно, по-видимому, одно — уговорить Вашего господина королевской династии — кронпринца Руппрехта держаться подальше от дела Требований народа.

То, что Вы, господин граф Зоден, не должны ни при каких обстоятельствах, как шеф королевского кабинета, делать [именно так!], так это — не бросать имя последнего представителя [именно так!] дома Виттельсбахов на чашу весов того фронта, который одиннадцать лет назад сверг с трона прежнего короля и даже изгнал его из страны.

Должен или нет кронпринц Руппрехт выступить в поддержку Требований народа, можно оценивать по-разному. Но то, что Вы, господин граф Зоден, имели смелость разыграть карту с именем кронпринца против Требований народа, делает Вас в моих глазах таким же неспособным, как и вредным представителем королевских интересов. И дальнейший успех Вашей деятельности со временем еще подтвердит перед историей правоту этого моего приговора.

Сначала я констатирую следующее: когда я узнал о том, что полковник фон Ленц пытался (не по поручению имперского или земельного комитета за Требования народа — поскольку таковых еще не существовало) за отклонение плана Юнга заручиться поддержкой влиятельных немцев также из Баварии и при этом имел в виду и кронпринца Руппрехта, я предостерегал от этого, считая это нецелесообразным¹³. Я был убежден, что при заурядности советников и ответственных лиц из окружения кронпринца последствия подобного выступления могут быть лишь неблагоприятными. Окружение не кажется мне сделанным из такого теста, чтобы оно могло противопоставить необходимую защиту от нападков, связанных с таким образом действий. Поэтому я предостерегал от подобного образа действий, и имперский комитет действительно не ввязывался в это дело!

Хотя Вам, господин граф, совершенно точно известно, как

Вы пишете в статье, помещенной в газете „Мюнхнер телеграмм цайтунг“, рукой вашего посредника господина Лойбла, что имперский комитет обращался к Его королевскому величеству. Это — первая неправда! Мне не надо здесь распространяться о великолепной интриге, которой обязана рождением статья депутата Рейхстага Лойбла. Эти подробности будут изложены в зале суда, они докажут, что Вы, представляющий имя Виттельсбахов, стали служить демократическо-марксистскому фронту борьбы. Это такое падение, за которое Вас следует если не гильотинировать, то, по крайней мере, уволить на пенсию!

Так просто каждый может использовать считающуюся невозможной ситуацию, как это делают марксистские листки, когда упоминают имя кронпринца Баварии в качестве доказательства правильности их политики.

Я не знаю, господин граф, раскладываете ли Вы перед милостивым взором Вашего „Высокого господина“ бесчисленные документы — свидетельства радостно-возбужденного одобрения, содержащиеся в самых грязных люмпен-газетах, какие только есть у нас в Германии. Я не знаю это, но думаю, что вряд ли! Когда я в первый раз узнал об этом шедевре Вашего, граф Зоден, кабинетного искусства, я был, естественно, возмущен, и вместе со мной — множество других. И возмущение вызвано не столько самим фактом опубликования этой позиции кронпринца, а, главным образом, убеждением, что здесь королевское имя [именно так!] самым безответственным образом использовано в преступных целях. Потому что, если даже кронпринц Рупрехт возбужден Вашими советами и попал под влияние Вашего доклада в том духе, что Требования народа — ни на что не пригодны, потому что должны рассматриваться как бесперспективными, то никто из нас ни секунды не сомневается, что он тем самым свое имя еще долго будет использовать во вред Национальному фронту и на пользу марксистам. Эта публикация могла появиться лишь без ведома кронпринца, и ответственен за это лишь один человек: граф Зоден.

После такого невероятного выпада против Национального фронта оппозиции, совершенного Вами без ведома и намерения кронпринца, я, естественно, должен высказать свою позицию.

Монархия, пока она существует, может быть в некоторых случаях независимой от тех, кто в данный момент ее представляет. Замечательное свойство этого учреждения — в спокойные времена оно может терпеть и мелкие души. Но это не означает, что последние не могут вредить этой идее. Поэтому после каждой серии посредственностей должен время от времени появляться выдающийся ум. Династии, дающие трону больше посредственностей, из-за этого, в конце концов, прекращаются. Необязательно короли должны быть гениями, но важно, чтобы они были здравомыслящими или, по крайней мере, находили себе советников, обладающих тем, чего недостает самим королям. Но печально или, по меньшей мере, удивительно, что во все времена дворы обладали буквально магнетической притягательной силой для людей, способностей которых в обыденной жизни едва хватает для исправления скромной должности.

Но интересно, что недостаток способностей у этих придворных нередко компенсируется чрезмерной заносчивостью, которая любое явление преломляет сквозь глупость и гордость, объединяемые словами „придворный подхалим“. Это биологический вид несет в 99 случаях из 100 вину и ответственность за крушение монархий и свержение королей.

Если же монархия как форма государственного правления какое-то время может существовать и при слабых правителях, то никогда посредственность не может создать или заново возродить монархию. До 1918 года можно было худо-бедно обходиться советниками Вашего, господин граф, качества и Вашего масштаба, без немедленного развала государства, но после того, как оно в конце концов развалилось из-за невозможности продолжения подобного состояния, действительно нельзя даже думать о его возрождении при подобной духовной работе. Но это не значит, что монархическая идея независима от нынешнего ее носителя. По крайней мере, пока монархия существует, частично или временами. Если же она прекратила существование, а ее место заняла республика, то монархическая идея отныне полностью является вопросом качества ее носителей и, значит, в первую голову, должна считаться с окружением двора [именно так!].

В Германии нельзя защищать монархическую идею, не имея в виду конкретного монарха. Без достойного претендента на корону монархическая идея — нечто иное, как сентиментальное воспоминание, которое никогда не станет действительностью, пока не появится личность живого будущего монарха. Национал-социалистическое движение не признало революцию 1918 года и никогда не сделает этого. Но я торжественно заявляю, что наша борьба ведется исключительно за интересы немецкого народа. Ни за республику как форму государства, ни за монархию. Станет ли когда-нибудь Германия снова монархией — для нас этот вопрос определяется только качествами монарха. Никогда мы не будем готовы реставрировать монархию лишь для того, чтобы посадить на трон Людвига XVIII [именно так!]¹⁴.

Вообще, исторически республики и монархии всегда соседствуют друг с другом. Если республики меньше заботятся об интересах народа, чем один делает на глазах у всех, то они уступают место монархии. Сила одной побеждает слабость другой. Монархии, имеющие „великих умом“ ответственных советников хозяина трона, таких, как, например, некий граф Зоден или некий принц Эттинген, будут уничтожены революциями и на их место придут республики. Но республики, которые продаются низкопробным, таким как наше сегодняшнее демократически-марксистское, правительствам, могут снова призвать королей. Мне не известен ни один случай в истории, чтобы советник подобного победителя республики был такого же типа, как чиновник сегодняшней канцелярии кабинета баварского кронпринца Руппрехта. Национал-социалистическое движение до сих пор оставляет полностью открытым вопрос об отношении каждого ее члена к проблеме „республика или монархия“. Но при этом оно подвергает своих сторонников многим несправедливостям, от которых защищены члены партий, признавших или признающих республику как единственно возможную сегодня форму государства.

Если в будущем станет возможно убрать из правительства вес королевского имени кронпринца Баварии без нарушения равновесия между партиями, которые либо свергли монархию, либо, по меньшей мере, признают республику как форму госу-

дарства, то больше не будет внутреннего побудительного мотива натравливать сторонников одной оппозиционной партии против уничтожителей немецкого народа лишь за то, что они не успели полностью признать республику (как, например, это сделала Баварская народная партия). Тем самым становится абсурдной мысль о реставрации, потому что носитель подобной идеи себя самого ощущает стоящим ближе к республиканским партиям, чем к тем, которые в этом вопросе еще не связаны обязательствами. Однако глупо лелеять подобные надежды в то время, когда республика как форма государства и идея уже укрепилась настолько, что в борьбе против национальной оппозиции выдающиеся представители монархической идеи — и это должно быть окружение королей — легализируют своей поддержкой республиканскую идею.

Как вождь национал-социалистического движения я поэтому решил на ознакомление партий, поддерживающих план Юнга, стоящих на республиканской платформе и подвергающихся нападкам, инициированным графом Зоденом и его сотрудниками, — в подчиненных мне органах печати, чтобы обсудить нецелесообразность дальнейшего продолжения нашего сегодняшнего непартийного направления.

Это неслыханная дерзость, господин граф Зоден, — Вы осмеливаетесь упрекать меня в том, что это будет угрозой кронпринцу Баварии. То, что предпринимаю или не предпринимаю в моей партии, господин граф Зоден, Вас совершенно не касается. Я не позволяю себе [именно так!] в своих решениях подчиняться Вашему присмотру. Я не позволю в дальнейшем ставить мне оценки, тем более что Ваши умственные качества, которых, может быть, хватает для того чтобы бросать на произвол судьбы остатки авторитета королевского двора, но недостаточны для того, чтобы руководить в борьбе за свободу даже самой малой местной группой национал-социалистического движения.

Вы, господин граф, растратили Вашей неспособностью и Вашими никудышными советами авторитет королевства, а мы вырабатываем у германского народа, по меньшей мере снова, уважение, которое надлежит оказывать тем, кто не хочет безоговорочно покоряться. Поэтому совершенно не важ-

но, как Вы, господин граф, оцениваете нашу борьбу против плана Юнга, во Франции, наверняка нас ненавидят больше, чем тех, кто этот план принял покорно и терпеливо. В жизни народов, кажется нам, ненависть и уважение точно так же идут рядом, как презрение — с дружеской любовью! Когда я, господин граф Зоден, в 1918 году основал национал-социалистическую партию, республиканскую, как и все остальные партии, то признавал в то время лишь те факты, перед которыми Вы тоже покорно склонялись. Но Вы с 1918 года не давали советов начать сопротивление; а мы уже десять лет не делаем ничего другого, кроме сопротивления.

Является ли национал-социалистическое движение монархическим или не монархическим, республиканским или не республиканским, — это в первую очередь исключительно его собственное дело. Вы можете, по нашему мнению, или радоваться этому, или Вы можете сожалеть об этом. Но это движение ни в коем случае не является Вашим, и то, что оно делает, Вас поэтому не касается и не может касаться. Потому что, если оно сегодня полностью признало бы республику, как сделала это Баварская народная партия, то и тогда Вы не имели бы права говорить об „угрозе“. Национал-социалистическая партия создавалась не для того, чтобы стать инструментом для старого придворного подхалима с высохшими мозгами. Она борется за немецкий народ и его будущее. Лишь тот, кто отдает себя этому народу, может когда-нибудь находиться под „угрозой“ с его стороны.

Вы, господин граф Зоден, попытаете в суде представить мне доказательства того, чем и как я угрожал баварскому кронпринцу, а я представлю Вам доказательства того, что это утверждение является полнейшей неправдой, за которую несет ответственность кабинет.

Далее Вы пишете, господин граф, в избранной Вашим монархическим оком „Мюнхнер телеграмм цайтунг“, что я якобы посылал к королю [именно так!] „посредника“ с „ультиматумом“. Все, с начала до конца, — полнейшее искажение. Вы так скромны, что умалчиваете, во-первых, имена «посредников», которых я якобы посылал. И Вы делаете это очень мудро, почтенный господин граф, потому что Вам точно извест-

но, что таинственный „посредник“ не является национал-социалистом, а совсем наоборот — он личный друг кронпринца¹⁵.

Не я просил этого господина говорить с Вами, а этот господин просил меня подождать с оглашением моей позиции, о которой он получил представление, так как он убежден, что кронпринц полностью невиновен, это его окружение пользуется его именем в корыстных целях. И этот господин, не являющийся членом нашей партии, но которого лично я тем не менее высоко ценю, руководимый исключительно заботой о кронпринце, просил меня, во избежание несправедливости не доводить содержание статьи до моих партайгеноссе до тех пор, пока она не будет напечатана. Я обещал выполнить эту просьбу человеку, о котором знал, что когда-то в трудные дни он приютил кронпринца у себя, — в те дни, когда нынешние Юнг-партии, которые Вы поддерживаете, разрушили монархию. Я сделал это также, понимая, что если кронпринц узнает о самовольном шаге своего окружения, появится опровержение. Потому что фактически над миллионами немцев тем самым творится большая несправедливость. А именно, причиненная Вами, господин граф!

Вы пишете в Вашем новом органе дома Виттельсбахов, что среди обоснований, приведенных моим „посредником“ в его ультиматуме, было якобы такое: национал-социалистическая партия когда-то выступала за экспроприацию собственности князей, но задним числом эту борьбу признали тактической ошибкой. Господин граф, не говорите о нашей позиции в то время, — Вы, несомненно, никогда ее не понимали! Для Вас использование имени кронпринца, как и злоупотребление им, освящено „тактическими“ целями. Мы же ни одной секунды тогда не думали о „тактических соображениях“.

Возможно, Вам, господин граф, потребовалось несколько месяцев, чтобы придумать, какой „тактический ущерб“ мы потерпим в борьбе против экспроприации князей. Но мы, господин граф, ни одной секунды не сомневались в нашей позиции по этому вопросу. Точно так же мы ни одной секунды не колебались в том, что есть вещи, по отношению к которым решается не „тактическая целесообразность“, а простое приличие. Мы потому выступили против экспроприации князей, несмот-

ря на все „тактические соображения“, потому что иное считали неприличным. И здесь мы расходимся с Вами, господин граф. Я плюю на любую дешёвую популярность и всегда буду поступать так, как мне подсказывает моя совесть, а Вы можете сколько хотите визжать, орать и проклинать меня! Господин граф Зоден! Моим друзьям и мне известно больше, чем мнение кронпринца Руппрехта о партиях, обороняющих сейчас фронт Юнга, предание которого гласности во время избирательной кампании будет для этих партий убийственным. Все „тактические соображения“, возможно, говорят именно за такую тактику, но есть одна причина для отказа от нее, господин граф, — наша порядочность. И поэтому мы не пророним ни слова. Да, поэтому мы совсем одиноки.

Я охотно верю, что Вы не в состоянии понять это, господин граф! Поэтому позвольте Вам сказать одно: единственная причина, по которой господин, которого вы любите называть моим „посредником“, пошел на такой шаг, не имеет „тактической“ природы, а лишь — порядочность и преданная дружба с кронпринцем. Действуя под влиянием этого чувства и получив опровержение в форме самовольно опубликованного Вами злосчастного разъяснения, он не стремился заботиться о моем движении, а только — о своем уважаемом друге кронпринце.

Это был страх того, что кронпринц Баварии Руппрехт вашим образом действий будет втянут во фронт, с которым он по внутренней склонности не хочет иметь ничего общего — уже из соображений чистоплотности. Это был также страх того, что, если сразу не показать несправедливость, сделанную в отношении кронпринца, она и будет расценена как несправедливость, чем кронпринц, без собственной вины, будет втянут в конфликт или, по крайней мере, — в противостояние с людьми, которые до сих пор были лояльны к судьбе наших немецких монархов. Потому что более 4 миллионов мужчин и женщин, подписавших Требование народа, за которыми стоят многие миллионы других, в своих душах не имеют ничего общего с преступниками ноября 1918 года. Все эти люди чувствуют, что это подлинное вероломство — с этой стороны ударить им в спину во время их борьбы за свободу немецкого народа!

Возможно Вы, господин граф, не понимаете, о чем идет речь. И у Вас, конечно, нет ощущения того, что неясное опровержение, появившееся перед завершением избирательной кампании, каждым порядочным человеком будет воспринято как неискренний маневр. Как одна из обычных небольших кабинетных спекуляций, с которыми уже раньше так много было промотано от авторитета короны. Если я теперь, господин граф, дам соответствующий ответ моим товарищам по партии в надежде, что ясное установление положения дел избавит кого-то от этого шага, достанет ли у Вас наглости описать это в Вашей бульварной газете как ультиматум?!

Конечно, господин граф Зоден, я тоже сделал ошибку. Я должен был ответить господину, который просил меня сначала не делать выводов для партии из Вашего образа действия. Я тоже верю, что лично кронпринц Баварии не был инициатором этого нападения на национальный фронт, однако его дело — исправить положение, а не мое дело — просить извинений. Кабинет, который позволил себе подобным образом опозорить имя представителя королевского дома, не сумеет понять такой сдержанности с нашей стороны. На нас напали, прикрываясь именем кронпринца, и я делаю выводы для моей партии, а его королевское высочество может, если найдет необходимым, сделать свои — т. е. людей из своего окружения, ответственных за это безобразие, наказать и удалить от себя. Это, господин граф, я должен Вам ответить, и опыт, полученный мной, предостережет меня в будущем еще раз в подобной ситуации надеяться на порядочность, пока Вы занимаете свою должность!

Впрочем, на суде Вам докажут, что то, что Вы назвали „ультиматумом“, даже текстуально было лишь „предложением“, и Вы сами в официально направленном мне письме от имени уполномоченного Вашей канцелярии заверили меня, что речь идет о наброске текста! Когда Вы потом разъяснили, что „посредник“ четко „уполномочен“ мною, это — новое искажение, потому что я лишь по его просьбе любезно уверил его, что не буду печатать мою статью до тех пор, пока либо появится опровержение, либо подойдет очередь на печать! Но и тогда это было моим делом и делом моей партии, которое Вас, господин граф, вообще не касается.

Когда Вы потом, господин граф, в одной статье объяснили, что я якобы угрожал в случае отклонения выдуманного Вами ультиматума резко напасть на монархию, то это — снова неправда. Пока монархию представляют такие люди, как Вы, господин граф, на нее даже не нужно нападать! Я тоже мог бы не бояться ужасного нападения на национал-социалистическое движение, если бы принял на службу нашего движения всего лишь в качестве писаря людей, подобных Вам. Милостивый боже, спаси монархию, советники которой так роняют реноме короля [именно так!], как это сделали Вы в данном случае! Которые так плохо информируют своего короля и побуждают его к таким несчастливым высказываниям, услужливо их распространяют и затем легкомысленно делают достоянием общественности, как это делаете Вы, господин граф!

То, что Вы назвали ультиматумом, на самом деле был лишь вежливо один раз названный временной интервал. К несчастью для Требований народа, Вы, господин граф, передали общественности слово короля [именно так!], не имея на это поручения, своевольно. Долг приличия требовал дать ясное опровержение в кратчайшее время, чтобы перед подписанием Требований народа исправить то, что было плохо начато. И не только долг приличия, но и требование каждого разумного человека. Именно в этом зарыта собака, уважаемый граф и шеф кабинета! Чтобы повредить Требованиям народа, Вы разыграли королевскую карту [именно так!], и поэтому нельзя ожидать опровержения такого злоупотребления раньше завершения срока подписания. Служит ли это на пользу королю [именно так!], для Вас, очевидно, безразлично. Для Вас, кажется, определяющим является то, что это вредит Требованиям народа.

И после этого Вы говорите о монархическом чувстве? Вы отваживаетесь упрекать других о недостатке монархического чувства? Если бы во все времена монархическое чувство находило таких жалких представителей, как Вы, то вопрос «монархия или республика» никогда бы не дискутировался. Но самое невероятное искажение в Вашей статье — Вы полагаете, что мы пытаемся склонить кронпринца к поддержке Требований народа. Так как Вы страстно хотели доказать это, то

начали давать волю фантазии и конструировать доказательство из словечек „предположения“, „ощущения“ и „намек“, но пользовались при этом ошеломляющей логикой.

Господин граф, Вы могли бы сначала предложить доверчивым людям изложенную Вами на терпеливой бумаге чушь. Поэтому я рад, что смогу доказать в суде всю возмутительность Ваших утверждений. Потому что, на самом деле, верно как раз противоположное. Национал-социалистическое движение для осуществления своей деятельности и для своего успеха не нуждается ни в одобрении, ни в самом имени короля. Мы начали свое дело не с благословения короля, а силой нашего убеждения, нашей волей и нашей решимостью. Единственное, чего мы ожидаем и можем ожидать, и не по своей воле, а из-за того, что остается открытым вопрос „республика или монархия“, чтобы короли сохраняли порядочный нейтралитет и не позволяли в один прекрасный день распоряжаться своим именем таким господам, как Пауль Леви, Криспиен, Гарайс, Гржезински, Зеверинг и т. д. Это все, что мы ждем от Вас!

Впрочем, я должен сознаться, что испытал внутреннюю радость, прочитав, что, по крайней мере, некоторые немецкие принцы, один немецкий король, один немецкий герцог и, возможно, другие в эти решительные дни вели себя мужественно и открыто присоединились к фронту национальной оппозиции в борьбе против новейшего указа о порабощении¹⁶. Я предполагаю, что у них не было злонамеренных советчиков, обладающих талантом лишь деревенского старосты.

Позвольте сказать Вам следующее, господин граф Зоден. Если бы я был советником короля, я бы, вероятно, разъяснил ему следующее: „Ваше королевское высочество, только что в Германии началась великая, возможно судьбоносная борьба. Наш народ получил как национальную оппозицию ядро партий и союзов, которые, по всей видимости, могут стать лучшей частью пробуждающегося немецкого народа. Впервые за одиннадцать лет, Ваше королевское высочество, с того дня, когда Ваш досточтимый отец должен был покинуть столицу земли, потеряв трон и все права, и никто не высказал готовности к сопротивлению, теперь кажется, что наш народ набирает силу для нового подтверждения своей воли к жизни.

Уже одиннадцать лет перед лицом нового, рассчитанного на бесконечное время порабощения впервые организуется общенациональное сопротивление. Если это сопротивление не одержит победу, то своим согласием на принятие новых планов Германия попадет под такой ужасный гнет, что для выполнения лишь финансовых требований должны под давлением исчезнуть последние остатки суверенитета земель. Поэтому я могу лишь предложить Вашему Королевское Высочеству в судьбоносной борьбе, поднимающейся теперь, присоединиться к борцам за национальную свободу. Если Вы, Ваше королевское высочество, потерпите поражение, то Ваше имя, по крайней мере, войдет в историю, овеянное почетом. Если Вы победите — даже не получив трона Вашего отца, — то немецкий народ найдет путь к свободе, со всем счастьем, исходящим из нее не только для рейха, но и для его земель. Поэтому я считаю правильным, Ваше королевское высочество, встать в этой борьбе на сторону немецкого народа и вписать свое имя, если не как король, то как немецкий гражданин, в книгу почета немецкой борьбы за свободу“.

Так, господин граф Зоден, я бы советовал кронпринцу. Вы, однако, могли бы сказать ему примерно следующее:

„Ваше Королевское Высочество, идет великая борьба, исход которой кажется мне неясным. Я настойчиво прошу Ваше королевское высочество в этой ситуации придерживаться полного нейтралитета и не одной из сторон не давать права пользоваться именем Вашего Королевского Высочества“. Это был бы совет, который все еще указывал бы на понимание и чувство ответственности. Это было бы не слишком патриотично, потому что такого от Вас, граф Зоден, ожидать не приходится, но, по крайней мере, порядочно.

Но так как я оцениваю королей по их окружению и думаю, что достаточно хорошо знаю окружение кронпринца, чтобы считать его способным на невозможное, то я с самого начала считал строгий нейтралитет короля невозможным. Если же Вы теперь, господин граф Зоден, говорите: после того как Его королевское высочество высказалось против „Требований народа“ из-за моей неловкости, то опровержение этого высказывания стало бы знаком признания „Требований народа“, —

то подобная логика — настолько же неясная, насколько непорядочная. После того, как нейтралитет был нарушен, любое опровержение было бы, естественно, болезненным и зависело бы теперь от Вас, господин граф.

Вы так пропитаны монархическим чувством, что можете хоть раз в своей жизни вспомнить великие примеры, чтобы дать опровержение. Тот кто является настоящим слугой своего господина королевского ранга, граф Зоден, должен быть готовым — когда это потребуется — даже умереть за него. Но Вам в данном случае даже не требуется жертвовать Вашей драгоценной жизнью, Вы расстанетесь только с Вашей драгоценной должностью.

Само собой разумеется, господин шеф кабинета граф Зоден не должен заставлять Его королевское высочество самому расхлебывать кашу, которую Вы сами заварили. Он должен выступить в поддержку своего патрона и прикрыть его, что было бы само собой разумеющимся после того, как кронпринц по Вашей милости попал в это дело как Понтий [Пилат]. Ваш долг, господин граф, вытекающий из Вашего выдающегося монархического чувства, немедленно прийти к Вашему господину и кормильцу и объяснить: „Возникло непонимание. Его королевское высочество кронпринц баварский Руппрехт отклоняет использование своего имени в этом деле ни за ни против; появившееся в прессе высказывание исходит от меня, а не от Его Королевского Высочества!“

Вот что, господин граф Зоден, Вы должны были бы сделать как считающий себя ответственным шеф кабинета. Вместо этого Вы смеете проклинать других и обвинять их в недостатке монархических убеждений!

Господин граф, подводя итог, я еще раз повторяю Вам:

1. Утверждение, что я якобы угрожал кронпринцу, как Вы написали в „Мюнхнер телеграмм цайтунг“, — неправда, и я это докажу Вам в суде;

2. Утверждение, что я якобы предъявил ультиматум, — неправда, и я это тоже докажу Вам;

3. Утверждение, что я якобы требовал от кронпринца Баварии выступить в поддержку Требований народа, — точно так же неправда, и я это тоже докажу Вам; и

4. Утверждение, что я послал ультиматум с уполномоченным, — точно так же неправда, и снова я это докажу Вам. Тогда будет видно, кто из нас двоих дал неверную информацию. Я — общественности или Вы — кронпринцу. И если Вам, господин граф Зоден, возможно потребуется объяснить, что Вы не один были ответственны за все, а я ни одного мгновения не сомневаюсь, что Вас поддерживали Ваши сотрудники, то я не считаю возможным официально привлекать к ответственности кого-либо еще, кроме шефа кабинета.

Впрочем, я убежден, что не мы идем к черту, а монархическая идея, если ее и дальше будут обслуживать такие ничтожные советники»¹⁷.

После появления «Открытого письма» Гитлера у графа Зодена создалось мнение о приступах гнева партийного шефа: «Он воспринял меня настолько важно, что казалось, это великий вождь!» Из-за своего холерического темперамента он совсем не прочитал «чушь». Но Гитлер ни в коем случае не хотел проглотить обиду и подал жалобу на главного редактора Карла Рабе.

14 января 1930 года начался процесс защиты достоинства Гитлера против Карла Рабе в связи с упомянутой статьей в суде первой инстанции Мюнхена. Рабе выдвинул ответную жалобу против Гитлера, т. к. считал себя оскорбленным статьей Гитлера в «Иллюстрирте беобахтер» и «Открытым письмом» графу Зодену. На процессе Гитлер еще раз подробно изложил свое понимание событий, проходивших в ноябре 1929 года. Он, по его словам, никогда не выступал против кронпринца Руппрехта или монархистов. Однако он не позволит газете «Мюнхнер телеграмм цайтунг» диктовать, какую позицию занимать ему или национал-социалистическому движению по отношению к монархии или республике:

«Вдруг появляется статья в газете, где говорится, что я якобы угрожал кронпринцу. Это невероятное искажение фактов и страшное оскорбление меня лично. Меня назвали револьвер-журналистом, совершающем насилие над кронпринцем. Я прошу восстановить мою честь, определить решением суда, что я не угрожал принцу, не предъявлял ему ультиматума подписать

„Требования народа“ (что я считаю это безумием) и что Рейхель действовал по своей инициативе как друг кронпринца»¹⁸.

Затем были заслушаны Риттер фон Ленц и принц цу Эттинген. Граф Зоден, отвечая на вопрос Гитлера, сказал, что он приводил только «факты, а не убеждения». И далее:

«В качестве свидетеля я сидел в трех шагах от истца Гитлера, я встал и сказал буквально следующее: „Когда я... утром 8 ноября пришел в мое бюро, моя секретарша показала мне это „Открытое письмо“ . Я только взглянул на него и сразу же заметил, что оно написано в таком вульгарном тоне, что читать его внимательно показалось мне бессмысленным. Даже сегодня меня по-детски радует, что еще за три года до так называемого „захвата власти“ Гитлером я имел возможность публично высказать в лицо мое презрение этому омерзительному человеку. Он, великий человек, оказал честь мне, карлику, длинным „Открытым письмом“, и я прочитал письмо неоднократно! Для него это будет большим недугом, чем для меня — весь его словесный поток“»¹⁹.

Только в 1967 году Зоден, при подготовке своих мемуаров, внимательно прочтет письмо Гитлера.

Гитлер еще раз подчеркнул, что он никогда не ожидал от кронпринца подписания «Требований народа», потому что и без того знал, что в душе принц поддерживает их, но совершенно сознательно избегает упоминания своего имени в политических спорах. Он даже отговаривал принца от подписания, о чем сказал вождю DNVP Гугенбергу²⁰. Гитлер закончил свою речь патетически:

«Мы не оскорбляли республику, я не хочу, чтобы поносили нынешние цвета флага — это знамя тоже стало символом великой германской веры. Но я также не могу забыть старое знамя, и оно остается для меня святым. Оно является одним из символов старой Германии, и я считаю ужасным, когда действиями одной канцелярии двора создается трещина между этой новой Германией и старой... Я знаю, что в старой Германии есть миллионы порядочных людей, которые не понимают нас. Они уже состарились чисто физически. Но я знаю очень многих из них, честных с головы до ног, лучших представителей лучшего периода германской истории»²¹.

Процесс завершился таким приговором: Рабе приговорен к денежному штрафу в четыреста рейхсмарок, а также к оплате к оплате судебных издержек, Гитлер — к такому же денежному штрафу и к оплате судебных издержек. В статье Рабе суд не усмотрел оскорблений Гитлера. Он также счел недоказанным, что Рейхель действовал по поручению Гитлера, но признал, что он, скорее всего, значительно превысил полномочия, данные ему партийным вождем.

События, связанные с графом Зоденом, освещают безучастную позицию немецкой аристократии в целом по отношению к надвигающемуся национал-социализму. Хотя еще задолго до 1933 года некоторые выдающиеся представители немецкой аристократии поддержали НСДАП, как, например, сын кайзера, группенфюрер СА Август Вильгельм принц Прусский, оберфюрер СС принц Кристоф Гессенский, адъютант Геббельса принц Фридрих Кристиан цу Шаумбург-Липпе, обергруппенфюрер СС эрбпринц Иосиас цу Вальдек-Пирмонт, позднее личный референт имперского наместника в Дании д-ра Вернера Беста, великий герцог Фридрих Франц Мекленбургский, принц Бернхард Саксен-Майнингенский, обергруппенфюрер СА ландграф Филипп Гессенский или почетный обергруппенфюрер Национал-социалистического автокорпуса герцог Карл Эдуард Саксен-Кобург-Готский, однако большая часть их товарищей по сословию упорно продолжали оставаться привязанными к своим наследственным консервативным, даже реакционным взглядам²².

Показательным кажется жизненный путь принца Саксен-Майнингенского, вышедшего из «Стального шлема» и просившего осенью 1931 года вместе со своей женой руководство НСДАП дать ему возможность действовать в составе «истинно германского национального движения»: *«Нас завоевали книга Вашего руководителя „Майн Кампф“ и образцовая дисциплина, излучаемая Вашим вождем, господином Адольфом Гитлером... Сердцами мы уже давно принадлежим Вам, теперь же хотим принадлежать Вам целиком»*²³.

Удивительно, что среди аристократов — членов НСДАП оказалось очень большое количество женщин. До конца 1934

года примерно 150 аристократок вступили в партию (примерно тридцать процентов), что значительно превышает средний процент в НСДАП (от пяти до восьми процентов). Также и средний возраст партайгеноссе-аристократов не характерен для всего НС-движения: большинство из них при вступлении в партию были тридцатилетними или моложе. «Типичный аристократ», вступивший в НСДАП, происходил из мелких дворян из земель к востоку от Эльбы, был мужского пола, молод, протестант, с военным образованием и без собственного поместья. Однако все эти анализы мало что значат, потому что также много аристократических имен в партии оказались членами движения за свержение Гитлера 20 июля 1944 года. Фактом является также то, что южногерманская, и особенно баварская, аристократия показала себя более сопротивляющейся национал-социалистическим попыткам, как мы уже это видели на примере графа Зодена.

При всех тактических маневрах вождя нацистов, он никогда не думал о реставрации монархии. Наряду с несколькими неопределенными замечаниями в «Майн Кампф», иногда он делал туманные высказывания, когда состав слушателей был благоприятным для этого о возможном принятии монархической конституции для рейха²⁴. Но тем, кто на основе этих высказываний Гитлера чувствовал поживу, в своей речи в рейхстаге 30 января 1934 года он дал резкий отпор. Тогда Гитлер сказал:

«При всей высокой оценке монархии, при всем почитании действительно великих кайзеров и королей нашей истории сегодня больше не дискутируется вопрос об окончательной форме государственного устройства германского рейха. Как всегда, когда нация и ее вождь должны принять какое-то решение, они не имеют права забыть об одном: тот, кто представляет собой вершину Германии, получает свое право от немецкого народа и, следовательно, обязан ему всем! Я чувствую себя лишь доверенным нации для проведения таких реформ, которые дали бы ей возможность договориться по вопросу об окончательной конституции рейха»²⁵.

Принц Фридрих Кристиан цу Шаумбург-Липпе писал,

что кайзер Вильгельм II надеялся на то, что Гитлер «позовет его»: *«Ефрейтор Гитлер должен знать, в чем состоит его долг, то есть знать то, что должен был знать мой фельдмаршал (фон Гинденбург. — Прим. авт.)»*²⁶. Но, как известно, подобного призыва не последовало.

С ростом силы нацистского движения шум вокруг графа Зодена поутих. В ноябре 1933 года после десятилетней работы он ушел со службы у кронпринца. Можно предполагать, что это произошло из-за событий ноября 1929 года. До 1937 года граф жил в Мюнхене, затем в Гаутинге. По-видимому, от преследований его защищал Рудольф Гесс, человек, о котором Зоден говорил, что это «гармоничный идеалист, умственно слаборазвитый» и «один из самых глупых людей, которых я когда-либо встречал»²⁷. С 1943 года Зоден избран почетным руководителем Рейнско-вестфальского общества Мальтийского ордена. Свидетели рассказывают, что при вступлении армии США, вместо белого флага как знака капитуляции он размахивал бело-голубым. В 1961 году он удалился на покой, а 9 марта 1972 года граф Йозеф Зоден-Фраунхофен умер.

«Партийная деспотия и безответственная демагогия»

Бунт вождя берлинских штурмовиков
Вальтера Штеннеса

В 1930 году НСДАП снова потряс тяжелый продолжительный кризис, который лишь задним числом назвали простой «чисткой», пошедшей в конечном счете на пользу дисциплине и ударной силе партии. Гитлер, вдохновленный первыми большими успехами и все ярче светящимся нимбом непогрешимого вождя, решил очистить партию от последних оставшихся критиков и независимых оппозиционеров. Особенно часто в конфликт с партийным руководством вступали Штурмовые отряды (СА) НСДАП из-за своих революционных порывов. Начальник штаба СА Эрнст Рём в начале июня 1934 года говорил, что «СА есть и останется судьбой Германии». К этому моменту за спиной СА уже была беспримерная борьба за идеи партии. Но путь СА был каменистым и кровавым.

1 ноября 1926 года Гитлер назначил руководителем СА Франца Пфедфера фон Заломона, которого высоко ценил за организаторские способности. Под его руководством впервые было образовано Верховное руководство СА (OSAF). Пфедфер родился в 1888 году, служил во время мировой войны на Западном фронте капитаном Генерального штаба. В конце войны он был командиром батальона, многократно раненным и отмеченным высокими наградами. Как командир Добровольческого корпуса «Пфедфер» воевал против спартаковцев в Прибалтике и Верхней Силезии. Активно участвовал в Капповском путче и в боях в Руре, за что заочно приговорен к смерти французами. В 1924 году он примкнул к партии Гитлера, короткое время был гаулейте-

ром Вестфалии и с 1926 года, вместе с Карлом Кауфманом и Йозефом Геббельсом, — гаулейтером Рура (это гау, однако, из-за личных разногласий трех гаулейтеров снова распустили в июне того же года¹). После вступительных фраз Гитлер писал в одном из писем Пффефферу:

«Что нам нужно, это не сто или двести дерзких заговорщиков, а сто и более тысяч фанатических бойцов за наше мировоззрение. Надо работать не в тайных монастырских кельях, а в огромных массовых колоннах, и не кинжалом, ядом или пистолетом можно расчистить дорогу движению, а завоеванием улицы. Мы докажем марксизму, что будущим хозяином улицы будет национал-социализм, так же как и хозяином государства»². И далее: «Если мы хотим создать фактор силы, нам нужно единство, авторитет и муштра. Мы должны создавать армию не политиков, а солдат нового мировоззрения».

Этим приказом Гитлер четко и однозначно наметил направление деятельности СА: за легальность и безоружность, против пугачистских взглядов и вооружения. Никогда Гитлер не рассматривал СА как милицию, предназначенную стать армией в случае захвата власти. Эта противоречивость, ощущаемая большинством членов СА, уже тогда стала основой некоторого раздражения, приведшего, в конце концов, к «мятежу Рёма» 1934 года. Пффеффер начал с основательной реорганизации СА. Он впервые ввел «приказы по СА», а позднее — «принципиальные распоряжения по СА». К осени 1927 года в целом по рейху было уже 17 областных отрядов СА³. СА делились на подразделения: шар (отделение), трупп (взвод), штурм (рота), штурмбанн (батальон), штандарт (знамя), унтергруппа (бригада) и группа (дивизия), а с 1932 года — обергруппа (корпус).

Как говорит Пффеффер, примерно до 1930 года Гитлер, что удивительно, всерьез не рассчитывал самому испытать приход к власти. Еще в 1926 году он обсуждал с Пффеффером возможность возврата к монархии. Решающий поворот в его взглядах произошел только после неожиданного успеха на выборах 1930 года, так считает Пффеффер⁴. Это была фаза ожидания, планирования и спокойствия. Гитлер использовал время относительной маловажности и мнимой консо-

лидации веймарской системы для последовательного, нацеленного на будущее строительства своей партийной организации. Создавались все новые отделения и пункты; не осталось ни одной профессиональной группы или социального слоя, не охваченных сферой деятельности НСДАП. Уже в конце 1920-х годов в смелых набросках теоретически был создан образ нового государства. В этой концепции тихого захвата власти роль СА оставалась открытой.

Однако основательная организационная работа Пфедфера скоро начала вызывать беспокойство, связанное с именем Вальтера Штеннеса. Родившийся в 1895 году Штеннес сначала был командиром Добровольческого корпуса в Вестфалии, затем командиром полицейской сотни в Берлине. В чине капитана полиции он покинул службу в 1922 году и стал командиром батальона «Черного рейхсвера». В 1925—1930 годах служил в отделе информации Министерства иностранных дел и Министерства обороны, хотя уже с 1927 года примкнул к НСДАП. В том же году его назначили заместителем руководителя СА на Востоке, подчинив в этом качестве гаулейтеру Берлина д-ру Геббельсу, у которого вскоре возникли серьезные противоречия со Штеннесом. Уже в 1928 году Геббельс пишет в своем дневнике: *«Капитан Штеннес и его окружение создают нам серьезные заботы. Старая песня: конфликт между военным и политиком. Эти юноши, которые только пришли к нам, слишком вмешиваются во внутренние сферы политического руководства, пытаются влиять на список кандидатов и тому подобное»*⁵.

Уже тогда обозначился очевидный конфликт между «королями СА» и «окружными князьями». В середине августа того же года Вальтер Штеннес собрал своих руководителей берлинских СА и называл Гитлера и Пфедфера «тряпками». Фактически здесь речь шла о требовании СА от берлинского гау 3000 рейхсмарок. Так как Геббельс не хотел выполнить это требование, то Штеннес и некоторые другие высшие руководители СА объявили о своем выходе из партии. Примирение наступило только после получения запрошенной суммы. Разногласия между руководством гау и командирами штурмовиков, вызвавшиеся в конфликтных отно-

шениях между Геббельсом и Штеннесом, поначалу казались улаженными.

Но пожар лишь ушел с поверхности и продолжал распространяться. В августе 1930 года, в разгар жизненно важной для НСДАП предвыборной кампании в рейхстаг, Штеннес потребовал выдвижения трех руководителей СА кандидатами в рейхстаг. Более того, он назвал своими именами постоянное умаление роли СА по сравнению с Политической организацией (ПО) и сильной зависимости СА от руководства гау. Как в Имперском руководстве партии в Мюнхене, так и в ее берлинском гау Штеннес получил ярлык склочника и бонзы. Он критиковал низкую оплату тяжелой службы по ведению предвыборной борьбы, при том что только штурмовики жертвовали здоровьем за движение. Характерным в этом отношении является протестующее письмо одного из руководителей СА:

«За время моей работы на НСДАП я более тридцати раз привлекался к суду и восемь раз был оштрафован за телесные повреждения, сопротивления и тому подобные правонарушения, естественные для нациста. Еще сегодня я продолжаю выплачивать денежные штрафы, кроме того, ряд судебных процессов продолжается. Далее, по меньшей мере двадцать раз я получал повреждения разной степени тяжести. У меня ножевые шрамы на затылке, на левом и правом плечах и на нижней губе. Кроме того, я никогда не просил и не получал ни пфеннига партийных денег, я помогаю партии лишь за счет оставленного мне отцом дела и собственного времени. Сегодня я стою перед финансовым крахом»⁶.

Спор разгорелся также из-за строительства «Коричневого дома» в Мюнхене, — Гитлер дал поручение с большими финансовыми затратами перестроить прежний дворец Барлов в Центральный дом партии. Это строительство было особенно по душе неудавшемуся архитектору Адольфу Гитлеру, и он лично занимался почти каждой деталью дома. В статье в «Фёлькише беобахтер» от 21 февраля 1931 года «Коричневый дом», в которой Гитлер называет фрау Элизабет Барлов «достопочтенной владелицей», он пишет:

«Новый дом нашего движения должен стать документом

нашего образа мыслей, а также небольшим зеркальным отражением художественного вкуса, он дает также художникам скромную возможность участвовать в его создании. Строительство не принадлежит никому из нас в отдельности. В нем нет ничего, что было бы частной собственностью. «Коричневый дом» в Мюнхене является исключительной собственностью всех мужчин и женщин, которые отважились, веря в неразрушимую силу и будущее нашего народа, основать новый союз и хотя бы этим домом достойно отразить свою борьбу»⁷.

Нападки и критики он отражал намеком на возрастающие представительские обязательства партии, ставшей теперь массовой, и на то, что в «Коричневом доме» будет воздвигнут памятник СА в мраморе и бронзе. Некоторые руководители СА на это реагировали в том смысле, что скорее в Мюнхене возникнет надгробный памятник. Франц Пфедфер фон Заломон высказал Гитлеру заботы Штеннеса и его требования о депутатских мандатах, но так как вождь партии уже скомпоновал список, он не дал Пфедферу положительного ответа. Но вообще Гитлер считал несовместимыми понятия СА и мандат. Он пресекал все диспуты по этому вопросу, возможно, именно поэтому Штеннес безуспешно пытался ходатайствовать перед ним. Пфедфер, как верховный руководитель СА, больше не видел дальнейшей возможности быть посредником и на этом основании 12 августа 1930 года подал заявление об освобождении от этой должности, которое Гитлер удовлетворил 2 сентября, поблагодарив его за «исключительные заслуги» и заявив, что Пфедфер остается в партии и будет работать на другом посту. Пфедфер попрощался со своими людьми такими словами:

«Бойцы СА!

Уже четыре года прошло со дня моего призыва в Мюнхен для строительства, организации и руководства СА. Цели и требования, намеченные мной, были далекими и высокими. СА должна была стать организацией с формой и содержанием, способными позволить ей победоносно вести борьбу за свободу во всех ее фазах, дорасти до требований периода прихода к власти и принять на себя функции, намеченные для нее в Третьем рейхе. На всех направлениях работы я встретил так много

понимания и горячей жажды творчества, что мы вместе сумели за эти годы построить гордое сооружение СА, которое сегодня служит движению как украшение, прочная опора и острое оружие. Вид нашего творения служит нам лучшей наградой и приносит глубочайшее удовлетворение.

Сказав это, я прощаюсь с СА, потому что должен теперь сложить с себя верховное руководство. Для продолжения работы ради достижения моих высоких целей и требований я должен получить моральную и материальную поддержку руководства партии в таком большом объеме, который сегодня не может быть назван возможным. С другой стороны, лично я не отказываюсь ни от целей, ни от сроков их достижения и хочу полностью посвятить себя этому. Но последнее требует усилий на высоких постах; поэтому тот, кто не может или больше не может выполнять свои функции, должен передать их другому, более соответствующему этой обстановке. Нет никакого повода для успокоения и для разного рода толков, если раз в четыре года происходит смена руководителя высокого уровня; я прошу всех руководителей СА именно так разьяснять вопрос своим подчиненным. Впрочем, я буду продолжать работать, пока мой последователь не войдет в курс дела, а затем — перейду на другое место работы. Со всеми Вами, мои товарищи по жизни и борьбе, я прощаюсь громким боевым Хайль!»⁸

Франц Пфедфер хорошо понимал, что СА и в дальнейшем будет непрерывно терять свою значимость по сравнению с ПО и воспринимал это как оскорбление. В 1932 году он стал депутатом рейхстага от НСДАП.

Теперь Гитлер стал сам верховным руководителем СА. Начальником штаба он назначил бывшего капитана д-ра Отто Вагенера, вступившего в партию лишь в 1929 году⁹.

В этот период Штеннес, уже открыто критиковавший Гитлера за его приверженность к легальному приходу к власти, отказался предоставить подчиненные ему подразделения СА для охраны организованного Геббельсом собрания во Дворце спорта. Кроме того, он потребовал отставки управляющего делами гау Вильке, имя которого стало синонимом заносчивости партии по отношению к СА¹⁰. Ситуация быстро накалялась: 30 августа 1930 года отряды берлин-

ских СА захватили штурмом помещение управления делами гау на Хедеманштрассе, причем дело дошло до кровопролитной схватки с охраной СС. Помещение было разгромлено, рабочий кабинет Геббельса перепачкан кровью¹¹. Сам гаулейтер Берлина в это время совершал предвыборную поездку в Дрезден и Бреслау. Когда Гитлер прибыл в Берлин, мятеж мгновенно, как по команде, закончился. Сначала Гитлер пытался разговаривать с рядовыми бойцами СА, а не напрямую со Штеннесом, переходя от одного штурма СА к другому, в сопровождении взвода СС. С мольбой он призывал к единству партии и СА, часто со слезами на глазах говорил о скорой победе и обещал своим бойцам СА защиту их прав и повышение оплаты, для чего ввел специальный членский взнос для членов НСДАП (на СА) в размере 20 пфеннигов, ввел вступительный взнос, и распорядился отныне отчислять СА 50 процентов всех расходов партии¹². Затем он встретился со Штеннесом, но первоначально они не пришли к взаимопониманию. На следующий день Гитлер выступил в Доме объединения фронтовиков перед 2000 бойцами СА. Буквально в истерике он кричал с трибуны недовольным людям:

*«Мы хотим в этот час дать клятву в том, что ничто не сможет нас разделить, Бог истинно поможет нам победить всех чертей! Наш всемогущий Господь благословляет нашу борьбу»*¹³.

В докладе берлинской полиции об этом собрании говорится: *«Громогласные возгласы „Хайль“ неслись к Гитлеру, который со сложенными руками, как бы погруженный в молитву, вслушивался в свои собственные слова»*¹⁴. Затем на сцену вышел преклонного возраста генерал в отставке Литцман и в качестве бывшего кайзеровского военачальника принес присягу на верность юному вождю партии¹⁵. Гитлеру, благодаря его харизматической радиации и силе эмоционального возбуждения слушателей, снова удалось успокоить только что бунтовавших членов СА. Казалось, кризис улажен.

Главной причиной случившегося явилось недовольство СА не только роскошью и страстью к расточительству руководителей берлинского гау при явном пренебрежении к

нуждам СА, но в большей степени — все сильнее демонстрируемым СА контрастом между «национальным социализмом» и «буржуазным национализмом», с которым Гитлер — не без внутреннего сопротивления — пытался прийти к соглашению. Йозеф Геббельс, постоянно выступавший за линию партии, скорее социалистическую, не замешанный в коррупции и лично скромный, всегда был вынужден «сидеть между двух стульев» — обоснованной критики СА беспорядков в партии и своей безусловной преданности Адольфу Гитлеру; об этом свидетельствуют записи в его дневнике:

«Слишком тяжелые дни. Я был почти сломлен... Штеннес — предатель... Он дерзко предъявляет свои требования: 3 мандата, деньги, политическая власть. Беспрецедентная наглость. Приставил пистолет к моей груди... я позвонил в Мюнхен: надо уступить для вида... (Гитлер) не понимает всей серьезности положения. Относится слишком легко»¹⁶. 1 сентября он пишет: «СА штурмом захватило и разгромило помещение управления... На секунду я потерял самообладание... Отчаяние. Дело 4-х лет работы погибло? Никогда!.. Бедняга Гитлер! Это расплата за долговременную медлительность... Вождь СА — у Гитлера. Все улажено... Штеннес покорился... Нападение Штеннеса было именно предательским. Да! Надо работать дальше!»¹⁷ Запись 21 сентября: «Долгий разговор со Штеннесом. Он был очень любезен и откровенен. Признал некоторые свои ошибки. Сегодня попытаюсь достичь его еще большего понимания. В конце концов — он честный малый, применяющий плохие и неполитические средства»¹⁸.

«Тогда Гитлер признал требования Штеннеса о лучшем финансировании СА, вернее сказать — штаба СА, справедливыми. Этим он открыто показал всем одно из своих редких отступлений», — отмечает бывший группенфюрер СА Генрих Беннеке в своей книге «Гитлер и СА»¹⁹. Заместитель верховного руководителя СА на Юге майор в отставке Шнейдхубер составил памятную записку о новой организации штурмовых отделений²⁰. В ней Шнейдхубер жаловался, что *«постепенно СА становится чужим для фюрера, что вполне объяснимо, т. к. руководство СА теперь слабее, чем прежде.*

Это ощущение есть почти у каждого бойца СА, оно кажется еще более мрачным оттого, что боец СА знает только своего вождя Адольфа Гитлера и идет лишь за ним, это резко контрастирует с членами партии — партайгеноссе, которые имеют в своем округе промежуточную инстанцию — равного Богу гаулейтера или другого народного любимца»²¹.

Тогда же Шнейдхубер составил план доклада для личной встречи с фюрером 30 ноября 1930 года. Там он пишет, что «СА когда-нибудь станет милицией движения и поэтому — вспомогательной силой сухопутных войск. Задачи для милиции движения появятся в тот момент, когда будет завоевана победа»²². Подобные взгляды неизбежно должны были вызвать гнев Гитлера. Шнейдхубер жаловался на ощущение отчужденности между Гитлером и бойцами СА; СА «пытается завоевать душу фюрера и не может этого сделать. Но оно должно иметь ее», — пишет он, «крик к фюреру» остается без ответа²³.

Вальтер Штеннес, несмотря на кратковременное примирение с Гитлером, продолжал настаивать на своем антипарламентском курсе. В феврале 1931 года Гитлер выступил в берлинской геббельсовской ежедневной газете «Ангрифф» против провокаторов, пытавшихся «подстрекать СА к безумному предприятию», — еще одно, более чем ясное, предупреждение Штеннесу. Чтобы преодолеть перманентный кризис в СА, Гитлер, наконец, решил вернуть в Германию своего старого товарища и закадычного друга Эрнста Рёма и поручить ему пост начальника штаба СА. В 1925 году Рём уехал из Германии и стал инструктором боливийской армии. В личности Рёма, и особенно в его гомосексуальных наклонностях, отражается вся судьба СА. Гитлеру следовало бы знать, что в неслыханно честолюбивом Рёме он может однажды вырастить серьезного противника, но он не хотел отказываться от способностей Рёма. Только ему одному он мог доверить руководство СА, выросших тем временем до миллиона человек. В январе 1931 года Рём приступил к новым обязанностям. Одним из его первых решений было, что прежние заместители верховного руководителя СА должны носить звание группенфюрера. Влияние Штеннеса резко

уменьшилось. В апреле 1931 года личный состав СА уже насчитывал свыше 400 000 человек²⁴.

1 апреля 1931 года Рём сделал еще один шаг, быстро переместив непокорного Штеннеса в Мюнхен, в штаб СА, в качестве начальника I отдела. Штеннес не подчинился и телеграфировал Гитлеру, спрашивая, подтверждает ли он распоряжение Рёма о перемещении. Гитлер ответил: *«Вы должны не задавать вопросы, а выполнять приказ командования»*²⁵. Почти все высшие руководители СА в Восточной Германии солидаризировались со Штеннесом и на некоторое время поддержали его. В остальной Германии было спокойно. Руководители СА в Померании сделали заявление в поддержку Штеннеса, где говорилось, что, если *«НСДАП сойдет с революционного курса подлинного национал-социализма за свободу Германии, свернув на реакционную линию коалиционной партии, то тем самым — вольно или невольно — она отступит от своей высшей цели, за достижение которой она борется»*²⁶.

2 апреля 1931 года берлинские СА выпустили воззвание, направленное против *«антигерманской и неограниченной партийной деспотии и безответственной демагогии»* Гитлера. А управляющий делами берлинского гау Франц Вильке приказ СС организовать слежку за съездом руководства СА. Вместе с руководителями СА Берлина и Бранденбурга Ветцелем и Фелтъенсом, Штеннес приказал занять здания, где размещался аппарат гау Бранденбурга и Берлина, а также — редакцию газеты «Ангрифф». Геббельс снова находился в Дрездене, где получил приказ Гитлера — прибыть в Веймар на совещание. Там решили окончательно снять Штеннеса с его поста и исключить из партии. Тем временем 2 апреля в Берлине под эгидой Штеннеса вышел номер газеты «Ангрифф», открывающийся заголовком, приветствующим Штеннеса. Беспрекословное повиновение Гитлеру там ставилось под сомнение на основании того, что он пытался путем буквально преступного и предательского использования чрезвычайного закона бороться с политическим волнением, чтобы *«навсегда исключить из политики и ликвидировать не соответствующее его натуре СА»*²⁷.

Эрнст Рём пока еще сохранял лояльность своему шефу и его влияние росло. Штеннеса сменили. Враждебная пресса всеми возможными средствами обыгрывала внутренние раздоры в гитлеровском движении. Берлинское отделение партии было вынуждено обращаться к услугам ненавистной полиции для защиты от мятежников СА. Вместе со Штеннесом вышли из СА многие их руководители. Но, с другой стороны, туда пришли новые люди, занявшие высокое положение, такие как граф Хелльдорф, Ганс Петер Хейдебрек, Эдмунд Хейнес и Карл Эрнст²⁸. По мнению историка Макса Дормаруса, Гитлер теперь уже не слишком опасался оберgruppenführеров СА и СС²⁹.

2 апреля Гитлер обратился к д-ру Геббельсу с призывом: *«Господин д-р Геббельс, отныне я поручаю Вам со всей решительностью взять в свои руки дело очистки движения, для чего я снова подтверждаю данные Вам в ноябре 1926 года особые полномочия³⁰! Действуйте решительно, не беспокоясь о последствиях; потому что лучше вообще не иметь национал-социалистического движения, чем иметь партию без дисциплины, непоследовательную и непослушную... сделайте все, что Вы можете: я прикрываю Вас»³¹.*

Энергичные действия Гитлера и Эрнста Рёма и на этот раз помогли полному подавлению мятежа Штеннеса. Около пятисот бойцов СА в Северной и Восточной Германии стали жертвами столкновений. Гитлер вышел из этой драмы победителем. Он оставался последовательным, но гибким в своей тактике. В партийной печати Штеннеса отныне именовали не иначе, как «полицейский шпион». Вместо Штеннеса Рём назначил исполнять его обязанности Пауля Шульца³². И снова Геббельс делает в своем дневнике записи о пережитом кризисе, так 2 апреля 1931 года:

«Штеннес сменил, он часто бунтовал, его позиция по отношению к Мюнхену стала нетерпимой... Теперь начинается скандал... Для меня больше нет вопроса: я остаюсь верным Гитлеру. Даже при любой критике... СА должно подчиняться... Мне жалко Гитлера. Он похудел и побледнел... Гитлер старается продемонстрировать мужество, но он полностью сломлен»³³. Запись двумя днями спустя: *«Штеннес свален. Вчерашний день*

стал днем его поражения. СА толпами валит назад к партии. Мятеж окончательно разбит»³⁴. И, наконец: «Мятеж задохнулся сам. Но продолжает бродить и бурлить. В любой момент это может повториться, если мы не реформируем партию сверху донизу»³⁵.

4 апреля 1931 Гитлер, подводя итоги событий, обратился к своей партии в газете «Фёлькише беобахтер» со статьей «Расплата с мятежниками»:

«Национал-социалисты! Партайгеноссе! Бойцы СА!

Капитан Штеннес, снятый со своего поста начальником штаба Рёмом и решившийся на давно задуманный мятеж, мною исключен из рядов национал-социалистической партии. Причины, побудившие меня к этому противному моему желанию решению, оказались такими важными, что я как вождь партии, игнорируя их, нарушил бы свой долг и взял бы на себя вину за ослабление прочности национал-социалистического движения. Я должен был действовать, и я решил действовать, начиная с этого момента, без оглядки на любые последствия, проводить чистку партии от всех тех элементов, которые безусловно не выполняют распоряжений, отдаваемых мною в интересах сохранения партии.

Каждый партайгеноссе имеет право, и даже обязанность, отклонить незаконное распоряжение, но его же долг — выполнять все остальные распоряжения. В противном случае, существование нашего движения не имеет смысла. Партий, в которых каждый может делась все, что захочет, — предостаточно. Я создал национал-социалистическую партию не для того, чтобы множить число подобных партий. Цель, за достижение которой мы боремся, — великая и требует личной позиции, соответствующей величию цели. Тот, кто не выполняет этой задачи, не должен быть в рядах движения, а если он там числится, то он должен выйти из него. Но я никогда не потерплю в движении сознательного непослушания или даже нарушения закона. Никогда не потерплю подрыва дисциплины в партии или планомерного [именно так!], постоянного разрушения авторитета ее руководства.

Бойцы СА! Причинами для моих действий было следующее. Задайте себе вопрос, и я знаю заранее, что Вы, ни секунды

не колеблясь, ответите, что поможете очистить движение от элементов, разрушающих его. Партайгеноссе и бойцы СА, Вы знаете, что я 11 лет тому назад вместе с 6 другими товарищами создал это движение. Германия тогда представляла собой беззащитные развалины, находящиеся под господством жаждущей добычи своры партий, желавших обратить бедствие нашего народа в благо для себя. Синонимами того времени были разрушающий марксизм и трусливая соглашательская буржуазия.

В те годы я, еще никому не известный, выступил против целого сонма врагов и сопротивляющихся. Покинутый лучшими друзьями, я жил, как живут сейчас многие тысячи из Вас, бойцы СА, только одной мыслью: создать новое движение, способное заменить старые партии, разрушающие Германию, и на основе боевого классового и мировоззренческого духа которого создать новый народ, единый общей волей к сохранению своих жизней, к существованию и обеспечению будущего германской нации. Это были неслыханно трудная цель, тяжелый путь и порой почти безнадежная борьба. Те люди, которые сейчас меня критикуют и нападают на меня, никогда своими силами не создали и не сохранили даже маленького союза.

Могу признать — я горд тем, что судьба дала мне возможность из ничего развить движение, ставшее сегодня не только надеждой и уверенностью миллионов немцев, но и утешением для миллионов других.

Партайгеноссе и бойцы СА! Это была очень тяжелая и частую очень кровавая борьба. В то время я, не щадя себя и не прячась, сражался за мой идеал, ставший сегодня также и Вашим идеалом. Я приобрел друзей и новых соратников, которые, точно так же, как и я, с раннего утра и до ночи поглощены, живут и мучаются только одной мыслью: как сделаем мы наш народ снова свободным?

В своих рядах мы не знаем классовых противоречий, сословного или профессионального чванства, потому что сами вышли из всех слоев нашего народа и жили вместе в общей заботе о нашем юном, дорогом нам движении. И для меня самого, партайгеноссе и бойцы СА, эта борьба была тяжелой вдвойне. Я не был сыном богатых родителей, не заканчивал универси-

тетов, а воспитывался суровой школой жизни, в нужде и лишениях. Поверхностные люди никогда не спрашивают, чему человек научился или, по крайней мере, что он действительно может, а, к сожалению, по большей части, лишь о том, какое удостоверение он может предъявить. Они никогда не принимают во внимание, что я научился большему, чем десятки тысяч наших интеллектуалов, они видят лишь то, что у меня нет диплома.

Я также не был офицером, а был всего лишь простым солдатом, да, я считаю особенным счастьем, что судьба позволила мне простым солдатом исполнить свой долг перед германским народом, быть борцом и солдатом своего народа, — то, чем не была, по общему мнению, высшая аристократия. Все это бесконечно усложняло мою работу. Сотни тысяч считали, что взгляды человека, вышедшего из подобных жизненных условий и желающего основать движение для спасения нации, просто не подлежат обсуждению, невыполнимы. Я не видел тогда ни одного из тех, которые сегодня как интеллектуалы на немного способны своей социалистической фразой, кто имел бы мужество встать на мою сторону. До тех пор, пока они видели во мне лишь маленького вождя рабочих, они далеко обходили меня. Лишь когда я стал вождем народа всей Германии, в социалистическом сердце этих людей открылось Бог знает что о человеке ручного труда.

Партайгеноссе и бойцы СА! Я ненавижу людей, в спесивом чванстве или презренном корыстолюбии не признающих товарищей из народа, но гораздо сильнее я ненавижу лжецов и лицемеров, говорящих о социализме и внутренне бесконечно далеких от него!

Впрочем, в 1919, 1920, 1921, 1922 годах мы еще не имели дела с такими пустословами. Тогда еще не говорили о социализме, а пытались доказать его. В партии не было должностей и благ, лишь трудная, даже изнуряющая работа. Лишь когда моя и моих бойцов СА работа стала приносить обильные плоды, пришли скоморохи салонного большевизма и салонного социализма. Раньше их не было видно. И в это долгое время работы нужно было не только вести вечную борьбу с заботами и нуждой, но и не менее напряженную — против террора про-

тивника и властей. Каждый из нас, старых борцов, упорно бился, не щадя жизни, каждому приходилось часто защищать свою борьбу в суде.

В течение 5 лет политической борьбы я получил в суде 5 лет и 3 месяца тюремного заключения, из которых отбыл 14 месяцев. То же самое могут сказать все мои тогдашние старые боевые товарищи, трогательно верные мне и сегодня. Эти вечные преследования, вечная защита, вечные нападения постепенно сделали нас твердыми и решительными людьми, научившимися при этом отличать видимость от существенного.

В ноябре 1923-го в первый раз движение вышло на улицу бороться за свои идеалы и тогда потерпело поражение. Все из нас, стоявших перед судом, был ли это вождь или боец СА, вели себя и защищались достойно — как истинные немцы, т. е. никто из нас не лгал, никто не просил о милости, никто не предал своего друга, каждый прикрывал другого, и когда, как казалось, движение путем запрета уже уничтожено, мы своим поведением снова спасли его. В декабре 1924 года двери тюрьмы закрылись позади меня и началась моя новая жизнь, т. е. снова — борьба, как и раньше, за свободу и будущее нашего народа. Из ничего я создал движение вторично, и, при поддержке моих верных соратников, мы подняли его из хаоса распада народа 1924 года и в непрерывной борьбе пришли к тому, чем оно стало сегодня — великому движению немецкой нации.

Партайгеноссе! Я напомнил Вам это для того, чтобы Вы тоже вспомнили, что я — не юрисконсульт национал-социалистического движения, а его основатель и его вождь. И как его основатель и его вождь я осознаю себя ответственным перед моей совестью и перед оценкой будущих поколений — заботиться о том, чтобы несказанно большие жертвы, понесенные до сих пор, не стали напрасными из-за сумасбродства, безумия или преступления. С этой ответственностью, взятой на себя мной самим, с ярым фанатизмом я борюсь против каждого, кто пытается нанести ущерб нашему творению или даже разрушить его. В национал-социалистическом движении я вижу единственное будущее нации и я прокляну себя, если помешаю выполнению этой высшей задачи. Я не считаю себя застрахованным от ошибок в моей деятельности на благо движения. Я — такой же че-

ловек, как миллионы других, но среди этих миллионов, я убежден, нет никого другого, кто с большим пылом, чем я, был бы привязан к Национал-социалистической немецкой рабочей партии, и никого, кто с большим правом мог бы взять на себя ее защиту, чем я. Но в этой моей связи с моим движением заключается сегодня и сила нашей партии.

Во времена нетвердости всех понятий, всех традиций, всех познаний и всех властей мы снова создали в нашем народе с помощью национал-социалистического движения авторитет, которому слепо верят многие миллионы.

Тот, кто пытается подорвать этот авторитет, действует либо безумно, либо бессознательно легкомысленно, либо как сознательный враг. -

Так как в любом из перечисленных случаев результат будет одинаков, то и я в любом случае выступаю решительно против подобных действий. За годы работы я приобрел такой опыт: авторитет в немецком народе никогда не подрывается снизу, а всегда — сверху вниз. Среди умов наших верхних десяти тысяч в большинстве случаев находятся инструменты и часто — также и исполнители — для уничтожения авторитета. НСДАП должна вести великую и целеустремленную борьбу, которую наш народ испытывает уже в течение столетий. Эта борьба против превосходящих в огромной степени сил противника лишь тогда может привести к победе, если она ведется с сознанием, волей и мужеством. Я вижу теперь в движении, что верные его сторонники из народа, главным образом — бойцы СА и СС, всегда оставались опорой и защитой согласия, единства и авторитета движения. Однако я неоднократно вижу, что в последние годы, к моему глубокому сожалению, проникшие в движение интеллектуалы, даже офицеры, не только не понимают необходимости поддержания принципа авторитета, но даже пытаются подорвать авторитет по всем правилам искусства.

Капитан Штеннес был приглашен стать одним из руководителей СА зимой 1927/28 года, и чтобы сделать возможным его вступление в должность, его приняли в партию 20 декабря 1927 года. Капитан Штеннес не вырос до своего поста в ходе борьбы в составе национал-социалистического движения.

Но он принял на себя обязательство готовить из партайгеноссе СА борцов национал-социалистического движения и проводить всю свою работу в соответствии с этим. Боец СА НСДАП — это политический боец. Его задача — защитой обеспечить руководству движения возможность вести пропаганду. Для национал-социализма пропаганда есть и будет наступательной артиллерией. СА и СС служат прикрытием этого оружия. Организация занимает отвоеванную позицию и оборудует ее. Не может быть хорошего бойца СА, не являющегося политическим национал-социалистом, и не может быть истинного национал-социалиста, который не считал бы себя бойцом СА.

Руководитель СА обязан воспитывать своих бойцов именно в таком духе. Он должен также заботиться о том, чтобы в СА в концентрированной форме выражались достоинства всего движения. Если в нашей борьбе пропаганда является артиллерией, задача которой — изматывать врага, то боец СА — пехотинец. Он должен воплощать в себе идеальный тип национал-социалиста. Ощущением своего долга он должен освещать путь всему движению, своей верностью и тесной связью с вождем он должен быть примером для всех.

Бойцы СА! Именно я однажды призвал Вас. И уже давно связь между Вами и мной — самая прочная в партии, и перед лицом всей общественности Вы являетесь моими самыми верными и самыми стойкими боевыми товарищами. И я уверен, бойцы СА, что сумею оправдать честь, оказанную мне тем, что более ста тысяч человек чувствуют себя неразрывно связанными с моей персоной. Но также для меня является само собой разумеющимся, что я связан с Вами сильнее, чем кто-либо другой, что я по самому глубокому побуждению буду драться с каждым, кто попытается ослабить эту связь.

Поэтому я обвиняю капитана Штеннеса в том, что он постепенно, умно и ловко сеял непонимание и, в конце концов, недоверие между Вами и мной. В то время, как во всей остальной партии отношения между СА и мной были подобны безусловному взаимному обету верности, в сфере ответственности бывшего капитана полиции Штеннеса они долгое время подвергались угрозе. Вместо того чтобы руководству отделе-

ния СА стать защитником этих отношений, руководство отделения СА само планомерно сверху вниз внушало недоверие к руководителям партии, в частности, путем использования таких приемов, которые просто неслыханны. Господин Штеннес постепенно вносил в СА целый ряд понятий, точно совпадавших с методами разрушения, применяемыми коммунистами.

Как господин Штеннес дошел до того, что стал говорить о обюрокращивании партии? Какие жертвы для национал-социалистического движения до этого момента принес лично господин Штеннес? Кто отдает для движения больше сил? Оратор нашей партии, день за днем объезжающий Германию и охрипший от крика, или господин Штеннес, сидящий в Берлине, ведущий переговоры или принимающий парады? Господин Штеннес, думаю, еще ни разу не сидел в тюрьме [именно так!]. Однако он — „борец“. Значит, Грегор Штрассер с его сломанным позвоночником, которого полиция безжалостно сорвала с фиксирующей доски, чтобы бросить в тюрьму, — бюрократ. Партайгеноссе д-р Геббельс, которого травят многочисленные судебные процессы, — „бюрократ“. Где можно найти политического вождя или оратора нашего движения, постоянно не преследуемого прокурорами?

Наших политических борцов судили более чем на полутысяче процессов, но они, несмотря на это, — „бюрократы“, лишь господин Штеннес, ни разу в жизни не сталкивавшийся с тюрьмой, ни разу не подвергавшийся судебным процессам, — „борец“. Как же может после этого господин Штеннес позволять себе ругать партию и даже что-то требовать от нее? И что самое худшее, — даже поучать ее? Господин Штеннес критикует все и критикует каждого. „Коричневый дом“ в Мюнхене осуждается самым решительным образом, и лично против меня господин Штеннес пытается интриговать. За себя я ручаюсь, что во всей моей деятельности я никогда не руководствовался иными соображениями, кроме заботы о пользе нашему движению и нашему народу. Если бы я всегда делал то, что нравится другим, то сегодня не было бы национал-социалистической партии. Но господин Штеннес, кроме того, знает очень точно, что именно „Коричневый дом“ является нечем иным, как

памятником нашему СА. Господин Штеннес натравливает на меня партайгеноссе, выступая против бронзы и мрамора для отделки „Коричневого дома“. На это я отвечаю господину Штеннесу лишь одно: Да, я распорядился применять мрамор, на котором будут вырезаны имена наших погибших бойцов СА, и, да, эти имена будут также навечно отлиты в бронзе.

Партайгеноссе и бойцы СА, я очень точно знаю одно: если судьба даст нам в руки всю полноту власти, то перед лицом великой борьбы в будущем некоторые могут легко забыть борьбу прошлого. Кто станет тогда помнить о сотнях храбрых борцов в коричневых рубашках, своей жертвой сделавших возможной последующую великую победу? „Коричневый дом“ в Мюнхене, начиная от входа, где будут стоять оба знамени СА, и до его глубины, должен создавать цельный образ великого времени борьбы нашего юного движения. Господин Штеннес не желает сохранять традиции национал-социалистической партии, потому что он, в своей сущности, никогда не был национал-социалистом. Я же сросся с этим движением на жизнь и смерть и буду заботиться о том, чтобы появился памятник нашим нынешним борцам, который останется видимым для всех в будущие десятилетия и даже столетия! Господин Штеннес недоволен пожертвованиями, но он очень точно знает, что они невелики по сравнению с общим числом членов партии. Если каждый партайгеноссе в течение года пожертвует всего одну марку, то возникнет сооружение, принадлежащее всем партайгеноссе и наполняющее гордостью их сердца. Если же один из высоких руководителей СА не гордится этим сооружением, нами создаваемым собственными силами, а пытается натравить против вождя своих подчиненных, он — не национал-социалист. В господине Штеннесе меня интересует не офицер, а лишь его убеждения.

Если капитан полиции Штеннес унижает и мелочно критикует новую школу для руководящего состава, открываемую в „Коричневом доме“, то такое поведение, естественное для врага нашего движения, нетерпимо для одного из руководителей СА. Германский рейх и германский народ имеет сотни тысяч народных школ и школьных зданий. Я принял решение создать школу и для СА, и ни господин Штеннес, как и никто

другой, не заставят меня отступить от этого. Если же господин Штеннес утверждает, что посещение этой школы будет для бойцов СА слишком дорого, он сознательно говорит неправду, потому что точно знает, что школа — бесплатная, она содержится за счет политической организации. Но ясно, что в этой школе будут обучать не солдатским играм, а готовить политических борцов, и ее высшим девизом будет: Верность движению и верность руководству.

Тот, кто сам вероломно организует мятеж, направляет храбрых бойцов СА, не может интересоваться подобным учебным заведением, воспитывающим верность. Господин Штеннес, капитан полиции в отставке, продолжает свою борьбу против авторитета движения, пытаясь внести самые пагубные противоречия, какие только встречались в немецкой истории. Используя утонченную методику он направляет Берлин против Мюнхена и Мюнхен против Берлина. Пруссию против Баварии и наоборот. При этом господин Штеннес хорошо знает, что Пруссия была и есть — не географическим, а соответствующим обычаям понятием. Муссолини — более пруссак, чем, например, Шланге-Шёнинген, хотя первый родом из Италии, а второй из Померании.

Пруссаки сегодняшней Германии являются национал-социалистами, независимо от того, где они находятся. Но, прежде всего, те пруссаки — национал-социалисты, которые понимают, что такое верность и послушание, а не те, кто бунтует! Господину Штеннесу нужны эти колкости, чтобы медленно подрывать доверие к руководству и заставить свои отряды, по его собственному выражению, „играть ему на руку“. Господин капитан Штеннес открыл различия между идеей и личностью, т. е. между делом и мной. Уже несколько месяцев я вижу, как этот яд пытаются медленно ввести в мозг и сердце храбрых бойцов СА. При этом господин Штеннес очень хорошо знает, что у него вообще нет никакой реальной идеи. Ему нужно это разделение между личностью и идеей, чтобы можно было подменить неверностью верность. Храброму бойцу СА пытались привить представление, что неверность по отношению к личности можно заменить верностью делу, при этом личностью называют высшее партийное руководство, а делом —

“очень делового“ господина капитана полиции Штеннеса. Неудивительно, что некоторые бойцы СА постепенно поддавались такой рафинированной отраве.

Когда за несколько дней до последних выборов в Рейхстаг господин Штеннес решил, что пробил час „для удара“, он мотивировал свои действия также интересами «дела». На передний план он выдвинул финансовые трудности. Но это неправда. Конечно, денег не хватало, и я должен был распорядиться приостановить все не самые срочные выплаты, но уже одно приукрашивание тогдашних событий финансовыми требованиями, создающее видимость покупаемости верности СА, было преступлением. Многие десятки тысяч бойцов СА тогда были внутренне возмущены унижением их чести человеком, который явно никогда не был национал-социалистом. В интересах движения и будущего Вашей борьбы я был тогда готов, несмотря ни на что, пойти на примирение. Возможно, у меня еще оставалась слабая надежда на то, что капитан полиции Штеннес в будущем будет действовать не так, как в прошлом. Но произошло обратное. В то время, когда господин Штеннес говорил о лояльности, его действия были предательством национал-социалистического движения с далеко идущими планами. Еще сильнее, чем раньше, он отравлял сознание бойцов СА, и особенно — руководящий состав. Любая попытка к нахождению взаимопонимания встречалась насмешкой. Конечно, господин Штеннес не мог понять, что если речь идет о судьбе моего движения, я могу тоже быть тронут. Внутренне господину Штеннесу это движение совершенно чуждо. Он знает лишь свое Я и свои настолько же лживые, насколько темные цели.

Однако все это еще не последняя причина, побудившая меня, наконец, выступить. К методам капитана полиции в отставке Штеннеса относится изображение руководства национал-социалистического движения как мещанского, трусливого и буржуазного, тормозящего революционный порыв и мешающего его проявлению. Господин Штеннес притворяется социальным революционером, противостоящим капиталистически думающим бюрократам. Но это — тот же самый господин Штеннес, который с самого начала своей деятельности в НСДАП не сделал ни одного шага без тщательного расчета. Это тот са-

мый господин Штеннес, который лишь издали рассматривал большое напряжение и лишения бойцов СА, тот самый господин Штеннес, который никогда в своей жизни лично не знал нужды.

Этот господин Штеннес, капитан полиции в отставке, постепенно сумел заразить подчиненные ему отряды СА, особенно молодые головы и в первую очередь младших командиров, идеями, осуществление которых привело бы жертвы его руководства к ужасной судьбе, а партию — к практическому уничтожению. Господин Штеннес говорил о „действии“ и о „деле“ и не уставал представлять меня тормозом уже начавшегося действия. Впрочем, в этом господин Штеннес прав. Тот, кто сегодня подталкивает национал-социалистическое движение к открытой войне с государством, берет на себя грех не только перед движением, но, самое ужасное, и перед юными борцами, перед нашим СА. Мне нет нужды отвечать на низость, когда господин Штеннес представляет трусостью мое стремление к легальности. Мне достаточно лишь спросить, когда вообще господин Штеннес свое стремление к действию превратил в дело? И когда он понес за них ответственность? Каждого человека, пытающегося вывести полностью безоружную организацию на насильственное действие против сегодняшнего государства, я считаю либо дураком, либо предателем, либо полицейским провокатором? Если же господин Штеннес уже долго кормит подобными идеями юных партайгеноссе, и особенно часть руководящего состава, то существует опасность, что в один прекрасный день его фантазия вдруг превратится в кровавую действительность. Но господин Штеннес будет последним, кто понесет за это ответственность. Господин капитан полиции в отставке был повсюду рядом, но он никогда не был пойман. Но вершина лживости состоит в том, что тот же самый господин Штеннес, который в своем радикализме не может дойти до пределов хулы легальности партии, сам же мгновенно превращается в медлительного и нерешительного, когда ему самому надо отвечать за свои действия. Станет ли теперь господин Штеннес наносить удар, когда его никто больше не сдерживает и когда „бюрократическое партийное руководство“ не ставит препятствий на его пути? Нет! Он бу-

дет ждать до тех пор, пока не найдется кто-нибудь другой, готовый взять на себя ответственность за его путч.

Бойцы СА! Существует только две возможности: либо серьезно верить в насильственную акцию, тогда это будет или безумием, или предательством. Либо серьезно не верить в эту возможность, тогда это будет мошенничество и подлость — водить за нос порядочных людей, подбивать их на вероломство, без настоящей воли и настоящего плана действий.

Партайгеноссе и бойцы СА! Я не участвую в подобных махинациях. В 1923 году я заявил, что хочу выступить, и я выступил. Сегодня я должен сказать, что каждую новую попытку в этом направлении считаю безумием, что я присягнул на соблюдение партией строгой легальности, и я не позволю никому сделать меня клятвопреступником, и уж в последнюю очередь капитану полиции в отставке Штеннесу. Когда я думаю, что все это натравливание против руководства партии, и особенно против меня лично, предпринято лишь с целью направить неосознательных бойцов СА на нарушение их верности руководству, а сам бунтовщик призывает подчиненные ему отряды быть верными лично ему, то это — вершина лицемерия. Я не хочу спорить с теми, кто в свое время пришел в партию, как наемный солдат на службе у господина Штеннеса. Я обращаюсь к национал-социалистам, к бойцам СА, присягнувшим мне на верность, а не мятежнику Штеннесу. Я обращаюсь к ним, потому что не могу и не хочу наблюдать, как этот офицер полиции в отставке пытается направить партию и товарищей в пропасть. Господин капитан полиции в отставке Штеннес пытался подбить СА к выступлению против моего легального курса. Он сделал это в то время, когда благодаря моему политическому руководству у национал-социалистической партии впервые за все время появилась надежда на достойное будущее Германии. Господин Штеннес сам за всю свою жизнь не выучил как следует даже несколько скромных дежурных полицейских команд. Но тот же человек считает себя готовым в момент наибольшего успеха натравить наше движение против руководства и погубить партию.

Бойцы СА! Дело совести каждого — будет ли он применять

на деле тупые и безумные фразы господина Штеннеса, или не будет этого делать. Одновременно это вопрос ответственности — хочет ли он уничтожить величайшее немецкое движение с помощью подобной преступной лжи. Для господина Штеннеса это безразлично. Господин капитан полиции в отставке Штеннес за всю свою жизнь так много накомандовался и так много сделал, что для него неважно — одним изменением больше или меньше. Но я это движение создал, руководил им, остался верным ему и в тюрьме, снова верен ему на свободе, никогда против него не бунтовал, никогда из него не выходил и не менял на что-то иное, поэтому я теперь не позволю его уничтожить.

Бойцы СА! Я должен с неуклонной решимостью искоренить этот заговор против национал-социализма! Я достаточно долго наблюдал, но теперь решительно выступаю со всей мощью полумиллионной партии против кучки офицеров бунтовщиков. Я знаю, что 8 миллионов человек свободно вздохнут, когда будет покончено с этим грязным делом разрушителей последней надежды на будущее Германии.

Бойцы СА! Вам теперь надо выбрать того, к кому Вы сохранили чувство верности. Капитана полиции в отставке Штеннеса или основателя национал-социалистического движения и Вашего высокого вождя СА Адольфа Гитлера. Кто не хочет идти со мной, тот может снять мой значок и убрать мое знамя, снять коричневую рубашку и уйти к капитану полиции в отставке. Но кто хотел бы быть национал-социалистом, тот мой сторонник, и от него я требую, чтобы он, пока я не отдаю противозаконных приказов, следовал моему руководству. Десятки тысяч функционеров в нашей партии знают, что такое верность и послушание. И я не разрешу разрушить партию паре бунтующих предателей, наоборот, я полон решимости в подобном случае самому провести чистку. Национал-социалисты! Выше знамя и в ногу стройными рядами идите в партию, туда, где Ваше место!

Национал-социалисты, бойцы СА! С презрением выгоняйте ко всем чертям кучку мятежников. Ни один командир не должен слушаться бунтовщиков. Ни один солдат не должен выполнять приказы бунтующих командиров.

Бойцы СА! Я освобождаю Вас от повиновения заговорщикам, разрушающим наше движение. Не допускайте дальше, чтобы они пачкали Вас, бойцы СА, перед лицом 8 миллионов достойных людей и тянули Вас к бесчестию. Если руководители больше не доверяют человеку, которого они назначили и который создал Вам возможность действовать незаконно, Вы должны осознать это и заменить руководителя.

Да здравствует Национал-социалистическая немецкая рабочая партия!

Да здравствуют всегда СА и СС!

Долой предателей!

Адольф Гитлер»³⁶.

В своей статье «Скажи мне, кто тебя хвалит...», напечатанной 8 апреля 1931 года, Гитлер тоже говорит о «полицейском шпионе» Штеннесе³⁷.

После исключения из СА Вальтер Штеннес создал «Боевое товарищество революционных национал-социалистов», которое, однако, вскоре точно так же бесследно исчезло, как и ранее «Черный фронт» д-ра Отто Штрассера. Его газета «Arbeiter, Bauern, Soldaten» тоже никогда не стала конкурентом геббельсовскому «Ангриффу». В конце концов, Штеннес примирился с судьбой и уехал в Китай, где стал инструктором в армии генерала Чан Кайши. Судьба берегла его — он не попал в число жертв событий июня 1934 года. Штеннес возвратился в Германию только в 1949 году³⁸. Он умер в 1989.

Сразу же вслед за кризисом в Берлине подобные события произошли в Аугсбурге. Их поводом также послужили финансовые ссоры, кульминацией которых стала петиция 76 бойцов СА к Гитлеру. Руководитель партии тогда направил в Аугсбург рейхсфюрера СС Гимmlера для улаживания конфликта, где тому удалось с величайшим трудом отговорить бойцов СА от разрушения здания окружного отделения партии. В гессенском городе Ханау 1 февраля 1931 года дело тоже дошло до захвата помещения бюро партии рассерженными бойцами СА. Причиной этого стали финансовые нарушения, допускаемые гаулейтером Шпрен-

гером. Здесь тоже полиция была вынуждена вмешаться и выдворить из помещения бунтующих бойцов СА. После кризиса Штеннеса в коричневой армии снова и снова вспыхивали проявления недовольства. Меткое слово «штабной бюрократ» быстро получило широкое распространение, особенно после того, как во главе СА встал Рём. Беспокойство вызывали также гомосексуальные наклонности Рёма. Рядовые члены СА часто говорили о «теплом братстве в „Коричневом доме“». Обер-лейтенант флота в отставке Гельмут Клотц, бывший когда-то первым кандидатом от НСДАП в Бадене, опубликовал некоторые письма Рёма того времени в Боливию, однозначно доказывающие его наклонности. Этим Рём нанес огромный ущерб партии и СА. Однако нацистская пропаганда постоянно опровергала подобные упреки.

17 октября 1931 года Гитлер провел в Брауншвейге демонстрацию силы своей партийной армии — крупнейшей за все прошедшее время парад почти 100 000 бойцов СА; во время церемонии освящения знамен он заявил, что движение «находится в одном метре от цели». С Вальтером Штеннесом он еще раз встретился в суде. Некоторые члены берлинского 33-го штурма СА обвинялись в том, что в ноябре 1930 года ранили из огнестрельного оружия трех членов КПГ. 8 мая 1931 года Гитлера и Штеннеса вызвали в суд в качестве свидетелей, но их опрашивали по отдельности. Гитлеру задавали вопросы, главным образом, о термине «оперативный отряд», использовавшемся Штеннесом, и о том, выполняется ли по-настоящему обещание Гитлера, что НСДАП больше не имеет оружия³⁹. Штеннес должен был дать справку о том, были ли в НСДАП, несмотря на этот запрет, так называемые «оперативные отряды», задачей которых было проведение карающих экспедиций против политических противников или даже убийство последних⁴⁰. В январе 1932 года Штеннес обратился в суд первой инстанции района Берлин-Моабит с жалобой на Гитлера, назвавшего его полицейским шпионом, но суд оправдал Гитлера.

В своей оправдательной речи перед рейхстагом после разгрома мятежа Рёма в 1934 году Гитлер утверждал: «Трижды

бойцам СА не везло с руководителями — последний раз даже с начальником штаба — которым они должны были повиноваться, но которые их обманывали, которым я доверял, но они меня предавали»⁴¹.

Гитлер имел в виду, наряду со Штеннесом и Рёмом, события января 1933 года. Тогда почетный группенфюрер СА Франконии Вильгельм Штегман незадолго перед приходом к власти восстал против курса на легальность. По этому вопросу Штегман, лейтенант в отставке и бывший член Добровольческого корпуса Эппа, часто советовался с гаулейтером Нюрнберга Штрейхером.

Штегман родился в 1899 году, был арендатором земли в Миттельфранкене, а с 1930 по январь 1933 года входил во фракцию НСДАП в Рейхстаге. 9 января 1933 года он отказался от руководства группой СА в Центральной Франконии якобы из-за недоплаты причитающихся СА денег руководством местного гау. Затем он призвал захватить штурмом партийное здание в Нюрнберге и объявил себя вождем гау. Как и во время мятежа Штеннеса, полиция была вынуждена и здесь вмешаться и развести в разные стороны враждовавшие между собой партийные формирования. Штрейхер пожаловался в центральный штаб СА в Мюнхене и снял Штегмана с поста командира группы СА в Центральной Франконии. Гитлер также отреагировал быстро и 12 января направил телеграмму Штегману:

«В связи с тем, что Вы, несмотря на лично мной сделанное предупреждение, вторично грубо нарушили интересы партии, я не только утверждаю предложенное начальником штаба Рёмом снятие Вас с поста, но и в виде наказания лишаю Вас звания»⁴².

14 января состоялся еще один разговор Гитлера со Штегманом⁴³. Но так как мятеж продолжался — с участием Штегмана или без, — 20 января последовало исключение Штегмана из партии. В одном из опубликованных партийной печатью «Покаянных объяснений» Штегмана можно было прочесть: *«Сегодня я был у моего фюрера. Я понял теперь, что мое поведение им осуждено справедливо, я добровольно отдал свой депутатский мандат в его распоряжение и обещал ему*

как партайгеноссе выполнять мой долг с верностью и послушанием»⁴⁴.

Штегман после этого еще пытался действовать, потому что видел, что его поддерживает большая часть СА Франконии, и основал в Ансбахе «Добровольческий корпус Франконии»⁴⁵, который состоял из 2000–3000 членов⁴⁶. Больше о нем ничего не было слышно. Петер Лонгерих заметил по этому поводу: *«Открытые разъяснения Добровольческого корпуса были также направлены против „бюрократизма“ в партии и превозносили ценность солдат. В них ясно выдвигалось требование отказаться от курса легальности, а оставалось „жестокое и революционное“ сопротивление республике... Если бы приход к власти национал-социалистов задержался на несколько недель, мятеж Штегмана имел бы большие шансы получить поддержку других отрядов СА и расшириться до общегерманских масштабов»⁴⁷.*

До середины марта 1933 года Добровольческий корпус «Франкен» еще часто бурлил, затем утих. Также в Касселе несколько сот бывших штурмовиков, покинувших СА в декабре 1932 года, основали оппозиционное «Боевое товарищество» (Kampfgenossenschaft), вступившее в столкновение с СА. 1933 год Штегман провел в концентрационном лагере, а в феврале 1936 года специальный суд в Нюрнберге осудил его на 18 месяцев тюремного заключения за «создание мятежной организации». В сообщении немецкого информационного бюро 17 февраля подчеркивалось, что председатель суда уже имел дело с *«гнусным мятежом Штегмана во время взятия власти»⁴⁸.*

Франц Пфеффер фон Заломон после 1933 года также попал в жернова отлаженного партийного аппарата. Он все больше отодвигался в сторону, короткое время работал в Имперском вещевом ведомстве в Мюнхене, в 1934–1941 годах он был правительственным президентом Висбадена, откуда, после одного спора с гаулейтером Шпренгером, его отозвал Борман⁴⁹. Пфеффер резко протестовал против указаний гаулейтера, потому что, по его мнению, они противоречили предписаниям Министерства внутренних дел. Считают, что Гитлер после 1933 года неоднократно предлагал Пфефферу войти

в правительство, но тот отказывался. Сразу после кризиса июня 1934 года он якобы навещал Пфедффера в этой связи на его квартире в Пазинге. Но Пфедффер отказался от предложения, взамен попросив у фюрера разрешения присутствовать на его ужинах в берлинской Имперской канцелярии, так как именно там делалась настоящая политика⁵⁰. Но неизвестно, согласился ли на это Гитлер.

Георг Франц-Виллинг пишет, что Пфедффер, вероятно, выполнял частные тайные поручения «существенных масштабов», связанные с политикой и дипломатией иностранных держав. Гитлер считал, что Пфедффер замешан в перелете в Англию его заместителя по партии Рудольфа Гесса, намекая на это в одном из обращений к гаулейтерам.

Это дошло до Пфедффера вероятно через гаулейтера Йозефа Вагнера. Пфедффер после этого обратился с жалобой к Гитлеру, но тот потребовал назвать имена гаулейтеров, передавших ему не предназначенную для него информацию. Но Пфедффер молчал и попал за это в гестапо — в пользующийся дурной славой дворец принца Альбрехта, но там с ним, кажется, обходились мягко. Несмотря на многомесячное заключение, Пфедффер не разговорился. В ноябре 1941 года его исключили из партии. После этого он написал в агрессивном тоне жалобу на Гитлера, в которой настаивал на том, что фюрер не имеет права совершать подобные действия, и требовал привлечь Гитлера к партийному суду, как это уже делалось один раз прежде. Гитлер после этого назначил своему бывшему шефу СА пожизненную пенсию как Верховному руководителю СА и высказал мнение, что Пфедффер, наконец, должен «отдохнуть», не входить в Имперское руководство партии и не покидать своего дома в Пазинге. Йозеф Геббельс также сердился на Пфедффера, он пишет в своем дневнике:

«Капитан фон Пфедффер, последняя опора Гесса в партии, долго был в концлагере. Он написал Герингу наглое письмо, в котором требовал сказать ему, что если он позволит себе совершить еще одну дерзость, то должен будет готовиться к самым тяжелым последствиям. Я всегда считал Пфедффера способным на это. Он совершенно хаотичный человек, поли-

тический бродяга, неспособный к практическим достижениям»⁵¹.

Еще раз Пфедффера арестовали в связи с его предполагаемым соучастием в подготовке переворота 20 июня 1944 года, но вскоре выпустили. В конце войны он командовал дивизией фольксштурма. После войны активно работал в руководстве гессенского земельного союза Немецкой партии. В старости жил вблизи Мюнхена, умер в 1968 году.

Развитие СА показало всю трагичность гитлеровского образа мыслей. Он хотел совместить уважение к законам с романтикой политических солдат, требовал одновременно отказаться от вооруженного насилия и преклоняться перед его духом. Тем самым уже заранее программировались неизбежные конфликты с такими своевольными характерами, как Пфедфер фон Заломон, Штеннес и Рём. Прочитированные вначале слова Рёма о СА как «судьбе Германии» уже скоро стали фарсом. Не имеющая влияния в полном масштабе, эта организация после 30 июня 1934 года все больше и больше теряла престиж и реальную силу.

«Я хочу иметь не офицеров генерального штаба, а вождей!»

Эрнст Анрих и внутренняя оппозиция в Национал-социалистическом студенческом союзе, 1930–1931 годы

С 1930 года группа функционеров Национал-социалистического немецкого студенческого союза (НСДСБ) пыталась его «интеллектуализировать» и поставить под сомнение личность его руководителя Бальдура фон Шираха. Двигателями этого течения были в первую очередь тогдашний руководитель боннской фракции в Студенческой палате Эрнст Анрих и руководитель группы высшей школы в Эрлангене Рейнхард Зункель¹.

Анрих родился 9 августа 1906 года в Штрасбурге, сначала был докторантом, а затем — ассистентом в боннском историческом семинаре (изучение исторической науки, германистики и теологии). Еще его отец Густав Анрих был уважаемым профессором истории церкви в университете Страсбурга². Как староста корпорации высшей школы «Эрнст Вурхе» Эрнст Анрих ввел ее в 1930 году в качестве корпоративного члена в состав Национал-социалистического студенческого союза, членом которого он состоял с 1928 года. Хотя некоторые члены гильдии штудировали теологию, но, главным образом, гильдию знали как вышедшую из немецкого движения «странников» и по добровольческому корпусу приверженцев «национал-социалистической идеи». Анрих долго не решался очень близко привязывать гильдию к гитлеровскому движению, это видно из его неопубликованных воспоминаний:

«Размышляя о том, что ценного есть в этой национал-социалистической партии, есть ли у Гитлера глубина идеи и масштаб задачи, я понял, что больше ждать невозможно, рядом с

НСДАП, рядом или выше Гитлера уже не появится более полноценного движения. Где найти и откуда ждать того, кто с такой же или еще большей силой, чем Гитлер, воплощает в себе способность к признанию, побуждению и проповедованию и, самое главное, — готов для этой задачи целиком отдать себя и свою судьбу»³.

Уже с 1928 года гильдия время от времени проводила совместные собрания с Национал-социалистическим студенческим союзом, в том числе с участием д-ра Геббельса. Речь Геббельса очень сильно подействовала на Анриха, но какая-то внутренняя сила заставила его отказаться сфотографироваться вместе с гаулейтером Берлина. Анрих остался за кадром.

Еще в период начала разногласий Анриха дружески принимали в доме родителей Шираха; он вспоминает их комнату, обставленную белой мебелью. Анрих и все другие руководители НСДСБ, как национал-социалисты, вряд ли могли иметь шанс когда-либо получить в Веймарской республике должность чиновника, он пишет 24 февраля 1930-года своей будущей жене Элсмари: *«Моя жизнь небезопасна. Я могу совершить поступки, которые могут оказаться ошибочными. Возможно, весь национал-социализм — ошибка. Но ради шанса спасти Германию я должен присоединиться к нему»⁴.*

Анрих решил подготовить перестройку Союза. Например, он думал о создании организации «Национал-социалистическое студенческое товарищество» (NS-Studentenschaft), независимой от НСДАП и объединяющей как членов, так и нечленов НСДСБ. Ширах сначала положительно отнесся к этому плану, но скоро стал его противником, т. к. успел тем временем договориться с «Немецким студенчеством», которое хотел облечь доверием. Ширах предложил Анриху сделать его своим заместителем по вопросам политики в отношении высшей школы, но тот отказался. Анрих, ставший к этому времени уже доктором, пытался и дальше претворять в жизнь свои совершенно определенные представления о деятельности НСДСБ и в этой связи в августе 1930 года составил «Краткую памятную записку о сущности

и структуре НСДСБ национал-социалистического движения в университете». В этой памятной записке, направленной «рейхсфюреру НСДСБ, господину барону Бальдуру фон Шираху, Мюнхен», Анрих предложил детализированную программу реформирования. Исходя из представления о сословном государстве, он пытался придать организации «НС-студенчество» достойный статус. Вот некоторые из его конкретных требований:

«По большому счету, сегодня можно видеть — как необходимые, а не существующие — три сословия: крестьяне, рабочие и сословие сферы образования, тогда как к сословию обороны в принципе относятся все те, кто происходит из народа и стоит за народ.»

—...Национал-социалистическое движение в университете должно взяться за задачу, соответствующую его специфической форме. В противном случае, отдельная организация не имеет смысла. И это будет очень большая задача, выходящая за рамки сегодняшнего трудного времени.»

—...Ничто так не убеждает Студенческий союз... своим духом и политическим направлением, как национал-социалистическая идея.»

—...Мы должны готовиться не только к завтрашнему дню, но, прежде всего и поэтому одновременно, — к послезавтрашнему. Мы должны формировать людей духовно и физически и создать из этих людей сословие в составе движения, способное выполнить поставленную задачу. Один еретический, но часто встречающийся в жизни пример: юный, нормальный, бойкий студент приходит в обычный средний Студенческий союз, откуда сразу же, с большим восторгом, попадает в СА. Следствие: уже через три месяца он понимает эту борьбу как единственно возможный метод, отвергает любое духовное формирование, т. е. повышенные требования к себе, как проявление пассивности, короче говоря, он — полностью потерян.»

—...Нам нужен более высокий, цельный стиль жизни, поддерживаемый борьбой с напряжением и воодушевлением, соответствующий мировоззрению и воле. Думаю, что вечера должны быть посвящены строго спланированным занятиям: бодрым песням — вступительным, основным и заключитель-

ным, — создающим атмосферу заданного настроения, общности и исключительности, в конце — медитация, духовное возвышение или веселье. Потом — сами рефераты: хорошо оформленные, четкие, ясно изложенные. Руководство дискуссиями: живое, ясное, заранее продуманное, безупречное по форме. Каждый вечер должен быть кусочком борьбы на пользу движению. Позднее, когда запреты будут сняты, можно... ввести форму: мне кажутся предпочтительнее длинные синие брюки, новые коричневые куртки с поясным ремнем, ввести процедуру вступления в гильдию.

—...Окончательное исключение из «Национал-социалистического студенческого товарищества» я считаю неприемлемым. При большом количестве членов можно, вероятно, разбить их на различные секции... Если наше движение действительно станет „народом в народе“ и прорастет сквозь весь народ, то оно должно охватить и по-настоящему приобщить также и женщин».

В конечном счете памятная записка Анриха, естественно, была направлена против стиля руководства и персоны Бальдура фон Шираха. В широких кругах НСДСБ эта критика нашла много сторонников, потому что уже давно его упрекали в том, что он в Мюнхене проводит политику «господства бюрократов», думая только о получении благосклонности Гитлера, и не разбирается в политической деятельности высшей школы. Разногласия в делах были неразрывно связаны с личными трениями. Но памятная записка Анриха, несмотря на присутствующую в ней критику, была все же деловой и последовательной, а ее тон — умеренным. Это видно, например, из ее заключительного раздела:

«Я писал не под влиянием личных мотивов, а под влиянием задач времени, как я их понимаю, и некоторых наблюдений над кругами Студенческого союза и „Национал-социалистического студенческого товарищества“, и с желанием помочь центральному руководству студенческих союзов. За Вами остается критика и оценка. Я пытался представить все по возможности сухо. То, что стоит за этим, — не такое сухое и простое. Я собираюсь познакомить с этой запиской студента из Йены фон Хольдера».

На памятной записке есть несколько благоприятных отзывов, например, от Грегора Штрассера, д-ра Иоахима Хаупта и Адриана фон Рентельна⁵. Впрочем, сначала автору не удалось лично встретиться для обсуждения вопроса с Грегором Штрассером, майором Бухом и д-ром Фриком. Все силы партийного руководства тогда были брошены на «кризис Отто Штрассера». Тем временем Зункель тоже подготовил собственную памятную записку, во многих пунктах созвучную представлениям Анриха. На съезде руководителей групп высшей школы в Галле 31 октября 1930-года он представил ее для дискуссии. В Галле Ширах сначала выдерживал компромиссный курс — ввел Анриха в центральное руководство как ответственного за обучение и поручил ему подготовить еще одну памятную записку:

«Утром 31.10. у длинного подковообразного стола начинается заседание совета. Раздают тексты памятных записок — моей и Зункеля из Эрлангена. Ширах (рядом с ним сидит Бух, прежде строевой майор, председатель высшего партийного суда и, одновременно, референт высшего руководства партии по вопросам молодежи, он не имеет экземпляра доклада, но только говорит без перерыва — против некоторых упреков): „Мы получили памятную записку д-ра Анриха, это — лучшее, что когда-либо написано о реформе Студенческого союза. Настолько хорошо, что я должен зачитать ее вслух. Анрих не может переехать в Мюнхен, но я передаю ему часть функций центрального руководства — в Бонн, он будет отвечать за обучение, и предоставляю ему все средства организации“. Сразу после этого он прервал заседание. Затем в образовавшемся вокруг него маленьком кружке, в который я не входил, возник спор с ним. И, наконец, он перенес заседание на следующий день, когда ожидали Гитлера»⁶.

В то время как Анрих, являясь теоретиком, действовал в основном «на заднем плане» и поэтому многим был совершенно не известен, Зункель постепенно становился подлинным предводителем оппозиции и способствовал объединению недовольных в сплоченную группу. Бунт достиг кульминации в письме Гитлеру, подписанном 24 руководителями групп высших школ, в котором они требовали смещения

Шираха. Зункель, которого в том же письме предлагали в преемники, должен был передать письмо лично фюреру. Но прежде, чем это случилось, Ширах вдруг согласился со многими предложениями реформаторов, назначил Зункеля своим заместителем, руководителем организации и окружным руководителем НСДСБ в Берлине. Немного позднее Зункель стал также главным редактором газеты студенческого союза «Ди Бевергунг». Казалось, что на этом спор закончился. Даже новые принципы организации получили общее согласие. Но остался открытым вопрос — что пересилило в Ширахе, радость от того, что удалось, наконец, приобрести нового, ценного работника, или — тактический расчет — заглушить любую неудобную ему активность Анриха и Зункеля текущей работой с чрезмерной нагрузкой. Несмотря на кажущееся согласие, Ширах информировал Адольфа Гитлера о поведении «бунтовщиков», группирующихся вокруг Анриха:

«17.11 Ширах в личном циркулярном письме № 1 руководителем гау — как обычно начинал фон Ширах — первым пунктом сообщал: „В личной беседе Адольф Гитлер затронул вопрос об инцидентах в Галле, сказав, что продолжение дискуссии о руководстве НСДСБ будет наказываться исключением из партии. Фразы, содержащиеся в памятной записке из Эрлангена: „Перед принятием важных решений рейхсфюрер должен кроме сотрудников руководства приглашать также руководителей гау и, по возможности, руководителей групп высших школ, чтобы дать им возможность лично высказать свое мнение“ и „Руководители гау будут избираться руководителями групп высших школ“ заставили фюрера сделать замечание, что он никогда не потерпит подобных взглядов в национал-социалистической организации. В том, что чисто интеллектуальные точки зрения преподносятся от оппозиции, фюрер движения видит опасность для всего союза“»¹.

Тем временем Анрих подготовил еще одну памятную записку. В ней, помимо прочего, был представлен проект почти законченной программы недельных учебных семинаров на уровне Союза и гау, которые он намеревался провести в будущем. Но его обновленное требование «духовного воз-

вышения» всего движения натолкнулось на сопротивление. Согласно Анриху, движение должно стать «номером ежемесячного национал-социалистического журнала в университете». В этом он един с д-ром Геббельсом, незадолго до этого написавшим «Национал-социалистический ежегодник 1930»:

«Совершенно недостаточно того, что НС-движение подарило немецкому народу идею и вождя; оно должно подкрепить его великое духовное преобразование и гарантировать его прочность путем воспитания нового сознания народа и подготовки прослойки руководителей, способных выполнить эти задачи».

В развитие идеи Анриху мечталось о «совместной жизни» фюрера и его дружины, управляемой не только одними приказами и послушанием. Реакция Шираха на это: *«Очень серьезная попытка расширения рамок деятельности. Но при всем одобрении такого предложения, в отдельных пунктах оно пока неосуществимо».* Однако удивительно, что он поручил Анриху сделать более живой программу недельного семинара, намеченного на начало мая 1931 года в замке Лобеда вблизи Йены. Письмо Анриха Шираху от 10 февраля 1931 года пропитано горечью:

«Дорогой господин и друг фон Ширах. Ваше письмо от 10-го разъяснило мне, почему я не получил ответа на мое письмо от 1.2, в котором я запрашивал важные детали для подготовки недельного семинара, от которых зависят переговоры с господином полковником Хазельмайером и другими. Я думал раньше, что Вы более заинтересованы в деле обучения и, значит, — в семинаре, — и очень энергично защищал это мнение перед думающими иначе и часто предупреждавшими меня (это не был Бернс).

Конечно, если это невозможно, то этого не сделаешь. Но я не знаю, не была ли представленная Вами со всей настойчивостью важность мероприятия... лишь особым средством прикрытия. Вы распорядились о подготовке особого плана, „чтобы сделать все возможное, что может способствовать успеху учебного съезда“...

Господин фон Ширах, если Вы отдали подобный приказ,

даже думая с самого начала, что в благоприятном случае будут получены 300 марок из Союза, то, однако, в целом это серьезно не проработано, и мы никогда не выберемся в „движение“ из заседаний руководства, переговоров, совещаний и сообщений, тем самым оставив в стороне существенные вопросы о положении перед Галле. О Вашем урегулировании вопроса взносов, которые должны поставлять Зункель или я, Вы мне никогда не говорили. Прошу Вас не объяснять резкость письма обидой за выговор из-за писем шефу⁸. Что же касается этого, то я думал, что Вы приглашаете себе сотрудников для передачи им части своей работы, и что я, спрашивая шефа о недельном семинаре, пишу не лично Вам, а в канцелярию шефа. Это можно изменить, и это не касается меня лично, я солдат и могу выдержать выговор. К резкости вынуждает меня легкость, с которой Вы относитесь ко всей учебной работе и, тем самым, — к очень важной не только для меня одной работе, проводимой в Союзе студентов, на которую уже затрачено много времени»⁹.

И в письме к своей будущей жене: «Мне безразлично, буду ли я отстранен от работы. Я безусловно останусь национал-социалистом. Но в подобных делах я не могу участвовать без сопротивления им... Но эта буржуазия — иногда спрашиваешь себя, где Германия, она — эти буржуа? И для них пытаются завоевать новый, внутри и снаружи, рейх? Это они, это те? — Но не бойся! Я уже знаю, где это... Если бы нам скоро иметь 500 марок ежемесячно!»

8 мая он обратился уже к Грегору Штрассеру: «Тем самым моя работа для движения в этом семестре полностью проделана впустую и дальнейшая работа под руководством господина фон Шираха настолько бессмысленна, что об этом не может быть и речи... Возможно, Вы по-другому оцениваете господина фон Шираха, поскольку он внешне производит иное впечатление, и такая оценка еще даст о себе знать. Настоящее письмо я считаю личным и надеюсь открыто поговорить с Вами об этом. Во всяком случае, мы теперь иначе оцениваем господина фон Шираха, в последнем семестре теснейшее „взаимодействие“ с нами было только продекларировано, и не только с нами. И мы должны сказать об этом. Не для личной выго-

ды, а для пользы Союзу, даже, если нас назовут „бунтовщиками“ . Точно так же, студенты не могут подчиняться правилам Союза студентов, не думая о том, что нам советовали в Галле. Однако я не выступаю здесь против господина фон Шираха. Я хочу лишь просить: если Вы будете иметь что-то, соответствующее моей или нашей профессиональной пригодности, и где я смогу действительно сделать что-то полезное для движения, то подумайте обо мне, или, правильнее должен я сказать, — о нас... »

11 мая к письму добавлена приписка: «Я тянул с отправкой этого любопытного опуса, родившегося под влиянием дурного настроения и нетерпения. Теперь я делаю это — со смешанными чувствами»¹⁰.

Подспудное брожение продолжалось, и одновременно образовывалась «оппозиция против оппозиции», что прямо-таки смертельно для понятности деятельности НСДАП. Призыв фон Шираха к преданным функционерам НСДСБ сводился к предложению: «Десяток не слишком умных студентов ценнее, чем один очень умный, но критикующий». Из состава боннской группы функционеров высшей школы, возглавляемой Анрихом, вышли четверо. В связи с этим Ширах послал в Бонн мюнхенского руководителя группы высшей школы Гильдебрандта, убежденного приверженца «курса СА». Ситуация все больше накалялась, и Ширах решил теперь вывести из игры обоих неудобных ему функционеров — Анриха и Зункеля, чтобы лишит оппозицию главных теоретиков и, одновременно, самых активных фигур. В марте Зункеля исключили из НСДСБ без права на подачу апелляции: «За неповиновение и ложь настоящим снимаю Вас с поста в НСДСБ немедленно. ф. Ширах».

Анрих потребовал для Зункеля положенного по уставу процесса рассмотрения дела и продолжал попытки организовывать недельные семинары. Однако его руководство их планомерно саботировало, и, в конце концов, он был вынужден отказаться от них. Тем временем Зункель писал друзьям: «Я не ослаблю своей борьбы любыми средствами за Союз студентов. Стихи — это еще не дела» — намек на литературные амбиции фон Шираха.

Зункель, которого гаулейтер Шлезвиг-Гольштейна Лозе уже назначил местным орстгруппенлейтером НСДАП в Киле, предпринял действия против исключения. Его новая памятная записка содержала ссылку на примеры кадетского корпуса и военной академии, учащиеся которых воспитывались в условиях совместной жизни и проходили тем самым физический и духовный отбор. Но и теперь он не забыл упомянуть персону фон Шираха: *«Мы хотим, чтобы во главе нашей организации стоял человек, который сделает, наконец, из этого союза то, чем он не является сейчас: сердце германского студенческого движения за свободу!»* Анрих, уверенный в поддержке гаулейтера Дюссельдорфа Флориана, в докладе, составленном в то же время, пошел еще дальше:

«Все это приводит нас к необходимости понять, что такой руководитель (фон Ширах) не может быть творцом поколения студентов... И если мы самым энергичным образом выступаем против руководителя, то не потому, что не можем понимать глубину и серьезность его мыслей, а как раз ради этого»¹¹.

Разговор с Грегором Штрассером в начале 1931 года выявил его полное согласие с требованиями студенческой оппозиции. По поводу плана назначить д-ра Иоахима Хаупта вместо Шираха руководителем Союза студентов Штрассер сказал: «Д-р Хаупт – также и наш кандидат». Но Анрих и Зункель еще не желали прекращать борьбу: они разослали совместное разъяснение во все группы высших школ, в котором призывали их выйти из Союза. 31 группа высших школ, две студенческих организации и три руководства крайзов подписали обращение. С помощью Грегора Штрассера оба смогли, наконец, попасть на личный прием к Адольфу Гитлеру 25 марта 1931.

Эрнст Анрих сам описывает это событие в книге «Воспоминания»:

«Оставалось еще, безусловно, выполнить задачу – передать Гитлеру памятную записку. Около половины четвертого мы пошли к „Коричневому дому“. Он оказался меньше размером, чем можно было судить по фотографии. Он производил впечатление. У каждого входа – постовые СС. Дом, из которого

практически управляется Германия. Внутри еще не все было готово. В половине четвертого мы уже внутри встретились с Шульцем (тогда — заместитель и начальник штаба руководителя Центрального организационного отдела Грегора Штрассера. — Примеч. авт.). В его комнате еще не хватало стульев. Шульц: „Давайте постоим, я уже долго сидел“. Он обещал, что даст Гитлеру прочесть памятную записку. Он видел его еще вечером. Бух должен прийти в пять часов, и он хочет предварительно поговорить с ним. Около пяти часов мы снова пришли к „Коричневому дому“. Мы ходили взад-вперед, поглощенные нашими заботами и надеждами. „В устройстве партии есть что-то фальшивое“. Через короткое время: „Если в устройстве есть что-то фальшивое, оно будет расти вместе с любым ростом целого“. Когда мы хотели войти к Буху, подъехал автомобиль. Некоторое оживление: Гитлер. Мы отступили назад, встали по стойке смирно и отдали приветствие. Гитлер, проходя мимо, очень пристально посмотрел на нас. Итак: Гитлер в Доме.

5 часов, Бух. Законченная фигура. Офицер. Принимает очень приветливо. Первое сообщение, хотя мы знали уже, что он больше не компетентен. С передачей Гитлерюгенда под эгиду СА (Рём), его реферат о молодежи больше не имеет значения. Союз студентов поэтому снова подчинен лично Гитлеру. Он же (Бух. — Примеч. пер.), как и раньше, — председатель высшего комитета по расследованию и улаживанию конфликтов. Именно в этом качестве, а так же как с человеком близкого круга Гитлера, мы искали встречи с ним. Он соизволил говорить с нами и выглядит очень решительным. Речь зашла о процессе против Зункеля, он категорически против формы, которую принял процесс. Исключение из партии — а именно о нем ставится вопрос — он считает для Зункеля совершенно невозможным. Во всяком случае, мы на него абсолютно не производим впечатления бунтовщиков. Я также коротко рассказал о сути повинения студентов, он понял. Затем Зункель, который все время говорил превосходно, спросил: „Мы можем лично передать памятную записку Гитлеру, поскольку он теперь наш непосредственный руководитель?“ Бух: „Сегодня вечером он должен выступить, поэтому его здесь не будет“. Мы: „Он только

что приехал“. Бух: „Тогда я сейчас позвоню ему“. Он звонит. Гесс противится, нельзя Гитлера раздражать перед вечерним выступлением. Бух: „Речь пойдет исключительно о делах, а не о персональных вопросах“ и ему удалось договориться. Наш разговор с Бухом продолжался, пока не сообщили, что Гитлер ждет нас в вестибюле. Бух: „Быстро пошли!“ Он идет с нами.

В вестибюле Гитлер, уже одетый, вместе с Гессом. На столе лежит известный всем собачий аранник — разрешенное оружие на случай возможного нападения. Бух представляет нас. Зункель сразу же дружески узнан. Зункель произносит несколько слов и передает памятную записку. Гитлер перелистывает ее. Читает наше чистосердечное объяснение, что мы — не люди Отто Штрассера. Скользит пальцами по листам, читает заключительное угрожающее заявление Союза студентов. Морщит лоб. Делает короткий доклад о том, что в Германии каждый, кто действует, сразу же приобретает противников, так было от Арминиуса до Фридриха Великого и до нашего времени. Это происходит из-за расового разложения. Мы этому даем отпор (с намеком, что мы оба еще не слишком расово разложились). Мы обращаем внимание на серьезность положения в Союзе студентов и что мы считаем Шираха решительно не готовым к выполнению своей задачи.

Гитлер: Союз студентов — самая трудная организация, с постоянной текучестью членов, слабой дисциплиной среди студентов и т. д. Затем: „и кого Вы считаете наиболее подходящим?“ Зункель: „Д-ра Хаупта“. Это был решительный шаг. Гитлер: „Но д-р Хаупт намечен на другой пост — вождя Гитлерюгенда“. Эта организация казалась ему существенно важнее, чем Союз студентов. Там можно было построить что-то постоянное. В этот момент его позвали к телефону, звонили из Веймара (вероятно, в связи с угрозой беспорядков Штеннеса в Берлине). Бумаги он взял с собой. Мы остались стоять с Бухом и продолжили разговор»¹².

Гитлер отпустил своих посетителей, не дав ответа. Оппозиционеры в отчаянии уже подумывали о передаче руководства старому академику — мюнхенскому гаулейтеру Адольфу Вагнеру. Но тот назвал памятную записку «произведением солдатского совета». Сразу после этой встречи Анрих

записал свои впечатления о личности фюрера:

«Я не сказал бы, что он какой-то особенный. Ни фигурой, ни манерой ходьбы или когда стоит. Доклад о Армине и Фридрихе Великом со всеми отступлениями впечатлял скорее как выступление школьного учителя, желающего не только показать свои знания ученикам, но и желающего обучить их... Это не дуче, в жестах — ничего внушающего величие и силу. Облик — очень южногерманский, с напряженной суровостью или стремительностью для компенсации. Но все это — негативно осознаваемое. Надо видеть его чаще и в разных ролях... И еще — он выглядит усталым... Штрассер производит впечатление гораздо более важное и значительное»¹³.

Разногласия продолжали углубляться, когда Анрих отказался сначала от участия в заседании руководства 29 марта 1931 года. Ширах постепенно терял терпение, он телеграфировал Анриху: «Приказываю быть утром в 9 часов». Ответ Анриха: «Слушаюсь». В разговоре на повышенных тонах Ширах снова упрекал Анриха в «списке прегрешений» и требовал «честно исповедаться». Но Анрих не отрекался от своего. Он пишет:

«Когда я точно в указанное время вошел в „Коричневый дом“, часть окружных руководителей уже была там, наконец, появился Ширах. Он очень дружески всех приветствовал, отпуская свои коронные шутки. Я спросил его в конце, не можем ли мы поговорить наедине. Нет. Он хотел говорить со мной перед другими... Затем — заседание в очень красивом зале. Ширах: „Первым пунктом я поставил разговор с д-ром Анрихом“. Я послал ему доклад о работе, довольно любопытный. Потому что я, кажется, полностью встал на сторону Зункеля. Он должен еще раз объяснить, почему он его исключил. Затем он описал развитие от Галле до настоящего момента, снова закончив „свинством“ и тем, что он сыт по горло всей кликой д-ра Хаупта, Зункеля, Карпенштейна (которого в этот же день назначили гаулейтером Померании) и других, не имеющих твердых убеждений. Я, по его словам, дальше писал, что он легкомысленно обходится с достоинством других, но я не должен твердо стоять на своем, это может кончиться для меня плохо и т. д. Теперь я могу говорить, если хочю. Я: „Да, я скажу кое-что“.

Затем я объяснил, что выступаю не как представитель Зункеля, и поэтому не хочу говорить о нем. Я должен лишь констатировать, что здесь подаются высказывания против высказываний — большая суматоха, что я поэтому считаю необходимым проведение процесса строго по уставу и остаюсь на позиции, изложенной в моем письме, — что он легкомысленно обходится с достоинством других. Ширах превращается в царя, кричит и бьет по столу. Я объяснил ему, что целиком поддерживаю „клику“ д-ра Хаупта, и если это причина „отсутствия твердых убеждений“, то я соглашусь. „Хорошо, что Вы это мне сказали (снова с ужасным криком), хорошо, я сразу же начну действовать. Вы не оправдали доверия, Вы исключены с этой минуты. Я также сообщу высшему руководству, что Вы собой представляете“. Я: „Как Вам будет угодно“. Он: „Что Вы думаете, я стану возбуждать против Вас процесс в комитете по расследованию и примирению?! Что буду ждать Вашего исключения три месяца? Я покажу Вам, где находится высшее руководство, оно сидит здесь“. На этом все закончилось. Мне больше не дали говорить. Я собрал бумаги и вышел из зала. Никто из собравшихся окружных руководителей не последовал моему примеру»¹⁴.

Протокол заседания содержит запись по этому поводу: «Затем рейхсфюрер удалил Анриха из зала и Союза». 4 апреля Анрих получил официальное решение об исключении из Союза студентов «без права на апелляцию». Стараниями Шираха теперь также форсировалось рассмотрение ходатайства об исключении Анриха и Зункеля из партии. Основание: «Попытка обмана фюрера НСДАП». В апреле в знак протеста из Союза студентов вышли многие группы высших школ и в той или иной форме заявили о своем подчинении непосредственно партии. После этого Ширах был близок к тому, чтобы подать в отставку, но Гитлер не согласился с этим: НСДАП — не «парламентский клуб, из которого легко можно выйти». Ширах остался на своем посту, но убедительно просил своего фюрера прийти к решению: на заседании руководства НСДСБ 2 мая 1931-года решение состоялось — фюрера сознательно неверно информировали о намерениях оппозиции — в присутствии Анриха и Зункеля (телеграм-

ма: «Адольф Гитлер приказывает Вам быть в воскресенье в 17 часов в Коричневом доме точка телеграфировать получение НСДАП»), фюрер, наконец, занял определенную позицию по отношению к окружающим руководителям и центральному руководству НСДСБ, а также — ко всему партийному руководству. В многочасовом выступлении он говорил:

«Издавна интеллектуальный слой немецкого народа считается представляющим народ. Но большой недостаток этих интеллектуалов состоит в том, что они — специалисты. Если в этом упрекают уже 20 лет духовного вождя, он отвергает подобный упрек с негодованием, да этот слой интеллектуалов даже верит, что он воплощает собой руководство народа. Подлинное народное руководство, т. е. духовная деятельность в соединении с практическим руководством, существует лишь в двух сферах: управлении и армии. Старое офицерское сословие лучше всего иллюстрирует это положение, потому что офицер был не только специалистом — военным ремесленником, учителем и т. д., но и вождем масс! Руководить людьми надо учиться. Это не делается в школах. Офицеры становились «вождями» в общении с войском, они были вынуждены проходить это обучение; они обучали новобранцев и постоянно проводили жизнь в солдатском окружении. Так они учились обращаться с людьми.

Если рассматривать вопрос чисто психологически, занятия умственным трудом — это еще не руководство. Связь между ведущим и ведомыми в армии так прочна, как нигде больше. Она кажется прямо-таки неразрывной. Но уже в ходе войны можно было заметить, что у немецких офицеров-резервистов недостаточна подготовка по части руководства массой и практического обращения с личным составом. Офицер-резервист — конечно, были и исключения — не имел связи с солдатами, которая тем прочнее, чем увереннее действует офицер. Тогда же, во время Мировой войны показали себя некоторые профессии, не пригодные для руководства.

Вторым действительно руководящим сословием Германии было чиновничество, которое в ходе управления училось практически обращаться с людьми. Например, мелкий чиновник окружного управления должен был изо дня в день общаться с

жителями сельского округа или маленького города. Все остальные интеллектуальные слои состояли из узких специалистов и у них вырабатывались полностью односторонние представления в силу ограничения в рамках своей профессии. Это была ошибка прошлого столетия, в результате чего смогла появиться социал-демократия. Со стороны государства нет духовного руководства. Поэтому так выросли профсоюзы и крах 1918 года был предопределен. Этому способствовал распад армии, медленно проходивший под ударами кинжалом в спину [именно так!].

Если кто-то считает, что у нас есть настоящее руководство, это будет противоречить событиям 1918 года. Хотя буржуазный политик не согласится, что его партии больше не понимают в управлении, не понимают маленького человека и пренебрегают многими сферами (психология масс, диалектика и т. д.). Но фактом является следующее: духовная элита нации больше не имеет права на руководство. Народ лишен политического руководства, разобщен. И это происходит не потому, что теоретическая мысль мало занимается этим, а потому, что она слишком специализирована. Самым худшим было разделение и объявление незаконными отдельных слоев с помощью искусства и просвещения. Когда я основал Национал-социалистическую немецкую рабочую партию, главным для меня было — удастся ли на место еврейско-интеллектуального поставить национальное массовое руководство. Мне было ясно, что для этого нужно новое обучение, но точно так же я был уверен, что эту задачу никак нельзя выполнить за зеленым столом — способность руководить можно воспитать только в практическом взаимодействии с массами. В старой армии делали значительно проще — готовили офицера в школе и затем его направляли в войска как опытного генерала. Но фактически офицер получает подготовку не в школе, а в длительном общении с солдатами. Офицер учится преодолевать пропасть между интеллигенцией и неинтеллигенцией, образующуюся даже в языке и манере говорить. Как вождь, он овладевает человеческим материалом.

Это задача национал-социализма: либо ставшему суверенным германскому народу дать национальное германское руко-

водство, либо погибнуть при попытке сделать это. С самого начала движение встретилось с большими трудностями, но, самое главное, сумело завоевать доверие тех, кто уже и раньше был связан с массой (офицеры, инженеры, мелкие чиновники и т. д.). Вначале всего несколько тысяч из них были готовы принять участие в практическом воспитании народа. Молодежь тоже оставалась далека от движения, если не говорить о военном поколении. Но когда национал-социалистическое движение победит, оно должно поставить молодежь на службу себе. Старые кадры остаются полезными до определенного момента, все больший процент их выходит вообще из состава движения, тогда как новую молодежь абсолютно необходимо завоевать для решения этой задачи.

Мне нужны не дискутирующие, духовно отъевшиеся молодые люди, а такие, кто хочет идти в массу и принимать живое участие в борьбе массы.

Вдали от строя офицер так же мало мог получать дальнейшее образование, как и сегодняшний студент, который стоит в строю. Но он все-таки сможет и в школе готовить себя и приобретать качества, необходимые для народного государства. Нам ясно, что для конкретной умственной деятельности необходима определенная передача знаний. Точно так же дело обстоит со стратегическим искусством. Теперь вопрос — что первично: воспитание офицера генерального штаба или вождя масс? Я хочу иметь не офицеров генерального штаба из народа, а вождей, которые изучают движение масс в процессе практической службы! Вот какова задача Союза студентов. Это воспитание, глубину которого сегодня не может представить ни один человек.

Никто вообще не может увидеть полную картину преобразований. Мы стоим не в конце развития, а в его начале. Народное государство без интеллигенции — немыслимо. Но только позднее у нас появится время для высших школ, интернатов, и не только практическое, но и глубокое теоретическое обучение знаниям об умении руководить массами. Сегодня думать так — зазнайство. Чем глубже смысл этой революции, тем медленнее ее ход. Сегодня ни один человек не может предсказать полную окончательную картину. И ни в коем случае

это не есть задача Союза студентов. Партия тоже не может представить полную программу даже на следующий год.

Большие движения возникают из базовых понятий. Самое существенное в мировоззрении — то, что из основных понятий можно получить ответ на любой вопрос жизни. Если исходная позиция изменится, то все будет оцениваться иначе. Поэтому главное сейчас — завоевание политической власти, оно поможет уточнить выбор направления прорыва. Одно время мы колебались, не ориентируясь твердо в понятиях „справедливость и несправедливость“, „добро и зло“ и т. д. Сначала надо заложить фундамент, а уж потом думать о новом сооружении. Нельзя создать новый гражданский свод законов, пока нет единства в понимании того является или не является государственная измена государственной изменой, воровство собственности — да [нет] и т. д. Но это противоречие не может ждать разрешения до времен, когда мы устремимся вперед к новому миру. Тот, кто первым придет к власти, изменит лицо Европы — и, возможно, навсегда.

При этом речь идет только о национал-социализме и о коммунизме. Поэтому каждую конкретную организацию следует оценивать только по тому, полезна ли она или нет для взятия политической власти. Этот вопрос обострился уже в 1919 году. Тогда было два направления: одно — народное, „духовно погруженное в себя“, и второе — о котором говорили, что оно — „бездуховное, поклоняющееся насилию“. Я выбрал второе. Первое направление никак не вредит марксизму. Наше направление, помимо знания, обладает реальной силой народа. Иметь практические знания хорошо, но без силы — полностью бесполезно. Одно „знание народа“, даже знание самого Чемберлена, несмотря на его отзвуки в некоторых кругах немецкой интеллигенции, для широкой массы нашего народа не имеет никакой ценности. Некоторые углубились в это знание, но это приносит еще больший вред, т. к. возникает ощущение собственного возвышения над другими из-за особенного знания народа. Причем именно тот, кто дальше отстоит от народа, выдвигает больше притязаний на право руководить им. Поэтому народ еще лучше распознает соблазнительей.

Кто спасет нацию от катастрофы? Интеллектуал, наци-

оналист или вождь масс? Речь идет о нахождении моста к народу. Я — сторонник этого пути. Я хочу овладеть массой как инструментом борьбы. А завоевание интеллигенции имеет смысл лишь тогда, когда в ней есть люди, способные построить внутреннюю связь с массой. Если национальная интеллигенция далека от народа, то ее народное направление — всего лишь народная клика. Противник вынес совершенно правильный приговор. До тех пор, пока враг смеется, осмеиваемый кажется не опасным врагу. Но затем он начинает его бояться [именно так!].

Так обстояло дело с народным направлением до моего прихода в историю. Они насмеялись во всех юмористических журналах. Я вспоминаю одно вечернее собрание в 1919 году, где Дитрих¹⁵ и я слушали, как еврейский докладчик вещал, что „народное движение лишь тогда станет значительным, когда им будет руководить еврей“. Теперь их ненавидят. Этим противник вынес себе приговор. К сожалению, есть еще чистый немец, который несогласен с этим приговором. Миллионы верят, к примеру, что Немецкая народная партия важнее, чем национал-социалистическое движение. Но они верят в это лишь до без 5 минут до 12. В 12 часов они станут нашими „воодушевленными сторонниками“. Даже в наших собственных рядах постоянно находятся критиканы. К тому же нужно понимать, что не существует единства, охватывающего все. Поэтому те, кто хочет добиться успеха, должны установить духовную тиранию, а это влечет за собой вечную критику. Так как невозможно построить организацию, когда каждый делает то, что он хочет, то я целиком отмечаю подобную свободу. Если бы существовало полностью добровольное согласие, то нам больше не нужны были бы организации. Если бы все люди были одинаковыми по характеру, опыту, основным принципам мышления и т. д., то организации вообще были бы не нужны. Но, как показывает история, таких людей нет. Однако есть люди, соглашающиеся в ключевых моментах, и к этому ведет лишь один путь.

Но если выбрать другой путь, то и цель будет другой. „Маршировать отдельно“ и „ударить вместе“. Нет, человека надо вести к цели, указывать ему эту цель. Всегда есть соприкос-

новение с другими целями, но лишь частичное. Одна цель, один путь! Поэтому Национал-социалистическая партия с самого начала не провозглашала свободы мысли. Наша организация идет по общему сплоченному маршруту. Это организационная связь. Для этого единого пути каждый должен отказаться от больших или меньших личных целей. Вспомните о компании. Она дает общее центральное направление движения. Поодиночке некоторые могут идти быстрее, некоторые медленнее, но вместе они идут со средней скоростью, соответствующей заданному масштабу. Долговременный отказ отдельных людей от личных целей в конце приводит к общему большому достижению для тысяч. В отношении духовных целей дело обстоит точно так же.

Если кто-то хочет создать организации, в которых каждый, из лучших побуждений, сам определяет лучший путь, то есть является индивидуальным агентом, это означало бы разложение организаций. Такие организации исчезают в тот самый момент, когда им начинает противостоять другая организация, в которой отсутствует какой-либо индивидуализм. По своему расовому составу Германия не является чистой; в нее вошли чисто нордические, чисто восточные и т. д. элементы и смешение из этих составных частей. И на любой вопрос, требующий занятия позиции по чистоте рас, следуют различные ответы и при демократическом решении всегда указывают на расистскую неполноценную сторону вопроса.

Поэтому для нас немыслима никакая другая форма организации, кроме основанной на признании вождя и его авторитета. Я отказался от прежних ошибочных представлений, собственных, к примеру, демократам, которые представляют собой дискуссионный клуб. Наоборот, его надо серьезно критиковать, потому что история всегда обходится без небольшой суммы ошибок и не обходится без большой суммы достоинств. Германия всегда либо имела прирожденных народных вождей, либо выдвигала абсолютно неспособных людей.

Студент поздно пришел в это движение. Поэтому цель его завоевания состоит не в том, чтобы с ним создавать кружки духовного усовершенствования, а в том, чтобы из него сделать вождя, а это произойдет не на пути государственного или на-

учного воспитания, а лишь в обстановке связи с массой. Даже в будущем сохранится мастерство специалиста; посредством живых связей с массой государство должно готовить офицеров генерального штаба, способные умы для выполнения великих задач. Управлению массами можно научить лишь в длительном соприкосновении с массой. Интеллигенция должна слиться с массой, вот почему в старой армии одногодичная система была большой ошибкой. Отслуживший один год должен был продолжать службу, если он хотел стать настоящим офицером. Только так из него можно было сделать офицера-резервиста. В 1922 году мы сделали первую попытку привлечь партайгеноссе из различных университетов. Партайгеноссе Гесс создал тогда студенческий батальон, который позднее планомерно развивался. И всегда стоял вопрос: в чем состоит цель этой студенческой организации? Получить офицеров генерального штаба или народных вождей? Было и остается лишь последнее.

С тех пор как партайгеноссе фон Ширах возглавляет Союз студентов, он на этом посту сослужил неоценимую службу тем, что во времена общей депрессии и застоя постоянно помнил о великом импульсе: только вперед! Если теоретик говорит, что НСДАП — неглубокая партия, то я ему могу лишь ответить одно: вы всего лишь теоретик. Ведь речь идет о военном сражении, а не о научном исследовании военных действий. У нас нет времени воспитывать вождей с высокими знаниями, потому что мы находимся в гигантском движении. Для нас важнее всего темп! Мы хотим разбудить в народе убеждение, что господствует мысль о германской свободе. Сейчас не наша задача заниматься углублением знаний. Позднее — да, когда мы придем к власти. Тогда для этого еще не будет слишком поздно. Сегодня же наша забота — чтобы никто не отнял у нас власть.

Партайгеноссе фон Ширах понял, в чем суть дела: исключительно в грандиозном движении масс. Для теоретических проблем у нас нет времени. Для них было 19-е столетие. Впрочем, то столетие тоже должно отказаться от успеха. Всегда было два типа людей: одни работают и создают, другие, кто эту работу критикует. Так было уже со времен Херуска.

Ему точно доказали, что он ничего не достиг. И после этого в ходе германской истории все продолжалось в том же духе. О Бисмарке говорили: этот человек не может ничего. Я напомню Вам депутацию консерваторов, пришедшую к королю с этим мнением. Так продолжается и до сегодняшнего дня. Во время войны каждый считал себя умнее, чем армейское командование, и каждый стол в пивной думал, что все делается неправильно, а он сам мог бы все это сделать гораздо лучше. Точно так же — в последнее время. Обо мне говорят, я слабый барабанщик, не вождь организации, а всего лишь лучший оратор, что, однако, ничего не значит. Если кто-то сделает действительно большое дело, его сразу же критикуют те, кто ничего не сделал. Они признают лишь немногих.

Когда партия боролась за победу на выборах 14 сентября, пришел Штеннес и сказал: все откатывается назад, я в отчаянии. Но если на это резко реагировать, нам говорят: террор. Поэтому я взял себе принципом — никогда не беспокоиться по поводу критики. Я делаю то, что считаю правильным. Это — мое притязание, но подумайте, что без этого притязания партия вообще не возникла бы. Оно, возможно, дерзкое, но оно есть, и Вы должны с ним примириться. Это притязание — моя болезнь и с ней надо смириться. Если бы в Германии в этом отношении было больше свободы, то было бы больше надежды на лучшее будущее. Я считаю, что могу лучше, чем кто-либо другой, оценивать все, касающееся национал-социалистического движения, и я защищаюсь против умаления этой веры в непогрешимость, и не только я, но и все, кто согласен со мной. Если в высшем руководстве партии появляются два мнения, то я должен вмешаться. И несмотря на это у нас больше свободы, чем где-либо еще.

Партия, возможно, в начале 100-летнего периода, занята внутренней работой, фундамент которой нельзя позволить разрушить тем или иным умственным теоретизированием. Каждый имеет право высказать мне свое собственное мнение. При этом может даже возникнуть острейший спор. Но обращение к организации со своим мнением я запрещаю. Потому что самое важное, что движение существует. Пытались разрушить организацию НСДСБ¹⁶. Я должен как его гарант со всей

решимостью выступить против этой попытки. Право критики ни у кого не оспаривается. Но эта критика не должна принимать формы, ведущие к разрушению организации. Нигде нет большей возможности для выдвижения предложений, чем у нас. Ни одного решения я не принимаю легко и никогда — без обсуждения с многими другими, так как я, скрепив его своим именем, отвечаю за все. Поэтому я всегда осторожен. У нас больше советуются и каждый вопрос исследуется и проверяется с величайшей тщательностью.

С самого начала любой критике давался открытый путь ко мне. Но никогда этот путь не идет вниз к массе, потому что это был бы путь к разрушению. Существуют две системы, противостоящие друг другу: 1. типично еврейско-демократическая с ответственностью вниз и авторитетом вверх, и 2. единственно верная с ответственностью вверх и авторитетом вниз. Когда я создавал эту вторую систему, национал-социалистическую, я ни при каких обстоятельствах не мог повредить авторитету. При 1-й системе я могу бунтовать вниз, при 2-й это невозможно, так как тем самым организация перестает существовать.

Вот пример: я не устраиваю партайгеноссе фон Шираха. Ширах идет ко всем окружным руководителям и объясняет, что Гитлера надо заменить. Если такая система укоренится, то что скажет тогда Ширах, если то же самое сделает руководитель крайза? Что скажет гаулейтер, если то же делает его районный руководитель, собирает решения и подписи, что скажет окружной руководитель, если его ортсгруппенлейтер настраивает против него подчиненных? Наконец, член партии выступит против руководителя своей ячейки и все движение окажется в состоянии внутреннего беспокойства. Такого развития я не потерплю ни при каких обстоятельствах. Можно либо быть национал-социалистом, либо не быть им. Я отказался от митингов верности, они теперь не имеют для меня никакой цены. Я желаю лишь дисциплины. Мне не нужна никакая любовь, меня можно даже ненавидеть, но организация должна существовать. До тех пор, пока другой не занял мое место, решаю я один. Лишь только мне одному можно направлять предложения и делать это даже неоднократно. Но

ни при каких обстоятельствах я не желаю, чтобы члены партии настраивались против меня. Союз студентов имеет дело с особенно трудным материалом, что, даже из-за одной только постоянной смены своих членов, делает работу особенно тяжелой. Тот, кто внутри него занимается критикой, может оставить свой пост, если не сумеет убедить меня. Я убежден, что определенные вещи могу оценивать лучше, чем кто-либо другой. Еще раз скажу, что это моя болезнь. Это мнение основано на опыте, и я не допущу произвола в этом вопросе.

Уже несколько месяцев ведутся нападки на партайгеноссе фон Шираха. Ширах четко выполняет то, что я ему когда-то поручил и что сегодня вижу его единственной задачей. Практически он выполняет огромную работу. Его успех намного превзошел мои ожидания. Критикой занимаются другие, которые не столько работают и взгляды которых для меня с самого начала были ошибочными. Я не потерплю никаких интриг, никакой торговли. Я с ангельским терпением до конца выслушивал критику некоего Штеннеса. Люди всегда делились на тех, кто что-то делает, и на неумеек. И всегда неумейки претендуют на успех других. Они первыми бегут с критикой. Они — те, кто требует „целеустремленного и четкого руководства“, кто вечно меняет партии. Я — „не целеустремленный“. Так обстоит дело и в этом случае.

Что касается письма, направленного Зункелем господину Полю, то я должен сказать: если нечто подобное укоренится, то любая организация перестанет существовать, потому что право, взятое на себя господином Зункелем, может захотеть себе взять любой партайгеноссе¹⁷. Недавно господин Зункель торжественно мне обещал ничего не предпринимать против Шираха, но свое обещание не выполнил. Само собой разумеется, я больше не намерен вступать в дискуссию. Для таких нарушений дискуссий не существует. Господин Зункель, Вы считаете подобный проступок честным? Вы можете лично относиться к этому человеку, который ночи напролет работает и пожертвовал для этого даже своей учебой, как Вам будет угодно. Я считаю подобное письмо оскорбительным, по форме и содержанию недопустимым. Вы ошибаетесь, господин Зун-

кель, когда говорите, что мне нужно количество, а не люди. Количество меня не интересует совершенно. Если бы Союз студентов был в десять раз меньше, он тоже оставался бы хорошей организацией. Вы недооцениваете немецких студентов. Если бы Вы показали им это письмо, то за Вами не пошли бы даже три человека. Потому что за подобными действиями стоит отнюдь не немецкий идеалист.

В течение двух часов Вы должны принять решение. Мы здесь выработываем понятие о чести. Я всем своим авторитетом поддерживаю это дело, ставшее вопросом чести, поддерживаю Шираха. У меня нет более понятливого и верного сотрудника, чем этот юный товарищ, который всегда действует в моем духе и делает то, что я ему поручил. Я скорее дам себя разрубить на куски, чем бросить Шираха на произвол судьбы. Господин Зункель, я теперь старый фронтовик, выступающий за своих товарищей и прикрывающий их любой ценой»¹⁸.

Подобным предельно четким объяснением Гитлера оппозиция была окончательно обезврежена. Позднее фон Ширах в своих воспоминаниях показал больше понимания тогдашнего противника: «...оппозиция против меня возглавлялась некоторыми более старшими преподавателями высшей школы, понимавшими в политике высшей школы намного больше меня. Они хотели из Национал-социалистического студенческого союза сделать для партии корпус духовных вождей. А я видел в студенческой организации политическую штурмовую группу национал-социалистической революции»¹⁹.

Резко отрицательная позиция, постоянно занимаемая Ширахом по отношению к реформаторам, становится тем более непонятной, если учесть, что в остальных вопросах он пользовался репутацией настоящего «джентльмена», постоянно готового к критике и конфликтам, а в годы национал-социалистического правительства бывшего даже частью «оппозиции, имманентной системе» внутри нацистской партюкратии²⁰. Однако на Анриха Ширах до конца жизни сохранил непреодолимую злобу. В нем он видел «интеллектуала в самом худшем смысле слова, очень сдержанного и удивительно закрытого»²¹.

Анрих послал шефу партии еще одно разъяснительное

письмо и даже получил возможность прочесть его лично Рудольфу Гессу в «Коричневом доме». Не исключено, что Гитлер, находившийся в соседней комнате, дверь в которую была открыта, тоже слушал²². Хотя гнев Гитлера в первую очередь был направлен против Зункеля, исключение Анриха из Союза студентов и партии тоже утверждено им. За ним последовало большинство членов гильдии «Эрнст Вурхе». Однако Зункель подписал объяснение в полной покорности, обещая больше не заниматься политикой высшей школы, и тем самым сохранил свое членство в партии. Вероятно, поэтому фрагмент обоснования исключения Анриха из партии звучал так:

«Партайгеноссе Зункель уже в то время, когда Вы еще не входили в движение, показал себя полностью готовым бороться за его цели. Я убежден, что он, после того как понял свою ошибку, будет безусловно подчиняться необходимой дисциплине. Поэтому я, осуждая его действия против рейхсфюрера НСДСБ, признаю его прежние заслуги. В Вашем случае я не могу этого сделать, потому что у Вас еще нет подобных заслуг». Подписано Адольфом Гитлером и председателем комитета по расследованиям и улаживанию конфликтов НСДАП.

Некоторые бунтовавшие функционеры были удалены со своих постов, затем окончательно вернулось спокойствие. Речь Гитлера возымела свое действие. Оппозиция прекратилась, и группы высшей школы снова вернулись в Союз студентов. Лишь Нойбек в Эрлангене не успокоился и создал во время новых выборов во Всеобщий студенческий комитет группу «За Гитлера против Шираха». Впоследствии он стал коммунистом. Несмотря на свое исключение, Эрнст Анрих опубликовал брошюру, озаглавленную «Три статьи о национал-социалистическом мировоззрении», которая не осталась без внимания в интеллектуальных нацистских кругах²³. В ней была статья из трех частей, посвященных органическому мышлению, понятиям образования и культуры, а также требованиям национал-социалистического движения к церкви (которые Анрих понимал совсем не в партийном смысле).

Следствием этих противоречий стали также споры вок-

руг председателя Немецкого студенчества Вальтера Лиенау, который тоже жаловался Гессу на Шираха и даже вносил предложение о его исключении²⁴. Но Лиенау не получил заметной поддержки ни в НСДСБ, ни в партии и был вынужден уйти со своего поста в декабре 1931 года. Тем не менее Гитлер отметил в газете «Фёлькише беобахтер»:

«В последнее время противник пытается раздуть противоречия между Союзом студентов и партией. На это я твердо заявляю: представительство национал-социалистического движения в университетах и высших школах происходит исключительно через представителей НСДСБ. Под угрозой исключения из НСДАП я запрещаю членам партии избираться по спискам других организаций кроме НСДСБ, а если партайгеноссе уже избраны по другим спискам, запрещаю им всякую деятельность против НСДСБ. Политические мероприятия НСДСБ полностью находятся под моей защитой. Поэтому борьба против них фактически является борьбой против национал-социалистического движения вообще, члены партии, участвующие в этой борьбе, сами себя исключают из движения.

Адольф Гитлер»²⁵.

Анрих, теперь уже не член партии, продолжал оставаться национал-социалистом по духу. Поэтому он был буквально шокирован известием, что 8 декабря 1932 года Грегор Штрассер ушел со всех партийных постов. В связи с этим Анрих издал приказ по гильдии:

«Шагом Грегора Штрассера окончательно и в последней стадии перед партией поставлен вопрос: политический меч немецкого национального социалистического обновительного движения или партия Геббельса, Рёма, Шираха... Я открыто заявляю здесь, что НСДАП без Штрассера я не могу поддерживать и что для членов гильдии «Эрнст Вурхе» в соответствии с ее внутренней задачей также невозможно поддерживать партию без Штрассера, т. е. с недвусмысленным руководством типа Геббельса—Рёма—Шираха»²⁶.

Эрнст Анрих переписывался с Штрассером. В январе 1933 года последний отвечал на письмо Анриха:

«Сердечно благодарю за Ваше письмо от 14.1.33. и за про-

питывающий его образ мыслей. Все правильно формулировать в письменном виде исключительно трудно, потому что определенные вещи можно выразить только устно, однако я попытаюсь совсем кратко изложить свое отношение к некоторым вещам. Верно, что я был за участие в правительстве Шлейхера, потому, что я, с одной стороны, убежден, что оно может, по крайней мере, начать движение к немецкому социализму, и с другой стороны, потому, что я больше не верю на 100 % в захват власти и даже в этом случае, исходя из точного знания господствующих планов, вижу меньше возможностей построения немецкого социализма, чем в первом случае. Что нам угрожает, четко следует из объединения Гитлера с Папеном. Это направление мне давно известно, и, так как Папен является представителем реакции, крупного капитала, крупных промышленников и крупных помещиков, оно означает окончательное подчинение НСДАП этим силам и бюрократии. Скоро мы ясно увидим последствия подобного способа взаимодействия. Я сам найду повод к практической работе, но — лишь когда появится соответствующий прочный базис для нее, либо вступаю в оппозицию по отношению к развитию по типу „Папен—Гитлер“. Думаю также, что уже не смогу больше вернуться к частной жизни. Но хочу сделать все возможное, чтобы не только не повредить взглядам национал-социалистического движения, а принести ему пользу.

Несколько дней тому назад я случайно познакомился здесь с господином профессором Ленихом, и мы хорошо поговорили с ним полдня. Я был бы очень рад побеседовать с Вами. Думаю, примерно 22-го числа я буду в Берлине, но если мы там не встретимся, то в любом случае после 24-го я постараюсь позвонить Вам, чтобы договориться о личной встрече. Остаюсь с немецким приветом Ваш Грегор Штрассер»²⁷.

После этого Анрих несколько раз встречался со Штрассером, но незадолго до 30 июня 1934 года, как он пишет, перестал ездить в Берлин для дальнейших встреч. Его предусмотрительность оказалась нелишней: 30 июня Грегор Штрассер был убит. Тем временем Зункель устроился руководителем бюро у министра образования Бернхарда Руста в министерстве культуры в Берлине и в октябре 1933 года принял Анри-

ха для беседы. Позднее последовал еще один вызов Анриха в Берлин к новому фюреру Национал-социалистического союза студентов Фридриху Штэбелю, чтобы обсудить с ним вопросы обучения в Союзе студентов или студенчестве, а требования «пользующейся дурной славой» памятной записки 1930 года приспособить к новым отношениям (см. Документ II). По счастливому стечению обстоятельств Штэбель намеревался новым рейхслейтером по вопросам обучения сделать лучшего, вероятно, друга Анриха — принца Людвига Густава Бирона Курландского²⁸. По многим соображениям Анрих получал обнадеживающие предложения от различных влиятельных персон, работающих в сфере науки и политики высшей школы, и уже скоро мог бы стать ведущим специалистом в деле организации университетов и нацистской студенческой политики. Однако все окончательно рухнуло из-за того, что он вынужденно не состоял в партии. Но сам Штэбель скоро тоже был смещен; после 30 июня 1934 года ему ставили в вину слишком большую близость к Рёму.

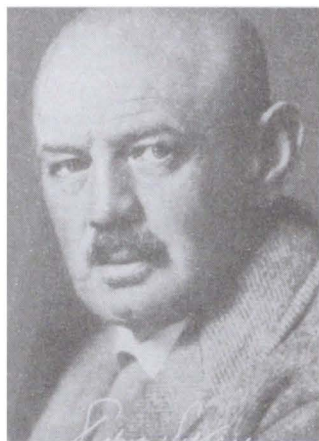
Эрнст Анрих в 1930-е годы снова серьезно занялся наукой и стал известен особенно как специалист по вопросам западной границы Германии. Вероятно, именно поэтому в 1941 году его назначили деканом университета в Страсбурге, подобно тому, как уже в 1937 году его коллегу, профессора Ганса Бернхарда фон Грюнберга, бывшего руководителя областной организации Союза доцентов Восточной Пруссии, назначили ректором университета Кёнигсберга, северо-восточного форпоста рейха²⁹.

Роль студенческой оппозиции против Гитлера нельзя недооценивать, так как она была одной из первых попыток заблаговременно помешать установлению положения Гитлера как само собой разумеющегося «Вождя-папы»³⁰.

Все-таки имперский руководитель студентов Шеель — с 1936 года преемник Альберта Дерихсвейлера — пригласил также и Анриха на празднование десятилетия НСДСБ в Бонн. При награждении почетными значками он обратился к Анриху и сказал: *«Вы были исключены из Союза студентов, поэтому я не могу дать Вам значок, но Вы участвовали в борьбе, которая позволила нам стать такими»*³¹.

Почти все бывшие высокие члены гильдии «Эрнст Вурхе» получили от гаулейтера Дюссельдорфа Флориана важные посты в его гау. Дальнейшее развитие Национал-социалистического союза студентов подтвердило опасения прежней оппозиции: вместо того чтобы стать духовным корпусом вождей партии и интеллектуальным подрастающим поколением, он все больше и больше скатывался к подобию комитета по организации праздников в университетах. Точно так же как НСДСБ не был в состоянии создать долговременную форму деятельности, не смогло осуществиться цельное учение о воспитании в НС-государствѣ. Критически настроенные функционеры НСДСБ, собиравшиеся вокруг Анриха и Зункеля, сделали по крайней мере одну попытку и отважились выступить против все явственнее проявлявшейся тенденции — передать Гитлеру всю полноту власти в партии.

1. Адольф Гитлер на праздновании «Дня Германии» в Нюрнберге 2 сентября 1923 года.

2. Дитрих Эккарт — покровитель и наставник первого часа, Гитлер посвятил ему второй том своей книги «Майн Кампф».

3. Бывший генерал-квартирмейстер кайзеровских сухопутных сил Эрих Людендорф и его жена Матильда — перед своим домом в Тутцинге.

4. Вождь DFVP Альбрехт фон Грэфе идет на заседание Рейхстага (примерно 1925 год).

5. Пропагандистский выезд DFVP перед выборами в Рейхстаг 1924 года.

6. Д-р Артур Динтер, гаулейтер в Тюрингии с 1925 по 1927 год. Как представитель направления «Духовное христианство» он обсуждал религиозные вопросы также и внутри НСДАП, натолкнувшись при этом на яростное сопротивление Гитлера.

7. Второй всегерманский партсъезд НСДАП в Веймаре, 1926 год: перед Адольфом Гитлером стоит Артур Динтер, далее Альфред Розенберг (смотрит в камеру).

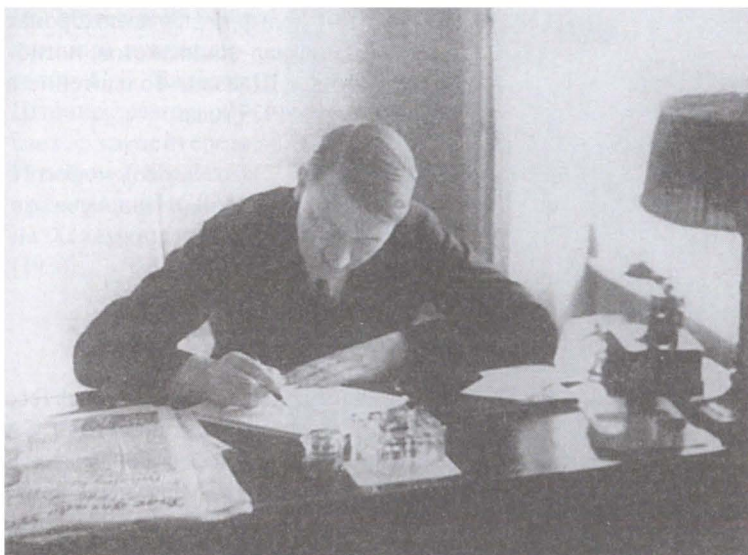
8. Серьезный противник Гитлера в раннем периоде НСДАП: д-р Отто Питтингер, руководитель союза «Бавария и рейх».

9. Знамя союза «Бавария и рейх».

10. Настоятель кафедрального собора в Бамберге Георг Шпонсель сказал в 1924 году, что Гитлер, будучи учеником реальной школы, выплюнул освященную просфору, за что фюрер НСДАП подал на него жалобу в суд (фото 1919 года).

11. Гитлер за письменным столом в берлинском отеле «Кайзерхоф» (1933). Вопреки широко распространенному мнению партийный вождь был весьма плодовитым писателем.

12. «Гитлер против Шеффера»: крупный заголовок «Фелькишен Беобахтер» от 7 декабря 1929 года.

13. Фриц Шеффер, председатель Баварской народной партии, в 1929 году получил словесное наказание в длинном письме Гитлера.

14. Адольф Гитлер на похоронах национал-социалистов, погибших в Шлезвиг-Гольштейне в марте 1929 года.

15. Адольф Гитлер, Рудольф Гесс и высший руководитель СА Франц Пфеффер фон Заломон на митинге в «Мюнхнер Циркус кроне» (1929). В 1941 году Пфеффера исключили из партии и арестовали.

16. Мятежный берлинский руководитель СА Вальтер Штеннес разговаривает с гаулейтером Йозефом Геббельсом в резиденции НСДАП на Хедеманштрассе (1930).

17. «Коричневый дом», прежде назывался «Барлов-дворец», на Бриннерштрассе в Мюнхене, с 1931 года – главная штаб-квартира НСДАП.

18. Баварский кронпринц Рупрехт, в Первую мировую войну — командующий группой армий.

19. Монархический враг Гитлера: Йозеф Мария граф фон Зоден-Фраунхофен, шеф кабинета кронпринца Баварии Рупрехта (фото 1929 года).

20. Имперский руководитель НСДСБ Бальдур фон Ширах с итальянским студенческим руководителем Сандони на партийном съезде в Нюрнберге, 1929 год.

21. Эрнст Анрих, будучи руководителем студенчества, ответственным за обучение, предпринял в 1930/31 году безуспешную попытку реформирования Национал-социалистического студенческого союза и был исключен из НСДАП.

22. Йозеф Гроге (справа), гаулейтер Кёльна-Ахена в период 1931–1945 годов, с руководителем Национал-социалистического союза учителей Хансом Шеммом на съезде воспитателей 7 мая 1934 года в Кёльнском зале «Рейнландхалле».

24. Молодой гаулейтер Померании Вильгельм Карпенштайн даже после 1933 года не отказался от радикальных методов «периода борьбы», проповедовал «вторую революцию» и в 1934 году исключен из партии по приказанию Гитлера.

23. Обергруппенфюрер СА Эдмунд Хейнес (слева) и рейхсфюрер СС Гиммлер. Во время так называемого «мятежа Рёма» 30 июня 1934 года Хейнес был расстрелян.

25. Хельмут Брюкнер, гаулейтер Силезии с 1925 по 1934 год, свергнут в 1934 год в результате интриги высокопоставленного руководителя СС Удо фон Войрша.

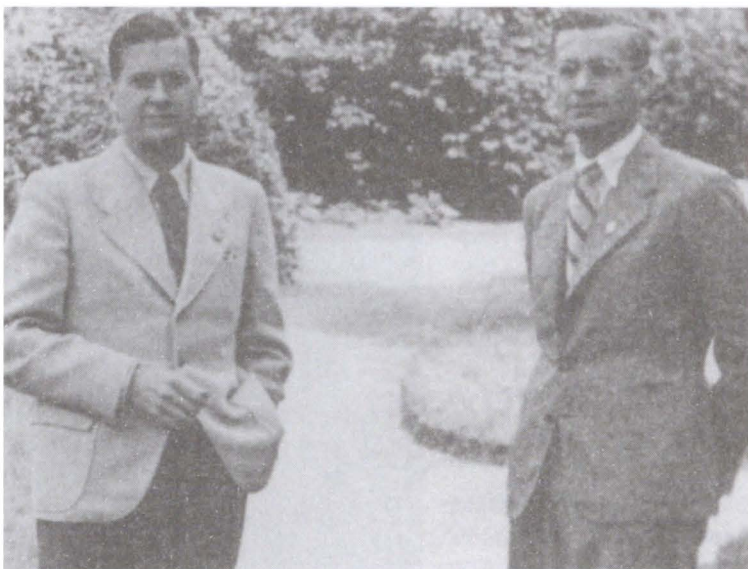
26. «Старый борец» Вильгельм Кубе, гаулейтер Курмарка, снят с поста в 1936 году, с 1941 года — генеральный комиссар Белоруссии.

27. Гитлер приветствует Вернера Кунта, обергегбитсфюрера Гитлерюгенда в гау Вильгельма Кубе, во время партийного съезда в Нюрнберге, 1935 год.

28. Йозеф Вагнер (слева) руководил гау Вестфалия—Юг и Силезия. В 1941 году Гитлер неожиданно лишил его всех постов и приказал исключить из партии.

29. Имперский руководитель молодежи Бальдур фон Ширах и главный редактор органа Гитлерюгенда «Вилле унд Махт» Гюнтер Кауфман (справа) на острове Рюген (1938).

30. Гаулейтер Везер-Эмс Карл Рёвер и главный теоретик НСДАП Альфред Розенберг в строящейся «Дервене Штедингер» (1935).

31. Митинг НСДАП с участием Гитлера и Рёвера на площади «Пфердемаркт» в Олденбурге 10 мая 1931 года (крайние справа – Виктор Лутце и Рудольф Гесс). В 1942 году Рёвер представил беспощадную памятную записку о положении в НСДАП, а несколькими днями спустя умер при не совсем выясненных обстоятельствах.

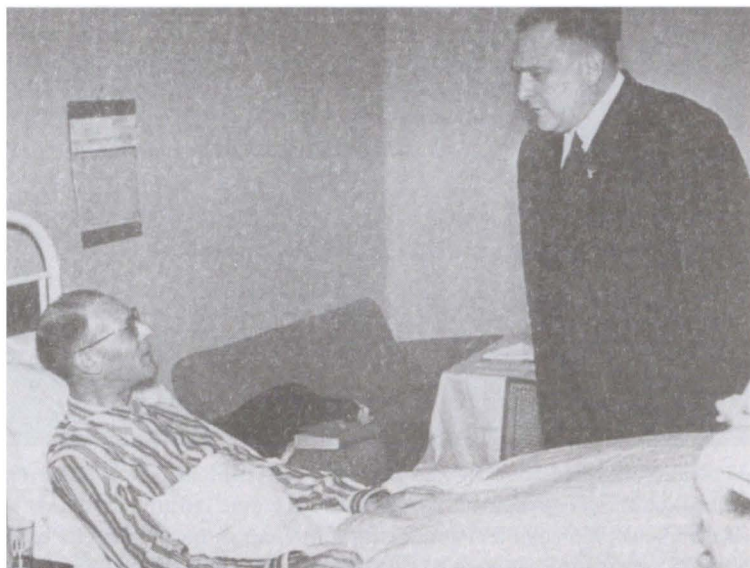

32. Сентябрь 1932 года: д-р Геббельс посещает Вену, рядом с ним – Альфред Э. Фрауенфельд, гаулейтер Вены с 1930 года. Будучи генеральным комиссаром Крыма из-за своей умеренной оккупационной политики вступил в острые противоречия с имперским комиссаром Эрихом Кохом.

33. Гитлер приветствует делегацию австрийских национал-социалистов во главе с Фрауенфельдом.

34. Отто Абетц, посол Германии в Париже с 1940 по 1944 год. Гитлер неоднократно призывал его к большей твердости и предупреждал об опасности «политики чувств» по отношению к Франции.

35. Ober-burgomistr Штутгарта д-р Карл Штрёлин навещает в госпитале раненого при воздушной бомбардировке союзников (1941).

36. Вильгельм Мурр, противник Штрёлина, гаулейтер и имперский наместник Вюртемберга, в 1945 году вместе с женой покончил жизнь самоубийством.

37. 4 августа 1944 года Гитлер в ставке «Вольфшанце» прощается со своими гаулейтерами. Он увидит их еще лишь однажды — 24 февраля 1945 года в Имперской канцелярии на приеме по случаю 25-летия повторного провозглашения НСДАП, чтобы дать наказ о полном использовании всех возможностей партии в последней фазе войны.

«Пока я веду партию...»

Смещения с постов, исключения и повторные вступления в партию

Охотно повторяемая ведущими национал-социалистами формула, что партия и государство — едины и представляют собой монолитный блок, с равнопрочной сплоченностью, без какой-либо раздирающей силы, — не более чем легенда. По-видимому, редко где встречались большие анархия должностных постов и хаос полномочий, чем в тотальном государстве вождя Адольфа Гитлера. Борьба направлений и личные распри более или менее крупных нацистских сановников — хотя часто скрытые от народа — определяли реальность внутри аппарата власти. По закону логики это неизбежно порождает коррупцию — как материальную, так и характеров личностей. Сам Гитлер вел, насколько известно, абсолютно строгую жизнь в этом отношении, но с открытыми глазами терпел коррупцию у своих сатрапов. Институциональному хаосу режима способствовало отсутствие любых конституционных ограничений, а закон о полномочиях 1933 года был крайне слабой заменой таких ограничений. Не имея ни малейшей возможности услышать слово всегда рождавшейся оппозиции или провести открытую дискуссию, партия и государство скатывались в джунгли буйно разрастававшихся должностей, учреждений и полномочий. Для этого феномена уже довольно рано Эрнст Фрэнкель предложил термин «двойное государство»¹.

Йозеф Геббельс в своем дневнике однажды прямо назвал эту проблему: *«Мы живем в государстве такого типа, в котором очень неясно распределение компетенций. Поэтому под руководящими персонами и органами власти появляются, как правило, дублирующие структуры... Следствием*

является полная неуправляемость во внутренней политике Германии»².

То, что сам Геббельс был движущей силой этой «неуправляемости», особенно четко показывают его многолетние острые противоречия с Альфредом Розенбергом, о чем имперский министр пропаганды намеренно умалчивает. Рейнхард Боллмус уже рано изобразил борьбу за власть в национал-социалистической системе господства на примере ведомств Розенберга и его противника³. Письма ведущих чиновников этих учреждений, таких как руководитель Центрального ведомства Готтхард Урбан и его преемник д-р Гельмут Штельрехт, заместитель руководителя Центрального ведомства науки Генрих Хэртле и руководитель канцелярии Розенберга Тило фон Трота, исписали целые тома по теме внутренней борьбы только в одном этом партийном институте⁴.

Как вождь хотя и значительной, но строго организованной партии сам Гитлер уже с конца 1920-х годов чувствовал возможность своего успеха. Без сколько-нибудь заметной поддержки влиятельных кругов НСДАП тем не менее продемонстрировала, что она может, опираясь лишь на собственные силы, если не победить, то уж точно сохраниться до того момента, когда придет ее час. Внутренние распри НС-вождей начались уже рано — в «период борьбы». В начале 1926 года Гитлер резко критиковал тогдашнего гаулейтера Южного Рейнланда д-ра Роберта Лея за то, что его управляющий делами Йозеф Гроге посылал «надменные» письма в комитет партии по расследованиям и улаживанию конфликтов⁵. Гитлер, чувствовавший себя лично сильнее задетым именно письменными посланиями, хотел в этом случае действовать без промедления, начисто искоренить все неприятное и уволить Гроге. Это намерение он сопроводил замечанием, что можно даже удержать жалованье Гроге. А в будущем решил не читать бумаг, подписанных Гроге⁶. Тогда же Гроге и Лей подверглись резким нападкам со стороны областной организации СА из-за предписываемых им финансовых нарушений.

Однако очень скоро трения прекратились и даже гнев

Гитлера по этому случаю утих. Гроге сделал карьеру в партии, и в 1931 году Гитлер назначил его гаулейтером нового гау Кёльн-Ахен. Это место он занимал до 1945 года. В событиях вокруг Гроге проявился старый принцип Адольфа Гитлера — сначала дать делу возможность развития. Особенно ярко это было видно в случаях, когда враждовали два контрагента, он, как правило, смотрел и выжидал до тех пор, пока не выявлялось, кто сильнее. Так как Гроге подтвердил свою преданность Гитлеру, он мог сохранить свой пост.

В мае 1927 года Гитлер издал распоряжение по партии:

«Господин Эдмунд Хайнес... на основании § 4, раздела 2b, Устава, 22 мая 1926 года исключен из НСДАП. Как он сам, так и члены руководимой им или вновь создаваемой им организации, не имеют права носить отличительные знаки партии или ссылаться на НСДАП.

Мюнхен, 31 мая 1927

Адольф Гитлер»⁷.

Формальным поводом для этого распоряжения было отсутствие одного из руководителей СА, Хайнеса, на общем сборе мюнхенского СА 25 мая 1927 года, на котором присутствовал Гитлер, причем Хайнес потребовал от подчиненных ему командиров СА также не являться на сбор. Но подлинную причину выпуска этого распоряжения надо искать гораздо раньше — в постоянной критике Хайнеса, содержащейся в различных сообщениях руководства партии. Хайнес родился в 1897 году, лейтенант в отставке, был членом Добровольческого корпуса Россбаха, за участие в гитлеровском путче получил 15 месяцев тюрьмы. С 1926 года был командиром штандарта СА в Мюнхене.

Речь Гитлера 25 мая 1927 года почти целиком посвящена непокорности Эдмунда Хайнеса:

«Гитлер обошел весь строй СА, внимательно всматриваясь в лица. Последовавшая затем его примерно 2-часовая речь почти полностью связана с делом Хайнеса—Раушера⁸. Сначала Гитлер спросил, кто в строю является заслуженным солдатом-ветераном, ему ответили примерно 10 человек. Затем Гитлер

спросил, кто является участником войны. Ответили около 30 человек. Он заметил, что спрашивал это потому, что только заслуженный солдат способен понять его высказывания о дисциплине. Затем подробно говорил о том, как необходима дисциплина во время войны, а также теперь — в мирной жизни. Принялся говорить о целеустремленности, с которой сегодня надо действовать и которая немыслима без понимания и разума. Он сам свою целеустремленность показал еще тогда, когда у бунтовщика Хайнеса молоко на губах не обсохло. Как активист он заслужил Железный крест за службу в 4,5-летнее военное время. Целеустремленность создала НСДАП тогда, когда никто не был уверен в возможности жить дальше. Свою целеустремленность он проявил в ноябре 1923 года, когда стоял вопрос о жизни и смерти. Хайнес в ноябре 1923-го не выполнил отданный ему приказ, самовольно направился во французское посольство и арестовал его, не думая, что таким необдуманным действием он отдает врагу весь германский народ. Подобное самоуправство никогда не спасет народ, а лишь ставит перед пропастью и движение и народ.

Он — Гитлер — всегда был активистом и как вождь движения поставил перед движением задачу — создать новую Германию и освободить германский народ. Поэтому он не позволит едва 25-летнему зеленому юнцу (имея в виду Хайнеса) себе диктовать, что такое целеустремленность. Он решительно отмечает ложь, что он якобы окружен тормозящими и бюрократами, которые им руководят. Он не позволит никому руководить собой, и уж, особенно, не Хайнесу и Раушеру. То, что делается в партии, делается по его распоряжению, и каждый командир может назначаться только с его ведома. Подбирая руководителя, он исходит не из личных отношений, а из радости и горести движения. Каждый руководитель, видящий свой долг не в интересах движения, должен оставить свой пост, и это правило действует также для высшего руководства партии. Тому, кто не хочет подчиняться такому порядку, нечего делать в партии и, особенно, в СА. С 1923 года о Хайнесе ходили различные слухи, и он теперь рад, что с ним — Хайнесом — поступили так. Потому что только так партия защищается от еще большего позора. Если бы Хайнес со своим под-

разделением остался в СА, то люди, возможно, скоро стали бы показывать на СА пальцами. То, что сделал Хайнес, является анекдотом для солдатского собрания в самом худшем смысле. Он плюет на возгласы «Хайль», исходящие от Хайнеса, потому что это только ложь. Кто действует вопреки распоряжению унтерфюрера, действует против него самого. Если Хайнес еще раз явится на собрание, его должны вывести собственные товарищи. Власти давно ждут повода, чтобы запретить СА.

Поэтому надо избегать всего того, что может дать политическим властям возможность вмешаться. Именно к этой цели сознательно стремился Хайнес. После того как теперь этот чумной нарыв проколот, на мюнхенское СА он снова может смотреть с доверием. До сегодняшнего дня он сомневался в верности СА, но теперь он среди бойцов СА как среди своих и может говорить с ними открыто. Он сам хотел бы надеть коричневую рубашку штурмовика. Но как вождь он, безусловно, должен быть уверен, что каждый слепо за ним последует и выполнит любой приказ. Он не требует ничего противозаконного, вообще ничего, что могло бы привести к его конфликту с властями. Он требует лишь, чтобы они охраняли движение, а если необходимо, — защищали его. Одно подразделение уже в прошлый раз присягало ему (Гитлеру) в своей верности поднятием руки. Но вновь вступившие за последнее время и еще не присягавшие должны сделать это сегодня, поскольку они присутствуют здесь. Если кто-нибудь считает, что не может этого сделать, он должен набраться мужества и покинуть помещение. (После этого три человека ушли.)

НСДАП — дело его жизни, и поможет ему небо, он закончит это дело. В свой смертный час он желает себе только одного — чтобы саваном ему стало знамя со свастикой. За этот символ он будет бороться и умрет, даже если никто не пойдет за ним. Итак, мы должны торжественно поклясться — один за всех и все за одного. В Мюнхене тоже постепенно начинается борьба. Сегодня на одно наше подразделение напали силы, превосходящие его в 30 раз. Дальше столкновения будут все более острыми, и он желает теперь, чтобы эти красные бандиты попробовали сорвать наше собрание. Тогда они увидят нашу силу. Ему хотелось бы один раз самому быть ране-

ным в схватке [именно так!], чтобы каждый мог видеть, что он тоже боец СА и умеет работать кулаками. Именно в таком смысле мы должны торжественно поклясться во взаимной верности и стать содружеством людей, которое будет основой новой Германии»⁹.

В своей речи 30 июля 1927 года на общем собрании членов НСДАП в Мюнхене Гитлер еще раз вернулся к «случаю Хайнеса»: «Вы сами знаете, что мы недавно были вынуждены в Мюнхене принять меры против одного подразделения, которое, по нашему убеждению, было недостаточно послушным, а командир которого позволял себе действовать без приказа»¹⁰.

В 1928 году Хайнеса за нанесение смертельного удара при проведении политического убийства приговорили к 15 годам, после пересмотра дела — к пяти годам, тюремного заключения, но уже в 1929 году его освободили и он снова был принят в НСДАП. После этого он сделал в СА показательную карьеру, получая повышения, особенно при поддержке начальника штаба СА Эрнста Рёма. В 1930—1932 годах он был депутатом рейхстага, и с 1930 года — одновременно референтом при Верховном руководстве СА. С 1931 года он — руководитель СА Силезии и, одновременно, заместитель Рёма. В этом качестве он проявил крайне жестокий радикализм, особенно испугавший буржуазные круги, симпатизировавшие растущей НСДАП. Во время мятежа Рёма он был в числе других расстрелян, а перед этим Гитлер при карательной операции против вождей СА, собравшихся в отеле в Бад-Виссее, застал его с поличным в постели с юношей.

В трудное положение попал также Ойген Мундер, родившийся в 1899 году, фронтовик, член Добровольческого корпуса. В 1925 году вступил в НСДАП и с этого времени, вероятно, был гаулейтером в Вюртемберге. Примерно в конце 1927 года возникли противоречия между Гитлером и Мундером из-за того, что последний критиковал «стиль жизни» партийного вождя. В январе 1928 года эти разногласия привели к снятию Мундера с поста гаулейтера. В конце концов, Мундер вышел из партии и сошел со сцены. Умер, вероятно, в 1952 году¹¹.

Также известно о конфронтации, связанной с именем

гаулейтера Мекленбурга Фридриха Гильдебрандта. Гильдебрандт, родившийся в 1898 году близ города Пархима в Мекленбурге, был батраком. Во время войны служил на Западном фронте и во Фландрии получил сильное газовое отравление. В 1919 году вступил в Добровольческий корпус Брандиса и в DNVP. Как служащий полиции безопасности в Галле он поражал коллег чрезмерной резкостью действий против спартаковцев. За участие в Капповском путче уволен из полиции безопасности. Как член DNVP избирался в ландтаг, но позднее передал свой мандат НСДАП. С 1925 года он руководил гау Мекленбург. В связи со все более проявляющимся конфликтом между Гитлером и Штрассером Гильдебрандт критиковал предположительные контакты Гитлера с промышленниками, что привело к расколу по этому вопросу в руководимом Гильдебрандтом гау. Запись в служебном журнале от 16 января 1930 свидетельствует, что Гитлер высказал пожелание с 1 мая отправить в отпуск своего мекленбургского гаулейтера. Эта запись гласит:

«В записке, направленной в Имперское руководство гаулейтером Гильдебрандтом из Мекленбурга есть фраза: Рост — больше солдат, чем политик, и поэтому его лучше использовать в военной сфере, чем для политического руководства¹². За такое высказывание я немедленно снял гаулейтера Гильдебрандта с занимаемого поста. Он руководит сейчас гау лишь временно, до назначения нового гаулейтера. Для разъяснения сути дела я добавлю следующее: с момента нового создания НСДАП я стараюсь внушить каждому, что партия, и особенно — СА, имеет невоенный характер. В бесчисленных предписаниях, исходящих как от меня, так и от высшего руководства СА, указывается на необходимость безусловного отказа от любого противозаконного действия; любого противозаконного поведения. За малейшее нарушение этого предписания я исключаю из СА и партии.

Любая организация, лишь попытающаяся действовать с оружием, будет распущена, а ее ответственный руководитель — исключен. Фактически каждый член СА, как и каждый член партии, знает, что единственная задача СА — охрана наших собраний и ораторов и пропаганда нашей идеи. И тем не менее

один гаулейтер считает для себя возможным в легкомысленной, неразумной фразе возбудить подозрение, что руководитель СА занимается военными вопросами. И это когда гаулейтер Гильдебрандт тоже точно должен знать и знает о безумии подобных высказываний. Одна неумная фраза такого рода сегодня может нанести партии большой ущерб, потому что уже давно пытаются приписать партии и СА противозаконные цели.

Поэтому я принял решение — дать всем наглядный урок и сместил гаулейтера Гильдебрандта, хотя чисто по-человечески мне его жаль, т. к. партайгеноссе Гильдебрандт был бесконечно преданным, порядочным и честным соратником. В этой связи я еще раз напоминаю о моих приказах и распоряжениях, касающихся смысла, цели и организации СА, ее задач, и решительно предупреждаю о недопустимости словом или делом отступить от этой линии. Высшей задачей всех гаулейтеров сегодня, более чем когда-либо, является скрупулезная забота о том, чтобы избежать в движении нарушений закона, воспрепятствовать возможности их появления. При строгой законности нашей партии рухнут все попытки наших противников уничтожить страшного для них провозвестника правды. Наше оружие — не кинжал или бомба, не пулеметы или ручные гранаты, или военные формирования, наше оружие — исключительно пробивная сила правильности нашей идеи, победоносная мощь нашей идеи, неутомимость нашей разъяснительной работы и безграничная готовность к жертвам всех партайгеноссе, вставших за эту идею»¹³.

После ухода в отпуск Гильдебрандт на короткое время солидаризировался с основанным Отто Штрассером «Боевым содружеством революционных национал-социалистов», но уже вскоре его покинул из-за опасности быть за это исключенным из НСДАП. В письме от 14 июля 1930 года на имя председателя комитета по расследованиям и улаживанию конфликтов при высшем руководстве НСДАП майора Буха Гильдебрандт оспаривает (в свойственном ему стиле с хромающей грамматикой, за время его партийной карьеры часто служившей поводом для смеха) выдвинутые в его адрес обвинения:

«Я заявляю, что никогда не думал примыкать к кругу

Штрассера, наоборот, я предпринимал все возможное, чтобы отойти от политической жизни. Но меня отговорили от этого старые друзья, особенно партайгеноссе д-р Альбрехт [именно так!]. Высшее руководство и комитет по расследованиям могут принять любое решение по моему вопросу, но я всегда раньше стоял за Адольфа Гитлера и могу представить сотни писем от моих друзей из гау, которые, как и раньше, верят Гитлеру, и, несмотря на все случившееся, продолжают стоять за Адольфа Гитлера; но все они считают, что нынешнее мое положение невыносимо для меня, и я пришел к решению вернуться в партию»¹⁴. Упомянутый д-р Герберт Альбрехт руководил как временно исполняющий обязанности гау Мекленбург после ухода Гильдебрандта в отпуск¹⁵.

Бывший начальник штаба Гитлерюгенда, заместитель имперского руководителя молодежи и гаулейтер Южного Ганновера — Брауншвейга Хартман Лаутербахер писал о Гильдебрандте: «Фридрих Гильдебрандт был сельским батраком, перенес много трудностей. С одной стороны, он пользовался исключительной симпатией рабочего населения, а Мекленбург — аграрная земля. Несколько труднее ему было в других сферах, прежде всего — с интеллигенцией и большой прослойкой крупной и мелкой аристократии»¹⁶.

В 1931 году Гитлер снова назначил Гильдебрандта гаулейтером Мекленбурга, этот пост он, как и Йозеф Гроз, сохранял до 1945 года. Так же до 1945 года он был имперским наместником Мекленбурга-Шверина. Затем его арестовали американцы, и в 1947 году американский военный трибунал в Дахау вынес ему смертный приговор. 5 ноября победители привели приговор в исполнение в Ландсберге; Гильдебрандт похоронен на ландсбергском тюремном кладбище.

В некоторых случаях Гитлер, когда ему что-то не нравилось, лично выражал свое неудовольствие. Крупные разногласия возникли между ним и национал-социалистическим министром внутренних дел Брауншвейга д-ром Франценом, когда последний не позаботился организовать защиту отеля, в котором остановился шеф партии, от коммунистических демонстрантов. Т. к. близко не оказалось сил полиции, пришлось пустить в дело бойцов из команды сопровожде-

ния СС. Гитлер заявил Францену, что «для сохранения легальности партийные формирования ни при каких обстоятельствах не должны проводить полицейские мероприятия, тем более в Брауншвейге, где полиция подчинена национал-социалистическому министру». После этого 26 июля 1931 года Францен подал в отставку и вскоре вышел из партии.

К этому времени относится резкое письмо Гитлера руководителю DNVP Альфреду Гугенбергу, в котором он оправдывается за некоторые события во время съезда Национальной оппозиции 11 октября 1931 года в Бад-Харцбурге (см. Документ III). В этот день союзы «Национальной оппозиции» объединились в «Харцбургский фронт» и потребовали немедленной отставки правительства Брюнинга. Созданный по инициативе Альфреда Гугенберга и под девизом «генерального наступления на систему» фронт состоял из DNVP, «Стального шлема», НСДАП, Общегерманского союза под председательством Генриха Класса и Имперского земельного союза, руководимого графом Эберхардом фон Калькройтом. В качестве авторитетных участников на съезд сумели пригласить бывшего президента рейхсбанка Ялмара Шахта, генерала в отставке фон Секта, двух принцев из семьи Гогенцоллернов, графа Рюдигера фон дер Гольца, а также нескольких политиков из DVP и Промышленной партии, ветеранов войны, представителей высшей немецкой аристократии, промышленности и сельского хозяйства. Но за кулисами съезда шли споры, потому что консервативное большинство участников не было готово доверить руководство фронта представителю сильнейшей из вошедших в него организаций — Гитлеру.

В связи с безрезультатным приемом накануне у рейхс-президента Гинденбурга Гитлер поздно приехал в Бад-Харцбург, затем принял парад СА, после которого сразу же демонстративно покинул площадь парадов, *не дожидаясь* прохождения членов «Стального шлема», хотя они отдавали все почести знаменам СА. Он также не пришел на совместный обед руководства съезда, объяснив это тем, что он не может обедать, зная, что тысячи его сторонников несут службу «на голодный желудок». Из-за разногласий с Гугенбергом на 40

минут задержалось открытие общего митинга, на котором Гитлер говорил недолго. Последний председатель фракции DNVP Отто Шмидт-Ганновер в своих воспоминаниях подробно рассказал о предыстории, закулисной стороне и ходе харцбургского съезда¹⁷.

Бывшего краткое время гаулейтером Гамбурга д-ра Альберта Кребса в мае 1932 года Гитлер исключил из партии за его статью в газете «Гамбургер тагеблатт», главным редактором которой он являлся. В статье резко критиковалась политика имперского министра обороны Курта фон Шлейхера. Но подобная тактика в тот момент не входила в планы Гитлера. Сразу после появления вмененной в вину статьи делегация гамбургского окружного руководства приехала в Берлин к д-ру Геббельсу, чтобы ознакомить того с «досье» Кребса. Гитлер приказал д-ру Кребсу немедленно отправиться во Франкфурт-на-Майне, упрекая его за то, что его нападки на Шлейхера подорвут в рейхсвере всякое доверие к нему и к НСДАП. Затем объявил Кребсу, что он и остальные члены редакции «Гамбургер тагеблатт» смещаются со своих постов и будут исключены из партии. Альберт Кребс, оставивший поучительный том мемуаров, писал о тех событиях:

«Исключение, которым завершилось мое почти десятилетнее пребывание в НСДАП, оставило меня в раздвоенном состоянии духа. Я чувствовал себя настолько же разочарованным и озлобленным, насколько освобожденным от ставшей в последнее время невыносимой физической и душевной нагрузки. Реакцией был тяжелый нервный срыв, последствия которого длились несколько месяцев. Лишь три четверти года спустя я смог постепенно возвратиться к работе и жизни»¹⁸.

Еще в начале 1928 года Кребс, после одного в гау Гамбург, высказал желание уйти со своего поста, но тогда Гитлер отклонил его просьбу. Иоахим Фест пишет: «Он только хвалил заслуги, порицал неудачи, улаживал конфликты, благодарил, извинялся. Затем объявил об уходе»¹⁹.

Кребс сделал итоговое объяснение позиции Гитлера по отношению к внутренним разногласиям в движении и его поведения в таких ситуациях. Гитлер придерживался мне-

ния, что «борьба за власть на нижнем уровне лучше всего препятствует образованию общей и сплоченной оппозиции центральному руководству. Поэтому она скорее полезна, чем вредна, и надо позволить ей существовать, а в некоторых случаях даже тайно ее провоцировать. Если же, в исключительных случаях, это невозможно, то надо принять сторону сильнейшего, невзирая на правоту и законность, т. е. человека с крепкими локтями и толстыми мозолями на совести»²⁰.

НСДАП и, прежде всего, Адольф Гитлер в это время завоевывали все больше и больше видных сторонников. 48 известных деятелей, не являвшихся членами НСДАП, в 1932 году в связи с приближавшимися выборами в Рейхстаг, в большом воззвании, напечатанном в газетах, призвали немецкий народ голосовать за Гитлера; среди них были герцог Карл Эдуард Саксен-Кобург-Готский, князь Фридрих цу Вид-Нойвид, граф Фридрих цу Сомс-Вильденфельс, фрау фон Дирксен, генерал пехоты в отставке фон Белов и адмиралы в отставке Дамерау-Дамбровски и фон Левецлов, генеральный директор Борбет, Оскар Годфруа, Энрике Сломан, тайный советник Бир, всемирно известный врач и поэт Богислав фон Зелхов.

В Гамбурге расклеивали листовки. Тайный советник профессор Вильгельм Бурмейстер: «61 год тому назад один гениальный человек основал германский рейх, сегодня другой человек из рога изобилия своей высокой личной одаренности подарит нам новый рейх». Историк литературы Адольф Бартельс: «Книга Гитлера „Майн Кампф“ — величайшая политическая публикация со времен бисмарковских „Мыслей и воспоминаний“». Д-р Фуругард, Швеция: «Гитлер — величайшая личность, когда-либо выдвигавшаяся нордической расой». Профессор университета д-р Ленард, нобелевский лауреат: «Как исследователь природы я могу желать лишь такого рейхспрезидента, который понимает проблемы действительности. Это в большой степени есть у Гитлера. Он — прирожденный вождь новой Германии; было бы постыдно не использовать это. Все потонет, наука тоже, если не будут проведены основополагающие изменения, задуманные им и его соратниками». Советник юстиции д-р

Луэтгебруне: «Адольф Гитлер — вождь Германии на пороге нашей новой эры, спасающий немецкий народ под лозунгом „Поворот к лучшему и вера!“ Бывший посол фон Рейхенау: «Я считаю Гитлера умным политиком исключительно большого уровня, не желающего для себя ничего, а все отдающего обществу»²¹.

Даже после 1933 года продолжались не заказные выражения лояльности новому руководству государства, например заявление о верности Гитлеру и новому правительству, подписанное ста преподавателями высшей школы, или «Клятва верности немецких писателей народному канцлеру Адольфу Гитлеру». Еще одно подобное воззвание отмечено именами ученых Хайдеггера, Пиндера и Зауэрбруха. Такие голоса весьма приветствовались в НСДАП — по крайней мере, в «период борьбы». Поэтому Гитлер мог полностью положиться на своих представителей в землях, и прежде всего на гаулейтеров.

Несколько сложнее, чем в уже описанных случаях, было дело Вильгельма Карпенштейна, который уже в 1931 году, в возрасте 28 лет, получил пост гаулейтера Померании. Родившийся во Франкфурте-на-Майне, Карпенштейн уже в 1921 году вступил в местную группу НСДАП «Франкфурт» и там же организовал Национал-социалистическое студенческое объединение. После переезда в Померанию он стал выпускать первую ежедневную окружную национал-социалистическую газету «Норддойчен беобахтер». В 1925 году он возвратился в Гессен и принял руководство орггруппой в Дармштадте. В 1929 году он сдал экзамен на звание ассессора юстиции и снова уехал в Померанию, где стал крайзлейтером и депутатом Рейхстага. Причины, приведшие, в конце концов, к падению Карпенштейна, многозначны и не полностью известны. Еще до 1933 года его неоднократно критиковали за неправильное исполнение им своих служебных обязанностей²². Уже в марте 1933 года имперский организационный руководитель Роберт Лей поручил подготовить кандидатуру возможного преемника Карпенштейна. Были слухи о ужасающем положении в концентрационном лагере Штеттин-Бредов, где с начала 1934 года самовольные из-

девательства и убийства заключенных приняли почти нетерпимые размеры.

Тогда вмешался Герман Геринг как премьер-министр Пруссии и потребовал закрыть «дикий» концлагерь. Главные преступники, замешанные в этом, были позднее расстреляны в ходе «мятежа Рёма». Юного гаулейтера Карпенштейна абсолютно не устраивала концепция Гитлера — эволюционного развития партии и государства. Он без колебаний продолжал и после 1933 года применять в своем гау испытанные в «период борьбы» радикальные методы, и это вызвало несколько порицаний со стороны Имперской канцелярии. Главная цель честолюбивого гаулейтера Померании состояла в том, чтобы мало-помалу подчинить себе все структуры партии. Кульминацией его амбиций стал резкий спор с руководимой Вальтером Дарре Имперской продовольственной организацией, отделение которой в Померании Карпенштейн также хотел подчинить себе. Мартин Молль в своем труде «Падение старых борцов» пишет, что Карпенштейн в «боевом циркулярном письме всем политическим руководителям своего гау объявил открытую войну Имперской продовольственной организации»²³. В этом споре он особенно нападал на одного из руководителей организации Вильгельма Мейнберга²⁴. Дарре почувствовал опасность и срочно доложил Гитлеру. Он жаловался на бесчисленные нападки и превышения власти политического руководителя гау, которые могут «в высшей степени повредить облику нового государства»²⁵. Гаулейтер оправдывал свое поведение словами:

«Функционеры Имперской продовольственной организации должны... везде быть поставлены перед выбором, признают они или не признают авторитет гаулейтера как высшую непартийную и политическую инстанцию. Если не признают, то они должны выйти из сообщества национал-социалистов... Это азбука национал-социализма — гаулейтер несет политическую ответственность за все, что происходит в его гау. Кто этого не признает, тот отвергает также существование Адольфа Гитлера. Потому что такая задача дана гаулейтеру Адольфом Гитлером. Каждый мой крайзлейтер не выполнит свой долг, если выпустит из рук это высшее политическое руковод-

ство»²⁶. Постепенно Карпенштейн довел свою идею до крайности и установил режим обычного «кумовства». Он поставил на влиятельные посты множество преданных ему унтерфюреров, где они распоряжались в силу своего разумения. Некоторые возмущались, например наместники. Управление гау и СА при Карпенштейне было крайне коррумпировано, а полномочия тесно переплетены и запутаны. Особенно хорошо Карпенштейн относился к руководителю СА Померании Хейдебреку, расстрелянному после 30 июня 1934 года.

В июле 1934 года Карпенштейна, наконец, сместили с поста гаулейтера и по устному распоряжению Гитлера исключили из партии. Вскоре после «мятежа Рёма» Карпенштейн еще открыто одобрял действия фюрера против руководства СА. Но так как Карпенштейн постоянно не мог удержаться от слов «вторая революция» и не мог полностью отказаться от методов «периода борьбы», он тоже должен был, в конце концов, поплатиться. Его радикальные речи приводили всю Померию в состояние высокой политической напряженности²⁷. Поэтому население приняло смену гаулейтера с большим облегчением. Во время поездки нового гаулейтера Шведе-Кобурга по гау спонтанно возникали приветственные митинги.

Некоторое время Гитлер наблюдал за активностью Карпенштейна, но затем действовал молниеносно. После своего смещения амбициозный экс-властитель гау провел два года в тюрьме. Затем ему разрешили снова заниматься профессиональной деятельностью — работать адвокатом и нотариусом. После выхода из тюрьмы он многократно обращался в различные партийные органы с просьбой о пересмотре своего дела. Во время войны он пытался предложить себя для службы в оккупированных восточных территориях, но Гитлер лично отказал ему в этом²⁸. После воинской службы и относительно короткого тюремного заключения он вновь занялся адвокатской деятельностью. В мае 1968 года он умер²⁹.

Также не лишена трагичности судьба Гельмута Брюкнера, бывшего в 1925—1934 годах гаулейтером Силезии. Брюк-

нер родился в 1896 году, во время мировой войны воевал на Восточном фронте, награжден Железным крестом 1-го и 2-го класса. В марте 1918 года на Западном фронте он получил тяжелое ранение. Затем изучал историю и философию в Бреслау и был избран как представитель от Национал-социалистического движения свободы (NSFB) в городской совет Бреслау. Брюкнера можно считать создателем силезского гау НСДАП. После назначения гаулейтером он проделал обычную для этого поста карьеру: депутат Рейхстага, после 1933 года — также обер-президент Силезии. В начале декабря 1934 года его лишили всех постов, исключили из партии и на некоторое время взяли «под стражу». Официальное обоснование: открытые выступления Брюкнера не соответствуют принципам НСДАП, он якобы не следовал «национал-социалистическим тенденциям»³⁰. Гельмут Брюкнер, хотя и был женат и имел много детей, отличался гомосексуальными наклонностями. В этом смысле его также можно отнести к поздним жертвам событий 30 июня 1934 года.

Но главное — глубокие разногласия Брюкнера с руководителем оберабшнита СС Удо фон Войршем, на которые он неоднократно жаловался в вышестоящие имперские и партийные органы³¹. Список его обвинений, предъявляемых Войршу, велик: неуплата налоговой задолженности, подделка документов, и не в последнюю очередь, самоуправство фон Войрша во время событий 30 июня 1934 года³². Эти обвинения стали известны также и Гиммлеру, который заступился за своего подчиненного и информировал Гитлера о предполагаемых «упущениях» Брюкнера. В первые годы после «путча Рёма» статья 175 оставалась любимым средством давления и способом отделаться от неудобных конкурентов. Брюкнера за его гомосексуальность тоже судили по этой статье в 1935 году. После выхода из тюрьмы Гитлер назначил ему ежемесячное пособие в 500 рейхсмарок³³.

В дальнейшем Брюкнер пытался вернуться в партию и даже нашел в этом поддержку мекленбургского гаулейтера Гильдебрандта, что вызвало большое изумление в высших

инстанциях, в том числе — у Мартина Бормана. Преемник Гельмута Брюкнера, Йозеф Вагнер, получил приказ Гитлера — «Покончить с состоянием распада в Силезии и навести здесь порядок»³⁴. При содействии Германа Геринга Брюкнер получил место в авиастроительной компании «Хейнкель», что позволило ему кормить семью. В августе 1945 года его арестовали русские, после чего его жена никогда больше о нем не слышала³⁵.

29 июня 1933 года Гитлер удивил немецкую общественность следующим сообщением Имперского отдела печати НСДАП: *«Бывшие члены партии: капитан в отставке Кордман, капитан в отставке фон Марвитиц, капитан в отставке Вольф и капитан в отставке Цуккер, все из Берлина, пытались воздействовать на свободу фюрера принимать решения с помощью телеграмм и телефонных звонков гаулейтеру, в суд, хозяйственные организации и т. д. По распоряжению фюрера они немедленно сняты с постов и исключены из партии. По приказу канцлера они арестованы и доставлены в концентрационный лагерь»*³⁶.

В этом сообщении речь шла о сотрудниках уже упоминавшегося д-ра Отто Вагенера, бывшего короткое время начальником штаба СА и руководителем отдела экономической политики Имперского руководства НСДАП. Долгое время мало кто знал, что он с осени 1929 года и до конца 1932-го был одним из ближайших сотрудников Гитлера, которому вождь партии доверял свои мысли в многочисленных беседах на самые разные темы. В опубликованных воспоминаниях Вагенера эти беседы — о науке и демократии, о конфессиональном расколе Германии, о теории лучей барона фон Рейхенбаха и о почти всех сферах жизни — нашли, впрочем, довольно тенденциозное отражение. Записки Вагенера о разговорах с Гитлером отчетливо показывают его уверенность в том, что Гитлер излагал ему свои самые сокровенные мысли, в отличие от большинства других людей своего ближайшего окружения. Конечно, это не слишком убедительно, т. к. Гитлер очень точно знал, *когда, с кем и о чем говорить*³⁷.

В сентябре 1932 года Вагнер оставил пост руководителя

4-го главного отдела. Гитлер дал команду расформировать отдел экономической политики «человека Штрассера» — Вагенера — и запретом распространения краткосрочных хозяйственных программ обозначил свое дистанцирование от экономических представлений Грегора Штрассера. Основанием для своей отставки Вагнер назвал отклонение Гитлером одной из подготовленных им брошюр по экономической политике как якобы партийно-служебного документа.

С этого момента Вагнер оставался при штабе Адольфа Гитлера «для особых поручений» и с апреля по июнь 1933 года исполнял обязанности имперского комиссара по экономике. Совершенно неожиданно Гитлер снял с него эти функции. Как пишет сам Вагнер, вечером 28 июня 1933 года Гитлер вызвал его в Имперскую канцелярию, где уже был Герман Геринг. По требованию Гитлера Геринг зачитал выдержки из прослушанных телефонных разговоров вышеназванных сотрудников Вагенера. Из этих записей следовало, что они вели интриги с целью сделать Отто Вагенера преемником только что ушедшего в отставку имперского министра экономики Альфреда Гугенберга.

После этого Гитлер обратился к Вагнеру со словами: «Я, собственно, собирался пригласить Вас, чтобы сказать Вам, что хочу назначить Вас статс-секретарем Министерства экономики. Но теперь это исключено». Затем он отдал приказ Герингу — немедленно арестовать сотрудников Вагенера и отправить их в концлагерь, чтобы преподать урок всем. Сам Вагнер больше не имел возможности объяснить Гитлеру действительное положение дел. Случившееся не имело последствий для Вагенера. В длинном письме в 1-ю палату Высшего партийного суда в Мюнхене он описал произошедшее и предложил провести процесс против себя. В решении палаты от 17 ноября 1936 года говорится, что сотрудники Вагенера действовали без его ведома³⁸. Однако решение Гитлера иллюстрирует и служит примером того, как резко он реагировал, когда его товарищи по партии в сфере экономической политики действовали вопреки его принципам и убеждениям.

Особую окраску это событие приобретает еще потому, что самый активный из четырех — Герман Кордеман — писал в

1963 году, что он перешел в Имперское руководство НСДАП в начале 1931 года по приказанию генерала фон Шлейхера, чтобы быть там доверенным лицом последнего. Если вспомнить теперь о контактах Грегора Штрассера с бывшим канцлером фон Шлейхером, то можно объяснить силу ярости Гитлера. Этому же, возможно, способствовали обстоятельства ухода в отставку Гугенберга. 27 июня 1933 года решением, принятым 56 голосами против 4, его партия — DNVP — самораспустилась. В длинном разговоре Гитлер пытался убедить Гугенберга не уходить в отставку³⁹. Гитлер привлек при этом все свое ораторское искусство. Он хвалил Гугенберга, настойчиво просил оставаться на своем месте, взывал к его чувству патриотического долга и даже угрожал в конце. Но все это не помогло; 29 июня Гитлер вынужден был прийти к рейхспрезиденту Гинденбургу и познакомить того с решением Гугенберга.

Все названные персоны, находясь вблизи Гитлера, попадали в силовое поле этой во всех отношениях неординарной личности, противоречивость которой часто раздражала. 12 июня 1925 он сказал на партийном съезде в Плауэне: *«Войдите в мое положение. Даже я могу однажды ошибиться. Это заложено в природу человека, сделанного из плоти и крови. Он не непогрешим»*⁴⁰. Это удивительное заявление для самоуверенного Гитлера. До 1933 года Гитлер был совершенно готов к признанию возможных собственных ошибок, как это видно из его обращения к руководителям партии 22 января 1933 года: *«Даже я могу заблуждаться и делать ошибки, но главное в том — кто в конечном счете сделает меньше ошибок»*⁴¹.

Но, однако, уже в 1937 году в речи перед крайзлейтерами партии высказывания рейхсканцлера Гитлера звучали совершенно иначе: *«Если теперь мы имеем систему, дающую возможность находить лучших для руководства, следует признать, что стоящие ниже будут ошибаться немного чаще, чем стоящие выше. Я думаю, что рядовой член партии будет ошибаться легче, чем его ортсgruppenлейтер. А ортсgruppenлейтер будет ошибаться легче, чем его крайзлейтер. И крайзлейтер, в свою очередь, — чаще, чем его гаулейтер. Вы не обидитесь, если я скажу — гаулейтер будет ошибаться чаще, чем я»*⁴².

Корни трагедии НСДАП надо искать, в том числе, и в этой извращенной форме мышления фюрера. В личности Адольфа Гитлера в одно целое сплелись идея, партия и государство, и рядом с ним ничто не могло возникнуть и утвердиться. Эффективная коллективная работа никогда не предусматривалась. Поэтому уже приводившееся высказывание Гитлера «пока я руковожу партией, она будет организацией дисциплины» снова и снова приводило к абсурду. В сюрреалистической среде бункера глубоко под Имперской канцелярией, где в последние дни жизни Гитлер вынужден был подводить итоги своего существования, он, уже покори́вшийся судьбе, писал:

«По воле рока я должен был завершить все в течение короткой человеческой жизни... Там, где другие имели в своем распоряжении вечность, у меня было всего несколько жалких лет. Другие знали, что их последователи продолжат дело с того самого места, где останавливались они, и тем же плугом поведут дальше ту же борозду. Я спрашиваю себя, найдется ли среди моих непосредственных последователей человек, предназначенный судьбой для того, чтобы снова поднять факел, вывавший из моих рук»⁴³.

Сама личность Гитлера не позволяла создать институты, способные государству вождя эволюционировать в новую эру. Поразительна общность его режима с режимом Бенито Муссолини, который хотя и часто клялся в долговечности фашистского государства, никогда не ставил вопрос о своем преемнике и изначально саботировал или отметал все персональные внутрифашистские альтернативы, похоже, что он воспринимал эру своего правления как плод никогда больше не повторяющихся обстоятельств. В 1925 году он говорил на конгрессе в Риме: *«Четыре года назад я призывал вас: рождайтесь от меня!.. Я должен взять на себя задачу — еще десять или пятнадцать лет править итальянской нацией. Это необходимо. Мой преемник еще не родился»⁴⁴.*

Таким же было убеждение Гитлера. Планы создания национал-социалистического сената уже в начальной фазе заслонили военные события⁴⁵. Каждый в партии, кто отваживался противопоставлять себя Гитлеру, был обречен на неудачу.

«Недостойно Германии Канта и Гёте»

Об амбивалентности «старого борца» Вильгельма Кубе

Слой новых вождей НСДАП состоял, по большей части, из людей без специальности, выброшенных из колеи гражданской жизни и именно из-за хаоса отношений в политике ставших вождями. Их багаж часто был не более, чем лишь причудливой мешаниной из неукротимого напора, стремления к власти и безусловной веры в фюрера и идею. А о государстве, его сложных регулирующих механизмах и структурах они почти ничего не знали или даже не хотели знать. К таким людям принадлежал также гаулейтер и генеральный комиссар Вильгельм Кубе, воплотивший трагизм части «старых борцов», впавших в раздумья о некоторых основных принципах национал-социалистической политики после лично пережитых проявлений несправедливости.

Кубе родился 13 ноября 1887 года в нижнесилезском городке Глогау в семье сержанта Рихарда Кубе. Скоро семья переселилась в Берлин, где отец после окончания военной службы стал чиновником в налоговом ведомстве. Юноша учился в известной классической гимназии «У серого замка», которую посещал еще Бисмарк, и в 1908 году сдал экзамен на аттестат зрелости. С 1908 по 1912 год он изучал историю, общественно-политические науки и теологию в университете Фридриха Вильгельма. Уже в молодые годы он, убежденный антисемит, основал в университете Немецкий народный студенческий союз. Тогда же, в студенческий период, он установил контакты с известными антисемитами Теодором Фричем, Адольфом Бартельсом, Дитрихом Эккартом и Максом Либерманом фон Зонненбергом, членом Немецкой социальной партии которого он состоял. Как и у

многих его современников, в глазах Вильгельма Кубе евреи, со времени разрушения иерусалимского замка в процессе, продолжавшегося многие столетия в сложных и трудных условиях рассеивания, потеряли всякую духовную связь с диаспорой места их проживания, поэтому их надо считать лишенными корней и разрушителями всего органически выросшего. Скоро против евреев образовался сильный праворадикальный фронт.

Не закончив университета, молодой Кубе работал домашним учителем. В 1913 году он женился, стал отцом четырех сыновей. С 1914 года Кубе был редактором различных праворадикальных листков. Он не участвовал в мировой войне, вероятно, из-за болезни сердца, начавшейся еще в детстве, которую он обострил перенапряжением во время одного школьного похода. В военные годы он был генеральным секретарем крайне монархически настроенной Немецкой консервативной партии в Силезии. После роспуска партии он перешел в DNVP, от которой избирался членом берлинского городского совета.

На это же время пришлись первые писательские амбиции Кубе. Его пьеса для театра «Тотила» получила некоторую известность и часто ставилась, главным образом, после 1933 года, с 1934 года — под названием «Тотила, король готов». Кубе постоянно создавал разные политические организации и его часто исключали из многих из них, таких как Немецкий союз Бисмарка или Немецкий орден Бисмарка, — что свидетельствует о его крайне тяжелом характере. Из DNVP он тоже вышел, сменив ее на DVFP, от которой избирался в рейхстаг. В DVFP Кубе продвинулся до поста имперского управляющего делами, а в 1926 году основал газету «Мэркише Адлер». Но и из DVFP он тоже вышел, чтобы избежать исключения.

Затем в очередной раз Кубе создал новую организацию, собрания которой, из-за их консервативной и монархической тенденции, даже подвергались нападениям СА. В 1927 году он познакомился с Грегором Штрассером, но продолжал скептически относиться к берлинскому гаулейтеру Йозефу Геббельсу, о чем писал прямо Гитлеру, что его «святое

дело в Северной Германии вместе с методами братьев Штрассер и графа Ревентлова пойдет много дальше, чем с господином Геббельсом. Борьба, которую ведет д-р Геббельс против Штрассера, приводит моих людей в ужас»¹. После этого Гитлер предложил Кубе перейти в НСДАП и конструктивно сотрудничать, что тот и сделал вместе со своими приверженцами. В мае 1928 года его избрали в ландтаг Пруссии, где он стал председателем фракции. В том же году Адольф Гитлер назначил его гаулейтером Остмарка, выделенного из гау Берлин-Бранденбург. Кубе благодарил за это своего фюрера «Торжественным обетом непоколебимой верности и негибаемой воли к борьбе» и обещал «на важнейшем восточном посту... победоносно нести вперед священное знамя нашего движения — против Польши и других врагов нашего немецкого народа»².

Под энергичным и грубым руководством Кубе в гау начался огромный рост числа членов партии. Воодушевленный искусством Кубе в ведении борьбы, Гитлер, восхвалявший сильный голос Кубе («как у носорога») на массовых митингах, в письме от 2 октября 1928 пишет несколько личных слов:

«Дорогой господин Кубе! Примите огромную благодарность за Вашу борьбу в ландтаге за мою свободу выступать в Пруссии и передайте ее также другим членам фракции, и в первую очередь — нашему старому верному борцу господину Хааке. С германским приветом Ваш Адольф Гитлер»³.

Вильгельм Кубе развил бешеную активность также и в сфере публицистики. Об этом свидетельствуют его статьи в «Фелькише беобахтер» и в «Мэркише Адлер», часто затрагивавшие вопрос дуализма «Пруссия — рейх». Акцент на Пруссию производил впечатление и завоевывал национал-социализму много новых сочувствующих, как вспоминает бывший обергебитсфюрер Гитлерюгенда в Курмарке Вернер Кунт: «Я... вступил в НСДАП в 1929 году. Решающим толчком для этого стали речи гаулейтера Кубе и принца Августа Вильгельма Гогенцоллерна. Казалось, что Пруссия и национал-социализм стали связанными»⁴.

Кубе был известен своим сангвинически-холерическим темпераментом и крайне агрессивными выступлениями в

ландтаге Пруссии, за что его многократно порицали. Он постоянно использовал средство давления — «малый запрос», чем почти целиком блокировал всю работу ландтага. Гаулейтер Галле-Мерсебург Рудольф Йордан, также бывший в 1932 году депутатом ландтага Пруссии, вспоминает о яростной драке в парламенте между коммунистами и национал-социалистами, после которой зал имел вид поля боя:

«С обеих сторон были если не тяжело, то много легкораненых... Нам потребовалось не более минуты, чтобы прогнать таких агрессивных юных сторонников Москвы. Буржуазные и социал-демократические депутаты во время стычки отхлынули к стенам зала; затем они сгрудились у выходов, испуганные, частью полностью потерявшие дар речи.

На ближайших заседаниях победоносной фракции НСДАП господствовало боевое настроение. Руководитель фракции Вильгельм Кубе... заявил при общем одобрении: «Рота Кубе сегодня хорошо дралась. Я горд, что являюсь Вашим командиром. Теперь сторонники Москвы в этом доме будут знать, с кем им придется иметь дело в будущем»⁵.

Кубе всегда интересовался вопросами церкви и веры и в «период борьбы» партии развился до уровня специалиста в церковно-политической области. Как активный член совета церковных общин берлинской Гефсиманской общины и городского синода берлинской епархии, он поддерживал доверительные отношения с церковными иерархами и структурами. Кубе активно участвовал в создании движения верующих «Немецкие христиане». Его целью было преодоление раскола церкви путем создания немецкой государственной церкви. Кубе резко выступал против представителей «признанной церкви». Он называл их «склочниками, подлецами и помехой, посланными чертом». Кубе слыл неудобным и холерическим человеком, которого надо опасаться. Но при различных кризисах в партии он всегда оставался верным Гитлеру, который, в свою очередь, отвечал ему доверием. На последних свободных выборах в марте 1933 года НСДАП получила в Остмарке 55 процентов голосов. После объединения гау Остмарк и Бранденбург в гау Курмарк Гитлер назначил Кубе гаулейтером этого самого круп-

ного по территории гау в рейхе и обер-президентом Бранденбурга и пограничной Западной Пруссии⁶.

В середине 1936 года, во время проведения Олимпийских игр в Берлине, карьера Кубе внезапно оборвалась. Но причиной этого был сам Кубе. В апреле 1936 года председатель Высшего партийного суда НСДАП рейхслейтер Вальтер Бух получил анонимное письмо, подписанное так: «Несколько берлинских евреев», в котором ему ставилось в вину, что он женат на еврейке, и поэтому Бух не имеет права занимать такой высокий партийный пост⁷. Вот точный текст письма:

«Многоуважаемый господин майор Бух!

Вы являетесь высшим судьей партии, борющейся с каждым порядочным евреем и оскорбляющей его, поэтому Вы, как наш соплеменник, не можете исполнять свою должность. Знаете ли Вы, что Ваша жена имеет еврейскую кровь? Знаете ли Вы, что семья Вашей жены (Билернесте, смотрите родословную Вашей жены!) еще в 1820–1825 годах жила в гетто Франкфурта-на-Майне? Знаете ли Вы, что она родила детей, имеющих нашу кровь? Ее зять, который, как и Вы, является рейхслейтером национал-социалистов, знает, что его жена и теща — не чисто арийского происхождения. Имперское родовое управление тоже знает об этом! Только Вы один не знаете? Вы виновны больше всех — Вы осудили сотни людей за такую же трагическую судьбу, какая постигла и Вашу жену. Какие выводы сделаете Вы, мудрый и справедливый судья? Мы рады, что можем причислить Вас к своим.

Несколько берлинских евреев».

Особенно сильный удар нанес тот факт, что дочь Буха Герду, бывшую женой зловещего Мартина Бормана, тогда — начальника штаба Рудольфа Гесса, поместили клеймом «полуеврейка»; это означало, в соответствии с иерархией вождей Третьего рейха, осквернение святыни. Замалчивать обвинение казалось невозможным, и Бух немедленно передал необычное письмо в гестапо, которое быстро сумело выяснить, что его инициатором является гаулейтер Вильгельм Кубе. Последний сразу же сознался.

Адольф Гитлер, что необычно, отреагировал удивительно быстро: 7 августа 1936 года он снял Кубе со всех постов, сохранив ему, однако, титул и право ношения формы гаулейтера. Преемником Кубе на посту гаулейтера стал бывший заместитель гаулейтера Южной Вестфалии Эмиль Штюртц. О назначении было коротко сказано лишь в маленьком сообщении в «Фелькише беобахтер» — казалось, что гаулейтера Кубе никогда не существовало.

Рудольф Гесс в циркулярном письме руководящему составу партии изложил причины происшедшего и назвал инцидент «чудовищным»⁸. Уже 7 сентября 1936 года Высший партийный суд постановил лишить Кубе всех прав, но Гитлер уменьшил наказание до предупреждения.

Зачем Кубе инициировал подобное письмо? 9 августа 1936 года Йозеф Геббельс писал: *«Кубе смещен. Он вел себя низко, писал анонимные письма Буху и т. п., неосторожно затронул его жену. Неприятный случай! Он должен винить себя»*⁹. И немного позднее: *«Геринг сильно ругает Кубе. И заслуженно. Грязная проделка! Но как всегда: бурный гражданин... Кубе показал себя неумным. Просит о месте редактора или интенданта. Типичный мелкий бюрократ, не способный достойно переносить власть»*¹⁰.

Но, однако, истинные причины следует искать глубже. После прихода к власти возник острый личный конфликт между Кубе и его заместителем, крайзлейтером Паулем Шэфером, приведший в марте 1936 года к аресту последнего. Еще осенью 1935 года Кубе потребовал исключить из партии Шэфера, постоянно называвшего гау Курмарк — «свинарником Курмарк». Шэфер выступил в протестом и обратился в Высший партийный суд. Казалось, что суд склонен верить словам Шэфера, и даже судья гау был того мнения, что «Кубе — корень всех зол». Удивительно, что в основе этого довольно второразрядного происшествия лежит высказывание Шэфера, что Кубе в прошлом очернял его в анонимных письмах. Возможно, высший партийный судья Бух в данном случае занял сторону гаулейтера Кубе, но с уверенностью этого утверждать нельзя. Обвинения Шэфера против Кубе — коррупция, кумовство, супружеская измена —

могли вынудить Кубе начать личное наступление мести Буху, — так предполагает Мартин Молль в своей работе «Падение старых борцов»¹¹.

Кубе также ставилось в вину, что он, превышая полномочия, устраивал своих людей на высокие посты в партии, расхищал денежные средства, терпел в штабе гау проштрафившихся национал-социалистов. Все детали, связанные с делом Кубе, теперь уже восстановить невозможно. Но, вполне вероятно, что Кубе не осознавал полностью значение своих поступков и начал это дело просто как «шутку». Известную легкомысленность Кубе показывает также происшествие, имевшее место в 1938 году, когда он для финансирования путешествия во время отпуска предложил антиквару купить некоторые полученные им ранее письма видных членов партии, в том числе — открытку, написанную от руки Гитлером. Этим он нарушил строгое предписание Рудольфа Гесса, запрещавшее подобные продажи¹². И теперь Кубе вряд ли осознавал свою вину, демонстрируя прямо-таки детскую непосредственность.

Кубе, которого после смещения Гитлер больше не принимал, был заметно «шокирован» своей грубой «шуткой» и послал полное заверений в верности письмо Гитлеру, где добивался восстановления своей чести. Гитлер ответил в сдержанном тоне, что на смещение с поста он пошел неохотно, но должен был сделать это, т. к. поведение Кубе стало «нетерпимым». Гитлер подчеркнул, что он не может и не хочет забывать большие заслуги Кубе в многолетней борьбе за возрождение Германии и перед партией¹³, и даже имеет в виду возможное новое использование бывшего гаулейтера¹⁴. В своем трудном положении Кубе обращался также к гаулейтеру Берлина Геббельсу, с которым его связывали дружеские отношения.

Иногда возникала идея назначить Кубе куратором университета в Кёнигсберге, предложение исходило от имперского министра образования Руста. Ректор университета фон Грюнберг заметил: *«Разумеется, эта суматоха была пусто-порожней, потому что руководство гау не собиралось иметь рядом с Кохом (тогда — гаулейтера Восточной Пруссии. —*

Примеч. авт.) еще одного гаулейтера, и сам Кох, по моему совету, решил выступить против этого предложения. Он понимал, что из этого получится лишь новый раунд «Национал-социалистической боевой игры», свойственной всем гаулейтерам»¹⁵.

Для «случая Кубе» немаловажной оказалась ссора с СС, в которую гаулейтер ввязался в 1936 году. Ее главная причина — личность бригадефюрера СС фон Войрша, ставшего в конце 1933 года новым командиром оберабшнита СС в гау Кубе. В конце концов Кубе даже вышел из СС, в которых он носил почетное звание группенфюрера. Непосредственным поводом послужили развод Кубе с женой и личность его новой невесты, актрисы Аниты Линденколь, на которой он женился в 1938 году и с которой «недостойно обращались» в гестапо, в частности сам Рейнхард Гейдрих. Гестапо произвело обыск в квартире возлюбленной Кубе, т. к. подозревала там наличие материалов, позволяющих уличить Кубе в краже. Почти наверняка можно считать, что СС и гестапо, а также Гиммлер и Гейдрих лично были очень довольны смещением Кубе. Во втором браке у Кубе также было двое детей.

Вскоре после «дела Кубе» Гитлеру пришлось вынести еще один удар. 30 января 1937 года он вызвал членов правительства в зал Имперской канцелярии и провел обряд принятия в партию тех министров, кто еще не состояли в НСДАП. Это были находившиеся во власти консервативных условностей министры фон Нейрат, граф Шверин фон Крозигк, д-р Гюртнер, д-р Шахт и барон Эльтц фон Рюбенах. Он здесь же вручил этим новым членам высшие партийные отличия — золотые партийные значки. Йозеф Геббельс подробно описывает случившееся в своем дневнике:

«Заседание министров: глубоко взволнованный фюрер благодарит всех. Принимает не-партайгеноссе в партию и раздает им почетные золотые значки. Но тут происходит непостижимое: Эльтц отклоняет вступление в партию якобы потому, что мы „подавляем церковь“. Требуется от фюрера объяснения. Фюрер коротко обрывает его, не позволяя ставить себе условий, и продолжает выступление дальше. Мы все сидим как парализованные. Такого никто не ожидал... пропало

всякое настроение... Все просто убиты подобной бестактностью... Каждый возмущен поведением Эльтца»¹⁶.

Консервативный имперский министр транспорта и связи Эльтц фон Рюбенах буквально оказал сопротивление Гитлеру¹⁷. «Что случилось с этим смельчаком, отважившимся резко разговаривать с Гитлером?» — спрашивал Макс Домарус. «Его ликвидировали или заперли в концентрационный лагерь? Ничего подобного... Гитлеру импонировало, когда кто-то отстаивал свою точку зрения и был готов к последствиям этого, т. е. к лишению должности — конечно, при условии, что он остается лояльным и ничего не утаивает»¹⁸.

Само собой, это происшествие осталось скрытым от общественности. Эльтц ушел в отставку.

В апреле 1940 года Гитлер сообщил Кубе о его скором возвращении к работе. Осенью Кубе добровольно захотел в звании ротенфюрера СС служить в концлагере Дахау, однако потом при содействии д-ра Геббельса получил должность на радиовещании. Предполагают, что Гитлер вначале думал о назначении Кубе имперским комиссаром Москвы, но затем отказался от этого намерения.

Наконец, Гитлер сдержал свое обещание, данное в 1936 году, и в 1941-м назначил Кубе — вероятно, по предложению Геринга и Розенберга — генеральным комиссаром Белорутении со штаб-квартирой в Минске. Генеральный комиссариат Белорутения входил в состав имперского комиссариата Остланд, возглавляемого гаулейтером Генрихом Лозе¹⁹. Оккупированные территории России были разделены на два больших имперских комиссариата: южный — Украину, управляемый тираном Эрихом Кохом, которому льстило, когда его называли «вторым Сталиным», и северный, охватывающий Прибалтику и Белоруссию²⁰. Имперские комиссариаты делились на генеральные и областные комиссариаты. Пресс-референт д-ра Геббельса Вильфред фон Офен назвал назначение Кубе действием, «мгновенно иллюстрирующим всю бессмысленность и легкомысленность нашей так называемой восточной политики»²¹. Газета «Дойчен цайтунг им Остланд» поместила обширное интервью Кубе, озаглавленное «Белорутения. Задачи национал-социализма».

Но уже вскоре после его вступления в должность снова возникли разногласия между Кубе и СС. Отношения между гражданской и военной администрацией были крайне напряженными. Хотя Кубе всегда являлся фанатичным анти-семитом, но под впечатлением массовых расстрелов евреев в своем комиссариате он начал реквизировать многих евреев в качестве рабочей силы, стараясь так уберечь их от неминуемой смерти. Для этой цели Кубе специально создал фабрику для производства телег. И сразу же столкнулся с последствиями, которые он, как антисемит «лишь» на словах, *такими* не хотел видеть. В Минске, где полиция безопасности расстреляла 12 000 евреев из гетто, чтобы освободить место для немецких евреев, Кубе заявил протест, — с «людьми, прибывшими из нашего культурного круга» надо обходиться не так, как с «местными озверелыми ордами»²². Судьба немецких евреев, вероятно в приступе последних остатков гражданской доблести показавшихся ему «близкими», сильно потрясла его, тогда как убийство польских и русских евреев его совершенно не трогало. Способ убийства Кубе назвал «недостойным немецкого человека и Германии Канта и Гёте»²³.

Он предложил наказать офицеров 11-го полицейского батальона. Командир полиции безопасности и СД в Белорутении оберштурмбаннфюрер СС д-р Штраух впоследствии на Нюрнбергском процессе назвал Кубе «неслышимым противником» акций против евреев и безупречным «другом евреев» за то, что Кубе хотел уговорить Штрауха прекратить акции уничтожения²⁴. Уже упоминавшегося Ганса Бернхарда фон Грюнберга, в свою очередь, во время войны направили в Ровно к имперскому комиссару Украины, где он возглавил школьный отдел. Когда он там столкнулся с намечавшимися расстрелами евреев, то объяснял, аналогично Кубе, что это полностью несовместимо с его взглядами. Грюнберг оставил свою должность и вернулся на место ректора кенигсбергского университета. Свою секретаршу он уговорил сделать то же самое. Значит, такие поступки были возможны²⁵.

Рауль Хильберг отмечал, что Кубе «вел своеобразную

борьбу против СС и полиции за жизнь немецких евреев»²⁶. Кубе потребовал от Министерства восточных оккупированных территорий объяснения, могут ли быть сделаны определенные исключения для «метисов» — еврея с арийским супругом или еврея с военными наградами Первой мировой войны. При посещении минского гетто Кубе дарил конфеты еврейским детям, за что потом должен был оправдываться перед представителем Бормана в Верховном командовании вермахта. Он был «по-человечески тронут» — защищался генеральный комиссар²⁷. В мае 1942 года один из командиров СД докладывал представителю Бормана, что Кубе в «еврейском вопросе» слишком мягок и не обладает требуемой «восточной твердостью»²⁸. Д-р Штраух подготовил для Восточного министерства несколько критических заметок о поведении Кубе, которого он многократно предупреждал. Имперское министерство восточных оккупированных территорий, возглавляемое Альфредом Розенбергом, также начало заниматься вопросом Кубе, а высшие руководители СС в Белорутении собирали материал против генерального комиссара, основным содержанием которого было небезосновательное обвинение в коррупции. И Кубе был во второй раз свергнут²⁹. Очевидно, Гиммлер даже планировал отправить в концлагерь своего бывшего товарища. Показательна запись, сделанная Штраухом 2 октября 1942 года:

«Кубе объяснил... что мы, юные национал-социалисты, тогда еще не имели правильного понимания. Когда шла речь о евреях, мы боялись повредить наши души. Он, будучи студентом и членом народной партии, еще перед Первой мировой войной слушал музыку Мендельсона и Оффенбаха, но из-за этого не отошел от своей народной идеи. Он не понимает, почему, например, Мендельсона просто замалчивают и что запрещают исполнение музыки еврейских композиторов, например «Сказки Гофмана» Оффенбаха. Впрочем, он ограничивался евреями 19-го столетия, которые после открытия выезда из гетто колоссально распространились. Несомненно, что евреи имеют искусство. Оно вызвано наличием у них 6 % нордической крови, попавшей к ним из западных или романских притоков. Мы, юные

национал-социалисты, имели, вероятно, биологически верное понимание, но духовно — нет. Во всяком случае, он считает, что нельзя просто выбросить из истории музыки вклад евреев в лице Мендельсона, без того, чтобы в ней не образовался провал»³⁰.

Далее Штраух сообщает, что когда гаулейтер узнал о том, что полицейский чиновник дал пощечину немецкому еврею, то вместо еврея он заставил давать объяснение полицейского, спрашивая его — имеет ли он Железный крест, как этот еврей.

Возмущения, не утихавшие вокруг «дружески настроенного к евреям» генерального комиссара, прекратились самым неожиданным образом. 23 сентября 1943 года Кубе погиб в результате покушения. Покушение совершила жена партизана, устроенная на службу в дом генерального комиссара. Она в присутствии Кубе пронесла во рту, симулируя воспаление зуба, английскую магнитную мину. Взрыв мины, прикрепленной под кроватью Кубе, убил его на месте. Его жена Анита, находившаяся на большом сроке беременности, пережила этот удар. Можно предположить, что эту акцию организовала советская секретная служба, возможно, лично Сталин, чтобы положить конец относительно успешной коллаборационистской политике. Бывший ответственный чиновник Министерства пропаганды Вилли Крэмер в своих воспоминаниях пишет по этому поводу:

«Мой прежний гаулейтер Вильгельм Кубе из Курмарка назначен гебитскомиссаром в Минск. Но это тоже оказалось несчастливym решением. Гаулейтер Лозе был „имперским комиссаром Остланда“ в Риге. Гаулейтер Кубе в Минске являлся подчиненным Лозе. Но во времена политической борьбы Кубе был более активным драчуном, чем Лозе. Поэтому не следовало его подчинять Лозе. Это — одна из многих нелепостей... [Кубе] сумел наладить хорошие отношения с белорусским населением, чем он отличался от Коха на Украине. Но это не укладывалось в концепцию советских партизан, которые должны были опираться на ненависть населения к немцам. Значит, Кубе должен был умереть»³¹. В мозаичном зале новой Имперской канцелярии в Берлине находился учрежденный Гит-

лером государственный пантеон, у которого Альфред Розенберг произнес траурную речь. Затем говорил Геббельс:

«Говоря между нами, в жизни Кубе было не слишком много славных свершений. Но пока есть цивилизованные люди, то остается в силе выражение „О мертвых — или хорошо, или — ничего“, и даже наш „эксперт по мировоззрению“ (имеется в виду Альфред Розенберг. — Примеч. авт.) может согласиться с этим выражением. Поверьте мне, во время его речи меня бросало в жар и холод. Каждый человек имеет хорошие и плохие стороны. У одного перевешивают одни, у другого — другие. Когда человек умер, говорят только о хорошем и умалчивают плохое. Это — простой человеческий такт. В жизни Кубе можно при некотором усилии отыскать тот или другой позитивный момент»³².

Тем не менее имперский министр пропаганды сожалел о трагической смерти своего прежнего товарища по борьбе:

«Я очень сожалею о потере Кубе. Он был храбрым, стойким борцом национал-социалистического движения, которому я очень благодарен за преданность и дружбу. Когда я раньше часто дрался с ним за Берлин, то всегда борьба велась честно и достойно. Во всяком случае, никогда он не наносил мне слишком болезненных ударов, поэтому, когда он находился в тяжелом кризисе, я протягивал ему руку помощи. Он нашел достойную смерть политического солдата, сделавшую ему честь; он пал на поле битвы за наше мировоззрение»³³.

«Я довольно долго наблюдаю за ним»

Падение верного Гитлеру гаулейтера Йозефа Вагнера

На примере личности Йозефа Вагнера Гитлер провел необычную карательную акцию против одного из своих долголетних и самых верных соратников. В его лице он осудил группу своих сторонников, которые, несмотря на преданность национал-социализму, не хотели полностью отказаться от своих религиозных убеждений. Мотивы, приведшие к этому действию, излагаются ниже.

Йозеф Вагнер родился 12 января 1899 года в лотарингском городке Альгрингене в семье горняка. Его предки были выходцами из Гессена и Рейнланда. Он учился в реальном училище и учительской семинарии, а в 1917 году был отправлен на Западный фронт. В мае 1918 года получил тяжелое ранение и попал во французский плен, откуда, после нескольких неудачных попыток, бежал в 1919 году. Возвратившись в Германию, в городе Фульда он закончил свое педагогическое образование. Из-за невозможности получить работу учителя он сначала стал финансовым служащим в Фульде. После переезда в Рурскую область работал в Бохумском союзе и на сталелитейном заводе. В 1927 году ему удалось, наконец, устроиться по своей специальности — учителем школы в Гельзенкирхене, но уже через несколько месяцев он ушел оттуда ради работы в НСДАП.

В движение Адольфа Гитлера Вагнер вступил еще в 1922 году; а в 1923 году основал ортсгруппу НСДАП в Бохуме. После попытки путча Гитлера и до нового создания партии он как ведущий член Народно-социального блока руководил движением в Вестфалии и Рурской области. На выборах в рейхстаг 20 мая 1928 года один из двенадцати мандатов НСДАП достался Йозефу Вагнеру. В том же году Гитлер на-

значил его гаулейтером Вестфалии. Вагнер основал национал-социалистические газеты «Вестфаленвахт» и «Роте Эрде». В ходе очередной реорганизации гау 1 января 1931 года было разделено, и Вагнер стал руководителем нового гау Южная Вестфалия. Гитлер благодарил его за «отличную работу»¹. Особенно хорошо Вагнеру удавались выступления перед горняками и сельским населением Вестфалии. Бывший гаулейтер Лаутербахер в своих воспоминаниях называет некоторые свойства характера Вагнера:

«Я не знаю, происходило ли это оттого, что он некоторые свои привычки никогда не мог оставить: он был вооружен, так сказать, одной лишь тростью и всегда — с поднятым указательным пальцем. Это было то, что людям, собственно, не слишком нравилось. В период борьбы он был неутомим, шел напролом любыми средствами и за это высоко ценился в партии и среди населения»².

В 1932 году Вагнер основал свою «Высшую школу политики» для обучения партийной смены. После прихода к власти он стал вице-президентом Государственного совета Пруссии. В июне 1934 года, после «мятежа Рёма», Вагнер попытался освободиться от обоих своих высших руководителей СА — Пауля Гислера и Вильгельма Шепмана³. Он подал на них в Высший партийный суд и потребовал исключить их из партии. В первую очередь, вероятно, дело было в личных противоречиях, что подтверждается заявлением Вагнера о том, что Шепман якобы оправдывал отказ Рёма застрелиться, а Гислер однажды кричал «Зиг Хайль» не Гитлеру, а Рёму⁴. Поэтому оба испытывали ненависть к Вагнеру. Гислера, в конце концов, оправдали и переместили на другой пост; позднее Гитлер назначил его гаулейтером «традиционного» гау Мюнхен—Верхняя Бавария.

В январе 1935 года Гитлер назначил Йозефа Вагнера гаулейтером Силезии, как преемника Гельмута Брюкнера, при сохранении за ним поста гаулейтера Вестфалии. Заместителем Вагнера в гау Южная Вестфалия был Эмиль Штюртц, ставший в 1936 году преемником Вильгельма Кубе в гау Курмарк. Поэтому в 1936 году заместителем гаулейтера в гау Южная Вестфалия стал свирепый Генрих Феттер⁵. Получи-

лось так, что Вагнер руководил уже двумя гау, значительно удаленными друг от друга. В НСДАП подобных случаев не было. То, что Гитлер поручил именно *этому* гаулейтеру решение проблем в двух гау, говорит о его глубоком доверии к Йозефу Вагнеру. Гитлер предоставил Вагнеру исключительные полномочия при «чистке» в Силезии⁶.

Затем последовали новые ступени в нацистской иерархии: назначение Вагнера обер-президентом провинций Нижняя и Верхняя Силезия, а в октябре 1936 года — имперским комиссаром по вопросам ценообразования при уполномоченном фюрера для подготовки четырехлетнего плана Германа Геринга. Совершенно очевидно, что Гитлер возлагал на Вагнера большие надежды, потому что почти невозможно себе представить, что ему доверили два крупных гау и в придачу — государственную должность. Прежний обладатель должности Карл Гёрделер, бывший обер-бургомистр Лейпцига, был снят с поста имперского комиссара по вопросам ценообразования, очевидно, главным образом, из-за расхождения с министром сельского хозяйства Дарре по вопросам цен на продукты сельского хозяйства и по Положению о рынках Имперской продовольственной организации. Гитлер считал, что нашел подходящего человека для этой функции в лице Йозефа Вагнера. Спустя всего лишь месяц после его назначения вышел указ о замораживании цен, который объявлял о принципиальном запрещении повышения цен, в исключительных случаях требовалось одностороннее разрешение Вагнера⁷. По достоверным сведениям, Йозеф Геббельс не поддерживал Вагнера, наоборот, гаулейтер Берлина использовал все удобные моменты, чтобы очернить перед Гитлером своего коллегу, так в дневниковой записи 1936 года он отмечает:

«Я представил ему (Адольфу Гитлеру. — Примеч. авт.) „ценовую речь“ Вагнера. Он пришел в ярость и хочет запретить Вагнеру совсем выступить по этой проблеме. Тоже мне — учитель полубразованный. Главное, неудобно перед Шахтом. Фюрер недоволен теоретизированием вокруг 4-летнего плана. Они должны договариваться и работать»⁸.

В конце 1930-х годов по неясным вначале причинам Заг-

нер попал под огонь некоторых радикальных нацистских лидеров, особенно Гимmlера, Бормана и Геббельса. Продолжали интриговать также уже много раз упомянутый выше руководитель СС Удо фон Войрш и заместитель Вагнера в Силезии Фриц Брахт⁹. Войрш уже ранее выступал против гаулейтеров Брюкнера и Кубе, а позднее ссорился с гаулейтером Саксонии Мучманом¹⁰. С 1940 года готовилось падение Йозефа Вагнера. Главными его причинами стали критика исполнения им должности имперского комиссара цен и его прочные конфессиональные связи с католицизмом. Борьба против политически мотивированного католицизма особенно резко раздувалась со стороны СС. Рейнхард Гейдрих в 1936 году заметил в своей книге «Изменение нашей борьбы», в главе «Политическое злоупотребление церковью»:

«Для нас очень важно своевременно распознать враждебные государству и народу намерения и действия религиозной борьбы, для которой Германия снова стала аренной... Для того чтобы укрепить свои светские позиции, сторонники церкви организуются политически. Перед приходом власти в партиях чистой формы (центристская, Баварская народная партия) был четко выражен светский характер. Сегодня сторонники церкви хотят стать широкими объединениями, примыкающими к партиям (Католическое действие и т. д.). В церковных одеждах политическое проникновение пропитывает все сферы жизни нашего народа... Таким способом вносятся сегодня недоверие и сомнения в объединяемую фюрером общность народа, и пытаются посеять раздор между партией и государством»¹¹.

Гаулейтер Вагнер вызвал недовольство СС, когда попытался говорить о возможности защиты польской части населения своего гау. В одном распоряжении Бормана, датированном декабрем 1939 года, говорится о решении Гитлера перевести Вагнера назад в Бохум и подготовить разделение гау. Но этот план не был доведен до конца. В апреле 1940 года Борман напомнил Гитлеру, что все осталось «по-старому», что Вагнер упорствует и не хочет отказаться от Силезии. Борман пишет: «Фюрер приказал, что Вагнер должен ог-

раничиться лишь гау Южная Вестфалия»¹². И вскоре после этого: «Фюрер снова решил, что гау Рур не будет; относительно Йозефа Вагнера решение должен принять я; если решения не будет, то Вагнера надо снять со всех постов»¹³.

Процесс длился много месяцев. 9 января 1941 года Вагнер, наконец, сложил полномочия гаулейтера и обер-президента, и возвратился в Бохум. 28 января 1941 года Гитлер разделил гау Силезия на отдельные гау Нижняя Силезия с гаулейтером Карлом Ханке и Верхняя Силезия с гаулейтером Фрицем Брахтом¹⁴. В качестве «компенсации» Вагнера наградили Крестом за военные заслуги и назначили статс-секретарем ведомства по ценообразованию.

Но у Бормана уже давно католицизм Вагнера был бельмом на глазу. Тут еще возникла благоприятная ситуация для противников Вагнера: его очень юная дочь Герда влюбилась в офицера СС Клауса Вейлля из «Лейбштандарта СС Адольф Гитлер», забеременела и хотела за него выйти замуж. Но родители не дали своего согласия, т. к. Вейлль вышел из церкви и был лишь «верующим в Германию». Фрау Вагнер писала в письме Герде, что если брак все же состоится, то ее исключат из семьи.

Вейлль передал письмо своему старшему начальнику Генриху Гимmlеру, который отправил его Борману, а тот — Гитлеру. Вейлля вызвали в Берлин для расследования.

Вечером 8 ноября 1941 года Гитлер традиционно выступал в мюнхенском «Левенбройкеллер» в связи с очередной годовщиной своего путча. В его выступлении содержалось четкое предупреждение:

«Если кто-нибудь среди нас всерьез рассчитывает ослабить наш фронт, неважно, откуда он пришел, из какого лагеря, то — Вы знаете меня — я наблюдаю какое-то время за ним. Это — испытательный срок. Но потом приходит момент, когда я наношу молниеносный удар и проблема очень быстро решается. Тогда уже не помогает никакая маскировка, даже маскировка религией»¹⁵.

Возможно, этот пассаж речи — недвусмысленный намек своему набожному гаулейтеру Йозефу Вагнеру. На следующий день в резиденции фюрера собрался съезд рейхслейте-

ров и гаулейтеров НСДАП. Совершенно неожиданно для всех присутствующих уже в начале заседания Борман зачитал письмо фрау Вагнер. Потом с короткой речью выступил Гитлер, заявив, что не допустит в партии подобной нетерпимости. В резкой форме он приказал Вагнеру покинуть зал и резиденцию. Полностью застигнутый врасплох, но еще энергичный, Вагнер потребовал слова для своей защиты, но Гитлер раздраженно оборвал его, повторил свой приказ и добавил, что он выведен из руководящего состава партии. Как парализованные наблюдали за сценой присутствующие гаулейтеры; гаулейтер Швабии Карл Валь позднее вспоминал:

«(Борман), и никто больше, имеет на совести также гаулейтеров Вэхтлера (Верхняя Франкония), Бюркеля (Рейн-Пфальц) и Вагнера (Бохум): Вэхтлера в последние недели войны расстреляли как бешеную собаку, Бюркель в то же время совершил самоубийство и Вагнер, один из способнейших гаулейтеров, бывший одновременно имперским министром по ценам, в один прекрасный день, на основании упорной предварительной работы Бормана, исключен из партии и позднее брошен в концлагерь. Йозеф Вагнер, по профессии — заведующий народной школой, был, несомненно, одним из способнейших гаулейтеров, и не случайность, что он с 1927 года руководил одним из самых трудных гау (Рурская область). Пройдя чрезвычайно трудную проверку, он позднее получил для руководства гау Силезию и, кроме того, важный пост имперского комиссара по ценам.

Вагнер, как никто другой, занимал прочное положение благодаря своим деловым качествам, и все равно в один прекрасный день был повержен как ударом молнии, после чего, несмотря на физическое здоровье, больше не смог подняться. Это — долго готовившийся удар Бормана по Вагнеру, не желавшему плясать под дудку Бормана, нанесенный в тот момент, когда никто, даже из посвященных, больше не ожидал этого. Во время тяжелейшего периода войны, когда нервы Гитлера предельно напряжены из-за тяжелейшего положения на востоке, и к тому же в национальный день памяти НСДАП 9 ноября Гитлер грубо выгнал Вагнера из зала и резиденции в самом начале съез-

да руководителей. Горько разочарованный, мертвенно-бледный, Вагнер встал и энергично просил дать ему слово, на что Гитлер вторично и в еще более резкой форме потребовал его ухода. Я никогда еще не видел Гитлера таким. Борман и Гиммлер — единственные, кто явно выглядели довольными, все остальные оцепенели, были почти парализованы ужасом от подобной внезапной и неожиданной расправы над товарищем, и никто не был в состоянии сразу заступиться за несчастного, хотя небо требовало мщения.

Гитлер не мог не заметить шокового воздействия этой акции на участников съезда — по недостаточному вниманию, с каким они слушали его заключительный доклад, возможно, он чувствовал свою несправедливость, потому что пытался немного разрядить напряженную обстановку тем, что дал поручение присутствующему на съезде рейхслейтеру и высшему партийному судье Буху начать дело в партийном суде с целью исключения Вагнера из партии. Кроме того, он поручил также здесь присутствующему имперскому казначею Шварцу позаботиться об обеспечении семьи Вагнера.

Какое преступление совершил Вагнер, что подвергся подобному унижению „перед строем“? Как сумел дьявольский секретарь Гитлера „прожужжать ему уши“, что в минуту раздражения тот буквально предал анафеме одного из своих самых верных и компетентных соратников, чего никогда раньше не бывало? Вагнер не был, как и многие другие гаулейтеры, приверженцем Бормана, он не следовал указаниям Бормана в своих методах работы, и меньше всего — в вопросах религии и церкви, он не выходил из церкви и лишь снисходительно улыбался при упоминании о реформаторах партии пошиба Бормана и Гиммлера. Вагнер придерживался программы партии и руководящих указаний Гитлера, дававшихся на многих съездах... В разговорах он открыто называл вещи своими именами и не боялся критиковать Бормана. Доносчики не вымрут никогда, так Вагнер попал в черный список Бормана. Борман долго держал его на прицеле, пока, наконец, ожидавшую в стволе пулю не выпустил Гитлер. Непосредственным поводом послужило совершенно безобидное событие частного характера.

...Я могу понять, что читатель вправе задать вопрос: по-

чему собравшиеся руководители не солидаризировались с Вагнером? Законный вопрос, но сегодня трудно на него ответить. Некоторые из нас твердо надеялись, что в ходе предстоящего разбора дела в партийном суде наказание смягчится, другие рассчитывали на последующее умиротворение Гитлера, когда тот узнает о истинном положении дел. Каждый утешал себя на свой манер. Кроме того, об этом надо особенно помнить, мы находились в той фазе войны, когда стали появляться небольшие сомнения в ее удачном исходе. Мы имели достаточно опыта, чтобы знать — ничто так не вредит победе, как разногласия в собственных рядах. Отсутствие уже намеченного к созданию сената чувствовалось все сильнее и сильнее.

Но в окружение Гитлера входили другие люди, они делали вид, что, несмотря на отсутствие совещательного органа, все идет хорошо. Зло началось с войной. В мирное время существовал строгий контроль и руководство всеми НС-организациями лично Гитлером без промежуточных звеньев; его окружение также работало без перебоев. Этот успешный порядок нарушился с войной, появились явления, вызывавшие неодобрение и беспокойство, но добродушные и доброжелательные люди утешали себя надеждой, что после войны Гитлер снова круто повернет руль и вернется на старый фарватер. Последовавшее решение партийного суда, в котором к делу Вагнера по распоряжению Гитлера присоединили дела еще четырех гаулейтеров, оказалось не таким, как предлагал Гитлер. Вагнер остался в партии! Но это обстоятельство для Вагнера практически не имело значения, т. к. Гитлер не собирался подписывать решение и тем самым придавать ему законную силу. При каждой встрече с партийным судьей Бухом я интересовался судьбой Вагнера, но дело оставалось в прежнем состоянии. Бух объяснял и сожалел, что не знает точно обо всех перипетиях: либо Гитлер не согласен с решением суда, либо „подлец“ Борман не дает решение суда на подпись Гитлеру; сам он склонялся ко второму. Бух был тестем Бормана и его мнение о Бормане было достаточно компетентным»¹⁶.

По-другому события, связанные с Вагнером, оценивает д-р Геббельс, который пишет 10 ноября 1941 года: «[Фюрер] начал с того, что он решил провести громкий судебный про-

цесс над гаулейтером Вагнером (Бохум). Последний, чего я тоже никогда раньше не ожидал, показал себя с такой неприглядной стороны, что не может больше оставаться гаулейтером. Его клерикальные представления недостойны гаулейтера... Этим мы избавимся от двух пустых мест (кроме Вагнера также от Пфеффера. — Прим. авт.), такая мера давно назрела. Если этот случай не вызовет отклика общественности, то придется пожалеть фюрера из-за подобного нового человеческого разочарования»¹⁷.

Удивительно, что именно в случае Вагнера Гитлер проявил необычную твердость, хотя обычно он в течение нескольких месяцев обдумывал, прежде чем решиться на снятие человека с ответственного поста, особенно если дело касалось «старого борца» его движения. Это отчетливо показывают события, связанные с именами Брюкнера, Карпенштайна и Кубе. Обвинение в коррупции свирепого издателя газеты «Штюрмер» Юлиуса Штрейхера было гораздо более тяжелым. Также Вагнер никогда лично не нападал на фюрера и не вызывал его на дискуссию. Возникает даже вопрос: в деле Вагнера компромисс не найден лишь из-за каприза или фюрером специально создан прецедент? Возможно, в большой степени это связано с решением высшего партийного суда, который целиком и полностью встал на сторону Вагнера.

Несколькими днями спустя, 27 ноября 1941 года, Йозеф Геббельс записывал: «Он (Гитлер. — Прим. авт.) рассказал мне всю историю зловещей женитьбы в семье Вагнера, от которой волосы встают дыбом. Невозможно себе представить, что такое вообще может произойти с гаулейтером. И в этом случае фюрер проявил известное терпение, что достойно удивления; но и тому когда-нибудь приходит конец, и тогда фюрер должен действовать. Сегодня фюрер убежден в том, что Вагнер насквозь пропитан поповством и внедрен в наши ряды католичеством, чтобы сеять раздор. В любом случае он в своем имперском комиссариате по ценообразованию окружил себя почти целиком бывшими центристами. С этой должности его тоже сняли. Кроме того, он — абсолютно неспособный человек, дилетант во всех областях, пытающийся скрыть помпез-

ной фразой свою внутреннюю пустоту. В нем мы немного потеряли... Он был слабым звеном в наших рядах, и мы все можем только радоваться, что Вагнера убрали»¹⁸.

Пока нацистские руководители еще находились в резиденции фюрера, партийный судья Бух получил от Гитлера поручение — начать процесс исключения Вагнера из партии. При этом Вагнер обвинялся в том, что посылал своих детей в монастырскую школу в Бреслау, а в рядах Гитлерюгенда их не было видно. Более того, жена Вагнера вставала на колени перед папой в Ватикане. Йозеф Вагнер умело защищался на процессе, намекая на подтверждаемое партийной программой «позитивное христианство» НСДАП. Он ничего не знал о письме своей жены. Еще один пункт обвинения — контакты Вагнера с Францем Пфедфером фон Заломоном, бывшим высшим руководителем СА, которому он якобы рассказал о содержании разговора Гитлера с руководителями партии по поводу полета Рудольфа Гесса в Англию¹⁹. Однако ни партийный судья Бух, ни шесть заседателей, среди которых были гаулейтеры Рёвер, Роберт Вагнер, д-р Хелльмут и Йордан, а также заместитель гаулейтера Саар-Пфальца Эрнст Людвиг Лейзер, в феврале 1942 года не посчитали правильным наказание в виде исключения из партии, оставив только — лишение должности²⁰. В воспоминаниях Альфреда Розенберга говорится, что Карл Рёвер был даже против такого наказания, после чего д-р Лей выступил с обращением на тему «фюрер всегда прав»²¹. Однако Гитлер не утвердил решение суда.

Его отказ утвердить решение, подготовленное почти одними юристами, начиная с 1942 года становился все более радикальным, как это видно на примере так называемого «случая Шлитта». Чтобы дать оценку «случаю Йозефа Вагнера», надо знать о «случае Шлитта». В марте 1942 года высший земельный суд Ольденбурга слушал дело 29-летнего техника-строителя Эвальда Шлитта, который — очевидно, в состоянии помрачения — так сильно избил свою жену во время воздушного налета, что она потом умерла. А до этого Шлитт годами с ней обращался настолько жестоко, что она заболела душевной болезнью.

Компетентные судьи назначили Шлитту наказание — лишь пять лет каторжной тюрьмы.

Гитлер, до которого дошла информация об этом деле, потребовал от Франца Шлегельбергера, управлявшего Министерством юстиции после смерти Франца Гюртнера, отменить приговор²². Гитлер позвонил Шлегельбергеру среди ночи и кричал в телефонную трубку: *«Преступник-насильник, как этот Шлитт, идет на пять годочков в безопасное место, и все это за государственный счет, в то время когда сотни тысяч порядочных людей отдают свои жизни на фронте за своих жен и детей! Я разгоню к черту Вас и всю юстицию, если этот приговор срочно не будет пересмотрен! Срочно! И если это не будет сделано, то я просто направлю все судебные дела и передам все исполнения приговоров в ведение рейхсфюрера СС!»*²³

Чтобы выполнить волю Гитлера, Шлегельбергер вместе с уважаемым им президентом Верховного суда Бумке распорядился перевезти Шлитта в Лейпциг, где Особый уголовный сенат Верховного суда под председательством Бумке приговорил его к смертной казни, приведенной в исполнение уже 2 апреля²⁴. Тем самым приговор Высшего земельного суда был «отменен». В своей речи в Рейхстаге 26 апреля 1942 года Гитлер использовал этот случай, чтобы обвинить всю юстицию:

*«Я не могу понять — назову лишь один пример, — почему преступник, женившийся в 1937 году и затем так долго издевавшийся над своей женой, что она, наконец, повредилась рассудком и умерла после последнего нападения, приговорен лишь к пяти годам каторжной тюрьмы в тот момент, когда десятки тысяч храбрых германских мужчин должны умирать, чтобы защитить родину от уничтожения большевизмом»*²⁵.

Следствием стала замена в середине 1942 года Шлегельбергера, никогда не пользовавшегося симпатией Гитлера, Отто Георгом Тираком, который, в отличие от своих предшественников Гюртнера и Шлегельбергера, был фанатичным национал-социалистом и с глубоким убеждением поддерживал нацистские представления о праве²⁶. С момента вступления Тирака в должность юристы между собой откры-

то говорили об «управляемой юстиции». В Имперском министерстве юстиции в Берлине теперь при всех значительных процессах, непосредственно перекликавшихся с военными событиями или военной экономикой, давали указание, *кто* должен быть обвинен и *как* обвинение должно рассматриваться. Тирак во многих случаях являл собою не только высшую власть, дающую указания государственной адвокатуře германского рейха, но и был своеобразным «центральным государственным адвокатом» огромного масштаба, выполнявшим непосредственно функции общественного обвинителя, вплоть до отдаленнейших уголков Германии. Это был конец независимого судейского корпуса, представляющего основу независимого правового государства.

Впрочем, случай Шлитта научил Гитлера еще и другому — об этом мы узнаем в следующей главе, посвященной гаулейтеру Рёверу. В той же парламентской речи Гитлер потребовал от депутатов предоставить ему де-факто полномочия «высшего судьи»:

«Я поэтому ожидаю одного: что нация даст мне право немедленно везде вмешиваться и соответственным образом действовать там, где нарушается принцип безусловного выполнения великих задач, решающих вопрос — быть или не быть. Фронт и родина, транспорт, управление и юстиция должны иметь только одно понимание — завоевание победы. В это время никто не может кичиться своими правами, а должен знать, что сегодня существует только долг.

Поэтому я прошу германский Рейхстаг четкого подтверждения того, что я имею установленное законом право заставить исполнять свой долг каждого, а тех, кто, по моему мнению, не выполняет свой долг с надлежащим пониманием, либо разжаловать, либо лишать должности без права возвращения, кто бы он ни был и какими правами ни обладал. И именно потому, что среди миллионов порядочных людей речь идет о единичных исключениях, над всеми правами этих исключений стоит сегодня один общий долг.

При этом меня не интересует, в нынешнее время опасности, в каждом отдельном случае сохранится или нет отпуск у чиновника или служащего, и я запрещаю обращаться ко мне с

вопросом, будет ли этот отпуск, не данный вовремя, использован позднее. Кто вообще может требовать отпуск, — это в первую очередь, только наш фронтовой солдат, и — во вторую — рабочий или работница, снабжающие фронт. И если я сейчас не в состоянии уже несколько месяцев дать полный отпуск всем солдатам Восточного фронта, то никто из служащих не вправе прийти ко мне домой и требовать „заработанное право“ на отпуск. Я сам имею право отклонить такое требование, потому что я — о чем этот человек, возможно, не знает — сам с 1933 года еще не имел трех свободных дней для отпуска. Точно так же я ожидаю от немецкой юстиции понимания того, что не нация существует для нее, а она — для нации, т. е. мир, в который входит и Германия, не должен гибнуть для того, чтобы жило формальное право, наоборот, Германия должна жить, независимо от того, что это может противоречить формальным воззрениям юстиции... Начиная с сегодняшнего дня я буду в подобных случаях вмешиваться и смещать с должности судей, явно не понимающих настоятельно-го требования момента.

Дело, которое делают немецкий солдат, немецкий рабочий, крестьянин, наши женщины в городе и на селе, миллионы членов среднего класса и т. д., жертвы, которые они приносят с одной только мыслью о победе, требуют родственного по духу настрою также и тех, кто призван народом для охраны его интересов, — в это суровое время не может быть самодостаточных явлений с благоприобретенными правами, наоборот, все мы — лишь послушные слуги интересов нашего народа»²⁷.

Но вернемся к Йозефу Вагнеру. 23 июня 1942 года Йозеф Геббельс записывает:

«Фюрер самым резким образом критикует деятельность Буха... Фюрер теперь вообще не воспринимает Буха всерьез. Уже несколько лет он больше не принимает его и смотрит на его работу с очень большим недоверием. На этом посту рано или поздно тоже произойдет смена человека. Во всяком случае, я думаю, что очень многое будет достигнуто уже готовящимся приказом фюрера о запрещении юристам участвовать в работе партийных судов, что приблизит партийные суды к жизни и отдалит их от параграфов... Это наглядно показы-

вает случай гаулейтера Йозефа Вагнера. Он самым провокационным образом нарушил основные принципы национал-социалистического понимания, возможно, в гражданской жизни он — образцовый мальчик, но он — не национал-социалист. Фюрер лично вывел его из числа гаулейтеров, а составленный из юристов высший партийный суд оправдал его. Конечно, это неправильно. Партийные суды должны служить во благо партии. Благо партии, национал-социалистические принципы и мораль определяются фюрером, а не формальным судом, который может даже фюреру вынести приговор. Бух не понимает партийных интересов. В жизни все не так, как представляют это юристы в исторических писаниях»²⁸.

12 октября 1942 года вступило в силу решение об исключении Йозефа Вагнера из партии, а уже 21 ноября Гитлер распорядился, что отныне партийный суд должен руководствоваться не «формальными правовыми представлениями, а политической необходимостью движения»²⁹.

Некоторое время после своего исключения из партии Йозеф Вагнер оставался на свободе в Бохуме, продолжая поддерживать контакты с начальником штаба СА Лутце. Стоит отметить факт обмена письмами Вагнера с Мартином Борманом и имперским казначеем Шварцем по поводу возврата золотого почетного партийного значка, проходившего в переломный период войны³⁰. В октябре 1943 года по личному распоряжению Гимmlера гестапо установило наблюдение над Вагнером, а после попытки покушения на Гитлера 20 июля 1944 года его арестовали и доставили в берлинскую тюрьму гестапо. Возможно, арест связан с контактами Вагнера со своим прежним рсферентом, когда он занимал пост имперского комиссара по ценам. Речь идет о Петере Йорке фон Вартенбурге, участвовавшем в заговоре против Гитлера. Бывший президент рейхсбанка Ялмар Шахт показывал, что он еще в феврале 1945 года разговаривал с Вагнером в потсдамской тюрьме. Затем, как предполагают, Вагнера отправили в концлагерь Заксенхаузен. Заместитель гаулейтера Саар-Пфальца Лейзер сказал, что Вагнера казнили в концлагере 22 апреля 1945 года³¹. Но более вероятно, что его ликвидировала Красная Армия.

Коллега Вагнера гаулейтер Хартман Лаутербахер распространил еще одну версию событий: «*Вагнер не был казнен или отправлен в концлагерь, как утверждает легенда, а выслан в Мекленбург, в небольшую деревню. Но я не знаю, что произошло с ним в последние дни войны*»³². Наконец, Ганс Шпейдель, бывший начальник штаба Роммеля во время высадки союзников в Нормандии, некоторое время находившийся в тюрьме вместе с Вагнером, сообщал: «*13 февраля (1945 года. — Примеч. авт.) мои сокамерники... и я были отправлены обратно в Виттенберг. Лишь гаулейтер Йозеф Вагнер остался. Мы никогда не забудем его выражения лица, когда его достал этот удар, наверняка предвещавший ужасную участь. Вскоре его повесили, человека, неспособного сделать несправедливость из-за религиозных убеждений*»³³.

Сегодня уже невозможно узнать всю правду о судьбе Йозефа Вагнера; слишком уж запутанными были события в конечной фазе Третьего рейха.

В январе 1943 года заместителем гаулейтера Верхней Силезии назначен Альберт Хоффман с полномочиями выполнения обязанностей гаулейтера Южной Вестфалии, в апреле следующего года его официально утвердили в должности.

О Йозефе Вагнере в НСДАП постарались быстро забыть, как это уже было раньше с Рёмом и Гессом. Имя Вагнера вычеркнули из всех книг, оно исчезло с табличек названий улиц Германского рейха.

«Партия должна состоять из готового к борьбе, решительного меньшинства»

Меморандум гаулейтера Карла Рёвера о положении в НСДАП (1942 год)

Гаулейтер Карл Рёвер воплотил в себе образ близкого к народу своего гау правителя и убежденного национал-социалиста. Однако в последний период войны он понял, что НСДАП, чтобы не потерять полностью авторитет в народе, должна быть реформирована сверху донизу.

Карл Рёвер родился 12 февраля 1889 года в Лемвердере, Ольденбург в семье торговца, а впоследствии управляющего торговой фирмой Йоханна Герхарда Рёвера. Род Рёверов — очень старый крестьянский род из Штедингена. После окончания средней школы юный Карл получил торговое образование в одной бременской пароходно-экспедиционной фирме. Затем он стал агентом компании, торгующей кофе. В 1911—1913 годах жил в Камеруне — тогда немецкой колонии, — где работал на фабрике в фактории. Но тяжелое заболевание малярией вынудило его вскоре вернуться в Ольденбург. К началу войны он работал на отцовском предприятии. В августе 1914 года Карл Рёвер добровольно поступил в армию и сначала служил в 233-м пехотном полку. В 1916 году его произвели в унтер-офицеры и перевели в управление пропаганды Верховного командования сухопутных войск. В 1915 году он женился, в семье родилась дочь. Его жена умерла уже в 1921 году, и через год Рёвер женился снова. После окончания войны стал хозяином мануфактуры. Поражение кайзеровского рейха сильно политизировало также и юного Рёвера. Вначале он примыкал к различным народным группировкам.

В 1923 году он вступил в НСДАП, а после ее запрещения

в 1924-м — в ольденбургскую ортсгруппу Народно-социального блока, от которого тогда же избирался в ольденбургский городской совет. Сразу после повторного создания НСДАП он снова примкнул к ней, став руководителем ортсгруппы в Ольденбурге. Карьера шла довольно быстро, уже в 1927 году он стал руководителем района, а год спустя — избран в ольденбургский ландтаг, где стал председателем фракции своей партии. НСДАП получила здесь неплохой результат — выше среднего по стране. Рёвер стал известен в первую очередь как оратор, пользующийся крайне грубым языком, что постоянно приводило к запрещениям выступать и судебным штрафам. В одном выступлении «периода борьбы» он говорил: *«Если НСДАП под водительством Адольфа Гитлера придет к власти, то класс евреев будет выдворен туда, где он должен быть»*¹.

Особенно благодатную почву популистская откровенность Рёвера находила в крестьянстве. Один современник дает довольно точную характеристику Рёвера времен «периода борьбы»: *«Это был национал-социалист не столько созданный учением плюс умом, сколько созданный своей природой плюс умом. Он всегда оставался верен своему врожденному естеству. Он был до предела честен и скромнен. Любое жеманство было противно его натуре. Он ненавидел интриги... В земле Ольденбург его, очевидно, любили. Он был родившимся здесь народным вождем и по праву занимал свое место»*².

Всю жизнь Рёвер страдал от последствий малярии, которые часто мешали ему выступать. Все чаще он был вынужден во время выступления пить воду, ему не хватало воздуха. После того как из гау Ганновер был выделен избирательный округ Везер-Эмс, в 1928 году Гитлер назначил Рёвера гаулейтером самостоятельного одноименного гау.

После благоприятных для НСДАП результатов выборов в сентябре 1930 года Рёвер стал депутатом рейхстага. Он считался другом Грегора Штрассера и приверженцем его, скорее, левой политической линии. Но это совершенно не мешало Рёверу поддерживать тесную дружбу с партийным философом Альфредом Розенбергом. В мае 1931 года, во время предвыборной борьбы в ландтаги,

Йозеф Геббельс писал в своем берлинском боевом листке «Ангрифф»:

«Ольденбургская организация партии ведет сейчас тяжелейшую борьбу. При этом ей очень помогает исключительно хорошо выполненная сознательная и ответственная подготовительная работа, проведенная осмотрительным руководством организации во главе с испытанным партайгеноссе Рёвером. Вся гау пронизана густой сетью организации. Там нет ни одной деревни, ни одного клочка земли, где не было бы опорного пункта национал-социализма, не говоря уже о больших городах. Идея Адольфа Гитлера донесена до последнего крестьянского дома»³.

И в самом деле, НСДАП смогла увеличить число голосов по сравнению с выборами в рейхстаг почти на 20 процентов.

Когда стали очевидны первые крупные успехи НСДАП на выборах, Гитлер все настойчивее стал налаживать связи с влиятельными кругами промышленников. Карл Рёвер хотел убедить Грегора Штрассера содействовать проведению съезда гаулейтеров северо-германских гау, подобного съезду 1926 года в Бамберге. По словам бывшего гаулейтера Гамбурга Альберта Кребса, Рёвер ругался на своем родном диалекте: *«Адольфу надо сказать крепко! Адольф не должен обращаться с нами как с глупыми юнцами! Нам нужен вождь, а не тиран. Нет, не тиран!»*⁴ Кребс также рассказывает, что Рёвер без обиняков резко критиковал меры партийного руководства и действия Гитлера лично. Кребс:

«В первую очередь Рёверу не нравились два пункта, вызывавшие озабоченность: образование „насквозь реакционного и капиталистического“ хозяйственного совета в партийном руководстве и приказ Гитлера Рёверу разрешить себя номинировать премьер-министром Ольденбурга. Рёвер был простым человеком, несомненно, с не слишком большим умом. Однако честный и с достаточным пониманием своей ответственности, чтобы знать границы своей компетенции и делать выводы из этого»⁵.

Почти на коленях Рёвер умолял Гитлера *«не требовать того, чего я не могу делать и что меня выставит дураком и лжецом перед моими земляками. Шесть лет я ругал бюрократ*

тов. Теперь они станут показывать на меня пальцами: „Смотрите-ка, этот... Рёвер сам стал бюрократом“»⁶. Во время этого разговора с Кребсом Рёвер, казалось, был в состоянии, близком к отчаянию, и снова и снова спрашивал, являются ли обвинения и требования национал-социалистической пропаганды лишь средством приманки широких масс, — точно так, как у других партий.

В 1932 году Рёвера все же назначили премьер-министром свободного государства Ольденбург; при выборах в ольденбургский ландтаг в мае 1932 года НСДАП, хотя и не получила абсолютного числа голосов (48,4 %), но получили 50 % мандатов (24 из 48 мест) и смогла сформировать правительство. В своей первой речи в новой должности Рёвер обратился к депутатам от демократических партий: *«Вы должны привыкнуть к тому, что здесь Вы больше не будете говорить. Мы жестоко будем пользоваться своей властью»*⁷.

Альфред Розенберг, с которым Рёвер был на «ты», с триумфом писал об этой грандиозной победе: *«Если когда-то будет написана история последних двух месяцев, то судьбоносное рассыпание и обрушение безнадежной системы будет показано довольно наглядно. Но сегодня достаточно констатировать, что преодолено упорнейшее сопротивление победоносному ходу немецкого освободительного движения. Самым серьезным образом национал-социализм будет готовиться к своей великой миссии, не мелочась, он привлечет лучшие силы на службу германскому будущему. Сегодня, когда Брюнинг свален, национал-социализм будет их использовать при необходимости»*⁸.

В мае 1933 года Рёвер стал имперским наместником Ольденбурга и Бремена и в связи с этим оставил пост премьер-министра. Новым премьер-министром стал Георг Иоэль, с 1932 года — заместитель гаулейтера. Во время выступления в сенате Бремена по случаю вступления в должность Рёвер держался так, как будто он находится перед огромным массовым собранием⁹.

Особенно Рёвер интересовался строительством дома-музея и летнего театра «Штедингсэрэ» в Боокхольцберге, названных «Деревня Штедингер», где ежегодно ставилась пьеса «Ди Штедингер» местного писателя Августа Хинри-

ха — гимн духу германской культуры и германского крестьянина, его любви к свободе. Т. к. сам Рёвер происходил из рода Штедингена, он отождествлял себя с героем этой пьесы. На посту гаулейтера Карл Рёвер не добился больших успехов. При голосованиях и выборах 1933—1934 годов гау Везер-Эмс устойчиво удерживало одно из последних мест. Это же повторилось на выборах в рейхстаг 10 апреля 1938 года, где гау Рёвера оказался самым последним. Гаулейтер охотно и игриво представлял себя, гордился введением специальных «встреч для разговора с гаулейтером», на которых каждый «товарищ из народа» мог поделиться своими заботами с шефом гау.

Во время пребывания Рёвера на посту гаулейтера Ольденбурга произошло одно заметное событие. В ноябре 1936 года ольденбургский министр Паули распорядился из всех католических школ убрать распятия, а из евангелических школ — изображения Лютера. Рёвер одобрил это мероприятие. Тем самым было положено начало так называемой «борьбе за крест», следствием которой стали массовые протесты населения Ольденбурга, в большинстве своем верующего. Бывший гаулейтер Южного Ганновера — Брауншвейга Хартман Лаутербахер вспоминал об этом «самоубийственном» указе: *«Что же касалось мировоззренческих и религиозных понятий, то Рёвер был безумцем... В одном большом [зале]... его освистали в начале митинга. Это — первый случай, когда общественность в такой форме демонстративно и решительно отвергла гаулейтера»*¹⁰. Из-за огромного давления масс Рёвер вынужден был отменить «крестовый указ».

Но интересен Рёвер, главным образом, своей написанной в 1942 году памятной запиской, в которой он безжалостно обрисовал положение НСДАП и дал много предложений по реорганизации всей партии после выигрыша войны. Он подробно разобрал вопросы внутрипартийной дисциплины, оплаты и снабжения партийных функционеров и пересмотра функций казначейства. Вторая часть записки, касавшаяся структуры национал-социалистического государства, не сохранилась. Редко партия критиковалась гаулейтером так открыто.

Памятная записка Рёвера предназначалась исключительно лично для Мартина Бормана и Адольфа Гитлера. Не слишком большие интеллектуальные способности ольденбургского гаулейтера заставляют с уверенностью полагать, что основную работу по подготовке памятной записки выполнил руководитель штаба Рёвера Генрих Валькенхорст¹¹. Роль Рёвера, чувствовавшего настроение народа и неблагоприятное в партии, сводилась, по-видимому, лишь к выдаче простых тезисов Валькенхорсту и к начертанию «главной линии». Об авторстве Валькенхорста говорит также то обстоятельство, что он как бывший руководитель отдела кадров в «штабе Гесса» хорошо знал структуры НСДАП.

Директор бременской верфи Франц Штапельфельдт в 1946 году писал в своей книге «Мое отношение к НСДАП» о горючей смеси, заключавшейся в этой памятной записке:

«Мы были откровенны с Рёвером, который составил меморандум размером около 100 страниц, где описал все взаимосвязи, вскрыл все недостатки и указал на опасности главного политического курса. Руководитель штаба Рёвера Валькенхорст, из-за особой доверительности этого меморандума, сам писал его... Рёвер... в этом сочинении особенно напал на Риббентропа и его внешнюю политику, на Гимmlера и Главное управление имперской безопасности, затем — на д-ра Лея, на имперского комиссара Норвегии Тербовена, имперского комиссара Украины Коха, имперского наместника Заукеля, гаулейтеров Гильдебрандта, Адольфа Вагнера и многих других.

Эта памятная записка пошла к Борману с просьбой — дать ее почитать лично Гитлеру... Гитлер сказал (Борману. — Прим. авт.), он знает, что очень многое — плохо, но сейчас он не может принимать меры, сначала должна закончиться война, затем будем очищать стол»¹².

Но напрасно искать в памятной записке упомянутые нападки на ведущих НС-функционеров. Бывший крайзлейтер Вильгельмсхафена Эрнст Майер, напротив, называет творение Рёвера «реорганизационной запиской», что полностью меняет намерение ее автора. Сам Валькенхорст так высказался по этому поводу: *«После смерти гаулейтера Рёвера я хотел вернуться к своей профессии — торговле. Но в день по-*

хорон Рёвера я получил приказ о переводе в Мюнхен, в Партийную канцелярию. Она обратила на меня внимание после подготовленных мной предложений по улучшению расстановки кадров (памятная записка Рёвера)»¹³.

В 1942 году в НСДАП сложилась критическая ситуация. Партия деградировала, став приложением к государству. С 1933 года партия, руководимая сначала мягкотелым заместителем фюрера Рудольфом Гессом, не смогла оказать на общественную жизнь то влияние, на которое рассчитывало руководство. Партию не информировали о главных политических вопросах. На общепартийном съезде в 1934 году Рудольф Гесс кричал в аудиторию: *«Партия — это Гитлер, а Гитлер — это Германия, точно так же, как Германия — это Гитлер!»*

Руководящая роль партии в реальности оставалась лишь на бумаге. После захвата власти сам Гитлер скоро потерял интерес к своей партии. Он был в первую очередь «фюрером и рейхсканцлером» и уж потом — руководителем партии. Созданный Грегором Штрассером партийный организационный аппарат он разгромил еще в декабре 1932 года, поручив д-ру Роберту Лею заниматься организационными вопросами партии. «Имперское руководство» партии практически не проводило общих заседаний, не создавалось подобия партийного совета. Поэтому НСДАП не имела никакой постоянной структуры и политики, которую она могла бы противопоставить государственной бюрократии. Только личность «фюрера» удерживала в ней борющиеся между собой части. Несмотря на официальные высказывания, НСДАП не диктовала политику государству, в отличие, например, от сталинского Советского Союза, в котором Центральный комитет Коммунистической партии был одновременно высшим руководящим органом государства. Планы создания национал-социалистического сената были похоронены в бронированных сейфах Мартина Бормана¹⁴.

Несмотря на существование «закона об охране единства партии и государства» и возведение Рудольфа Гесса в ранг министра, партия фактически потеряла какое-либо влияние на принятие центральных политических решений в государ-

стве. Хотя Борману удалось, сначала как руководителю штаба Гесса, выхлопотать право голоса связующего штаба при обсуждении проектов государственных законов, чем он сделал свой штаб координирующей инстанцией между министерствами и узким руководящим кругом Гитлера, но прерогатива партии практически ограничивалась лишь вопросами социального обслуживания, например помощи замерзающим зимой. «Политика партии» исчерпала себя уже в середине 1930-х годов лозунгом: *«Товарищи! Если Вы нуждаетесь в совете и помощи, то обращайтесь в местное отделение партии! НСДАП обеспечивает общность народа!»*

Упразднение предвыборной борьбы поставило партию перед вопросом о собственном существовании. Задачи пропаганды и организации партии теперь были не «наступление» и «революция», а требовалось создать для этих задач новый каркас и наполнить его национал-социалистическим содержанием. Но проблема состояла в том, что привод партийной машины остался прежним. Высокие партийные функционеры лишь тогда могли иметь действенное политическое влияние, когда им удавалось лично соединить их партийные должности с государственными задачами.

«Хаос компетенций» в Третьем рейхе имел своей причиной структурные данности НСДАП перед захватом власти, а также и в опустошительном самопонимании партии как движения гражданской войны. В «период борьбы» партия была не более чем инструментом для завоевания исключительной власти. Какого-либо «институционализованного» внутрипартийного волеизъявления не существовало и не должно было существовать. Проводимые ежегодно в Нюрнберге партийные съезды — «высший орган» движения, служили исключительно для пропагандистски выстроенной саморекламы. К этому процессу не допускались «демократические» элементы.

Следствием такого положения стали неограниченные полномочия отдельных партийных вождей при далеко идущей автономии и допущении определенной самостоятельности высокопоставленных функционеров, например гаулейтеров. НСДАП, в противоположность КПСС, не имела

административной руководящей структуры. Ее внутренняя организация также не была похожа на систему, подобную, например, армии. Она держалась на принципе величия гаулейтеров — высших функционеров отделений партии, на их — часто произвольном — толковании партийной программы. Состоящую из 25 пунктов программу НСДАП никто не воспринимал всерьез, и меньше всего — сам Гитлер, а рядовые члены партии все равно не сталкивались с программными вопросами. «Для большого числа наших сторонников», — считал шеф партии, — «суть нашего движения лежит меньше в букве наших лозунгов, а гораздо в большей степени — в том сознании, которое мы в состоянии привить им»¹⁵.

Ганс Моммсен пишет: «Специфические организационные структуры НСДАП обязывали любого унтерфюрера практически к безусловной лояльности по отношению к личности диктатора, а все остальные расхождения в интересах разрешались на пути личного соперничества, т. к. существовал запрет вынесения разногласий за пределы партии или решения их внутри партии, что совпадало с социал-дарвинистскими представлениями Гитлера и его ближайшего окружения. Эта политически аморфная структура строго соответствует потребностям мюнхенской ортсгруппы, не позволяя возникновению внутри партии конкурирующего центра власти»¹⁶. В конце концов, нацистскому движению остались только вопросы расовой политики, борьбы с церковью и во время войны организация фольксштурма.

Валькенхорст и Рёвер, очевидно, поняли и всерьез обеспокоились безнадежным положением НСДАП. Ниже приведены некоторые из важнейших мест памятной записки Карла Рёвера:

По поводу ссор о компетенции:

«Множество компетенций имеет следствием то, что многочисленные силы в ходе продолжающихся противоречий при затрате значительных средств действуют непродуктивно и бесполезно. Успех будет проблематичен, а подчиненные инстанции, в конце концов, уже больше не знают, за кем же надо идти. Они станут безразличными и могут совсем не следовать

частично противоречивым указаниям. Вывод из этого — к важным и неважным делам вырабатывается одинаковое отношение, т. е. важные дела выполняются так же небрежно, как неважные. К тому же, понятным образом, теряется уважение к вышестоящим службам. Ни для кого не секрет, что чем выше инстанция, тем запутаннее и неяснее границы ее компетенции...»

По поводу принципа фюрерства:

«У обладателя руководящего поста, не являющегося личностью и к тому же имеющего слабости характера... недостает (первое) деловых качеств, второе — он приглашает себе в сотрудники дураков и людей с такими же слабостями характера, а последние, в свою очередь, действуют так же, в результате дело не делается, и что еще много хуже, вся власть находится в руках неумеек и людей с дефектами характера... Это соответствует способу действий глупых людей... которые... стремятся укрепить свое положение путем подбора родственных по духу сотрудников и путем мастерски разыгрываемой интриги, и это им, по большей части, удается... Если вождь перепутает верность к себе с забвением долга, безвольными действиями и тому подобным, последствия не заставят себя ждать...»

По поводу приема в партию:

«Это очень необходимо потому, что движение из одного только побуждения к самосохранению как только добывается успеха, так сразу же ограничивает прием новых членов и в дальнейшем идет на увеличение своей организации лишь с крайней осторожностью и лишь после основательного испытания... необходимо перебрать весь партийный аппарат и особо проверить каждого отдельного члена партии на его мировоззренческую позицию и готовность к действию... Нельзя успокаивать себя заблуждением, что сейчас такого нет...»

По поводу дисциплинарного порядка:

«Большая часть безразличных людей проскользнула в движение в 1933 году... Партия должна состоять из готового к

борьбе, решительного меньшинства... Исключением могут быть лишь больные и постаревшие в честном деле...»

По поводу естественного отбора:

«Время борьбы было... процессом естественного отбора. Оно принесло его с собой, каждый политический руководитель должен был показать себя борцом... Я думаю, это вопрос жизни для партии — следить за тем, что новое поколение руководителей воспитывалось не в Орденбурге и подобных заведениях, а чтобы оно хорошо было знакомо с практической жизнью... Теперешнее воспитание нового поколения руководителей, если рассмотреть его хронологически, имеет такую тенденцию: ученик посещает школу „Адольф Гитлер“, после чего отбывает время на работе или в армии. Затем он идет в Орденбург, после обучения там он считается подготовленным для руководства людьми. Такой человек все подготовительное время жизни проводит в интернатах... результатом является... что эти люди... совершенно чужды подлинному единению народа... Я сталкивался со многими случаями, когда партайгеноссе, обладавшие хорошими способностями, после учебы в Орденбурге становились надменными, даже дерзкими типами...»

По поводу опасности принципа фюрерства:

«Принцип фюрерства таит в себе опасность того, что единственный руководитель может развиться в политического деспота, не терпящего никакого другого мнения, подавляющего любую обоснованную критику и любое оправданное возражение... Чем крупнее становится рейх, тем больше высшее руководство отдаляется от гау, при этом теряется возможность необходимого контроля рейха в целом. Если отдельные руководители на местах превратятся в тиранов, то никто не отважится выступить против них и постепенно в их окружении останутся только совершенные подхалимы и царедворцы... следует, на мой взгляд, подумать о том... чтобы... принцип вождя не опошлялся. Мне представляется, что в гау должен быть сенат, наделенный определенными полномочиями и состоящий из людей, входящих в штаб гау, и некоторых крайзлейтеров... Сам я регулярно провожу заседания штаба

гау... кроме того, мои крайзлейтеры и должностные руководители гау регулярно, примерно раз в восемь недель, собираются на съезды длительностью 3–4 дня, проводимые в специально построенном для этого здании...»¹⁷

По поводу объединения корпуса руководителей партии:

«Гаулейтеры и рейхслейтеры должны регулярно собираться вместе. Я не могу разделить точку зрения руководства организационного отдела, что такие съезды нужны лишь для того, чтобы читать на них поучающие доклады, а любая критика не нужна, нецелесообразна и несовместима с национал-социалистическими принципами...»

По поводу структуры и подразделений:

«СА под руководством предателя Рёма прошли гибельный путь, приведший к 30 июня 1934 года. Фактически до сих пор СА не оправилась от этого удара, иными словами, их руководство, очевидно, не использовало возможность выполнить задачи, соответствующие традиционному развитию СА. Курс раскачивался из стороны в сторону... Я придерживаюсь мнения, что наши СА являются организацией, призванной для мобилизации боевого духа германского народа, его постоянной готовности к борьбе.

Гитлерюгенд снова должен стать частью партии, строиться исключительно на принципе добровольности членства и помогать идеалистически мыслящим и готовым к действию юношам и девушкам смолоду закалить твердую волю — для того, чтобы позднее в рядах партии участвовать в борьбе. Мы хотим и должны снова иметь действительно партийную молодежь»¹⁸.

В этих записках можно обнаружить массу взрывчатого вещества. Франц Штапельфельдт пишет дальше, что Гитлер сам никогда не держал в руках памятную записку (это должно было сильно рассердить Рёвера).

Гаулейтер постоянно плохо себя чувствовал. К последствиям малярии прибавилось также сотрясение мозга, полученное им в 1937 году в автомобильной аварии, после ко-

торой он не мог работать до марта 1938 года. В 1942 году здоровье Рёвера снова стало ухудшаться, он практически перестал выступать перед жителями своего гау. 10 мая он был вынужден прервать свою речь в Бремене из-за потери зрения¹⁹. Ночью 13 мая 1942 года Рёвер якобы заявил, что хочет на следующий день лететь в Ставку Гитлера, а затем отправиться к Черчиллю, чтобы установить мир между Германским рейхом и Великобританией. Вызванный врач СС поставил диагноз «прогрессирующий паралич» как последствия уже упоминавшейся малярии. Ночью Рёвера, сопровождаемого, по-видимому, фон Йоэлем и Валькенхорстом, скрытно перевезли в отдаленный блокгауз вблизи Альхорна. Свидетели слышали, как Рёвер там начал резко критиковать правительство Гитлера²⁰. Рейнхард Гейдрих 13 мая докладывал Гиммлеру о донесении руководителя службы наружного наблюдения гестапо Ольденбурга:

«Гаулейтер позволил осмотреть себя врачам, а именно — фрау Дуббер, проживающей в Нойенбурге, и Густаву Рихтеру, 72 лет, проживающему в Магдебурге²¹. В последнюю ночь гаулейтер потребовал срочного вызова из Магдебурга Рихтера, который сделал ему укол. Это Рихтер часто делал и раньше. Гаулейтер считает Рихтера Богом. Он говорит, что должен лететь в Англию к Черчиллю, что он завтра, 14 мая 1942 года сначала хочет отправиться в Ставку фюрера, потому что „весь мир сошел с ума“. Он еще выступит с большой речью — запишет ее на граммофонную пластинку — длительностью не менее 4-х часов. Для этого надо приготовить самые большие пластинки. В последнюю ночь он устроил погром в своей комнате блокгауза в Альхорне»²².

Рихтер рассказывал, что Рёвер еще 8 мая консультировался у него в Магдебурге, на левой стороне головы у него была опухоль — следствие автомобильной аварии. Рёвер также пытался объяснить ею все чаще охватывающие его припадки бешенства.

Мартин Борман направил в Ольденбург двух своих агентов, чтобы прозондировать положение. 14 мая тяжелобольного Рёвера по распоряжению Гитлера доставили в берлинскую клинику Шарите. Поводом послужило острое воспа-

ление легких. У него был сильный жар и из-за паралича — помутненное сознание. В клинике его обследовал личный врач Гитлера д-р Карл Брандт. 15 мая сообщили о смерти Рёвера, причиной которой официально названа как «сердечный приступ и воспаление легких». Позднее говорили также о кровоизлиянии в мозг. 17 мая газета «Ольденбургше штатсцайтунг» вышла под заголовком «Карл Рёвер призван под штандарт Хорста Весселя». Из-за критической памятной записки Рёвера в партии быстро распространились слухи о его возможном убийстве²³.

«Случай Рёвера несколько схож со смертью гаулейтера Вестмарка (Рейна и Саар-Пфальца) и руководителя Гражданского управления Лотарингии Йозефа Бюркеля²⁴. Бюркель, необычно популярный среди жителей Пфальца, считался у Гитлера специалистом по вопросам „присоединения“, т. к. зарекомендовал себя организатором народного голосования в Сааре и Австрии. В свою бытность временным наместником в Вене он заслужил немилость СС и Мартина Бормана за некоторые самоуправные действия, автократический стиль руководства и прежнюю социалистическую позицию. Уже в 1935 году он сказал о концентрационных лагерях:

„В Пфальце нет концентрационных лагерей. Я придерживаюсь мнения, что с их помощью практически нельзя устранить голод и возникающие из-за него политические волнения и ненависть, а наоборот, таким способом создаются условия для выработки несоциального настроения у подстрекаемых людей“»²⁵.

Это продолжалось также и после его назначения руководителем Гражданского управления в Лотарингии. Бывший заместитель гаулейтера Бюркеля — Лейзер, который в 1941 году стал генеральным комиссаром Житомира, сообщал о том, что Бюркель показал Гитлеру написанное Лейзером крайне критическое письмо о невероятно преступной политике Эриха Коха на Украине. Всего год спустя Бюркель направляет Гитлеру меморандум, в котором критикует введение воинской повинности в Эльзасе-Лотарингии. Кульминацией стал отказ Бюркеля от возведения в Лотарингии бессмысленных укреплений, неизбежно превративших бы его гау в поле битвы.

На одном из последних съездов крайзлейтеров Бюркель уже производил впечатление пассивного, разбитого и явно охваченного депрессией человека²⁶. По словам Лейзера, в сентябре 1944 года к Бюркелю пришли два офицера СС и положили ему на стол пистолет. Бюркель проигнорировал этот намек. Но внезапно гаулейтер сильно заболел. 28 сентября 1944 года он умер от «токсического коллапса как следствия воспаления легких». Другие голоса говорили о самоубийстве, вызванном упреками по поводу «бегства» Бюркеля из Меца. Хорст Слезина, последний руководитель пропаганды в гау Бюркеля, предполагает, что гаулейтер в своем винном погребе по недосмотру пил из бутылки, где находился состав для борьбы с насекомыми, и постепенно отравился. Но все эти версии — чистой воды спекуляция. Бюркелю устроили пышные государственные похороны. Выступавший с траурной речью Альфред Розенберг назвал причиной смерти «сердечную недостаточность». Вилли Штер, до этого бывший «надзирателем», действовавшим по поручению Бормана, стал преемником Бюркеля.

Одна из версий причины смерти Карла Рёвера связана с уже упоминавшимся «случаем Шлитта». Рёвер якобы слишком странно расценил точку зрения высшего земельного суда Ольденбурга и по этому делу в начале мая полетел в Ставку Гитлера. Последний, выслушав Рёвера, разразился яростным потоком слов, направленных против юристов, неверно его информировавших. Наконец, Гитлер согласился с Рёвером и поручил тому передать ольденбургским судьям свои сожаления²⁷. Связана ли смерть Рёвера с его сопротивлением Гитлеру? Франц Штапельфельдт пишет: «Фактически его (Рёвера. — Прим. авт.) конец был трагичен тем, что он оказался единственным высокопоставленным человеком внутри партии, ставшим в оппозицию безумной политике Гитлера и его советчиков»²⁸.

Словоохотливый Геббельс пишет в своем дневнике 17 мая 1942 года: «Наш старый партайгеноссе Рёвер... умер. Мы потеряли в нем одного из старейших и самых верных боевых товарищей фюрера. Он один из нас — старой гвардии... Я связался с фюрером, который... распорядился провести похороны по

высшему разряду, со знаками почести от него лично. Я сам сильно тронут потерей Рёвера. Он всегда товарищески и дружески относился ко мне. Он был хорошим, истинным национал-социалистом. Вряд ли его можно кем-то заменить в Ольденбурге»²⁹.

Геббельс прибавляет, что Рёвер вошел в историю национал-социалистического движения и уже не может быть вычеркнут из нее.

22 мая состоялся государственный церемониал отдания почестей умершему гаулейтеру в мозаичном зале новой Имперской канцелярии. Гитлер прошел по центру зала, поднятой рукой отдал честь гробу и с участием пожал руки близким Рёвера³⁰. Альфред Розенберг произнес прочувственную речь в память своего умершего друга, и Адольф Гитлер возложил венок. Тело Рёвера перевезли в Ольденбург. Его приемником стал Пауль Вегенер³¹.

Гитлер, очевидно, очень остро переживал смерть Рёвера; он приказал переписать на его вдову государственный дом, использовавшийся Рёвером как служебное помещение³². Остался открытым вопрос, была ли памятная записка Рёвера чем-то вроде его «политического завещания». Несомненно, претворение в жизнь многих пунктов критики Рёвера позволило бы реформировать партию в последний час, но большинство в партийном аппарате этим не интересовалось. Вполне вероятно, что открытое выступление Рёвера против Гитлера могло сыграть роковую роль в его судьбе.

«Мы не хотим терпеть идеологов расизма»

Гюнтер Кауфман и оппозиционеры из центрального
печатного органа Гитлерюгенда

Журнал «Вилле унд Махт» был центральным органом национал-социалистической молодежи. Он являлся средством выражения духовного мира Гитлерюгенда и его стремления дать собственную оценку окружающему миру. Под защитой своего главного редактора и авторитетного литератора Гюнтера Кауфмана журнал стал играть существенную роль среди молодежной печати. Кауфман, родившийся в 1913 году, вступил в Гитлерюгенд и партию лишь в 1933 году. Он никогда не командовал каким-либо подразделением Гитлерюгенда. В том же году он продолжил обучение в Мюнхене, стал главным редактором газеты высших учебных заведений Баварии и редактором приложения для юношества к газете «Мюнхнер нойестен нахрихтен». Он уже некоторое время работал редактором журнала «Вилле унд Махт», когда в октябре 1934 года его вызвал в Берлин фон Ширах и назначил главным редактором журнала. Протест Вильгельма Густлоффа, швейцарского ландесгруппенлейтера НСДАП, против приема Кауфмана в партию Имперское руководство НСДАП и Бальдур фон Ширах отклонили. Густлофф жаловался на то, что Кауфман принимал евреев в члены швейцарского студенческого союза, который он возглавлял, будучи студентом в Швейцарии¹.

Гюнтер Кауфман пытался превратить журнал «Вилле унд Махт» в средство «поворота к внутренним вопросам», проводимого центральным руководством Гитлерюгенда, и претворения плана воспитания юношей в связанные с обществом личности, «художественно развитых людей с солдат-

ской твердостью». В этой молодежи должен был воплощаться синтез «Потсдама и Веймара», т. е. прусского духа и гуманизма одновременно. Журнал «Вилле унд Махт», ставший продолжателем традиций журнала «Ди Дойче Цукунфт», появившегося еще в «период борьбы», в течение нескольких лет превратился в классический рупор внутренней оппозиции².

В ноябре 1936 года издателем журнала стал тогдашний имперский руководитель молодежи Бальдур фон Ширах. Гюнтер Кауфман пишет в «Вилле унд Махт»:

«Если в будущем страницы этого органа будут служить рупором Имперского руководства Гитлерюгенда, то надо разочаровать тех, кто думает, что мы откажемся от четкого изложения своего мнения в пользу „дипломатических“ формулировок. Отныне мы сделали своим принципом то, что рейхслейтер однажды назвал „правом юности на критику“. Особенно мы хотим воспользоваться этим правом тогда, когда искажаются идеалы революции людьми, не понимающими современных задач»³.

Немало сотрудников журнала стояло далеко от партийно-политической жизни и поэтому не могло найти работу в других органах печати.

Особый резонанс вызывали специальные номера журнала на разные темы. Один из выпусков 1938 года посвящался поэту Паулю Эрнсту. В том же году появился выпуск с отрывками из произведений Гёте, озаглавленный «Гёте – нам», достигший тиража более 400 000 экземпляров в виде отдельного тома, в него умышленно не включили антисемитские высказывания Гёте. Когда во время войны один венский крайзлейтер требовал сравнить с землей могилы на еврейских кладбищах, фон Ширах запретил это делать со словами: «Перед могилами власть партии заканчивается!» Во время войны д-р Геббельс потребовал выпустить специальный антисемитский номер журнала. Кауфман ответил отказом. Бальдур фон Ширах во время Нюрнбергского процесса по этому поводу сказал, что эта тема вообще не интересовала югендфюрера⁴.

За «гётевским» выпуском последовал номер «Айхен-

дорф — нам». Некоторые выпуски служили делу взаимопонимания народов, в них империалистические мысли отвергались в пользу требования взаимного внимания к совместным действиям в Европе. Без содействия Министерства иностранных дел, напрямую, руководитель Гитлерюгенда сумел получить в Париже и Лондоне статьи британского премьера Чемберлена, министра иностранных дел лорда Галифакса, премьер-министра Франции Шотана и многих его министров, где основное внимание уделялось темам «немецко-французских или немецко-британских отношений». Французский посол в Германском рейхе Андре Франсуа-Понсе, сын которого был членом одного из отрядов Гитлерюгенда, также написал статью в журнал. Посольство британского премьер-министра хвалило немецкое юношеское движение за то, что оно объявило 1938 год — «годом понимания». Выказывания лидеров двух иностранных правительств можно было прочесть в центральном молодежном органе — а не в газетах партии. Министр иностранных дел Турции Арас также опубликовал статью в духе немецко-турецкой дружбы.

А перед этим состоялся прием фон Шираха и делегации молодежных руководителей президентом Турции Кемалем Ататюрком, прошедший в дружеском тоне, потому что президент просил Германию помочь в деле организации молодежного движения в Турции. Эта поездка состоялась в ноябре—декабре 1937 года, а после нее отправилась в Грецию (прием у кронпринца Павла), Венгрию (визит к премьер-министру Дараньи), Румынию (король Кароль), Болгарию (король Борис), Югославию (прием в летней резиденции премьер-министра Стоядиновича), Ирак, Сирию и Персию, где делегацию принял шах Реза Пахлеви. Шах надеялся использовать рекомендации молодежных руководителей рейха в улаживании своих противоречий с муллами. Бальдура фон Шираха сопровождали Артур Аксман, Гюнтер Кауфман и другие руководители Гитлерюгенда. Также Кауфман ездил с Ширахом во Францию и Италию — в качестве пресс-референта и друга. Углублению традиционно дружеских отношений между Германией и Японией способствовала многодневная поездка тридцати руководителей Гитлерюгенда в

Страну восходящего солнца. Молодежные руководители — правда, теперь среди них не было Гюнтера Кауфмана — произвели на японцев очень хорошее впечатление, и журнал «Вилле унд Махт» посвятил этому событию несколько специальных номеров⁵.

В «Вилле унд Махт» появлялись некоторые свидетельства «неповиновения». В статье «О полноте власти фюрера» выдвигалось требование — заменить «категорический императив» Канта «Ты должен!» словами «Я хочу!», что привело к протесту со стороны ведомства Розенберга. 15 января 1935 года номер «Вилле унд Махт» вышел с передовой статьей «Мы следуем за Людвигом Клагесом!» И это тоже означало выпад против рейхслейтера Альфреда Розенберга, который решительно опроверг философа по случаю его 70-летия. Тем не менее между Клагесом, с одной стороны, и Кауфманом и фон Ширахом, с другой, происходил оживленный обмен письмами. При поддержке Рудольфа Гесса Розенберг хотел поставить «Вилле унд Махт» под свою цензуру, но отказался от своего намерения после того, как издатель и главный редактор заявили, что хотят прекратить выпуск журнала⁶. 5.12.1938 Розенберг написал еще одно письмо Бальдуру фон Шираху, в котором упрекал его в «создании подобия партии рядом с партией»⁷. Над расовым фанатиком посмеялись и его представление назвали «заразной болезнью», которую надо лечить юмором, обучением или презрением — в зависимости от склонности ума.

Но против «нелегальных» группировок «Вилле унд Махт» выступал решительно. «Молодежные группировки сегодня — это большевизм» — таков был общий смысл, а в одной статье говорилось, что молодежь сидит *«на мягких подушках, попивая чай и распевая русские песни под балалайки»*. Статья заканчивалась так: *«Пора прекратить эту государственную измену»*⁸. Особенно досталось автономной молодежной организации «1.11. этого года» Эберхарда Кебеля (по прозвищу Туск, т. е. «немец»)⁹. Но подобный тоталитаризм оставался исключением.

Следующий выпуск журнала обратился к теме «О женщинах, любви и воспитании», в нем можно было прочесть:

«Нам нужно прекрасное, сильное поколение. Его нельзя воспитать лишь в палаточном лагере или в походах с ранцем по проселочным дорогам. Односторонность никогда не ведет к совершенству». И далее: «Кто может нас упрекнуть, если мы говорим также о идеологии любви. Под этим мы понимаем такие явления, которые, если они не связаны с внутренним побуждением, а с представлениями о нордическом женском образе по Вилльриху и Петерсену, — из моды накладываемыми на поиск невесты, сами по себе никогда не ведут к гармоничному браку — но тогда в соответствии с предполагаемым мировоззренческим идеалом допустимо поддерживать дружбу с каким-либо южным типом. Поэтому нет никакого стыда, если человек женится на женщине, не имеющей светлых волос и требуемых прекрасных голубых глаз».

Журнал «Вилле унд Махт» однозначно полемизировал с Гиммлером и Гессом, когда они во время войны хотели подбодрить юных солдат перед отправкой на фронт тем, что побуждали их зачать внебрачного ребенка для своего отечества¹⁰. Обращаясь ко всем партийным функционерам и карьеристам, журнал писал: «Слова „больше быть, чем казаться“ все чаще угрожают своей противоположностью, и пора заявить, что мы, молодежь, не будем дальше терпеть этой фальши». Неоднократно сотрудники «Вилле унд Махт» демонстрировали свое право на личную точку зрения и критическое отношение к официальному партийному курсу. Так было и в случае, когда печатный орган СС — «Дас Шварце корпс» выступил с нападками на историка искусства профессора д-ра Пиндера. «Вилле унд Махт» демонстративно напечатал статью под заголовком «Мы признаем Пиндера».

В другом месте Кауфман полемизировал с критикой фильма «Зажигались звезды», названного Геббельсом «исключительным скандалом», к тому же в этом номере содержались также принципиальные выпады против официальной политики в области кино, которое находилось под эгидой Геббельса. После этого Геббельс вычеркнул Кауфмана из списка редакторов, но уже на следующий день передумал, так как упоминавшаяся ранее статья Чемберлена поступила в редакцию журнала «Вилле унд Махт». Тем самым

был предотвращен скандал¹¹. Об этом Геббельс пишет в своем дневнике 19 февраля 1938 года:

«Кауфмана, этого глупого сопляка, я вычеркнул из списка редакторов. Я велел конфисковать номер и начать дисциплинарный процесс против всех сотрудников. Подействовало как бомба. Эти дерзкие господа вдруг стали маленькими и мягкими как масло. Господин Кауфман в партии с 1933 года. Кажется, я его поймал... Д-р Дитрих уже давно держит его на примете»¹².

Посвященный Англии специальный номер журнала вышел из печати и Геббельс записывает: *«Я еще раз высказал свое мнение лидеру Гитлерюгенда Кауфману по поводу его номера, посвященного кино. Он стал совсем маленьким и теперь понимает меня. Я буду в дальнейшем более четко говорить с ним»*. Однако Кауфман дает случившемуся противоположную оценку: после этого д-р Геббельс вынужден был совершенно галантно разговаривать с «сопляком» и «революционером» и прощаться с ним в духе «очевидной благосклонности»¹³. Несмотря на это, Гюнтер Кауфман в дальнейшем часто получал строгие выговоры от имперского министра пропаганды и партийного руководства и с трудом мог предотвратить запрет журнала «Вилле унд Махт» и наказание его редакторов.

Но все же это не смогло помешать ему открыто доносить до общества свои представления о национал-социалистической политике. С 1935 года он мог делать это также в качестве руководителя ведомства прессы Имперского профессионального объединения в Берлине. В 1937 году он, кроме того, стал еще и главным редактором официального органа Имперского руководства молодежи «Дас юнге Дойчланд». Он написал много книг по вопросам молодежной политики, например, книгу об имперском конкурсе по профессиям, и книгу о воспитании молодежи в рейхе Адольфа Гитлера «Грядущее поколение Германии». Кроме того, он издал сборник всех прав молодежи и книгу «Лангемарк, жертва молодежи на всех фронтах». «Библиотечка германского юношества» появилась также благодаря Кауфману.

Бальдур фон Ширах в 1940 году был назначен имперским

наместником в Вене, оставшись одновременно рейхслейтером НСДАП по вопросам воспитания молодежи и продолжая быть главным издателем журнала «Вилле унд Махт»¹⁴.

Гюнтер Кауфман — ставший уже пресс-референтом имперского руководителя молодежи и руководителем отделов прессы и пропаганды Гитлерюгенда — последовал за ним в Вену в качестве пресс-референта. Теперь чаще всего он писал в «Вилле унд Махт» о «революционной» культурной политике Шираха. Заметными событиями стали, например, проведение недели современной музыки и недели Рихарда Штрауса по случаю его 80-летия (1944). Большое внимание привлекло объявление о культурной программе Шираха в Бургтеатре, защита им театра-кабаре «Винер Веркель» и его речь «Правда и действительность в изобразительном искусстве». Спектакли в Хиндемит-опере, «Кармина Бурана» Карла Орффа или «Иоханна Бальк» Вальтера Регени, для культурной политики партии стали бельмом на глазу. Чествование Герхарта Гауптмана Гитлер и Геббельс расценили как «демонстрацию». Настоящий скандал вызвала организованная под покровительством Шираха выставка «Юное искусство в Вене», на которой были представлены произведения некоторых художников, называемые на партийном жаргоне «вырождением». Гитлер велел закрыть выставку. Последующая публикация именно тех экспонатов, которые вызвали гнев Гитлера — особенно его возмутило изображение зеленой собаки, — привела, в конце концов, к закрытию журнала «Вилле унд Махт»¹⁵.

Начало войны в 1939 году сотрудники «Вилле унд Махт» восприняли как катастрофу, а фон Ширах часто повторял: «Я воспитываю молодежь для мира, а не для войны». К первому военному рождественскому дню 1939 года вышел специальный номер журнала с тематикой «Немец с Богом», в котором говорилось об известных немецких личностях и цитировались их религиозные высказывания. Вступление завершалось предостережением: «*В любой сфере, а не только в вопросах религии, применимо изречение „Не судите, да не судимы будете!“*»

В ноябре 1939 года Кауфмана направили в пехоту про-

стым солдатом. В 1940—1942 годах он служил в роте пропаганды, где вскоре был повышен в звании до лейтенанта резерва. Во время боев за Францию он, как военный корреспондент, получил Железный крест 1-го класса, врученный ему на куполе захваченного форта Дуомон под Верденом. В ноябре 1941 года его вызвал к себе командующий 16-й армией генерал-полковник Буш и попросил отправиться в Вену к Шираху, чтобы передать тому убедительную просьбу — на встрече с Гитлером добиться прекращения расстрелов евреев особыми командами СД в тылу воюющей армии. Но попытка не увенчалась успехом. На некоторое время Кауфмана освободили от воинской службы, чтобы вернуть на прежнее место работы в Вене. Позднее его перевели в танковую гренадерскую дивизию «Великая Германия», откуда он, по мере возможности, пытался координировать выпуск журнала «Вилле унд Махт».

Одну статью Кауфмана, написанную в 1940 году, «Дивизионный священник награжден Железным крестом 1-го класса» — евангельский епископ Вурм читал со всех церковных кафедр Вюртемберга — по указанию представителей Кауфмана в Гитлерюгенде, что с раздражением отмечалось в отчетах СД. Борман также жаловался на Кауфмана в одном письме фон Шираху, но тот не ответил, а вместо этого передал письмо Кауфману. Борман писал, что Кауфман «действовал, по-видимому, неловко»¹⁶. Завершающий абзац статьи Кауфмана, вероятно, показался ревностным поборникам слишком «гуманным»: *«Там, перед врагом, где слово «Я» так мало значит и где так ярко проявляется смысл жизни, отдаваемой за великую общность, перед человеком встают ясные и простые религиозные вопросы, очищенные от интернационального учения и догм, от фанатичных ревнителей и корыстных толкований. Часто здесь человеку отмерено небольшое время и путь к Богу близок, здесь забота о душе означает — помощь, память о прошлом, придание силы с помощью утешения».*

Уже 14 января 1937 года статья Кауфмана «Гитлерюгенд и церковь — можно ли перешагнуть пропасть?» в газете «Берлинер тагеблатт» вызвала разъяренный телефонный звонок

Гитлера к Шираху. Несмотря на такое порицание, вскоре после этого Кауфмана повысили в звании до обербаннфюрера Гитлерюгенда¹⁷. Постоянный спор вокруг Кауфмана и журнала «Вилле унд Махт», казалось, никогда не закончится. 1.2.1940 Кауфман выпустил специальный номер, посвященный Шекспиру, что вызвало порицание в «отсутствии инстинкта» на имперской пресс-конференции. Номер открывался словами «*Это знак силы — что они способны, и даже, что это их вынуждает, — перед лицом врага иметь способность в нем еще видеть добро и истинные достижения, которые надо уметь отделять от клубка обвинений и осуждений*».

Как руководитель отдела пропаганды в Вене Кауфман обратился к Геббельсу и пожаловался на то, что газета «Фёлькише беобахтер» в Вене продается на 50 пфеннигов дороже, чем в старом рейхе, и жители Вены расценивают это как «колониальную цену». Шеф издательства «Эхер» рейхслейтер Аманн после этого потребовал от Шираха арестовать Кауфмана («Ваш Кауфман хочет украсть деньги у фюрера!»). Ширах предложил Аманну пригласить Кауфмана для беседы. Реакция Аманна: «Но я не ручаюсь за его жизнь», переговоры не состоялись¹⁸.

Также «Вилле унд Махт» подробно рассказывал о создании 14 сентября 1942 года в Вене «Европейского молодежного союза» — Кауфман был на конференции руководителем пресс-центра. При этом речь идет не об узком разговоре у камина, который в разгар войны ведут несколько отобранных молодежных функционеров, а о съезде европейских молодежных организаций, решивших объявить о их союзе. После окончания конгресса руководители молодежи возродили «Стальной шлем», задачей которого назвали борьбу на фронтах за провозглашенные в Вене цели. В качестве «побочного продукта» венского съезда появилась статья Понтера Кауфмана «Воспитание молодежи в древности».

Д-р Геббельс в очередной раз выступил с резкой критикой активности Гитлерюгенда на европейской сцене, — он назвал это «детским праздником Бальдура», а в своем дневнике писал 25 сентября 1942 года: «*Кауфман прислал мне из*

Вены доклад о европейском конгрессе молодежи в Вене. Он протекал не так, как это представлялось раньше, прежде всего потому, как думает Кауфман, что министерство иностранных дел торпедировало свои собственные планы. Но, впрочем, я очень энергично дал понять Кауфману, что к новой Европе приведет не болтовня молодежных вождей в Вене, а борьба германского вермахта, достигшая сейчас драматической высшей фазы»¹⁹.

Некоторое время спустя Геббельс передумал. Он наметил сделать Кауфмана «генеральным инспектором своих отделений, выдвинутых на Восток», но этот план не был осуществлен.

Казалось, что Геббельс вновь чувствовал симпатию к юному журналисту. Он назначил его референтом по вопросам кино Имперского министерства пропаганды и доверил ему работу с киностудией УФА. Известность Кауфмана простерлась вплоть до Парижа — посол Абетц хотел его назначить генеральным консулом по культуре и прессе при посольстве. Но осуществлению этого намерения помешал младший государственный секретарь Министерства иностранных дел Лютер, так как Кауфман был «человеком Шираха»²⁰.

За день до начала Восточного похода на Россию генерал-полковник Буш снова вызвал Кауфмана в войска в качестве военного корреспондента. В июле 1941 года Кауфман участвовал в наступлении на Волхов. Когда он находился на одном мосту, раздался взрыв; Кауфман остался жив лишь потому, что крепко ухватился за стальную балку. О своем спасении он написал в «Вилле унд Махт» статью под заголовком «На взорванном мосту под Шимском». В октябре его наградили штурмовым значком пехоты. Он вместе с бароном фон Укерманом ежемесячно посылал с Восточного фронта доклады д-ру Геббельсу о ситуации в армии, в которых бичевал опустошительные последствия восточной политики Германии. В журнале «Вилле унд Махт» был задан косвенный вопрос Гитлеру — в октябре 1942 года орган Гитлерюгенда в статье о Наполеоне и Европе писал: «*Ведение войны без сильной идеи и лозунгов, не воодушевляющих идеала-*

ми подчиненные и принужденные к военной службе народы, стало его злым роком. Насколько тяжелыми были упущения, показывает его самая страшная катастрофа: поход на Россию».

В апреле 1943 года в том же духе «Вилле унд Махт» — единственный орган печати в Третьем рейхе — в специальном выпуске писал о «вечной России» — смоленском воззвании генерала Власова к солдатам Красной Армии, хотя опубликование этого воззвания было однозначно запрещено всем немецким газетам. В подготовке выпуска участвовал также писатель Эдвин Эрих Двингер, написавший статью «Русский человек — путь к преодолению большевизма». В ней, в частности, говорилось: *«Там нужны лишь те, кто может быть примером. В любом случае примитивное выпячивание позиции господина — всегда ошибочно».* Розенберг и Гиммлер сумели добиться от Геббельса лишь запрета на перепечатку статей этого выпуска или комментариев к ним в любых газетах. Но прекратить выпуск номеров журнала «Вилле унд Махт» им не удавалось. Командование сухопутных войск даже перепечатало статью в своей газете «Информация для личного состава».

В книге «Иллюзия — красноармейцы в армии Гитлера» Юрген Торвальд упоминает еще об одной интересной акции лидеров Гитлерюгенда, служивших на Восточном фронте: *«В северной тыловой зоне 16-й армии они открыли „деревню немецко-русской дружбы“, где вместе проводили отпускные недели русские гражданские люди, немецкие солдаты, русские бургомистры и хиви. В этой деревне Скугры Кауфман испытал что-то вроде экзотического приключения — по крайней мере, в части представлений о колониальном Востоке»²¹.*

Еще один пример, иллюстрирующий позицию Кауфмана, приводит в своих мемуарах бывший посол Рудольф Ран:

«В нашей гостинице в ставке некоторое время тогда жил юный член руководства Гитлерюгенда Гюнтер Кауфман, рассказывающий с разочаровывающей наглядностью о всемирном потоке политического безумия и о грубейшей необдуманности в обращении с русским народом и русскими военнопленными, которые он наблюдал во время своего пребывания в России. В

свободное время я помогал ему в составлении памятной записки, в которой он красноречиво выступал за исправление хотя бы грубейших ошибок, таких как расстрелы русских комиссаров, голод среди заключенных и разнузданный грабеж имущества крестьян»²².

Особенно смелая статья Гюнтера Кауфмана появилась в упоминавшемся номере журнала под заголовком «Вызывайте духов!». В ней открыто призывалось к духовному повороту. Кауфман резко критикует восточную политику, реализуемую партийными и государственными властями: «Народы не желают делиться на народы-господа и народы-рабы. Мы не хотим терпеть идеологов расизма, классифицирующих народы по их расовым признакам. Мы, немецкий народ, соединили в своей крови кровь всех народов континента — достаточно только взглянуть на Фридрихштрассе в Берлине и на улицу Кэртнер в Вене, это же четко видно на примере роты храбрых германских гренадеров. Будущая Европа станет кровом одной большой семьи, в которой каждый сохранит свое, но никто не почувствует себя человеком второго сорта».

Статья Кауфмана произвела эффект разорвавшейся бомбы. Совет опубликовать статью дал обер-лейтенант Карл Михель, поддерживавший контакты с кругами сопротивления и разыскавший Кауфмана. После первой встречи офицер, как он писал впоследствии, получил такие впечатления: «Как быстро незнакомые до этого люди находят общий язык, если речь идет о том, чтобы в борозду, проложенную для посева ненависти, положить семена примирения; не презирать ближнего, а показывать всем людям общий фундамент. Как же легко, однако, против фронта ненависти и презрения к людям выстроить фронт понимания и взаимного уважения»²³.

Теперь пришел в движение аппарат подавления в партии и государстве, чтобы поставить Кауфмана на место; в воздухе «запахло свинцом». Своему новому знакомому Кауфман в ответ на вопрос, что он собирается делать дальше, сказал: «„Работать дальше, бороться, отбиваться до последней минуты. Возможно, я еще смогу открыть глаза кому-то из юных немцев или смогу заставить его задуматься. По крайней мере, это было не напрасно“ — так невозмутимо ответил этот

юный цветущий человек. Еще не достигнув тридцати лет, он внутренне уже прощался с жизнью. Это ли не убежденность! Таких молодежных лидеров надо спасти для будущего. Когда немецкая молодежь разочаруется в ценностях, в которые она верила, ей понадобятся такие голоса и примеры»²⁴.

Тогда обер-лейтенант сумел устроить возвращение Кауфмана в караульный полк дивизии «Великая Германия», потому что, как он пишет, «возле постового полка заканчивается власть гестапо». Надо также не забывать, что представления Кауфмана разделяли многие молодые офицеры войск СС и находившиеся на фронте руководители Гитлерюгенда. Часто можно было услышать слова «когда после войны мы вернемся домой, то займемся основательной чисткой» или «с Гитлером против партии»²⁵. Но для Кауфмана затишье кончилось в январе 1944 года, когда высший партийный суд исключил его из партии. Прошел также дисциплинарный процесс в высшем суде Гитлерюгенда, который, однако, не довели до конца. Документ об исключении из партии, автоматически лишавший офицерского звания, не дошел до кадровых служб армии. Состоялся также профессиональный суд, запретивший Кауфману 2,5 года работать в журналистике. Этим его лишили возможности кормить семью, т. к. в это время он уже был женат и имел ребенка.

«Случай Кауфмана», естественно, стал известен участникам Сопrotивления. В начале июля 1944 года высокопоставленные офицеры из руководства нацистской партии направили его в Ставку фюрера, где Кауфмана застал день 20 июля. Хотя его и не посвящали в план покушения, но, вероятно, собирались его использовать при удачном исходе²⁶. После потрясения 20 июля в ставке у Кауфмана произошел нервный и физический срыв, в результате которого время до конца войны он провел в различных госпиталях.

Журнал «Вилле унд Махт», малоизвестный исследователям до сих пор, был средой молодых и увлеченных национал-социалистов-реформаторов. Ниши свободного высказывания мнений, всегда имеющиеся даже в авторитарных государствах, в полном объеме использовались Кауфманом и его молодыми товарищами. На большее они не замахива-

лись. В «Вилле унд Махт» не призывали к свержению Гитлера, сотрудники журнала не были участниками Сопротивления и, будучи солдатами, не перебежали к врагу. Они хотели реформировать систему, которой служили как руководители молодежи, чиновники и солдаты, но поняли, что система дегенерировала, став чистым «гитлеризмом». Поэтому они задумались о «времени после Гитлера». Последний сам сформулировал имперскому руководителю молодежи Аксману 29 апреля 1945 года, за несколько часов до своей смерти, как бы свое последнее представление: *«Идеи живут дальше по своим собственным законам. Я думаю, придет что-то совершенно новое»*²⁷.

В мае 1945 года рейх лежал в развалинах, шанс воздвигнуть «социальное государство высочайшей культуры», о котором так зримо писалось в журнале «Вилле унд Махт», был упущен. Поколение Гитлерюгенда заплатило кровавый долг миллионами жизней. Из 11 300 молодежных руководителей погибли 9500. И среди них — сотрудники «Вилле унд Махт»²⁸.

«Шедевр двуличной трактовки»

Альфред Э. Фрауенфельд и проблема управления оккупированными восточными областями

Гаулейтеры Остмарка славились тем, что иногда исполняли свои должностные обязанности со староавстрийской величием и некоторой небрежностью, по сравнению с их коллегами из имперских гау. С давних пор они сопротивлялись попыткам создания непотических структур в своих гау. Вероятно, потому что для НСДАП в Австрии до 1938 года длился «период борьбы». Характерным примером служит жизнь Альфреда Эдуарда Фрауенфельда. Он родился 18 мая 1898 года в Вене в семье советника юстиции высшего земельного суда и надворного советника. Из этой семьи вышли многие художники и архитекторы. После окончания средней школы Фрауенфельд добровольно записался в австрийскую армию кандидатом в офицеры и в 1917 году прибыл на итальянский фронт в составе егерского батальона. В том же году он женился. В 1918 году его произвели в лейтенанты и направили в авиационную роту. После окончания войны он начал учиться в Высшем техническом училище и одновременно изучал ремесло помощника каменщика. До 1922 года он работал каменотесом. Профессиональная карьера Фрауенфельда сначала была довольно извилистой, затем, после того как короткое время он был техником и конструктором, с 1923 года он стал работать банковским служащим в банке «Всеобщий австрийский земельный кредит» в Вене. В это же время он написал свои первые короткие рассказы. Вначале был сторонником христианских социалистов, в апреле 1929 года вступил в НСДАП, а уже в конце того же года стал бециркслейтером в Вене.

1 января 1930 года Гитлер назначил его гаулейтером Вены. Он вошел в городской совет, а также стал председателем фракции НСДАП в ландтаге и советником городской общины Вены. В это время его гау насчитывало всего 600 членов НСДАП. Новый гаулейтер скоро сменил треть руководителей ортсгрупп и образовал много новых партиячек. 2000 политических руководителей НСДАП лезли из кожи, чтобы организовать политическую жизнь в 21 районах Вены. В 1930 году Фрауенфельд основал газету «Кампфруф», а два года спустя в Вене было уже четыре ежедневных нацистских газеты и четыре еженедельных. В 1931 году после банкротства банка «Земельный кредит» он потерял работу. Фрауенфельд развил бурную ораторскую деятельность, австрийскую столицу затопили волны регулярных собраний, сотни ораторов из рейха выступали в гау Остмарк — в 1933 году венское гау насчитывало уже свыше 40 000 членов НСДАП.

Венские национал-социалисты в своей пропагандистской деятельности использовали множество новых приемов. Своими находками они обратили на себя внимание и показали соратникам из рейха, что политика не обязательно должна делаться серьезно. Они искусно использовали в пропаганде чувство юмора жителей Вены, и много раз НСДАП привлекала к себе симпатии любителей смеха всех политических направлений. Например, люди из СА, одетые как рабочие коммунальных служб, на глазах дружески приветствующих их полицейских спокойно устанавливали свернутый флаг на вершине башни венской ратуши. Ровно в двенадцать часов, к великому изумлению прохожих, развертывалось гигантское кроваво-красное полотнище со свастикой. Внутри флага был смонтирован часовой механизм с электрической батареей, установленный на определенное время. В заданный момент ток подавался на механизм и флаг развертывался. А люди из СА в это время были уже далеко, и требовалось несколько часов на то, чтобы уже настоящие городские рабочие сняли «позорное пятно» с башни ратуши.

Подобную акцию провели также на крыше здания венской оперы, где был развернут транспарант со словами:

«Зейтц, Долльфус и Фей, попробуйте справиться с нами все трое. НСДАП»¹. Во время одного собрания, на котором выступал бундесканцлер Австрии Энгельберт Долльфус и сказал, что «в Австрии национал-социализм мертв», вслед за этими словами радиослушатели услышали пушечные залпы, а присутствующие в зале увидели, что вокруг места собрания на всех мачтах развернулись флаги со свастикой. Выхлопные трубы служебных автомобилей членов правительства затыкали бумажными свастиками, при запуске мотора происходил хлопок, и множество бумажек разлеталось. Жители Вены могли неожиданно услышать гимн «Хорст Вессель» из громкоговорителей, тайком установленных на самых больших площадях².

В 1932 году Фрауенфельд получил от венского правительства предписание не выступать на открытых собраниях. В том же году были закрыты Венский университет и несколько других высших школ округа — из-за «национал-социалистических происков».

Фрауенфельда много раз арестовывали за его деятельность в нелегальной австрийской НСДАП, один раз его высылали в рейх, но он затем снова вернулся в Вену. После путча австрийских национал-социалистов, выступивших против бундесканцлера Долльфуса, Адольф Гитлер запретил Фрауенфельду ехать в Вену, чтобы не вызывать упреков в адрес учреждений рейха по поводу их связи с восстанием. В июне 1936 года ему удалось после отбытия строгого наказания сбежать в Мюнхен. В следующем году Фрауенфельда назначили ответственным руководителем и председательствующим советником Имперской палаты театра. С этого момента началась многократная смена различных сфер деятельности бывшего гаулейтера Вены. В 1936 году он стал депутатом Рейхстага, был назначен генеральным консулом Министерства иностранных дел и послан в Норвегию. После германской оккупации Норвегии в 1940 году он продолжал оставаться в этой должности, позднее — в Дании. В составе штаба 16-й армии участвовал в походе на Францию. В 1941 году последовал его перевод на Балканы — в 10-ю армию фельдмаршала Листа.

11 Противники Гитлера в НСДАП

В 1942 году неожиданным для многих стало назначение Альфреда Фрауенфельда генеральным комиссаром Таврии — позднее переименованной в генеральный округ Крым. Немного ранее Гитлер заявил: «Крым, вероятно будет назван округом Готенланд»³. После войны статс-секретарь Штукарт вспоминал слова Гитлера: «Крым получает Фрауенфельд, который никогда не пресмыкался и не просил и которому я давно хотел дать что-то прекрасное»⁴. Крым был составной частью имперского комиссариата «Украина», руководимого гаулейтером Восточной Пруссии Эрихом Кохом. Название «Таврия» существовало еще в Российской империи и было принято, чтобы ничто не напоминало о Советах. Но скоро вернулись к более известному названию «Крым». Территория охватывала наряду с полуостровом Крым (25 000 кв. км) также Ногайские степи (еще 25 000 кв. км).

С самого начала Фрауенфельд решил, что Крым не должен управляться варварскими методами Эриха Коха. Раболепство, с которым паладины Коха преклонялись перед ним, наглядно показывает «Обоснование» для присвоения Эриху Коху звания почетного гражданина столицы его гау — Кёнигсберга: «Гаулейтеру и обер-президенту Эриху Коху, вождю национал-социалистической революции и национал-социалистического рейха в Восточной Пруссии, славному борцу против марксизма и реакции, покровителю национального уважения, национального достоинства и германской культуры в пограничном гау Восточная Пруссия, пионеру немецкого социализма, городская коллегия города Кёнигсберг/ Восточная Пруссия, с выражением непоколебимой верности и в знак благодарности и бесконечного доверия, присваивает звание почетного гражданина».

Самодовольный ответ Коха: «День, когда Адольф Гитлер послал меня в Восточную Пруссию с четким приказом отвоевать для национал-социализма эту прекрасную, но постоянно подвергающуюся угрозе землю, всегда останется самым главным в моей жизни. Это был день величайшего доверия моего фюрера, и я с первого же часа решил полностью оправдать такое доверие: Задача, ждавшая здесь решения, была трудной, но почетной. Нужно было привить новую, сильную веру

населению пограничной области, прозябавшему в безнадежном отчаянии, без доверия, подорванного правительством предательской системы»⁵.

Этому человеку Гитлер доверил огромную страну – Украину. В салон-вагоне, ранее принадлежавшем президенту Польши, Эрих Кох совершил ознакомительную поездку по своему комиссариату, после чего заявил Фрауенфельду на правах старшего, что *«если я найду украинца, достойного сидеть за одним столом со мной, то должен буду приказать его расстрелять»⁶*. Кох сразу же начинал «сваливать» тех правительственных президентов Крыма, которые не хотели целиком покоряться ему. Его также сильно задело, что Гитлер лично признал право Фрауенфельда на самую красивую территорию оккупированного Востока. Кох посылал шпионов для наблюдения за деятельностью Фрауенфельда. Высказывание последнего на эту тему: *«Кох... был одним из тех неприятных явлений, которые за грубостью поступков прятали неуверенность, а свою невысокую образованность заменяли подчеркнуто форсированным бахвальством»⁷*.

Фрауенфельд неоднократно жаловался на Коха в Министерство по делам восточных оккупированных территорий и лично Гитлеру. Он придерживался неортодоксального мнения, что украинцы должны управляться высокообразованным национальным правительством и носить кокарды с национальными цветами. Из них можно создать боевую единицу – украинский добровольческий корпус, с ними нельзя обращаться как с хиви в вермахте. В Ровно, где находилась резиденция Коха, немецких гражданских служащих украинские партизаны убивали среди белого дня, тогда как в Крыму все было тихо. Фрауенфельд составил «Справочник по Крыму», где упоминал об истории и прежнем крупнейшем землевладельце князе Воронцове. Фрауенфельд утверждал, что мог бы проехать 200 км по степи без охраны и даже без оружия.

В связи с многочисленными неисполнениями Фрауенфельдом приказов своего начальника, Эриха Коха, последний обратился в партийный суд и дисциплинарный комитет с жалобой. Предложение Фрауенфельда об отделении

Крыма от имперского комиссариата Коха не было принято. Выступая с речью в Киеве в начале марта 1943 года, Кох высказал свою крайне неприглядную и даже выходящую за рамки расового идеала того времени «философию человека-господина»: *«Мы — народ-господин и должны править жестко, но справедливо. Я выжму последнее из этой земли, я пришел не для того, чтобы раздавать благословения, я пришел, чтобы помогать фюреру. Некоторые волнуются из-за того, что население, возможно, не получает достаточно продуктов питания... Надо думать лишь о том, в чем нуждаются наши герои в Сталинграде. Мы поистине пришли сюда не для того, чтобы создавать предпосылки победы. Мы — народ-господин, который должен понимать, что самый последний немецкий рабочий в расовом и биологическом смысле в тысячи раз ценнее, чем местное население»*⁸. Если посмотреть на «работу» Эриха Коха на посту имперского комиссара Украины, то оповещение Гитлера от 17 ноября 1941 года о назначении Альфреда Розенберга имперским министром по делам восточных оккупированных территорий покажется издевкой: *«Задача гражданского управления — в первую очередь восстановление общественного порядка и общественной жизни»*⁹. Бывший гитлеровский министр вооружений Альберт Шпеер в своих «Воспоминаниях» с ужасом пишет, что Кох приказал взорвать одну из самых известных украинских церквей, чтобы избавиться от символа украинской национальной гордости.

Шпеер пишет также, что первое время он мог без охраны ездить через обширные украинские леса, тогда как всего полгода спустя, благодаря неудачной политике Коха, территория оказалась наводнена партизанами¹⁰. Также и Альфред Розенберг, незадолго перед своей казнью в 1946 году, говорил о Кохе с возмущением и горечью — это был «мелкий буржуа и хвостун», но ему протезировали Гитлер и Геринг. Кох и его узкое окружение высмеивали отсталость славян, и Розенбергу пришлось выпустить соответствующие инструкции, запрещающие высказываться о расовом превосходстве и предписывающие обращаться с украинцами достойно. Но почти все распоряжения Розенберга Кох обходил или

игнорировал. Розенберг так охарактеризовал своего противника: «манеры одичавшего мелкого буржуа, который без помощи покровителей не смог бы долго удержаться на своем месте»¹¹. В тюремной камере в Нюрнберге примирившийся с судьбой Розенберг подводит итог:

«Мне претит все представлять как постыдное, обывательское, выскомерное и глупое. Было недостойной трагедией, что я вынужден был драться с этим выскочкой, тогда как другие, с заднего плана, не отвечая ни за что, обеспечивали поддержку главой государства этой дутой фигуры. На Нюрнбергском процессе приводились многие факты... [они] отражают борьбу за грандиозную концепцию восточной политики, имеющей целью включение народов Восточной Европы в судьбу целого континента — против образа мысли, примитивно не осознающего этой масштабности»¹².

В июле 1943 года Фрауенфельд подготовил памятную записку о проблеме Южного Тироля, с предложением всех южнотирольтцев переселить в Крым. Эта памятная записка не сохранилась¹³. В 1944 году он написал еще одну памятную записку, предназначенную лично для Адольфа Гитлера, с копиями — для Альфреда Розенберга, Йозефа Геббельса, Германа Геринга и статс-секретаря Штукарта¹⁴. Она датирована 14 февраля 1944 года и имеет заголовок «Памятная записка о проблеме управления оккупированными восточными областями», отрывок из нее приведен ниже:

«Этот второй по численности народ континента (Украинцы. — Прим. авт.) (если мы русских больше не считаем европейцами), из более 40 миллионов человек которого три четверти попали под управление немецкой гражданской и военной администрации, встретил германских солдат с ликованием как освободителей от ненавистного ига большевизма и оказал им высокое доверие. Но это доверие подрывается „мастерски выполняемым“ неправильным обращением, и весьма показательно, что всего за один год этот абсолютно дружественный Германии народ, приветствовавший нас как освободителей, вынужден уйти в леса и болота, чтобы воевать против нас и тем самым существенно негативно повлиять на ход событий на Востоке... И подобный злополучный результат выз-

ван в первую очередь настолько же неправильными, насколько и непонятными действиями части компетентных инстанций и отдельных должностных лиц. Курс беспощадной жестокости, способы обращения с местным населением, подобные применявшимся в прошлые столетия по отношению к цветным рабам, свидетельствуют о потере чувства меры в деле отношений с другими народами, что по своим последствиям не может привести ни к чему иному, как к катастрофе...

Было бы наивностью, граничащей с ограниченностью, считать, что в 20-м столетии можно постоянно унижать и оскорблять народ, пусть даже и обладающий потрясающе печальной историей и имеющий отличающиеся от немецкого народа расовые и иные качества, и откровенно противопоставлять позицию германского господина положению раба (славянских народов). Поэтому надо признать, что даже хорошо спланированная и оплаченная политика наших врагов вряд ли принесет такие опустошительные результаты, как наши действия, вызванные таким нездоровым образом мыслей...

Лишение жизни... даже одного человека, не вызванное высшей необходимостью, является убийством, подобные действия всегда осуждаются историей, а виновных в них история называет чудовищами и неудачниками!

Украинцы, особенно женщины, исключительно усердны в учении, от них можно услышать: „То, что вы закрыли... наши школы, — признак вашего намерения сделать нас глупыми, и что вы — наши враги, поэтому не ждите, что мы будем чем-то жертвовать для вас“... Огромная глупость и близорукость — думать, что оккупированную область можно эксплуатировать, если оглупить население и создать ему невыносимые условия. История всех колониальных стран учит, что колонии не являются странами сказочных богатств, из которых можно без усилий черпать прибыль, наоборот, они требуют огромных затрат денег и труда, потом они, разумеется, принесут проценты на вложенный труд и усилия, намного превышающие то, что вложила метрополия... Я достиг результата, потому что действовал по принципу (само собой разумеющемуся) — с достойно работающими людьми надо достойно обращаться... Когда я в Таврии за более чем годичный срок ра-

боты не мог назвать ни одного случая саботажа или ранения или даже убийства немца, то это объясняется... принципиально другим обращением, которое я применяю в отношении местного населения...

Тот, кто на практике не показывает себя господином, кто не выражает свои взгляды, сидя за одним столом с местными сотрудниками, и подает им руку для приветствия, тот тоже полностью не пригоден, т. к. заходит слишком далеко — впрочем, нельзя помешать тому, что именно люди, стоящие на позиции „господина“, регулярно пьянствуют, и даже делают это открыто...

К тому же методы, применяемые на родине по отношению к „добровольной рабочей силе“, когда работники ни при каких обстоятельствах не должны есть за одним столом с работодателем, когда временами им запрещают посещение кино и театра, пользование общественным транспортом, покупки на рынках, и одновременно работодателям запрещают оставлять работников одних в квартире, — все это так же бессмысленно, как и невыполнимо. Сюда же относится постыдная, подобная повязке еврея, недавно введенная нашивка „восток“ на одежде...

В этой связи я хотел бы напомнить о колонизаторских достижениях германоязычной Австрии. Богемские поварахи, хорватская и словацкая прислуга, ханакские кормилицы, заполнявшие во времена моей юности бывшую столицу континента и теперь второй по величине город Германии, так же как чешские дворецкие, итальянские горняки и точильщики ножниц, украшенные фесками боснийские и далматинские солдаты австрийской императорской армии, все они учились ломаному немецкому языку, а их дети уже говорили по-немецки как на родном языке, и оказалось, что горцы Карпат, карста и Балкан не только пригодны для ассимиляции, но и в расовом отношении представили абсолютно полноценный элемент для укрепления германской нации. Несмотря на то что на рубеже столетия процент иностранных рабочих в Вене намного превышал процент иностранных рабочих в Германии сегодня, никому не приходило в голову заставлять их носить какие-либо оскорбительные для них знаки...

Ужасающую неспособность выполнения задач, поставленных перед нами на восточном пространстве, можно подтвердить сотнями примеров. Но я напомним только об одном: имперский комиссар Украины (Эрих Кох. — Примеч. авт.) распространил в десятках тысяч экземпляров листовку за своей подписью, в которой не удовлетворился бранью в адрес украинцев или русских, а назвал всех славян ничтожными недочеловеками. Можно догадаться, какую „радость“ может вызвать подобное официальное разъяснение у союзных нам словаков, хорватов, болгар, албанцев, а также — в Протекторате, не говоря уже о реакции на восточных территориях...

Здесь ни в коем случае не делается попытка свалить всю ответственность за трудности и недостатки в целом на различные ведомства и личности. Показывается только, что трудные, но прекрасные и в принципе решаемые задачи, из-за отсутствия знания дела, а также — из-за несерьезного подхода и заносчивой необучаемости определенных людей, в кратчайший срок превращаются в неразрешимые проблемы, сильно мешающие нам и военному руководству. Если дальнейший ход войны и ее победоносное окончание принесут нам эти территории для обслуживания, потребуются основательный пересмотр нашей политики по отношению к населению и такая же основательная перестройка организации высших органов управления и всего хозяйства, чтобы здесь не возникли тяжелейшие последствия для Германии.

Подпись: Фрауенфельд (гаулейтер А.Э. Фрауенфельд)»¹⁵

Под впечатлением памятной записки Фрауенфельда Йозеф Геббельс записывает: «Фрауенфельд направил мне памятную записку о германской политике на Украине. Эта записка действительно ужасна.

В ней перечислено так много прегрешений, ответственность за которые лежит на режиме Коха, что волосы встают дыбом. Кох ведет дело на Украине, исходя из чисто теоретических представлений. Одно мероприятие противоречит другому, и Розенберг не смог ничего противопоставить этому дилетантизму, хотя он иногда произносит правильные слова»¹⁶.

Для практического осуществления предложений Фрауенфельда уже не было времени. Крым надо было покинуть. Фрауенфельд возвратился в Берлин и стал там служить в ведомстве пропаганды генерала фон Веделя при высшем командовании вермахта. В этом качестве он совершил многочисленные инспекционные поездки в отделы пропаганды на различных участках фронта. В начале 1945 года высокопоставленный сотрудник партийной канцелярии прибыл к Фрауенфельду в Вену и сообщил ему, что его памятная записка вызвала большой фурор. Затем добавил: *«Я здесь по поручению партийной канцелярии и должен сообщить Вам, что в будущем занятые восточные территории должны управляться Вами, по Вашим идеям и подобранными Вами людьми»*¹⁷.

Фрауенфельд не знал, что ответить. «Занятых восточных территорий» давно больше не было. Русские в это время находились уже в Будапеште. Как и на большинстве реформаторских предложений недогматичного юного национал-социалиста здесь тоже стоял штамп «Слишком поздно!».

Йозеф Геббельс в эти дни ввел термин «железный занавес», за которым уже давно якобы началась «массовая бойня народов», как он писал в еженедельной газете «Дас Рейх»¹⁸.

Эрих Кох в эти дни предпочел покинуть объявленную им крепостью столицу своего гау — Кёнигсберг, переправив в надежное место свою семью и немалое имущество. «Социалист» Кох назвал своими три роскошных поместья, Грос-Фридрихберг, Хоэндорф и Бухенхоф. Лишь когда опасность перестала угрожать городу, он вернулся туда и сместил ответственных — генерала Лаша и крайзлейтера НСДАП Вайднера, которые, в отличие от Коха, оставались во фронтовом городе и организовали оборону. После начала нового наступления советских войск Кох снова улетел, на этот раз — прямо в Берлин, чтобы представить Адольфу Гитлеру полностью искаженное донесение о боях в Кёнигсберге. Как раз в это время было поймано радиосообщение генерала Лаша, в котором содержалось предложение советскому командованию о сдаче города без боя, это облегчило задачу Коха — убедить своего фюрера в «предательстве» Лаша. Лаша заочно

приговорили к смертной казни через повешение, а его семью взяли под домашний арест. В сообщении партийной канцелярии говорилось, что гаулейтер Кох в связи с неотложной служебной необходимостью «выезжал из Кёнигсберга» и был ошеломлен и горько разочарован трусливой капитуляцией генерала Лаша. Мрачный комментарий д-ра Геббельса: *«Так закончилась героическая борьба германского города — в грязи и низости партийных интриг»*¹⁹.

После окончания войны Альфреда Фрауенфельда пропустили сквозь принятую тогда «программу» для бывших высокопоставленных членов партии. Сначала — американская тюрьма и интернирование в различных лагерях. В качестве свидетеля на Нюрнбергском процессе Фрауенфельд встречался с д-ром Робертом Кемпнером, заместителем обвинителя от США. На последнего произвела сильное впечатление памятная записка Фрауенфельда, написанная в 1942 году: *«Я нигде еще не читал о том, чтобы кто-то осмелился вести с Гитлером подобные речи»*²⁰. И далее: *«Если кто-нибудь в ходе процесса говорил, что Гитлеру нельзя было противоречить, то г-н Кемпнер лишь просил своего помощника дать ему памятную записку Фрауенфельда об управлении оккупированными восточными областями и читал нам оттуда целые страницы»*²¹.

В январе 1947 года в Вене Фрауенфельда заочно приговорили к 15 годам тюрьмы, затем в Германии ему уменьшили срок как «менее виновному». В 1948 году бывший генеральный комиссар Крыма вышел на свободу, он переехал в Гамбург, стал руководителем строительной компании и засел за воспоминания. 10 мая 1977 года Альфред Э. Фрауенфельд умер.

«Он не видит фактов»

Отто Абетц и немецкое посольство
в Париже, 1940–1944 годы

С начала Франция ожидала от национал-социализма насилия, затем — большого обновления, так пишет Пьер Дрие ла Рошель в своей книге «Фашистский итог», вышедшей в июле 1944 года, Посол Германии Отто Абетц хотел стать движущей силой такого обновления Франции. Он помнил слова француза Ромена Роллана: *«Германия и Франция — два крыла Запада, если одно подбито, это мешает второму»*. Есть определенная трагичность в том, что Абетц стал послом именно в оккупированной Франции. На примере его жизни можно видеть всю сложность французского сотрудничества с Германским рейхом, рассматриваемого с различных точек зрения, что до сих пор еще не делалось.

Отто Абетц родился 26 марта 1903 года в Шветцингене, Баден. Его отец, казначей баденского маркграфа, жил во дворце. Здесь Отто получил свои первые жизненные впечатления. Когда ему шел шестой год, отца перевели управляющим государственным наделом в столицу Бадена Карлсруэ. Там не было недостатка в элементах французской культуры и истории. Близостью города к линии фронта в первой опустошительной военной схватке 1914–1918 годов этих двух крупнейших европейских братских народов объяснялись частые воздушные налеты. Во время одного налета пять бомб попало в дом родителей Отто. Немного позднее при другом налете, в день памяти умерших, в 1916 году в Карлсруэ погибли более пятидесяти детей — это глубоко потрясло маленького Отто. А в день страстной пятницы 1918 года снаряд немецкой дальнобойной пушки попал в парижскую церковь Сен-Жервэ, где проходил детский музыкальный праздник. Тогда был ранен писатель Жак Бенуа-Мешен. Однако

оба они, Отто Абетц и французский писатель, после 1940 года стали энергичными защитниками германо-французского взаимопонимания.

Как и многие его сверстники, Отто был членом группы «Перелетные птицы», где получил впечатления, определившие его путь в жизни. После недолгого заигрывания с революционными идеями в 1918 году и недолгого увлечения индийским апостолом «ненасилия» Махатмой Ганди, он несколько раз путешествовал по Швейцарии и Греции. Со своей мандолиной он проехал по Италии. После возвращения домой поступил в Баденскую школу искусств и там впервые близко познакомился с культурой Франции. В своих воспоминаниях он пишет об этом: *«Я узнал, что величайшая немецкая скульптура, всадник в бамбергском соборе, является подобием скульптуры короля в Реймском кафедральном соборе и что граждане, взорвавшие эти огромные соборы, еще будут вести диалог сердец»*¹. Юный Абетц теперь глубоко изучал французскую литературу и историю соседней страны. Так Франция стала близкой ему.

После сдачи государственного экзамена на получение квалификации учителя искусств в Баденской школе искусств Абетц с осени 1927 года работал учителем рисования сначала во Фрайбурге, затем — в гимназии Карлсруэ. Тогда же его избрали председателем «Молодежного союза рабочего общества Карлсруэ», куда входили группы, представляющие различные политические направления. Здесь, в более или менее «мирном сосуществовании» действовали коммунистические, национал-социалистические и еврейские молодежные группы. И все же Абетц инстинктивно чувствовал и понимал также важность обмена мнениями с юным поколением Франции. По его приглашению летом 1930 года около ста представителей молодежных и студенческих организаций собрались на большую молодежную встречу на горе Зольберг, высоко поднимающейся над Рейнской равниной. Там также присутствовали группы различных политических направлений, юные фашисты вместе обедали с юными французскими сторонниками Москвы. Результат, к которому стремился Абетц на этой встрече, был достигнут. В выс-

туплениях и дискуссиях, многочисленных личных контактах молодежь сближалась не только политически, но и чисто по-человечески. Абетц писал по этому поводу: «*Некоторые черноокие Ивонны из Прованса и белокурые Иветты из Парижа на уединенных дорожках Шварцвальда заводили дружбу с Гансом или Фритцем, и наоборот*»².

Встреча имела большой успех, что отразила пресса обеих стран. Следующая подобная встреча прошла в августе 1931 года в Ретеле, Арденны. Третья встреча, в Майнце, определенно была посвящена произошедшим внутривнутриполитическим изменениям и перемещению власти, в первую очередь в Германии. На удивление быстро в Майнце экстремисты обеих стран образовали подобие «интернационала» против собственных внутренних врагов. Абетц пишет: «*Тот, кто еще недавно говорил о „боше“ и о „негритянской Франции“, вдруг начал восторгаться „националистами“ родины, „патриотичными немцами“ и „патриотичными французами“*»³.

Летом 1932 года связи Абетца с соседним французским народом стали еще прочнее: он женился на француженке Сюзанне де Брюйкер, с которой познакомился на молодежной встрече в Ретелере. Тем временем в Германии неудержимо шел к власти национал-социализм. Однажды, когда Абетц возвратился из одной поездки, над замком в Карлсруэ уже развевался флаг со свастикой; национал-социалисты пришли к власти в рейхе. «Зольберг-работа» первое время еще продолжалась без помех, хотя приходилось преодолевать некоторые бюрократические препятствия. Но руководство молодежным движением рейха начало с того, что создало собственное ведомство по делам границ и иностранным делам во главе с Карлом Набельсбергом⁴. Руководящие работники «Зольберг-кругов» тем временем вступили в партию и предложили Абетцу возглавить новый отдел Франции в руководстве молодежным движением рейха. Но сначала еще раз провели в Берлине немецко-французскую встречу под «крышей» «Зольберг-кругов», в которой участвовали наряду с ведущими представителями Гитлерюгенда также и французы левых взглядов. Основной доклад сделал политический эссеист Пьер Дрие ла Рошель. Инте-

ресно, что во французской части аудитории было много евреев. Абетц вспоминает:

«Руководители национал-социалистической молодежи и студентов шли на дружеские отношения с ними не только во время официальной части программы встречи, но и свободное время посвящали им, приглашая на прогулки по городу, совместные обеды и к себе домой. Возжи Гитлерюгенда, с которыми я познакомился во время берлинской дискуссии, в целом произвели на меня благоприятное впечатление. Они были эмоциональны, хотя все — фанатичные последователи и поклонники Адольфа Гитлера, но казались во многих вопросах не такими твердолобыми, как многие партайгеноссе старшего поколения»⁵.

После некоторых раздумий Абетц все же согласился возглавить отдел Франции. Но поставил условие — исполнять только общественные обязанности, не обязывающие служить в Гитлерюгенде, и настоял на организационной самостоятельности «Зольберг-кругов» на что получил согласие. Теперь увеличилось число взаимных визитов и личных контактов французской и немецкой молодежи.

Абетц постоянно расширял сферу своей деятельности и вскоре попытался также примирить союзы фронтовиков обеих стран. Министерству иностранных дел и «ведомству Риббентропа» такая затея стала бельмом в глазу, потому что Абетц вторгся «на территорию» иностранных дел. Иоахим фон Риббентроп, вступивший в партию лишь в 1932 году, но в доме которого в районе Берлин-Далем прошли решающие переговоры о передаче власти Гитлеру, создал в своем ведомстве подобие конкурирующей организации по отношению к классической дипломатии старой школы, которая часто оказывалась неповоротливой и негибкой. Его рабочий штаб работал с минимумом бюрократии и признавал только одно: самостоятельную инициативу и успех. Абетц называл его смесью из «дипломатической учебной мастерской и внешнеполитическим «мозговым трестом»».

Гитлер ценил такой стиль работы. Когда один лондонский журналист сказал ему, что старые чиновники на Даунинг-стрит и также на набережной Орсэ предпочитают объявленную по всем правилам дипломатии войну миру, ус-

тановленному без дипломатии прямым взаимопониманием народов, Гитлер указал большим пальцем через свое плечо в направлении Министерства иностранных дел и сказал: «Они именно там и находятся!» Бюро Риббентропа не было единственной организацией, конкурирующей с Министерством иностранных дел Внешнеполитическая служба НСДАП Альфреда Розенберга также притязала на монополию в нацистской внешней политике⁶.

Итак, Риббентроп прочитал доклад Абетца о том, что три с половиной миллиона французских фронтовиков высказали готовность протянуть руку своим немецким товарищам. После этого Риббентроп неожиданно сказал Абетцу: «Я назначаю Вас своим референтом по Франции». Теперь Абетц, продолжая принадлежать к руководству молодежным движением рейха, одновременно стал заниматься обработкой французских вопросов для Риббентропа. И Абетц работал не жалея сил на благо лучшего взаимопонимания двух народов, продолжая делать это и тогда, когда Риббентроп стал германским послом в Лондоне, а позднее — имперским министром иностранных дел. Но «на полях» стоит, впрочем, отметить, что Риббентроп только в 1937 году уяснил, что его референт по Франции не является членом партии; после этого вступление в партию для Абетца стало неизбежным.

Уже 2 ноября 1934 года первая делегация французских фронтовиков прибыла в Берлин и была принята Гитлером. Абетц сопровождал делегацию в качестве переводчика и тогда лично познакомился с Гитлером. Первое впечатление от Гитлера было, скорее, негативным, он чисто физически отталкивал. Однако: *«Но что меня особенно захватило, это глаза Гитлера. Глаза необычной внушающей синевы, из которой сверкали кристаллы снежного, холодного огня»*⁷. Произвела впечатление на Абетца и двуличность Гитлера — своеобразная смесь напряженной твердости и богемы. Абетц описывает встречу с Гитлером на одном из многочисленных приемов у Риббентропа во время Берлинской Олимпиады 1936 года, когда одетый в партийную униформу — белый китель и черные брюки — Гитлер вошел в ярко освещенный салон:

«В этот вечер он был совсем австрийцем. Небрежно разва-

лившись в плетеном кресле, следил за игрой одного из лучших квартетов рейха, музыка сливалась с журчанием фонтанов в саду. Или он вступал в непринужденный разговор с окружающими его другими приглашенными. И все же в эту минуту он казался мне чужим, гостем из далекого, населенного нерадостными духами мира, принесенным в этот летний вечер в прусский сад на волшебном ковре из „Тысячи и одной ночи“»⁸.

В 1937 году началась регулярная травля «франкофила» Абетца, инициированная СС и руководством студенческого движения рейха. Приводной силой этой концентрированной акции стал унтерштурмфюрер СС д-р юстиции Лотар Кюне, с марта 1937 года работавший в отделе по связи с партией ведомства Риббентропа, а раньше входивший в руководство студенческого движения рейха⁹. Свои инструкции Кюне получал непосредственно от Рейнхарда Гейдриха, в соответствии с ними он должен был «просветить насквозь» весь персонал ведомства. Его доклад в СД «вскрыл» некоторых сотрудников как помесь второй степени или «породненных с не арийцами», большое число не членов партии и констатировал проникновение «федеральных» и «пробольшевистских» идей.

Чтобы организовать «дело» против Абетца, Кюне испробовал все средства. Его главными помощниками стали студенческие функционеры Райхе и Зонненхоль, а также руководитель иностранного отдела Хагерт¹⁰. Двойную роль сыграл также французский граф Клеман Серпейль де Гобино, внук известного теоретика расизма — он председательствовал в совете «Комитета Франция—Германия», постоянно создававший трудности Абетцу. Ролан Рэй пишет в своей книге об Отто Абетце:

«Господа, на свидетельство которых ссылается Кюне, распространяли только что написанные кляузы — Абетц юдофил, леворадикальный южно-германский сепаратист и, кроме того, „полуфранцуз“. Его мать — родом из Оверни, его жена была секретарем у Даладьё, его французский тесть издает социалистические газеты... Абетц „пропитан духом федерализма“, источником которого является, помимо прочего, бывший фрайшарфюрер Кюглер, содействовавший приему Абетца в ведом-

ство Риббентропа и с которым, а также и с другими „федералистами“ у Абетца существует „интимная дружба“ . Его поведение, резюмирует Кюне, граничит с „государственной изменой“, и его следует „при любых обстоятельствах снять со своего поста“»¹¹.

Абетц всеми средствами защищался от этих наскоков, называл своих противников «балканскими типами», «грязными интриганями», «озорниками», которым он охотно «дал бы по роже слева и справа». Из-за подобных вспышек его много раз вызывали на дуэль и месяцами разбирали его дело в суде СС. Чтобы не считаться «юдофилом», Абетц иногда даже позволял себе антисемитские нотки, которых раньше у него не было. Среди противников Абетца были высокопоставленные партайгеноссе, вышедшие преимущественно из Национал-социалистического студенческого союза. Среди них – юрист Ганс Глауниг, в 1927 году заместитель основателя союза Темпеля, теперь – личный референт имперского министра образования Руста; Герхард Крюгер, историк и руководитель научного отдела партийной контрольной комиссии по защите национал-социалистических писателей; и среди них снова мы встречаем имя Вальтера Лиенау, который перебрался уже в Главное управление расы и поселений СС.

Уверенный в себе, Абетц сам возбудил дисциплинарный процесс против себя, «чтобы привлечь к ответу инициаторов и распространителей этой лжи»¹². Сначала его отправили в отпуск, но это не помешало ему сопровождать на Парижскую всемирную выставку делегацию из 42 руководителей молодежного движения рейха и окружных отделений Гитлерюгенда. Руководителем этой делегации был Хартман Лаутербахер, тогда – начальник штаба Гитлерюгенда и заместитель Бальдура фон Шираха. Как будто символически, их принимали в ратуше Версаля и в большом французском объединении фронтовиков, вместе с которыми они посетили поля сражений под Верденом.

В судебном процессе против Абетца он, в конце концов, сумел доказать несправедливость выдвинутых против него обвинений¹³. Суд решил, что Абетц отлично выполняет работу референта по Франции в ведомстве Риббентропа и

«приносит большую пользу Германскому рейху»¹⁴. Судьи все же указали ему на некоторую словесную несдержанность, которая «хотя и оправдана внутренне, но по форме выражения ошибочна». Лотар Кюне еще легко отделался — суд обвинил его всего лишь в «юношеском чрезмерном усердии». Интриги студенческого руководства открыто названы судом «маневрами конкуренции». Решением Генриха Гиммлера от 7 марта 1938 дело против Отто Абетца прекращено «из-за доказанной невиновности»¹⁵. И в очередной раз неприязненный Удо фон Войрш, теперь в роли арбитра большого арбитража при рейхсфюрере СС, не хотел закрывать «дело Абетца». Больше всего рассердило Войрша, что Абетц уже в СС сделал быструю карьеру и в течение одного года получил четыре повышения по службе, впрочем, более или менее, символических, что действующими правилами формально не разрешалось¹⁶. Это стало возможным благодаря близости Абетца к нынешнему имперскому министру иностранных дел Риббентропу. Однако став послом в Париже, Абетц еще почувствует враждебность своих прежних противников.

Абетц спокойно продолжал свою работу по налаживанию взаимопонимания. В декабре 1938 года он даже участвовал как официальный член германской делегации в подписании парижского договора о дружбе. В июле 1939 года его открытое выступление в поддержку мирного урегулирования германо-польского конфликта из-за коридора вызвало запрет французского правительства на его пребывание во Франции. Это решение сопровождалось резкой кампанией в печати против Абетца, его называли руководителем «пятой колонны» во Франции, обвиняли в подкупе некоторых французских газет и создании разветвленной шпионской сети. Эти обвинения, по большей части, не соответствовали действительности. Война надвигалась и поджигатели войны хотели заполучить Абетца на свою сторону.

Во время польской кампании Отто Абетц находился в Ставке фюрера в составе группы рейхсминистерства иностранных дел. Когда Абетц хотел перед врагами оправдать свою репутацию и попросил об освобождении с необязательной

должности, Риббентроп отклонил просьбу. Вместо этого он поручил Абетцу пост своего заместителя и председателя «комитета по Франции», предназначенного для координации гражданской и военной пропаганды во Франции. В тот период Абетц написал работу «Попытка наладить взаимопонимание между народами». Основным тезисом в ней стало: предшествующая войне работа по укреплению мира, несмотря ни на что, не была напрасной, потому что война между двумя странами станет «войной без ненависти».

Незадолго до капитуляции Франции Абетца назначили посланником и приказали ему со своим небольшим рабочим штабом занять здание германского посольства в Париже, чтобы — еще до назначения «военного командующего во Франции» — представлять Министерство иностранных дел при «военном командующем в Париже». Его сотрудники были глубокими знатоками Франции и убежденными сторонниками политики взаимопонимания. В частности, «Германо-французское общество» представляли юрист профессор Фридрих Гримм и Рудольф Шлейер. Вопросами прессы и культуры ведали много лет работавший в Париже корреспондентом газеты «Франкфуртер цайтунг» Фридрих Зибург и бывший руководитель «Германской академической службы обмена» во Франции д-р Карл Эптинг, а также его заместитель, молодой национал-социалист и писатель, Карл Хайнц Бремер¹⁷. Последний в 1942 году погиб на Восточном фронте. Для ведения дипломатических дел в распоряжение Абетца от Министерства иностранных дел дали советника-посланника д-ра Эрнста Ахенбаха. Позднее Ахенбах также принял на себя руководство политическим отделом посольства и вообще большую часть работы учреждения¹⁸. Все вместе сотрудники были выдающимися знатоками Франции, считались либералами и склонялись, скорее, к «социалистическим» тенденциям в сотрудничестве.

В тот момент, когда прозвучал старинный военный сигнал «прекратить огонь!», на всех участках фронта во Франции наступило перемирие. В одном воззвании Гитлера к немецкому народу говорилось: «*Твои солдаты всего за шесть недель героической борьбы на Западном фронте победили хр*

рого противника. Их подвиги войдут в историю как самая славная победа всех времен. Мы покорно благодарим Господа Бога за его благословение». Чтобы без необходимости не унижать храбро сражавшегося побежденного противника, Гитлер отказался от большого парада победы в Париже. Он не хотел прийти в город завоевателем, а только частным лицом—любителем искусства¹⁹. Как вспоминает скульптор Арно Брекер, в ночь на 25 июня 1940 года, когда вступало в силу соглашение о перемирии, Гитлер сидел один, сжавшись в кресло и опустив голову. Очевидно, он был глубоко взволнован. «Это была большая ответственность», — тихо сказал он и вышел²⁰.

В начале августа Абетц получил ранг посла, а его учреждение — официальное наименование: «Германское посольство в Париже». Согласно указанию фюрера, «посол Абетц отвечает за всю политическую работу на оккупированных и неоккупированных территориях». Очевидно, назначением юного Абетца Гитлер преследовал цель установить взаимопонимание с Францией, в которое он не слишком верил, но тем не менее считал желательным. Абетц сразу же стал налаживать контакты с видными деятелями Франции, по крайней мере, с теми, кто выражал готовность сотрудничать с Германским рейхом. Одним из этих людей был будущий премьер-министр Пьер Лаваль, известный всей Европе своим легендарным белым галстуком²¹. Лаваль, всегда умевший ловко уживаться со всеми сторонами, тем не менее имел достаточно мужества во время одной встречи сказать Гитлеру: «Вы хотите выиграть войну, чтобы создать Европу — но Вы должны создать Европу, чтобы выиграть войну». Горькая справедливость этих слов уже скоро подтвердилась.

Через несколько недель после наступления перемирия в штаб Абетца прибыл также Рудольф Ран, который позднее станет послом в Италии, и скоро стал играть здесь ключевую роль. В своих воспоминаниях он рассказывает о первом разговоре с Абетцем: «Абетц с непринужденной открытостью высказывал свои взгляды, в высшей степени мятежные по берлинским понятиям: со времен Дюнкерка он больше не верит в быструю и тотальную победу Германии. Время рабо-

тает против нас... к тому же Гитлер с трагически односторонним фанатизмом объявил о борьбе почти против всех держав мира, обладающих духовным и материальным потенциалом, одновременно. Сегодня Германия стоит перед более или менее сплоченным фронтом католицизма, протестантизма, семитизма, масонства, крупного капитала, демократии и коммунизма. По его мнению, единственным шансом на прорыв этого фронта является установление подлинного и радикального взаимопонимания с Францией»²².

Сам Абетц еще более четко сформулировал свою позицию в разговоре с Лавалем 23 июля 1940 года, что зафиксировано в протоколе французского ведомства. *«Часть германского народа, — пояснил Абетц, — верит, что Гитлер — абсолютно безошибочен, другая часть думает, что иногда он может ошибаться. Т. к. до сих пор события всегда подтверждали правоту Гитлера, число критически настроенных постоянно уменьшается, во всяком случае, пока никто из них не перешел в оппозицию»²³.*

Гитлер продолжал поддерживать «проблему Франции» в состоянии неопределенности, для него она всегда оставалась лишь чем-то вроде «арены рядом с войной». Тем не менее 24 октября 1940 года в Монтуаре состоялась встреча престарелого руководителя французского государства маршала Петена и фюрера Германского рейха²⁴. В почетном карауле выстроился батальон вермахта, и Гитлер заметно волновался, встретившись с героем Вердена. Переговоры, на которых присутствовали также Риббентроп и Лаваль, длились много часов. Гитлер не требовал, как часто думают, вступления Франции в войну против Англии, он лишь хотел участия Франции в европейской коалиции против Англии и, в рамках этой коалиции, — проявления ее военной активности в Африке.

Особым жестом Германии в сторону побежденной страны стала передача останков сына Наполеона, «Герцога имперского города», из склепа капуцинов в Вене — в Париж. Приказ на эту операцию Гитлер отдал еще в июне 1940 года, когда он, глубоко взволнованный, стоя перед могилой великого корсиканца, сказал, что сын должен покоиться ря-

дом с отцом. 15 декабря это произошло: бронзовый гроб поздним вечером торжественно пронесли сквозь караул вермахта, выстроенный на вокзале Аустерлиц и при свете факелов на лафете доставили в Дом инвалидов. Там представители германского посольства передали Франции печальные останки «короля Рима». Скульптор Арно Брекер, присутствовавший на церемонии, вспоминает: *«Акту, задуманному как жест примирения, не хватало последнего великодушия: трехцветного флага; его пока не разрешили вывесить в оккупированной столице. Но в целом событие не вызвало сколько-нибудь заметного позитивного отклика во французском народе в тогдашних условиях»*²⁵.

Впрочем, делегация японских офицеров, находившаяся в это время во Франции, была тронута. Руководитель делегации сказал на обеде в германском посольстве: *«Вы этим актом одержали самую большую победу, какой может добиться победитель, — победу над собой, над своей ненавистью к поверженному врагу. Этот жест найдет в японском народе могучий отклик и высшее почитание»*²⁶.

Чтобы ускорить выполнение планов установления «нового порядка» в Европе, Абетц в Париже часто встречался с шефом бельгийских рексистов Леоном Дегреллем, с которым подружился еще в 1936 году в Берлине. Абетц поддерживал желание Дегрелля о создании «Великой Бургундии», призванной по замыслу, наряду с обновленной Францией, стать одной из опор новой Европы. Дегрелль пишет: *«Франкофила Отто Абетца вдохновляли эти многократно обсуждаемые нами планы. „Теперь я буду придавать законченность всем действиям“, — говорил он, не раскрывая до поры детали. Я еще раз предупредил его об офицерах германской военной администрации, повешенных как елочные украшения: „От этих реакционных бюрократов нечего ждать нам с нашими революционными идеями о новой Европе. Решение должно быть принято только Гитлером“»*²⁷.

Абетц был человеком, сумевшим организовать встречу между Дегреллем и председателем распушенной Социалистической рабочей партии Бельгии Анри де Маном. Оба признали тогда, что уже много лет думают одинаково и хотят

одного и того же. В этот вечер Анри де Ман со своими социалистами и Дегрелль с юными штурмовыми отрядами рексистов образовали союз. «Свидетелем обручения» нового объединения стал Отто Абетц.

Герхард Хеллер, бывший сотрудник «пропагандистской команды» в оккупированном Париже и причастный в этом качестве к литературе, близкий друг Эрнста Юнгера, служившего в штабе германского военного командующего во Франции, дает образный портрет Абетца того времени:

«Всякий раз, когда я встречался с Абетцем, то отмечал его способность быть понимающим собеседником. Впоследствии он даже предоставил мне свободу действий в моих отношениях с французскими интеллектуалами. Иногда я встречал его в посольстве... обычно он... проходил из квартиры в рабочий кабинет, чтобы просмотреть последние телеграммы или поступившие документы. В таких случаях я мог его приветствовать и рассказать о той или иной проблеме, и, если речь шла о Бутелльо (сын Шардонна), Фабр-Люке или Максе Жакобе, он всегда обещал мне свою поддержку: „Постарайтесь сделать как можно лучше, я Вас прикрою“. По отношению ко мне... он всегда был открыт и готов понять и поддержать мои просьбы в пользу французов.

Он не был настроен антисемитски и не верил в превосходство германской расы. Но его власть была ограничена, особенно после его возвращения в 1943 году. „На этот раз мне кажется, — говорил он, — что Париж надо завоевывать второй раз: повсюду в мои дела вмешиваются специальные представители партии или СД, которые абсолютно не думают о сотрудничестве с Францией, они лишь хотят высосать из страны последнюю каплю крови“. К сожалению, он не нашел в себе мужества уйти в отставку, когда указания его руководства вступили в принципиальное противоречие с его глубочайшими убеждениями. Он когда-то впрягся в зубчатый механизм военной машины, любил власть и верил, что сможет предотвратить худшее, если только будет стойко стоять на своем посту»²⁸.

Даже во время немецкой оккупации культурная и научная жизнь в Париже шла почти как в мирное время. В разгар войны французские художники имели возможность пу-

тешествовать за границей²⁹. Цензура была довольно либеральной. Произведения Поля Клоделя или Жана-Поля Сартра не запрещались, а даже исполнялись на сцене. Несмотря на острую нехватку бумаги, французские издательства получали значительные ее количества и в 1943 году Франция даже вышла на первое место в мире по объему печатной продукции. Но, несмотря на это, Абетц установил список книг, запрещенных к продаже и печати, — так называемый «список Отто». И конечно, можно упрекнуть Абетца за участие в ограблении французских музеев, происходившем вскоре после начала оккупации, при котором тысячи произведений искусства были «выставлены» в замке Шамбор на Луаре, чтобы затем переправить их в рейх. Экспедиции подобного рода остановил только приказ фюрера.

Хотя германские оккупационные власти по отношению к французскому народу в большинстве случаев вели себя по-рыцарски, такое положение длилось недолго, — до тех пор, пока не начались первые покушения на немецких офицеров и солдат. Уже в ноябре 1940 года на Елисейских полях прошли первые антигерманские студенческие выступления. После этого Ставка фюрера приказала в случае, если покушавшиеся не пойманы, расстреливать за каждое покушение сначала от двадцати до пятидесяти, а затем — сто заложников. Такая ситуация поставила посольство перед одной из труднейших политических задач. Абетц писал:

«Эта мера, спорная с точки зрения международного права, применяется, когда этого требуют обстоятельства, всеми без исключения армиями; нельзя оставлять безнаказанным трусливое убийство в спину военнослужащего гражданскими лицами. Однако арест и расстрел заложников, если вообще возможен, допустим лишь тогда, когда эта устрашающая мера уменьшает опасность новых покушений на военнослужащих. Но что, если инициаторы покушения именно на это и рассчитывают — вызвать массовые расстрелы заложников, потому что, по их мнению, между населением и оккупационными властями установилось согласие, а они хотят расстрелом заложников вызвать — как ответную меру — еще более сильную волну покушений?»³⁰

Это в самом деле стало проблемой, перед которой стоял Абетц, а фактически он лишь в редчайших случаях мог помешать расстрелам. Потом Риббентроп лично запретил ему вмешиваться в подобные вопросы. Даже в Ставке фюрера говорили об Отто Абетце в этой связи. Намекая на правительственный кризис в Виши, Гитлер сказал 27 февраля: «*В Париже мы получили второе правительство. По-моему, Абетц сильнее чем нужно настроен на сотрудничество. Точно я не могу сказать ему о моих планах, потому что у него есть жена. Я знаю людей, говорящих во сне; и я не знаю, говорит ли во сне Абетц! Но: он тщательно создает в Париже оппозицию, и тогда жена пригодится ему*»³¹.

Незадолго до Рождества 1942 года Абетца вызвали в Ставку фюрера для участия в переговорах с Лавалем и итальянским министром иностранных дел графом Чиано. После окончания переговоров имперский министр иностранных дел сообщил ему, что он сейчас не возвращается на свой парижский пост. Истинную причину этого ему никогда не называли, можно только предположить, что как его «либеральный» курс, так и его оппозиция мерам Заукеля по насильственному взысканию налогов с французских рабочих вызвали неудовольствие Гитлера. В некоторых партийных и государственных кругах Абетца просто считали отъявленным «франкофилом». Свои отличающиеся от общепринятых взгляды на политику Германии по отношению к Франции он не утаивал и в разговорах с Гитлером. «Что это Вам взбрело на ум, — упрекнул его однажды Риббентроп после доклада Гитлеру, — так нельзя говорить с главой государства». Официально было сообщено, что отсутствие Абетца в Париже связано с его отпуском для поправки здоровья. Теперь у него был досуг для работы над меморандумом о «Германо-французских отношениях со времени начала перемирия и их влиянии на развитие военной ситуации в Средиземноморском бассейне и Северной Африке». Это была фактически не меньше чем «жалоба» на французскую политику правительства рейха и, особенно, на ее упущения.

В середине ноября 1943 года Абетц неожиданно узнал от Риббентропа, что Гитлер хочет поручить ему новую миссию

в Париже, для чего он должен срочно явиться в Ставку фюрера. Во время беседы Гитлер призывал Абетца проявить больше «твердости» и предупреждал об опасности «политики чувств»: *«В политике всегда опасно следовать своим чувствам. Даже я по отношению к Италии позволил себе поддаться чувствам, и это привело к большой ошибке»*³².

Милость, внезапно вновь оказанная Абетцу, имела, вероятно, причину, прежде всего, в правительственном кризисе режима Виши. Между маршалом Петеном, Лавалем и адмиралом Дарланом возникли серьезные противоречия. Целью Риббентропа стало «наведение порядка»: 1) воспрепятствовать проведению заседания французского Национального собрания; 2) укрепление позиции Лавалю; 3) смещение всех членов правительства и высокопоставленных чиновников, не выказывающих, в достаточной степени, готовности к совместной работе с Германией; 4) претворение в жизнь интересов рейха с целью побуждения правительства Виши в будущем подготовить проекты изменения законов, удовлетворяющие Германию. Само собой разумеется, Абетц стремился добиться полюбовного улаживания конфликта. После нескольких встреч с Петеном поначалу казалось, что правительственный кризис улажен. Более радикальные элементы успокоились, когда государственный секретариат по информации и пропаганде передали Филиппу Анрию, известному еще перед войной своим ораторским мастерством³³. В Министерстве внутренних дел создали генеральный секретариат по «поддержанию общественного спокойствия и порядка», который доверили шефу «французской милиции» Жозефу Дарнану.

Второе задание Риббентропа требовало от Абетца еще больше поломать голову. Нужно было в соответствии с «черным списком» арестовать 2000 французов, представлявших огромную опасность для германских оккупационных властей в случае ожидаемого со дня на день англо-американского вторжения. По взаимному согласию с командующим германской полиции безопасности во Франции этот список Абетц постепенно сократил с 2000 до 6 человек. Но из этих шести арестовали лишь двоих, фактически участвовавших

в операциях сопротивления. Когда в мае 1944 года Риббентроп узнал, что Абетц практически не выполнил его приказ о превентивных арестах, то распорядился начать против него дисциплинарный процесс. Абетц также сопротивлялся массовой отправке французских рабочих в рейх, проводимой Фритцем Заукелем, генеральным уполномоченным по привлечению рабочей силы, путем противопоставления одного другому различных «приказов фюрера».

Вторжение 6 июня 1944 года заслонило собой все остальное. Теперь речь шла лишь о физическом выживании. В разгар общего замешательства последовал путч 20 июля 1944 года. Абетц услышал о нем только из передачи германского радио. От одного служащего посольства он узнал об аресте высшего руководителя СС и полиции во Франции обергруппенфюрера СС Оберга и командующего полицией безопасности и СД штандартенфюрера СС д-ра Кнохена. Аресты проводились командиром парижского караульного полка, кавалером Ордена крови генералом Бремером. Но аресты продолжались лишь несколько часов, а затем были прекращены. Как объяснил рассерженным командирам СС генерал фон Штюльпнагель, произошла ошибка. Эрнст Юнгер в своем «втором парижском дневнике» приводит высказывание Штюльпнагеля о том, что «удавы посажены в мешок и снова выпущены»³⁴.

В те часы, пока Оберг и Кнохен сидели под арестом, во дворе военного училища уже соорудили стену из мешков с песком, у которой должен был на следующее утро состояться расстрел командиров СС после военно-полевого суда. Абетц пишет об этом:

«Д-р Кнохен после своего освобождения из-под ареста сразу же протянул в знак примирения руку полковнику фон Линстову, бывшему немного не в себе из-за неудачи заговора в Берлине... Оберг старался держаться подальше от генерала Штюльпнагеля, которому особая комиссия в Берлине поручила расследование во Франции случая „20 июля“... Эта позиция выражала состояние определенного гражданского мира, образовавшегося за годы оккупации между руководителями ведущих германских ведомств в Париже и удивляла несоответ-

ствием склонности немцев к братской ссоре и спорам по поводу компетентности. Руководители немецких ведомств и штабов редко спорили между собой; но они часто образовывали общий фронт против своих центров в Берлине»³⁵.

В своей достаточно положительной оценке Оберга и Кнохена Абетц делает даже еще один шаг дальше, когда пишет, что «у д-ра Кнохена он мог найти большее понимание, чем у некоторых людей и должностных лиц, участвовавших в событиях 20 июля»³⁶. Но скоро другие проблемы и страхи вышли на первый план: со дня на день можно было ожидать врага у стен города. Германское посольство и военные единогласно отказались от выполнения различных приказов, требующих разрушения Парижа. Главная заслуга в этом принадлежит Абетцу, который в начале августа обо всем договорился с комендантом большого Парижа генералом фон Хольтитцем. 17 августа Абетц получил указание от Риббентропа вместе с персоналом посольства покинуть город и сопровождать французское правительство, переезжающее в Бельфор³⁷. Но Абетц проигнорировал этот приказ и остался еще на несколько дней в посольстве. Он хотел помочь оформить требуемые документы многочисленным французским сотрудникам немецких учреждений, желающим уехать в рейх.

Абетц еще находился в здании посольства, когда по зданию началась стрельба из окон соседних домов. Удивительно, какими спокойными оставались французские жители во время боев в центре города, где по Елисейским полям двигались немецкие танки «тигр». В ночь с 21 на 22 августа Абетц покинул Париж. Сразу же по прибытии в Бельфор его вызвали в Ставку фюрера. В Берлине прошел слух, что Абетц перебежал к врагу.

В последний час правительство рейха решилось на переезд маршала Петена и его бывших министров в рейх. Выбор пал на Сигмаринген. В этом городке конфисковали замок, в различные флигели которого поселили представителей французской правительственной комиссии. В Сигмарингене продолжились споры между различными политическими направлениями. Так, Жак Дорио, вождь «французской

народной партии», со своими сотрудниками был поселен не в Сигмарингене, а на острове Майнау. Там он развернул собственный радиопередатчик, издавал свои газеты и даже держал при себе несколько представителей Министерства иностранных дел. Его целью была замена правительственной комиссии, руководимым им «комитетом освобождения». Все это напоминало гротеск или танцы у жерла извергающегося вулкана.

В декабре 1944 года Риббентроп неожиданно снял Абетца с его поста и передал руководство «германским посольством» в Сигмарингене посланнику Райнебеку³⁸. При этом Риббентроп запретил Абетцу нахождение в Сигмарингене и любые контакты с французами. Еще раз Абетц попросил у своего начальника разрешения вступить в вермахт. Но Риббентроп снова отказал; он должен оставаться в его распоряжении для «политических поручений». При этом Риббентроп думал об использовании Абетца для установления контактов с политиками нейтральных государств в целях начала мирных переговоров. Но до этого не дошло. В обстановке всеобщего хаоса, предшествовавшей капитуляции, все это было уже неосуществимо.

Еще перед приходом союзников в Южный Баден, Абетц нашел для своей семьи укрытие на берегу Боденского озера, а сам он возвратился — под чужим именем — в Шварцвальд. Некоторое время он нанимался работать лесорубом. Дважды его арестовывали, но не установили его подлинного имени. В октябре 1945 года он попал в санаторий, где лечился от расширения сердца. Там его арестовали как «посла Абетца». Вскоре после этого Абетц — в наручниках — находился уже на пути в Париж. Его поместили в военную тюрьму «Шерш-миди», где ему решили предоставить «гостеприимство» на четыре с половиной года, как пишет Абетц в своих воспоминаниях.

В течение первых трех с половиной лет Абетц находился в полной изоляции; ему не разрешалось ни с кем говорить и даже на прогулки во двор его выводили одного. Наконец, 10 июля 1949 года начался его судебный процесс. Он проходил во Дворце правосудия. Абетц пишет: «Обвинительное заклю-

чение содержало около двухсот страниц, и быстрее можно сказать, в чем меня не обвиняли, чем перечислить пункты обвинения»³⁹. Самый главный пункт обвинения – его участие в «грабеже» Парижа. Этот, а также большинство других пунктов были легко опровергнуты защитой. Обвинение поставило также своей целью представить Абетца ярким антисемитом. Но против этого выступили многие еврейские свидетели, утверждая, что в бесчисленном множестве случаев посольство вмешивалось в пользу преследуемых евреев, а лично Абетц никогда не был антисемитом. Остался лишь отягощающий факт, что Абетц в оккупированной зоне предписал ношение евреями повязок с желтой звездой. Не удалось доказать его активного участия в программе террора СД. Также и вопрос расстрела заложников на этом трибунале не признавался исключительно делом рук Абетца.

Наоборот, достойно упоминания, что многие приглашенные свидетели обвинения в ходе процесса стали свидетелями в пользу снятия вины. Один из них сказал: «Абетц был наименее враждебным среди наших врагов»⁴⁰. Вероятно, лучшей защитой для Отто Абетца стали бы некоторые слова Адольфа Гитлера, если бы они были известны к этому времени. В своих «последних беседах» в бункере Имперской канцелярии в Берлине он говорил: *«Абетц показал себя девятикратно умным, когда стал глашатаем политики взаимопонимания и нашу политику в отношении Франции вел в этом направлении. Желая предвосхитить события, он фактически отставал от них. Он мечтал о Франции Наполеона, то есть о французской нации, понимающей и ценящей великодушное обращение с побежденным. Он не заметил фактов и не понял, что в этом столетии Франция имеет другое лицо»*⁴¹.

В своей заключительной речи Абетц перед французским трибуналом дал признание в верности Германии. Он объяснил, что всегда был лоялен правительству, которому присягал. Если он когда-то не выполнял полученных предписаний, то лишь потому, что считал таким образом целесообразнее действовать в интересах Германии. Последнее слово защитника длилось семь часов и, по мнению Абетца, явилось образцом ораторского искусства. Суд приговорил Отто

Абетца к двадцати годам принудительных работ. Парижские газеты писали, что при оглашении приговора в зале слышался смех⁴². В 1954 году его амнистировали и выпустили из заключения. Уже в 1951 году в Германии вышла его книга, освещающая два десятилетия французской политики Германии. Но ему оставались лишь немногие годы жизни на свободе. 5 мая 1958 года Абетц и его жена погибли в автомобильной катастрофе на автобане Кёльн–Дюссельдорф. Истинная причина несчастного случая осталась неясной, по одной версии – отказало рулевое управление автомобиля, полученного незадолго от одного француза. Но были также слухи о нападении по заказу сионистов.

Пьер де Пренже в своей книге «Сотрудничество. Расследование одного ошибочного удара» делает вывод:

«Франкофил до мозга костей... он был искренним архитектором политики сотрудничества. Его национал-социализм – самый поверхностный. Чего он хотел, это – примирения между Германией и Францией и прекращения периодически повторяющихся войн между ними. Пятнадцатью годами ранее он был бы великолепным представителем Штреземана или Брюнинга у Бриана. Конечно, он был верен фюреру, но ему сотрудничество нравилось больше, чем французские коллаборационисты, которые для него – возможно, без осознания им этого – были слишком национал-социалистами»⁴³.

«Странный наци»

Обер-бургомистр Штутгарта д-р Карл Штрёлин

В национал-социалистическую эру лишь немногие крупные муниципальные политики, будучи убежденными национал-социалистами, сохранили собственное политическое направление и собственные взгляды. Редкие обер-бургомистры крупных городов расценивали свою ответственность за доверенных им людей выше, чем следование партийным догмам. К таким немногим личностям можно, пожалуй, причислить обер-бургомистра Франкфурта Фридриха Кребса и его коллегу из Гамбурга правительственного бургомистра Карла Винсента Крогмана¹. Но самым примечательным из них, вероятно, был обер-бургомистр Штутгарта д-р Карл Штрёлин.

Штрёлин родился 21 октября 1890 года в Берлине, в семье вюртембергского обер-лейтенанта Карла фон Штрёлина. Эта вюртембергская семья имела среди своих членов много военных и администраторов. Мать Штрёлина была дочерью вюртембергского генерала фон Зейбольда. В 1892 году Карл фон Штрёлин переселился в Штутгарт, где его сын Карл провел детство и раннюю юность. В 1900 году семья вернулась в Берлин, где Карл поступил в прусский кадетский корпус; там он, как и многие представители его поколения, приобрел большой жизненный опыт. Эрнст фон Заломон, воспитанник подобных кадетских корпусов в Карлсруэ и Берлине-Лихтерфельде, в своей книге «Кадеты», вышедшей в 1933 году, в образной форме показал, что воспитание в прусских кадетских учебных заведениях было прививкой прусского национального духа. После недолгого обучения в Карлсруэ Карл перешел в главное кадетское учебное заведение — Грослихтерфельде в Берлине, которое он окончил и сдал экзамен на прапорщика. С 1910 года юный

Штрёлин служил фенрихом в 125-м (7-м Вюртембергском) пехотном полку «Кайзер Фридрих Прусский». За время своей службы он получал только хорошие отзывы. В 1911 году его произвели в лейтенанты.

Штрёлин с самого начала увлекся стрельбой, поэтому его послали в пехотное стрелковое училище. В судьбоносном 1914 году Карл Штрёлин, как и молодежь всей Европы, с воодушевлением пошел на войну, ставшую вскоре самой убийственной в истории. *«Встал тот, кто долго спал»* — строка из стихотворения «Война» Георга Хейма, написанного в 1911 году, звучащая предчувствием окончания долгого мирного времени, длившегося с 1871 года. Война, по словам Эрнста Юнгера, опьянила это поколение: *«От нее ожидали величия, силы, огня. Она казалась нам мужским делом, радостным стрелковым поединком на цветущем, окропленном кровью лугу»*². В бою Штрёлин потерял палец и затем месяц провел в госпитале. Скоро от его полка осталось только пять офицеров и 470 солдат.

После этого он получил легкое ранение в затылок и отправился в госпиталь теперь уже на пять месяцев. После выхода из госпиталя его назначили батальонным адъютантом учебного полигона в Деберитце и инструктором подготовки кандидатов в офицеры. В 1915 году в известном берлинском издательстве «Миттлер и сын» вышла книга Штрёлина «Способ ведения войны нашими врагами». Думающего офицера быстро произвели в обер-лейтенанты. Его полковым товарищем был Ганс Шпейдель, впоследствии — начальник штаба командующего вермахтом во Франции и позднее — генерал бундесвера и командующий сухопутными силами НАТО в Центральной Европе³. В 1916 году Штрёлин снова вернулся на фронт, в 1-ю пулеметную роту запаса XIII армейского корпуса. Там он отвечал за обучение вюртембергских полков, вместе с которыми участвовал в битве на Ипре, в том самом месте, где солдат Адольф Гитлер в 1914 году получал боевое крещение.

В мае Штрёлин стал командиром пулеметной роты 123-го Ульмского гренадерского полка, с которым он воевал на Сомме. В 1917 году его перевели в штаб нового 64-го гене-

рального командования особого назначения в Кольмаре в качестве офицера Генерального штаба. Вероятно, импульсивному Штрёлину эта служба подходила мало, потому что уже скоро он решил стать воздушным наблюдателем в юных еще люфтваффе кайзеровской армии. Однако штабной врач нашел у Штрёлина «неврастению» и признал его «непригодным» для люфтваффе. Он сразу же направил Штрёлина, на котором события войны сильно отразились, в месячный отпуск. Штрёлин возвратился в Кольмар, но в марте 1918 года с ним случился нервный срыв, после чего он лечился два месяца. В июне его произвели в капитаны и назначили инструктором обучения кандидатов в офицеры на учебном полигоне Мюнзинген.

Там до него дошло известие о капитуляции германского кайзеровского рейха. Как и многие другие, сначала он не знал, чем заниматься дальше, так как все его мысли и чувства много лет были посвящены военному делу. И он остался в армии, точнее — в военной полиции. Как служащий 121-й роты безопасности в мае 1919 года он участвовал в походе на Мюнхен, когда части Добровольческого корпуса освободили город от советской республики. Биография Штрёлина этого времени покрыта мраком. Считают, что как председатель военно-полевого суда он приговорил к смерти 52 русских, участвовавших в совете рабочих и солдатских депутатов. Но документально это не подтверждено⁴. Скоро Штрёлина направили в Штутгарт командиром роты нового рейхсвера, в город, который станет его судьбой.

Некоторое время он служил в Людвигсбурге, а в августе 1920 года Штрёлин распрощался с армией, чтобы начать изучение общественно-политических наук в Гисене и Вене. Его учителем в Вене был Отмар Шпан⁵, которому он представил свою диссертацию «Экономическое положение рабочего класса и среднего сословия города Штутгарта перед и после войны», за которую получил ученую степень кандидата наук. Политэконом и философ, Шпан был сторонником «сословного государства», во главе которого находится, как отдельное сословие, круг людей, управляющих государством, создающий на профессиональной основе новый

порядок в государстве и обществе. Ярый противник марксизма и либерализма, Шпан тем не менее защищал универсалистско-идеалистическое учение об обществе, в котором каждый человек рассматривался как социологический член целого. Такая позиция Шпана в 1920-е годы способствовала регулярным дракам между слушателями его лекций, эти драки, конечно, наблюдал также и Штрёлин. Имя Шпана быстро стало нарицательным.

В октябре 1923 года Штрёлин начал работать научным сотрудником газовой компании в Штутгарте, где сделал быструю карьеру. Он стал экономическим директором компании по энергохозяйству. Далеко за пределами Штутгарта Штрёлин стал известен как отличный специалист в этой сфере, к его советам прислушивались.

Но политическая обстановка ни в коем случае не удовлетворяла националистически настроенного Штрёлина и его честолюбие искало также и в этой области возможности своего выражения. Уже в Вене он побывал на собрании, где выступал Гитлер, а в октябре 1923 года подал заявление о приеме в НСДАП. Хотя есть свидетельства, что Штрёлин с этого времени был организатором НСДАП в Штутгарте и окрестностях, но более вероятно все же, что он это делал для конкурирующего национал-социалистического движения свободы. До 1930 года, несомненно, на первом плане у Штрёлина была его профессиональная карьера. Но в то же время он постоянно высказывал свои симпатии нарастающему гитлеровскому движению. Лишь после митинга в поддержку Гитлера 7 декабря 1930 года, на котором присутствовало более 30 000 жителей Штутгарта, Штрёлин формально вступил в партию. Его вдохновили проект общественно-политического устройства и идеи национального социализма. В своей тогдашней речи Гитлер часто говорил о необходимости соединения национализма и социализма:

«Когда мы объясняем, что социализм и национализм не являются отдельными понятиями, что они в глубочайшей сущности являются одним и тем же, то это является утверждением, справедливость которого будет доказана жизнью. Сотни тысяч людей, одетых в коричневые рубашки, а также те,

кто эти рубашки сняли, являются доказательством справедливости нашего тезиса. Спросите кого-либо из молодых людей: кто ты по профессии? Вы получите тысячу ответов: слесарь, студент, строитель, инженер, граф, принц, и все, что называется немецким. Если вы спросите другого: кто ты, буржуа или пролетарий? Вы получите ответ: мы немцы и не хотим быть никем другими! Это безумные понятия, которые когда-то вдалбливались вам левыми.

Наша идея собирает нас вместе. Наша борьба учит нас ценить друг друга. Как смешно, в сущности, разделение тех, кто борется за свою жизнь! Что это означает: слесарь, инженер, крестьянин? Точно так же как в России, где есть рабочие и другие специалисты. Из всех лагерей и конфессий они идут к нам, сознавая, что может быть лишь один народ, что мы знаем лишь одну цель. За одиннадцать лет мы убедились в этом, борясь с тысячью препятствий; над нами смеялись и издевались. И несмотря на это, великое дело удалось. Из первых семи человек выросли миллионы. Это живое доказательство того, что наш тезис „социализм и национал-социализм — едины“ — правильный.

Мы социалисты потому, что в высшей степени являемся националистами. Неважно, кто ты по профессии и какое занимаешь положение, являешься ли ты механиком, слесарем, крестьянином или принцем. Единственно важное, что я немец и ты — тоже немец»⁶.

Штутгартская партийная организация тоже консолидировалась не сразу. Еще в начале 1930 года наступил тяжелый кризис, в ходе которого штутгартских вождей СА исключили из партии. После этого руководство партийного гау приняло основательную чистку, приведшую к роспуску структур СА. В апреле 1932 года Штрёлин выдвинул свою кандидатуру на пост обер-бургомистра Штутгарта под лозунгом «Штутгарт выбирает Штрёлина!». При личных встречах с вюртембергским гаулейтером Мурром и Гитлером в Мюнхене он заручился поддержкой своей кандидатуры⁷. Хотя на выборах 24 апреля НСДАП и получила большинство голосов, но уже на выборах совета общины 1932 года НСДАП уже была второй по численности партией в Штут-

гарте. Вскоре Штрёлин стал также экономическим референтом высшего и окружного руководства своей партии.

После прихода к власти в январе 1933 года гаулейтер Мурр получил пост государственного президента и заместника Вюртемберга. С 16 марта Штрёлина назначили государственным комиссаром. Много лет остававшийся обер-бургомистром Штутгарта Лаутеншлагер пока оставался в должности и еще шесть недель фактически вместе со Штрёлином управлял городом, что свидетельствует о своеобразии нацистских отношений. Долгое время Штутгарт отличался большим сроком пребывания одного человека в должности главы города. С 1899 по 1911 год судьба города была в руках Генриха Гаусса, с 1911 по 1933 год — Карла Лаутеншлагера, оба — крупные муниципальные политики⁸.

15 февраля Гитлер продолжил в Штутгарте свою избирательную кампанию. В Вюртемберге еще существовало правительство государственного президента д-ра Больца, принадлежавшего к центристской партии⁹. Гитлер хотел с ним в Штутгарте посчитаться как с представителем всех центристов. Больц в одном из выступлений отклонил новое правительство Гитлера. Теперь он получил в Штутгарте от Гитлера ответ:

«Я понимаю, если государственный президент посчитал, что настало время поспорить с этим явлением нового времени.

Я охотно простил бы выражения, которые имеют мало общего с делом, потому что, в конце концов, можно понять беспокойство и нервозность у этого представителя прошлого времени. Я не хотел бы отвечать на них в подобной же форме, хочу ответить по существу и отметить нападки пункт за пунктом. Если государственный президент д-р Больц упрекает нас, что мы 12 лет ничего не знали кроме фразы, то я отвечаю: эти 12 лет не мы правили, а — партия господина государственного президента. Народ сам увидит, с чьей стороны в это время раздавались фразы. 12 лет — убедительное доказательство этого, иначе к нам не пришло бы большинство людей. В эти долгие годы, когда правила партия господина государственного президента, мы пережили упадок во всех областях.

Меня поражает, что представитель центризма нам говорит о свободе. Разве последние 13 лет наше движение не испытало на себе ужасную цепочку подавлений и затыканий рта со стороны тех, кто это говорит нам сегодня? Разве это свобода, когда наше движение наказывали и подавляли из-за выражения им национальной воли? Когда борцов бросали в тюрьмы, с наших товарищей из СА срывали рубашки, нашу прессу запрещали самым бессовестным образом и делали все, от чего мы эти 13 лет страдали? Те, кто 14 лет не говорили о нашей свободе, не имеют права говорить о ней сегодня. Как канцлер, я должен сегодня лишь использовать все то, что раньше применялось против друзей нации. Я должен сегодня применить лишь закон о защите национального государства, так же как они применяли закон о защите республики, и тогда они увидят, что не все то, что они называли свободой, было свободой.

И если эти партии сегодня говорят, что сегодня, по меньшей мере, наступает постепенное улучшение, то это происходит не потому, что они были здесь, а потому, что наше юное движение вступило в жизнь. Если сегодня наш народ в Женеве получил симпатии, то это не их заслуга, а наша. Сегодня они говорят, что христианство в опасности, католическая вера — под угрозой. На это я должен возразить: сегодня впервые во главе Германии стоят христиане, а не национальные атеисты.

Я не говорю о христианстве, но я признаю, что я никогда не свяжу себя с теми партиями, которые хотят христианство разрушить. Четырнадцать лет они шли рука об руку с атеизмом. Никогда христианству не наносился больший ущерб, чем в то время, когда эти христианские партии сидели в правительстве вместе с отрекшимися от Бога. В это время вся культурная жизнь Германии разрушалась и отравлялась. Нашей задачей будет эти явления распада в литературе, театре, школах, и прессе, короче, во всей нашей культуре, выжечь и избавиться от яда, пропитавшего всю нашу жизнь в эти четырнадцать лет. А разве в хозяйственной сфере вы действовали по-христиански? Инфляция, пришедшая под вашим руководством — есть христианское мероприятие? Уничтожение немецкого хозяйства, разорение ремесленников, разрушение

крестьянских дворов, постоянный рост безработицы, пережитый нами в четырнадцать лет, — это христианские действия?

Когда вы сегодня говорите, что вам нужно время в пару лет, чтобы изменить это положение, то я отвечаю: нет, для вас слишком поздно что-либо изменить. Вы имели для этого 14 лет, когда небо дало вам всю полноту власти, чтобы показать, на что вы способны. Вы потерпели неудачу во всех сферах; ваша работа — это была одна последовательность ужасных заблуждений. Если нам сегодня говорят, что у нас нет программы, то я отвечаю: уже два года эта другая Германия живет в нашем сознании, ожидая претворения в жизнь. Все эти планы создания рабочих мест и т. д., они происходят не от господина государственного президента Больца, а из нашей программы строительства, от которой они их отделили и тем самым сделали невозможным их выполнение без участия соответствующих государственных органов. Я повторяю, что наша борьба против марксизма будет непреклонной, и что любое движение, связавшее себя с ним, вместе с ним попадет под каток. Мы не хотим внутренней войны между братьями и каждому, кто хочет участвовать в нашем строительстве, протягиваем руку. Но в одном не должно быть сомнений: время интернационального марксистско-нацифистского разрушения и распада нашей родины прошло.

5 марта немецкий народ еще раз сам должен принять решение. Он должен решить, хочет ли он еще раз пережить 14 прошедших лет или хочет вместе с нами маршировать в будущее, которое мы создадим своими силами. Я готов протянуть руку каждому, кто хочет помочь нам, даже тем, кто до сих пор был ослеплен. В этой предвыборной борьбе я не буду делать упор на победу над преступностью, хотя имею для этого больше оснований, чем другие. Но я решил вместе с моими соратниками ни при каких обстоятельствах не позволить Германии вернуться в пропасть прошлого режима.

Германия не должна и не будет валиться назад, в руки своих губителей»¹⁰.

Часть речи Гитлера не смогла попасть в радиозфир, т. к. был поврежден кабель, по-видимому, коммунистами. Йозеф Геббельс, сопровождавший Гитлера в Штутгарт, пишет

об этом в своем дневнике: «Т. к. мы ночью должны были лететь обратно, то я срочно вызвал в отель господ из службы радио и высказал им свое мнение о них — что им не хватает ушей и глаз. Уже на следующий день приказом по телеграфу двоих из них уволили. Теперь наверняка у других отпадет охота саботировать. Впрочем, в Германии пока не слышно разговоров о том, что совершается революция»¹¹.

31 марта на штутгартской Марктплатц прошел митинг, организованный руководством гау НСДАП и закончившийся факельным шествием. На нем Штрёлин выступил с обращением к гражданам Штутгарта, заявив в частности: «Адольф Гитлер является для нас символом силы, вновь обретенной веры в самих себя и безусловной уверенности в лучшем будущем. Поэтому мы выражаем ему, как и глубокоуважаемому господину рейхспрезиденту, нашу глубочайшую благодарность и самые лучшие пожелания. Нашу признательность Адольфу Гитлеру сегодня мы хотим подчеркнуть особо. Мы хотим навечно запечатлеть его имя в сердце Штутгарта»¹².

Официально Карл Штрёлин вступил в должность обер-бургомистра Штутгарта 1 мая 1933 года, когда истек срок полномочий Лаутеншлагера и тот ушел в отставку. Затем состоялась торжественная церемония вступления, которая редко проводилась в других немецких городах.

По мнению нового обер-бургомистра, парламентская система своей безответственной политикой выпуска ценных бумаг привела к хаосу в Германии. Он предложил глубокую реформу конституционных прав общины и радикальную деполитизацию на основе профессиональных сословий. В этом можно узнать «почерк» бывшего ученика Отмара Шпана. Штрёлин сразу же отправил в отпуск «политически неблагонадежных» чиновников и ввел в ратуше авторитарный стиль руководства. Он начал делать систему управления городом более «гибкой» — путем соединения многочисленных инстанций. С августа 1933 года в совете общины больше не было голосования. В сфере коммунального самоуправления главным стал принцип вождя и антипарламентаризма. В январе 1935 года это нашло отражение в едином для всего рейха Уставе общины: высшей контролирующей властью для

общины объявлялся имперский министр внутренних дел, за ним следовали имперский наместник и муниципальный инспектор. Во главе общины стоял бургомистр, облеченный широкими полномочиями. Он действовал через своих уполномоченных. Последние — как и бургомистр — не выбирались, а назначались. Муниципальные учреждения создавали совет общины, который, однако, обладал лишь совещательным голосом. Его задача — давать рекомендации бургомистру, «позволяющие обеспечить постоянную связь руководства общины со всеми слоями населения». Советы не выбирались жителями, а назначались НСДАП при согласии бургомистра.

С большой энергией новый обер-бургомистр приступил к устранению безработицы, строительству жилья и развитию города. Он сместил более тысячи городских служащих, часто отдавая должности «старым борцам» партии, чего вряд ли можно было избежать под давлением гаулейтера Мурра. Штрёлин зарекомендовал себя также успешным политиком по части расширения городской территории. В 1937 и 1942 годах в состав города включены многие деревни, такие как Хоэнхайм, Золитуде и Вайхинген. Стиль работы Штрёлина для того времени был непривычным: он часто без предупреждения появлялся в городских учреждениях и следил «за порядком». Особое положение в муниципальной политике занимал «уполномоченный НСДАП», назначавшийся заместителем фюрера. Он обладал правом предлагать кандидатуры обер-бургомистра, бургомистров и их уполномоченных и должен был обеспечивать «взаимодействие между руководством общины и партией».

Чтобы помешать расширению власти Штрёлина, в июле 1937 года гаулейтер Мурр сам стал уполномоченным НСДАП в столице земли Вюртемберг. С этого момента обер-бургомистр Штрёлин обязан был информировать его обо всех важных делах в городе. Свое вмешательство в городские интересы Мурр часто объяснял этим партийным поручением. Поэтому в ратуше Штутгарта росло сопротивление постоянному вмешательству имперского наместника, и Штрёлин прибегнул к записанному в уставе германских общин

праву на самостоятельность муниципального управления, чем ему удавалось срывать некоторые слишком наглые попытки Мурра.

30 июля 1933 года Штрёлин мог приветствовать Гитлера в Штутгарте в связи с проведением германского физкультурного праздника. В том же году Штрёлин представлял германские общины на лондонской конференции по долгам. Там его называли «странным наци» за его подчеркнуто самостоятельное поведение. В октябре 1936 года он совершил поездку в США, куда его пригласили на «день Германии» в Нью-Йорке. В зале «Мэдисон сквер-гарден» он выступил с речью и встретился с президентом национального олимпийского комитета Эвери Брэндеджем и германским послом Гансом Лутером. Затем последовала двухнедельная ознакомительная поездка по стране. Его удивило, по его собственным словам, широкое распространение антисемитских настроений в США¹³.

Штутгарт был «городом иностранных немцев», с 1917 года здесь находился Германский иностранный институт. Шефами и защитниками этого института и вообще немцев за границей являлись Рудольф Гесс и гаулейтер Зарубежной организации НСДАП Эрнст Вильгельм Боле¹⁴. Штрёлин был председателем института и руководил ежегодными съездами иностранных немцев. К тому же его назначили на высокий пост в Главном совете НСДАП по муниципальной политике, т. е. он вошел в Имперское руководство НСДАП. С 1938 года он рейхсамтслейтер по муниципальной экономической политике. В рамках муниципальных возможностей он проводил «внешнюю политику», нацеленную на мирное улаживание конфликтов. Особенно он стремился наладить хорошие отношения с Францией. Во время международной футбольной встречи Германия—Франция в Штутгарте французские гости воодушевленно размахивали флажками со свастикой. По приглашению Ганса Шпейделя, тогда — помощника германского военного атташе в Париже, Штрёлин как гость принимал участие во французском национальном празднике в Париже — стоял на почетной трибуне. После пятилетнего перерыва Гитлер снова посетил Штутгарт 1 ап-

реля 1938 года и с балкона ратуши выступил перед народом Швабии. Потом сделал запись в Золотой книге города. Записывая дату, он задумался. Штрёлин подсказал Гитлеру: «1 апреля». На что Гитлер заметил: «Знаменательный день». Штрёлин: «Да! День рождения Бисмарка». Гитлер молча кивнул. Затем автокортеж Гитлера в свете неоновых огней проследовал в «Швабенхалле».

Война потребовала полного напряжения как от обер-бургомистра Штутгарта, так и от всего руководства города. Именно в эти годы подтвердилось, что организаторские способности Штрёлина и его технические знания являются благом для города. После первых опустошительных бомбардировок столицы Вюртемберга Штрёлин собирал заседания совета общины под открытым небом, т. к. здание ратуши было разрушено. В начале 1943 года он хотел в Женеве обсудить с президентом Красного Креста д-ром Максом Хубером вопросы правил воздушной войны и безопасности гражданского населения. Однако Гитлер запретил ему выезжать туда. Теперь главу города все чаще и чаще посещали сомнения в правильности политики Гитлера и целей национал-социализма вообще. Гитлеровские методы обращения с евреями претили Штрёлину. В 1941 году, после введения правила ношения нашивок с иудейской звездой, Штрёлин в резкой форме отверг подобное клеймение, помог чем можно было евреям, желающим выехать из страны, — это подтверждали многие. Вероятно, за его большие организаторские способности Альфред Розенберг планировал назначить Штрёлина областным комиссаром или губернатором на оккупированных восточных территориях, скорее всего — в республике немцев Поволжья. Не исключено, что Розенберг таким способом хотел также ограничить притязания на всевластие Эриха Коха. Но до этого назначения дело не дошло.

25 декабря 1941 года штутгартское радио передавало звучание городских колоколов для немцев всего мира. Затем Штрёлин говорил о гармонии колоколов и гармонии немецкой семьи, необходимой «для силы и прочности рейха, для остроты германского меча и для будущей германской победы». В своем дневнике Штрёлин писал в сентябре 1942

года, — очень жаль, что весь мир воюет против Германии, потому что национал-социализм — понятный всем синтез развитого капитализма и большевизма.

Растущее понимание неправоты заставляло обер-бургомистра Штутгарта действовать все активнее. Предупрежденный старшим церковным советником Зауттером, Штрёлин доложил 11 сентября 1941 года гаулейтеру Мурру, что переселенцы из Эльзаса в Вюртемберге содержатся в условиях, близких к тюремным. Обращение с ними нельзя назвать человеческим, нет заботы о душе и церковных служб, настроение среди переселенцев — плохое, многие хотят вернуться обратно на свою старую родину. В декабре с такой же просьбой к Мурру обратился земельный епископ Вурм. Заботу о переселенцах должен был обеспечить крайзлейтер Хайльбронна Рихард Драуц, фанатичный национал-социалист первого набора. Кроме того, Штрёлин заступился перед Гиммлером и президентом Народного суда Фрайслером за эльзассцев, осужденных Народным судом за незначительные преступления.

Штрёлин передал также письменную жалобу в «Народный центр» в Берлине. В одном докладе Мурру он отметил, что евангельская церковь «является последним прибежищем германского духа в борьбе за сохранение языка, обычаев и исторической народности». Заключил он доклад словами:

«Именно мы в Вюртемберге, классической земле эмигрантов, со столицей — городом заграничных немцев, где находится Германский иностранный институт, наиболее заинтересованы в том, чтобы забота о лагере переселенцев у нас стала образцовой. Поэтому я считаю себя обязанным довести до Вашего сведения, господин имперский наместник, цельную картину происходящего. Я также позволю себе просить Вас дать распоряжение о начале расследования всех указанных жалоб и многочисленных происшествий».

Но Штрёлин допустил ошибку, направив копию письма государственному секретарю Имперского министерства иностранных дел Эрнсту фон Вайцзеккеру¹⁵. Мурр реагировал раздраженно и в своем ответе от 13 сентября указал обер-бургомистру на превышение им своих полномочий. Он не

давал ему права, как президенту Германского иностранного института, заниматься делами переселенцев, т. к. последние относятся к компетенции института лишь до тех пор, пока находятся за пределами рейха. А после этого заботу о них берет на себя «Народный центр». Потом у Штрёлина возникли разногласия с крайзлейтером Драутцем. Это не задача Штрёлина — «на манер контрольной комиссии» на месте выяснять справедливость или несправедливость жалоб. Мурр не отрицает, что в отдельных лагерях могли происходить эксцессы, но это — дело руководства лагерей, которые уже сняты с должности.

Борьба с Мурром призывала Штрёлина к осторожности. 24 сентября 1941 года он получил от Мурра следующее письмо, более резкое. Теперь Мурр уже знал о жалобах Штрёлина в Берлин. Вполне вероятно, что инициатива начала процесса по делу Штрёлина в партийном суде принадлежит Мурру. 27 сентября Штрёлин обсудил с Зауттером вопрос — как можно связаться с Гиммлером, чтобы попытаться улучшить взаимоотношения между церковью и государством. Выступление Штрёлина в поддержку организации религиозной службы в лагерях переселенцев осенью 1941 года не осталось без последствий. В начале 1943 года он получил вызов из Мюнхена, где сообщалось, что он должен немедленно прибыть в Имперское руководство партии в связи с его письмом Мурру. Целью этого акта было лишение Штрёлина ранга рейхсамтслейтера Главного управления коммунальной политики НСДАП. 13 февраля в Мюнхене он встретился с обер-бургомистром Филером, руководителем Главного управления коммунальной политики, чтобы обсудить дальнейший ход процесса.

Штрёлин энергично боролся за свой пост. 29 марта в мюнхенской партийной канцелярии прошло заключительное заседание, на котором угрожали «из-за постоянной оппозиции» лишить его всех постов. Но Штрёлин сумел опередить удар и просил Филера «в связи с моей перегруженностью другой работой освободить меня от участия в Главном управлении коммунальной политики». Окончательное решение состоялось через год. Только в январе 1944 года

Гитлер сам решил, признавая положение Штрёлина в партии, освободить его от работы в Имперском руководстве НСДАП. На этом карьера Штрёлина в партии закончилась. Но от должности обер-бургомистра он не освобождался. Сам для себя он подвел отрезвляющий итог:

«При вступлении в НСДАП я ожидал, что национальный социализм создаст основы для политического, экономического и морального оздоровления нашего народа, а также для мирного сосуществования с другими народами мира»¹⁶. Эти слова позволяют сделать вывод: Штрёлин сам увидел, что ошибся в своих надеждах. Когда Вильгельм Мурр 16 декабря 1943 года отмечал свое 55-летие, среди его гостей был и Штрёлин. В дневнике он записал: «Мы едины в том, что сможем считать большим счастьем, если на следующий год сумеем собраться на его день рождения в том же доме и в той же форме»¹⁷.

Ободренный хорошими отношениями с вюртембергским земельным епископом Штрёлин всегда защищал церковь. В начале августа 1943 года Штрёлин сообщил советнику Зауттеру, что случайно узнал о его аресте в ближайшее время, что и случилось через несколько дней. Штрёлин беспокоился о жене Зауттера и сумел получить для нее разрешение на посещения. Но самым мужественным его поступком стала написанная им в августе 1943 года памятная записка для Имперского министерства внутренних дел. В ней он предложил концепцию полномасштабной смены курса внутренней и внешней политики рейха. В частности, он требовал ограничения национал-социалистического влияния на органы управления и проверки положения в концентрационных лагерях. За это Штрёлин получил строгое предупреждение и намеки на возможное начало судебного процесса против него по статье «государственная измена». Сам Штрёлин пишет:

«Должно быть восстановлено право, отменены функции гестапо, прекращена борьба против церкви и религии, коренным образом изменен способ обращения с евреями, печать и пропаганда поставлены на реальную почву, исправлены тяжёлые просчеты в оккупированных восточных территориях и в Эльзасе-Лотарингии. Войну надо закончить как можно ско-

рее. Гёрделер считает, что необходимо, наряду с Гитлером как главой государства, иметь отдельную должность рейхсканцлера, чтобы создать определенный политический противовес. Я подписал эту памятную записку и направил ее в Имперское министерство внутренних дел. Она, как и различные памятные записки прежних лет, имеет целью восстановление правового государства законным путем. Только благодаря пониманию и доброжелательности порядочных людей в Министерстве внутренних дел судебный процесс по статье «государственная измена» остался лишь угрозой, а не стал фактом. Гёрделер и я обсудили этот промах, с которым мы отныне, разумеется, должны считаться»¹⁸.

Уже в конце 1943 года в Штутгарте состоялось совещание, в котором также принял участие близкий сотрудник бывшего обер-бургомистра Лейпцига и имперского комиссара по ценам д-ра Карла Гёрделера, Пауль Хан, бывший руководитель полицейского управления¹⁹. Гёрделер, ушедший в отставку после того, как распорядился по требованию партии в ноябре 1936 года убрать памятник Мендельсону в Лейпциге, был гражданским руководителем заговора 20 июля 1944 года. В то же время он являлся сотрудником крупного промышленника Роберта Боша и его директора Ганса Вальца²⁰. Оба они – решительные противники Гитлера, не скрывавшие своего неприятия национал-социализма и подчеркивавшие свое происхождение из либерально мыслящих кругов. Бош помогал многим людям, преследуемым режимом, и поддерживал попавших в трудное положение евреев. Вильгельм Мурр не пришел на празднование 75-летия Роберта Боша из-за того, что в выпущенном по этому поводу праздничном буклете фирмы «Бош» не было упоминания о национал-социализме.

Этот так называемый «кружок Боша» финансировал многочисленные зарубежные поездки Гёрделера замаскированные под деловые командировки – хотя фактически целью была работа по организации Сопротивления. После смерти Роберта Боша 12 марта 1942 года движущей силой либерального сопротивления стал «руководитель производства» Ганс Вальц. Гёрделер, сопровождаемый германским послом в

Риме Ульрихом фон Хасселем и бывшим министром финансов Пруссии Попитцем, посещал Штрёлина. На этих встречах впервые было произнесено имя Роммеля. Штрёлин просил Ганса Шпейделя уговорить фельдмаршала приехать на встречу с ним и бывшим имперским министром иностранных дел фон Нейратом. В феврале 1943 года Штрёлин в первый раз встретился с фельдмаршалом Роммелем в его доме в Херрлингене. Штрёлин был знаком с Роммелем еще со времен службы в рейхсвере. Роммель критиковал Гитлера за своеволие при вмешательстве в компетенции фронтовых офицеров. В первых беседах Роммеля и Штрёлина говорили об «аресте» Гитлера и последующем его осуждении германским судом. Штрёлин информировал Роммеля о процессах, происходящих в рейхе, и об уничтожении евреев. После этого Роммель стал категорически требовать отставки Гитлера. Однако сначала он был осторожен и хотел попытаться склонить Гитлера к капитуляции. Если это не удастся, он решил действовать сам.

Во время длительных отъездов Роммеля Штрёлин заботился о его жене Люси и сыне. В своей книге «Вторжение 1944» Ганс Шпейдель пишет: *«Предметом первых разговоров у главнокомандующего были, в частности, идеи бывшего обер-бургомистра Лейпцига д-ра Гёрделера, переданные шефу генерального штаба (Шпейделю. — Прим. авт.) через обер-бургомистра Штрёлина 14 апреля в Фрейденштадт для Роммеля. В конце 1943 года Гёрделер просил Штрёлина установить контакт с фельдмаршалом Роммелем. Роммеля нужно было убедить в том, что ради спасения Германии и Европы следует убрать Гитлера и его режим. Обер-бургомистр Штутгарта, давно ценивший Роммеля как деятельного и благоразумного человека, упоминает о своем первом разговоре с ним на эту тему в феврале 1943 года. Тогда они обсудили возможность действий с целью изменения режима и окончания войны»²¹.*

Карл Штрёлин вспоминал об этом периоде: *«Я высоко ценил Шпейделя, с которым был в одном полку на фронте в Первую мировую войну, за его высокие военные знания и его характер. Во время последней войны я неоднократно обсуждал с ним положение вещей и каждый раз приходил к выводу, что*

мы во многом сходимся во мнении. 14 апреля 1944 года, за день до вступления Шпейделя в должность нового начальника штаба Роммеля во Франции, я еще раз беседовал с ним и рассказал ему о моих переговорах с фельдмаршалом в феврале.

Я придавал большое значение тому, что фельдмаршал разделял взгляды бывшего министра иностранных дел фон Нейрата. Роммель уполномочил Шпейделя поехать вместо себя на переговоры с Нейратом, т. к. их одновременное личное участие во встрече казалось опасным, если помнить о недоверии Гитлера. Эта встреча состоялась 27 мая 1944 года во Фрейденштадте. Тогда Нейрат говорил о необузданности Гитлера, которого знал много лет, о его непонимании других народов и его патологической неискренности. Он и его окружение для других стран абсолютно неприемлемы. Только политически незапятнанные люди, имеющие опору в народе и авторитет за границей, могут сейчас помочь спасению родины. Он, Нейрат, настоятельно просил фельдмаршала стать спасителем рейха — в качестве главнокомандующего вермахтом или временного рейхспрезидента. Я сам тогда высказался за то, что вступление фельдмаршала должно произойти до начала вторжения союзников; германский вермахт должен оставаться как можно более сильным, чтобы не оставлять Германию на милость победителя. После доклада генерала Шпейделя фельдмаршал одобрил наши предложения и распорядился передать мне и Нейрату, что подготовительные мероприятия начаты и сам он готов к действию, не выставляя никаких личных притязаний... (Роммель) считал, что ему удастся добиться перемирия на Западе. Оккупированные западные области надо оставить, армию отвести за «Западный вал» и передать союзникам управление этими областями. При этом Роммель никоим образом не думал о безоговорочной капитуляции»²².

17 июля 1944 года во время поездки на фронт по дороге Ливро-Вимутьер во время налета пикирующих бомбардировщиков фельдмаршал был тяжело ранен, его автомобиль сброшен с дороги. Из игры вышел человек, пользовавшийся огромной симпатией в народе, способный сыграть решающую роль в случае удачи переворота. 20 июля 1944 года последовало покушение на Гитлера, совершенное графом

Штауффенбергом. В тот день Штрёлин находился в отпуске в Австрии. 10 августа — вероятно, из-за его тесного контакта с Роммелем — его квартиру обыскали в то самое время, когда он выступал по радио:

«Особенно глубоко потрясло нас в эти дни вероломное покушение на фюрера. Вместе со всем немецким народом мы видим знак провидения в том, что фюрер остался невредим. Достоинно глубокого сожаления, что преступное намерение устранить фюрера появилось у представителей нашего народа, несущих известные имена и занимающих важные военные посты. Весь немецкий народ, и в первую очередь вермахт, питает отвращение к этим предателям, сострадает нашему фюреру и верит, что он один сумеет привести наш народ сквозь опасности настоящего времени — к лучшему будущему».

Понятно, почему Штрёлин, как соучастник, избрал эту форму мимикрии, которую может навязать только двуличное нацистское государство. Он старался не думать о том, что произойдет, если в пыточных подвалах гестапо кто-то из заговорщиков проронит его имя. Как известно, судьба Эрвина Роммеля была иной, его имя, как участника заговора, назвал на допросе Цезарь фон Хофакер, служащий штаба Штюльпнагеля в Париже. Гитлер направил генералов Бургдорфа и Майзеля к Роммелю, который выздоравливал у себя дома в Херрлингене. Фельмаршалу был предложен выбор между самоубийством или судом Народной судебной палаты. Бургдорфу Гитлер недвусмысленно приказал помешать Роммелю застрелиться. Нужно было предложить ему яд, чтобы для общественности его смерть объяснить последствиями несчастного случая. За это популярному полководцу обещали похороны по высшему разряду. Думая о позорном изгнании из германской армии, процессе в народном трибунале, возглавляемом Роландом Фрейслером, и преследовании родных, Роммель предпочел яд.

Штрёлин, потерявший в лице Роммеля близкого друга, продолжал заботиться о нормализации жизни в городе, сильно затронутом войной. В последний период войны Штрёлин показал себя решительным противником гитлеровской стратегии «выжженной земли». Он не хотел допустить ни при

каких обстоятельствах разрушения штутгартских мостов через реку Неккар. Но удалось это сделать только для моста «Бертгер Штег», по которому проходил водопровод, снабжавший город. Рискуя жизнью, Штрёлин вышел на мост и потребовал от находившегося там подразделения вермахта не разрушать мост, что ему удалось. В эти последние дни Штрёлин организовал очень эффективную систему управления в чрезвычайных условиях и возобновил контакты с «кружком Боша», с тем чтобы после войны создать населению города условия для жизни.

4 апреля 1945 года он посетил гаулейтера Мурра в его резиденции «Вилла Райтценштайн». Там он потребовал, чтобы Мурр не защищал Штутгарт, а объявил его «открытым городом». Его поддержали крайзлейтер Вальтер Фишер и комендант сил вермахта барон Эдуард фон Шолли. Мурр угрожал жестоко наказать их за пораженчество. Штрёлину удалось убедить также военного коменданта Людвигсбурга генерала Курта Хоффмана на отдавать приказ о разрушении. Командующий V зоны обороны генерал танковых войск Рудольф Вайель посчитал продолжение борьбы бессмысленным. За это его сместили и отправили в резерв фюрера.

13 апреля Мурр, как имперский комиссар по вопросам обороны, еще раз объявил, что каждый, кто откроет врагу противотанковое заграждение или выбросит белый флаг, будет расстрелян на месте. Еще 10 апреля Штрёлин пытался установить контакт с французами, но опасался отрядов «Вервольфа», состоявших по преимуществу из фанатичных руководителей Гитлерюгенда. Они 25 марта расстреляли Карла Оппенхофа, назначенного американцами бургомистром Ахена, чтобы запугать его возможных последователей в других коммунах тонущего рейха. Бывший государственный президент д-р Больц еще 23 февраля 1945 года был казнен на гильотине. Рихард Драуц незадолго до конца войны еще продолжал приказывать расстреливать жителей, вывешивавших на своих домах белые флаги²³. 7 апреля в штутгартской газете «НС-Курир» и на стенах домов впервые можно было увидеть рунический значок «Вервольфа». Затем Мурр отдал приказ окружному руководству партии и также Штрёлину о

приостановке работы, однако обер-бургомистр не решился бросить город на произвол судьбы.

20 апреля 1945 года, в 56-й день рождения Гитлера, в Штутгарт вошли французские и американские солдаты. 22 апреля после опасной поездки через районы, контролируемые «Вервольфом», Штрёлин официально передал город союзникам. Из военачальников никто не хотел брать на себя такой неблагодарный труд. Он и дальше продолжал исполнять свои обязанности, предложив союзникам кандидатуру своего преемника — Арнульфа Клетта²⁴. Затем началась одиссея его тюремного заключения. На Нюрнбергском процессе он выступал в качестве свидетеля защиты для Гесса и Нейрата. Его допрашивал д-р Рудольф Кемпнер. Наконец, его заключили в крепость «Хоэнасперг», где он написал подробную записку в свое оправдание. В Нюрнберге его причислили к разряду «наименее виновных».

После войны Штрёлин продолжал считать себя «национальным социалистом». Он планировал издание своей автобиографии и имел контакты с правыми политиками, для которых написал несколько работ и статей²⁵. Как старый солдат, почти всю жизнь бывший обер-бургомистром, он основал союз фронтовиков «Киффхойзер» в Вюртемберге. Штрёлину пришлось бороться за получение пенсии в недостойных условиях — обидный факт, если вспомнить почетный уход с должности Лаутеншлагера в 1933 году. В первые годы после образования Федеративной Республики Германия к мнению Штрёлина продолжали прислушиваться, особенно по вопросам, касавшимся Штутгарта и земли Вюртемберг. Многие жители Штутгарта хотели бы снова видеть бывшего обер-бургомистра на посту главы города; популярность Штрёлина у большинства населения Штутгарта и после войны продолжала оставаться высокой.

Д-р Карл Штрёлин умер в январе 1962 года в возрасте 72 лет.

Заключение

Эпитафия немецкому междуцарствию?

Победы над своими противниками часто давались Гитлеру либо волей случая, либо его силой, истинной или лишь воображаемой, а также неуверенностью в себе его противников. Часто они не могли ясно понять, можно ли приостановить наступление Гитлера осторожными уступками или нужен решительный отпор. Если события тех лет нельзя представить без фигуры Адольфа Гитлера, то тем более это невозможно без всех людей, сделавших реальным его возвышение. Все протагонисты настоящей работы не переходили определенных границ действий, когда речь заходила о притязании Гитлера на власть и его исключительности. И, как мы видели, так было не только в событиях, связанных с Эрнстом Рёмом и Грегором Штрассером, ставших известными всему миру.

Очевидно, что после 1933 года Гитлер обладал в Германии исключительной властью. Но события, описанные в этой книге, ясно показывают, что и он, по крайней мере, временами должен был смиряться перед различными течениями. Власть Гитлера, по большей части, проявлялась в форме постоянных конфликтов между его последователями, и он вынужден был длительное время считаться со старой элитой государства, экономики, дипломатии и военных кругов. Хотя эта элита, по большей части, стала сотрудничать с новой властью, а многие из нее вступили в НСДАП, но она отнюдь не пропиталась из-за этого национал-социалистическим духом. Когда после 1933 года перестало быть опасным членство в НСДАП, целая армия оппортунистов написала заявления о приеме в партию и нацепила на лацкан «яичницу», как называли нацистскую эмблему из-за ее

сходства с этим блюдом. Руководство НСДАП никогда не решилось на действительно радикальное и широкое ограничение вступления в партию.

Уже упоминавшийся Вилли Крэмер, бывший ответственный чиновник Министерства пропаганды, вспоминал, что в 1931 году директор высшей школы выгнал его из зала во время собрания из-за того, что он пытался там вести НС-пропаганду. Всего три года спустя, в 1934 году, он встретил этого же человека — уже в качестве руководителя местной партийной группы, основанной, кстати, самим Крэмером в 1928 году.

Гитлер постоянно жил в состоянии натянутых отношений с членами своего ближайшего окружения. Разложение и проступки людей из окружения для него всегда служили лишь мотивацией сильной акции противодействия, и в кризисные периоды своей карьеры он всегда извлекал пользу из того, что его противники не решались на борьбу, а, в конце концов, смиренно складывали оружие перед ним. Борьба всегда становилась для него новым исходным пунктом и стимулом, давая одновременно ему уверенность в победе. Гитлеровская система, в своей внутренней замкнутости постоянно пребывающая под угрозой апатии, чтобы быть правдоподобной, непрерывно нуждалась в новом состоянии опьянения или в ожидании потрясающих событий. Немцы пошли за Гитлером до конца и получили глубокую травму катастрофического поражения 1945 года. Явление Гитлера нанесло чувствительный удар самосознанию современной Европы.

Писать в Германии об Адольфе Гитлере, даже почти через 60 лет после его смерти, конца национал-социалистического рейха и роспуска НСДАП, — публицистически рискованное предприятие. Потому что, хотите вы или нет, судьба Гитлера стала судьбой немцев прошлого и всего столетия, а не только одного поколения. Сам Гитлер был «многослойным» человеком. Наряду с удивительными способностями и познаниями, он отличался глубокими заблуждениями и недостатками, вылившимися в катастрофу и преступления. Самое беспокоящее в личности Гитлера то, что наряду с шестью годами войны и преступлений у него были шесть предшествующих лет, отмеченных, несомненно, большими успехами во внут-

ренной и внешней политике. Себастьян Хаффнер говорил также о «позитивных достижениях» Гитлера, который смутил и внутренне разоружил большинство немцев. Он посвятил этому целую главу своей книги «Замечания о Гитлере»¹.

Менее чем в одно десятилетие, казалось, Гитлер вывел Германию из состояния ощущения поражения и деморализации, превратил ее в социальное государство и мировую державу, далеко превзошедшую мечты Бисмарка и кайзера Вильгельма II.

Сквозь его политику красной нитью проходили понятия о полноценной белой расе, обязывающем наследии Европы и, особенно, о превосходстве немецкого народа как великой культурной нации. На другой полюс он ставил мировое еврейство — как «фермент космополитизма и национального разложения»². Другого образа мыслей для него не существовало.

«Я думаю, что мы не можем не замечать отсутствия подлинно европейской культурной нации или желать ее исчезновения. Мы обязаны им не только некоторой досадой и страданием, но и огромным взаимным оплодотворением. Мы получили от них образцы, примеры и уроки, но и сами дарили радость и красоту. Если мы справедливы, то мы имеем основание рассчитывать на то, что нас будут не ненавидеть, а нами будут восхищаться! В этой общности европейских культурных народов еврейский мировой большевизм является абсолютно чужеродным телом, не создающим никакого вклада в нашу экономику или нашу культуру, а вносящему только беспорядок»³.

Сличностью Гитлера, как думало подавляющее большинство немцев, закончилась история Германии⁴. При оценке судьбы этого человека и связанных с ним исторических событий надо не впадать в крайности его прославления бывшими последователями и так же — необузданных проклятий его очевидных врагов. Гитлер, его взгляды, дела и злодеяния утонули в море жертв — в Германии и мире. После 1945 года ограниченный взгляд направился лично на него, как на «нечеловека». Ганс-Дитрих Зандер констатировал, что Третий рейх был экспериментом по установлению основ нового мирового порядка, но рухнул сам. Он был попыткой

устранить кризис современного мира верными и ошибочными средствами; неприемлемость результата доказана как историей, так и проблемами, оставшимися после Третьего рейха⁵. В конце концов, национал-социализм был побежден не изнутри, а в результате войны. Зандер в 8-м из своих «Тезисов о Третьем рейхе» констатирует: *«Третьей главной причиной (краха. — Прим. авт.) была личность фюрера. Адольф Гитлер рассматривал германскую историю как подобие античной. Поэтому он был не сверхчеловек или дикий зверь — как о нем думали друзья и враги.... Он образцово решал многие задачи. Но ему оказалось не по плечу изобилие задач. Ему следовало бы установить внутренний мир, как это сделал Кавур после объединения Италии, а в войне не выступать в роли угнетателя, что стоило ему победы на Востоке. Кромвелю, Наполеону и Гитлеру надо было научиться у римской истории, как устанавливать союз с побежденным. Но, вероятно, это было противно их природе?»*⁶

Почти все главные решения действующего политика Адольфа Гитлера оказались, как стало ясно впоследствии, ошибочными и роковыми, — во внутренней политике, к примеру, союз со старой консервативной государственной, экономической, военной и дипломатической элитой, лишение власти социал-революционных фракций партии и СА, понимание НСДАП как движения гражданской войны, бесполезная и чрезмерная унификация всех сфер общественной и личной жизни, отбор руководителей по их высказываниям, а не достижениям, и непрерывная пропаганда, противоречащая прусскому принципу «быть больше, чем казаться». Разрушительно действовало также исключение такого большого числа «готовых к помощи», которые, в конце концов, оказались в стане сопротивления, — «вышедших из общего строя» художников, сочувствующих социалистов и национал-большевиков, известных аристократов, консервативных офицеров, представителей церкви обеих больших концессий, сторонников немецко-еврейского симбиоза. Юридически сомнительным было управление в режиме чрезвычайного положения, без настоящей конституции.

Перед многими идеалистами в гитлеровской партии воз-

никал вопрос, почему, несмотря на считавшуюся «неизменной» принятую программу из 25 пунктов, в экономическом и валютно-политическом отношении продолжает действовать капиталистическая система налогов. В военном отношении ошибкой оказался отказ от создания народной милиции, а во время войны — от нацистской революционной армии европейского типа (для которой войска СС оказались слишком поздней заменой). Во внешней политике роковой союз с Италией, продолжение империалистической политики Вильгельма и базовый тезис «Англия — друг, Советский Союз — враг» — оказались устаревшими и чреватými тяжкими последствиями. Общая установка против восточных стран и в то же время жестокое обращение с покоренными восточными народами, было безрассудством, точно так же, как отказ от готовности принять миллионы людей, желавших добровольно воевать на стороне Германии против большевизма, — только из-за вызывающей позиции господства над людьми. Объявление войны США и недопустимый просчет в оценке экономической мощи США более чем убедительно свидетельствуют о склонности вождей НС-системы к игре ва-банк. Выдерживание осторожной дистанции от освободительного движения колониальных народов, особенно арабских, стоило Третьему рейху потери определенных симпатий.

Притеснения немецких евреев и преступления, совершенные во время войны на захваченной территории, нанесли Германии моральный смертельный удар — еще задолго до военного поражения рейха. Биологическая догма о превосходстве арийской расы, и особенно германского народа, даже над родственными народами «германской ветви», а также не цельная НС-концепция Европы вообще, с самого начала стали непреодолимым препятствием для создания союза европейских народов. Все эти ошибочные действия противники Гитлера в НСДАП предотвратить не могли.

Альфред Розенберг в тюремной камере в Нюрнберге тоже размышлял о исторической роли национал-социалистического мировоззрения и об «эксперименте Третьего рейха» и нашел свое объяснение:

«Национал-социализм был европейским ответом на вопро-

сы нашего столетия. Эта была идея, за которую немец мог отдать все свои силы, он дал германской нации единство, немецкому рейху — новое содержание; он был истинно социальным мировоззрением и идеалом национально-культурной чистоты. Национал-социализм... дегенерировал в конце действиями людей, которым его творец доверился самым роковым образом. С ним исторически связан крах рейха»⁷.

Бывший высокопоставленный национал-социалист и главный теоретик партии мог дать такую версию произошедшего. Впрочем, подобное предсказание было более чем утопичным среди дымящихся развалин, представлявших Германию в те дни. Всего несколькими месяцами раньше гаулейтер Дюссельдорфа Флориан в своем обращении к партийным функционерам гау погрузился в фантазии о поджоге своего города после эвакуации населения, куда враг войдет как в город-призрак⁸.

Психолог и врач Гюстав Ле Бон еще в конце XIX столетия знал, что лишь те люди из массы выдвигаются в вожди, кто обладает соответствующей харизмой, «ореолом»: *«Ореол в действительности — род очарования, с которым личность выполняет дело или распространяет идею. Это очарование парализует все наши критические способности и наполняет нашу душу удивлением и благоговением»⁹*. Но ореол вождя исчезает сразу же в то мгновение, когда тот терпит неудачу — тезис, подтвердившийся в Германии 1945 года.

В Адольфе Гитлере сконцентрировалось понятие Макса Вебера о «харизматической власти» и о вождях, достигавших своей легитимности за счет представления себя «посланниками Бога»¹⁰. Все традиционные образцы и правила для такого вождя несущественны. И всегда харизматическая власть имеет также революционный характер. В отличие от форм традиционной власти, она основывается на том, что массы должны знать о величии фюрера. В этом, вероятно, заключается причина того, что национал-социалистическая система могла радикализироваться дальше, даже если Гитлер лично не вникал в каждую деталь. Порядок, или, скорее, разительный «беспорядок», в структуре власти национал-социалистического государства определялся, очевидно,

с трудом поддерживаемой собственной динамикой; внутри такой структуры все действовало «вопреки» фюреру. Поэтому Макс Вебер считает, что харизматическая власть может закончиться либо «скатыванием к будничности», либо неудачей, как предсказывал Ле Бон.

Когда Германию и Европу накрыли ужасы войны, публичные выступления Гитлера стали все более редкими, его ореол начал тускнеть. Ад вернулся в Германию, сбылось предположение Карла Крауса, заметившего однажды, что даже не нужны войны, чтобы предвосхитить «последние дни человечества». Национал-социализм и преступления остались актуальными до сегодняшнего дня, т. к., несмотря на все объяснения с привлечением первоисточников, также получает заметное распространение «осмотическая» точка зрения на междуцарствие 1933–1945 годов. Национал-социализм будет, видимо, оцениваться не как гигантская чудовищная картина, а как германский вариант тоталитарной общей тенденции эпохи.

3 февраля 1921 года НСДАП собрала своих сторонников на первый массовый митинг гитлеровского движения в мюнхенском зале «Циркус — Кроне»; там собрались 6500 человек, чтобы послушать Адольфа Гитлера. Гитлер, почти в одиночку спланировавший, проведенный и самым тщательным образом контролировавший организацию этого большого собрания, два с половиной часа говорил там о проблеме «Будущее или гибель». После выступления масса бурно приветствовала его под гигантским шатром цирка; стоя запели гимн Германии. Как бы предчувствуя, он темой своей речи наметил весь свой жизненный путь. Его характер не менялся в течение жизни, и всегда его альтернативами оставались — «будущее или гибель».

В своей заключительной речи на «партсъезде единства и силы» 1934 года Гитлер призвал аудиторию: *«Наше желание и воля — чтобы это государство и этот рейх продолжались в будущих тысячелетиях. Мы можем быть счастливы от сознания, что это будущее целиком принадлежит нам»*¹¹. Национал-социалистическое государство существовало фактически двенадцать лет, три месяца и восемь дней.

Примечания

Введение

¹Friedrich Gundolf, *George*, Berlin 1930, S.18.

²Oswald Spengler, *Preußentum und Sozialismus*, München 1920, S. 9.

³Armin Mohler, *Der Nasenring. Die Vergangenheitsbewältigung vor und nach dem Fall der Mauer*, München 1991, S. 91 f.

⁴Werner Bräuninger, *Strahlungsfelder des Nationalsozialismus. Die Flosse des Leviathan*, Schnellbach 1999 und Claus von Stauffenberg, *Die Genese des Tdters aus dem Geiste des Geheimen Deutschland*, Wien – Leipzig 2002. При работе над книгой мне часто вспоминалось выражение Эрнста Юнгера, который из далекой перспективы 1978 года возразил на полемику вокруг своего эссе «Рабочий», появившегося в 1930 году: «Работа осталась позади меня, но я начинаю разговор с нее, во избежание недоразумений» (письмо Эрнста Юнгера Анри Плару от 24.9.1978. Цит. по: Jünger, Ernst – *Der Arbeiter, Herrschaft und Gestalt*, Stuttgart 1981, S. 317).

⁵По этому вопросу см., например: Günter Bartsch, *Zwischen drei Stühlen. Otto Strasser. Eine Biographie*, Koblenz 1990; Otto Strasser, *Ministersessel oder Revolution?*, Berlin 1930; Udo Kissenkoetter, *Gregor Strasser und die NSDAP*, Stuttgart 1978; Reinhard Kühnl, *Die nationalsozialistische Linke 1925-1930, Meisenheim am Glan 1960*; Internet www.ns-archiv.de/nsdap/sozialisten/verlassen.shtml; Georg Franz-Willing, *Die Hitler-Bewegung 1925-1934*, Preuß. Oldendorf 2001; Claus Wolfschlag, *Hitlers rechte Gegner*, Engerda 1995; Heinz Hühne, *Mordsache Ruchm. Hitlers Durchbruch zur Alleinherrschaft 1933-1934*, Reinbek bei Hamburg 1984; Max Gallo, *Der Schwarze Freitag der SA. Der Ruchm-Putsch*, München 1981; Nikolaus von Preradovich, *30. Juni 1934 – Ruchm-Putsch*, Rosenheim 1994.

⁶Судебные процессы против Адольфа Гитлера, возбужденные соучредителем ДАП Антоном Дрекслером, в настоящей книге не рассматриваются.

⁷Это говорилось в выступлении перед крайзлейтерами на празднике в Орденбурге Фогельзанг 29.4.1937. В протоколе записано, что при этих словах Гитлер выразительно ударил по трибуне.

⁸Речь идет о бывших гаулейтерах Вале, Йордане, Фрауэнфельде и Лаутербахере. Гаулейтер Лозе оставил после себя неопубликованную рукопись «Дело Штрассера», Гамбург ок. 1960, Йозеф Гроге высказывался еще в 1941 году (P. Schmidt, *Zwanzig Jahre Soldat Adolf Hitlers. Zehn Jahre Gauleiter*).

⁹Picker, Henry, *Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier, mit einer Einleitung von Percy Ernst Schramm*, Stuttgart 1963, S. 195.

¹⁰Эрнст Юнгер говорит о себе: «(Песчаные жуки-скакуны) меня очаровывали еще когда я был ребенком, возможно, они действовали так же, как и я, т. е. они выжидали тихо, а увидев добычу, стремглав бросались на нее, чтобы сразу же снова внезапно затаиться на длительное время». В видеофильме «Jetzt zieht Leutnant Jünger seinen Mantel aus. Ernst Jünger wird 100» Ein Video von Thomas Schmitt und Hubert Winkels (WDR 1995).

¹¹Manfred Funke, *Starker oder schwacher Diktator? Hitlers Herrschaft und die Deutschen. Ein Essay*, Düsseldorf 1989.

¹²Цитируется по: *Der Aufstieg der NSDAP in Augenzeugenberichten*. Hrsg. u. eingel. von Ernst Deuerlein, München 1982, S. 312.

¹³Denkschrift des OSAF/Stellvertreter-Süd v. 19.9.1930, BDC 43/II, Bl. 1.

¹⁴Joachim C. Fest, *Hitler. Eine Biographie*, Frankfurt/Main – Berlin – Wien 1973, S. 398.

¹⁵Karl Corino, *Intellektuelle im Bann des Nationalsozialismus*, Hamburg 1980, S. 253.

¹⁶Robert Musil, «Bedenken eines Langsamen», in: *Prosa und Stücke, Kleine Prosa, Aphorismen, Autobiographisches, Essays und Reden*, Hg. Adolf Frisé, Hamburg 1978, S. 1418 und Albert Speer, *Spandauer Tagebücher*, Frankfurt/Main – Berlin – Wien 1978, S. 464 f.

¹⁷Christoph Steding, *Das Reich und die Krankheit der europäischen Kultur*, Hamburg 1943, S. 369 f.

¹⁸Цитируется по: Landmann, Michael – «Stefan George – Erinnerung und Interpretation», in: *Neue Deutsche Hefte* 119, 15. Jahrg., (Heft 3).

¹⁹Robert G.L. Waite, *The Psychopathic God Adolf Hitler*, New York 1977 S. 7. Эрнст Юнгер в книге «Strahlungen» по этому поводу пишет: «(Гитлер) имел бледное, ярко выраженное лицо лунатика. Он вытягивал силы из неопределенности, собирал и отражал их как вогнутое зеркало; он был ловец мечты. Позднее я видел портрет его матери; это поучительно. Такие портреты пробуждают мысли о потустороннем, о демонических таинственных сказках, которые никогда не будут написаны. Вероятно, он провел юность в мечтах». (Ernst Jünger, *Strahlungen II. Die Hütte im Weinberg. Jahre der Okkupation*, München 1988, S. 611).

²⁰ В книге Eva Mendgen, «Franz von Stuck 1863–1928», Köln 1994, S. 16, приводится картина «Охота на дичь» («Моя первая картина маслом»); на это обратил внимание Йоахим Келер в книге: Joahim Köhler, Wagners Hitler. Der Prophet und sein Vollstrecker (München 1997).

²¹ Anton Neumayr, Hitler. Wahnideen. Krankheiten. Persionen, Wien 2001, S. 81.

²² Alexander Kluge, Ein Mann wie eine verirrte Kugel/Ian Kershaws Hitler-Biographie, Band 2, dctp-Reportage.

²³ См. также: Albrecht Tyrell, Führer befehl... Selbstzeugnisse aus der Kampfzeit der NSDAP, Düsseldorf 1969, S. 270.

²⁴ Heinz Guderian, Erinnerungen eines Soldaten, Heidelberg 1951, S. 409.

²⁵ По вопросу «национал-социалистическая поликратия» см. также: Peter Hüttenberger, «Nationalsozialistische Polykratie», в сборнике: Geschichte und Gesellschaft 2 (1976), S. 417–442; Reinhard Bollmus, Das Amt Rosenberg und seine Gegner. Zum Machtkampf im Nationalsozialistischen Herrschaftssystem, Stuttgart 1970; Gerhard Hirschfeld/Lothar Kettner, Der «Führerstaat»: Mythos und Realität; München 1981; Herbert Taege, NS-Perestroika? Reformziele Nationalsozialistischer Führungskräfte, 1. Teilband: Geiträge zu Personen, Lindhorst 1988; Michael Prinz/Rainer Zitelmann, Nationalsozialismus und Modernisierung, Darmstadt 1991; A. Mohler, «Nasenring», aaO.; W. Bräuninger, «Strahlungsfelder», aaO.

²⁶ Peter Hüttenberger, Die Gauleiter. Studie zum Wandel des Machgefüges in der NSDAP, Stuttgart 1969, S. 200.

²⁷ Martin Moll, «Steuerungsinstrument im Ämterchaos : Die Tagungen der Reichs- und Gauleiter der NSDAP», VJHfZ 2/2002, München 2001.

²⁸ Дневники Йозефа Геббельса. Изданы: Elke Frühlich. По заказу Института истории и при поддержке Государственного архива России. Teil II, Diktate von 1941–1945, Band 10, Oktober 1943 – Dezember 1943, München – New Providence – London – Paris 1994, S. 261 (ссылки далее: Goebbels).

²⁹ Der Nürnberger Prozeß, Band 20, München – Zürich 1984, S. 36 f.

³⁰ Dieter Rebenisch, Führerstaat und Verwaltung im Zweiten Weltkrieg. Verfassungsentwürfe und Verwaltungspolitik 1939–1945, Frankfurter Historische Abhandlungen 29, Stuttgart 1989.

³¹ Мартин Лютер, младший статс-секретарь в Имперском министерстве иностранных дел, начал свою карьеру в «ведомстве Риббентропа» и быстро поднялся по ступеням служебной лестницы. Тем не менее в начале 1943 года он предпринял попытку свалить своего шефа, имперского министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа,

возможно, при поддержке Гимmlера. Но план провалился, Лютера арестовали и отправили в концлагерь. В 1945 году он умер от сердечного приступа. См. также: Christopher R. Browning, *Unterstaatssekretär Martin Luther and the Ribbentrop Foreign Office*, *Journal of Contemporary History* 12 (1977), S. 313–344. Смещение имперского министра сельского хозяйства и продовольствия Рихарда Вальтера Дарре произошло во время ужесточения войны. Дарре был чистым теоретиком, приверженцем идеологии «кровь и почва» (*Das Bauertum als Lebensquell der nordischen Rasse*, 1929 и *Neuadel aus Blut und Boden*, 1930). В мае 1942 года его сменил «по состоянию здоровья» бывший до этого статс-секретарем Герберт Баке, прагматичный технократ, давно фактически руководивший ведомством. Дарре отправили на пенсию. Д-р Юлиус Липперт, «старый борец» и обер-бургомистр Берлина, летом 1942 года без предупреждения был смещен Гитлером. Его давно недолюбливали Гитлер и «генеральный инспектор по строительству столицы рейха» Альберт Шпеер — из-за длительного сопротивления многочисленным строительным мероприятиям в рамках гигантского плана перестройки Берлина, теперь его перевели к военным. См.: Martin Moll, *Der Sturz alter Kämpfer. Ein neuer Zugang zur Herrschaftsanalyse des NS-Regimes*, *Historische Mittelungen der Ranke-Gesellschaft*, Heft 1, Stuttgart 1991 (ссылки далее: M. Moll, Sturz).

³²Walter Petwaidic, *Die autoritäre Anarchie. Streiflichter des deutschen Zusammenbruchs*, Hamburg 1946. Петвайдик был журналистом, писавшим для министерства иностранных дел.

³³Ian Kershaw, *Hitler 1889–1936*, Stuttgart 1998, S. 665 ff. Вернер Вилликенс (1893–1961), агроном, в 1925 году вступил в НСДАП, ортсгруппенлейтер в Госларе, с 1933 — статс-секретарь Имперского министерства сельского хозяйства и продовольствия, заместитель имперского руководителя крестьян, руководитель Совета по делам сельскому населению НСДАП.

³⁴Benito Mussolini, *Opera Omnia*, Band XXV, S. 145 f., hrsg. von E. u. D. Susmel, 35 Bde., Florenz 1951–63.

³⁵Впервые эти «последние беседы» вышли как *Le Testament politique de Hitler*, hrsg. von H.R. Trevor-Roper, Paris 1959, а в 1981 — как *Hitlers politisches Testament. Die Borman-Diktate vom Februar und April 1945*, Hamburg 1981, S. 87 ff.; 129 ff. (14. und 25 Februar 1945). Гитлер заканчивал свои размышления: «И все же это видение ужаса не может лишить меня непоколебимой веры в будущее германского народа. Чем больше мы будем страдать, тем очевиднее вновь возродится бессмертный рейх. Особенное свойство германского народного характера —

всякий раз, когда упорству самоутверждения к дальнейшему существованию нации угрожает опасность впадения в зимнюю спячку, мы снова потребуемся. Я сам, впрочем, не могу дышать в Германии, находящейся на подобной переходной стадии, какая наступит после поражения Третьего рейха. Позор и предательство, пережитые нами в 1918 году, не идут ни в какое сравнение с тем, что нас ожидает. Непостижимо, что после 12 лет национал-социализма такое могло случиться! Непостижимо, что германский народ впредь будет лишен возможности выбора, которая привела его к героическому величию, и на много лет будет втоптан в грязь. Какие моральные законы, какие руководящие принципы можно предложить тем, кто остается непоколебимо верен себе? Что бы ни случилось, немцы никогда не должны забывать, что для них очень важно искоренить элементы раздора и неутомимо работать на благо единства рейха».

³⁶Christian Böhm-Ermolli, Politische Symbole im Austrofaschismus und Nationalsozialismus, Österreichs politische Symbole. Historisch, ästhetisch und ideologiekritisch beleuchtet, hrsg. v. Norbert Leser u. Manfred Wagner, Wien 1994 (Schriftenreihe des Ludwig-Boltzmann-Instituts für neuere österreichische Geistesgeschichte, Band 6). Магистр Бем-Эрмоли, род. 1965, ученик Арнульфа Райнера и Петера Вайбеля, некоторое время работал в промышленности, руководитель венской молодежной организации Австрийской партии свободы, 5.3.1996 по старой традиции офицеров австро-венгерской застрелился в доме на венской Шварцшпаннергассе, где умер Бетховен, — в том же месте, где в 1903 году покончил самоубийством еврейский философ, антисемит, гомосексуалист и женоненавистник Отто Вайнингер.

³⁷Были предположения, что речь идет о портрете Фридриха работы Ленбаха, купленный Гитлером, по его словам, в 1934 году за 34 000 рейхсмарок. Непосредственно перед самоубийством утром 30 апреля 1945 он передал картину много лет бывшему его личным пилотом Гансу Бауру со словами: «Я не хочу, чтобы картина пропала, я хочу, чтобы она осталась после меня. Она имеет большую историческую ценность. Это вам. Достаточно того, что она будет у Вас в руках». (Hans Baur, Ich flog Mächtige der Erde, Kempten 1956, S. 227 ff.) При попытке убежать из бункера фюрера Баур был ранен и попал в плен к русским. Сохранился ли портрет, неизвестно.

**«Самым большим моим противником
был Баллерштедт»**

¹См. также: Werner Maser, Die Frühgeschichte der NSDAP. Hitlers Weg bis 1924, Frankfurt/Main – Bonn 1965, S. 286 f.

²Münchener Neueste Nachrichten (MNN) Nr. 324 v. 10.8.1920.

³Völkischer Beobachter (VB) Nr. 80 v. 9.9.1920.

⁴VB Nr. 41 v. 26.5.1921.

⁵Münchener Post Nr. 22 v. 28.1.1921.

⁶MNN v. 28.1.1921, Ballerstedt als Kläger, StA München, Pol. Dir. Mü 6698, Bl. 12. Цит. по: Hitler. Sämtliche Aufzeichnungen 1905–1924. Hrsg. von Eberhard Jäckel zusammen mit Axel Kuhn, Stuttgart 1980, S. 303 (ссылки далее: Hitler. Sämtl. Aufzeichnungen).

⁷Герман Эссер (1900–1981), в 1919 вступил в ДАП/НСДАП, в 1920 – редактор «Фелькише беобахтер», в 1923 – руководитель пропаганды НСДАП, в 1924 – руководитель Народного общества «Великая Германия», 1925/26 – бециркслейтер в Верхней Баварии и Швабии, 1926–32 – главный редактор журнала «Иллюстриртен беобахтер», 1929–33 – председатель фракции НСДАП в городском совете Мюнхена, в 1932 – депутат ландтага в Баварии, 1933 – министр без портфеля и шеф баварской земельной канцелярии, 1935–45 – руководитель иностранного отдела в Министерстве пропаганды.

⁸Цит. по: I. Kershaw, aaO., S. 324.

⁹Münchener Neueste Nachrichten v. 15.9.1921.

¹⁰NSDAP-Mitteilungsblatt Nr. 2, masch., BA NS 26/95. Цит. по: Hitler. Sämtl. Aufzeichnungen, S. 492 f.

¹¹Münchener Post v. 13.1.1922.

¹²Ernst Toller, Prosa. Briefe. Dramen. Gedichte., Reinbek bei Hamburg 1964, S. 164 f. Историк Гидо Кноп в своем телевизионном документальном фильме «Hitler – eine Bilanz. Der Privatmann» сделал смелое предположение, что в краткий период мюнхенской советской республики Гитлер был членом солдатского совета и в этом качестве шел в похоронной процессии за гробом убитого премьер-министра Баварии еврея Курта Эйснера. В подкрепление своей версии Кноп показывает киноматериал, где виден солдат, до некоторой степени похожий на Гитлера. Ральф Георг Ройт в своей работе «Hitler. Eine politische Biographie» (München 2003, S. 78 f.) соглашается с этим смелым предположением.

Но в его справедливости есть очень большие сомнения, хотя нельзя полностью исключать возможное участие Гитлера в мюнхенском сол-

датском совете. Иоахим Фест в письме Вернеру Бройнингеру от 1.3.2000 заметил: «Я тоже смотрел телевизионный документальный фильм Гидо Кноппа, а некоторое время спустя... говорил с ним об этом. Кнопп твердо убежден в своей правоте, ссылаясь при этом на многих историков, которым он задал этот вопрос. И, кажется, есть доводы в пользу этой версии, но я не так уверен, как Кнопп и названные им историки. Однозначный ответ, по-видимому, получить уже никогда не удастся».

¹³Adolf Hitler. Monologe im Führerhauptquartier 1941–1944. Die Aufzeichnungen Heinrich Heims, hrsg. von Werner Jochmann, München 1982, S. 242.

¹⁴So bei Hermann M. Hausner, «Ludwig II von Bayern. Berichte der letzten Augenzeugen», München – Salzburg 1962, S. 96.

¹⁵12.8.1933 Гитлер присутствовал на празднике в замке Нойшванштайн, посвященном Рихарду Вагнеру, где его провозгласили почетным гражданином города Хоэншвангау. Гитлер выступил с благодарственной речью, в которой, в частности, сказал, что «несмотря на всю критику этого сооружения Людвига II, с помощью оплодотворения искусством вырастает только добро, поэтому творение короля должно получить признание: это был протест гения против жалкой парламентской посредственности. Сегодня мы осуществили этот протест и окончательно избавились от этой власти».

«Партия – не Европейский союз!»

¹Цит. по: Franz-Willing, Georg – Ursprung der Hitlerbewegung 1919–1922, Preuß. Oldendorf 1974, S. 156.

²Антон Дрекслер (1884–1942), слесарь, член Германской партии родины, 1918 – основатель «Свободного комитета рабочих за справедливый мир», январь 1919 – соучредитель и 2-й председатель Немецкой рабочей партии (ДАП), автор книги «Мое политическое пробуждение», участник написания 25 тезисов партийной программы НСДАП, 1920/21 – 1-й председатель НСДАП, с 29 июля 1921 – почетный председатель, после запрещения партии – член «Народного блока» и депутат баварского ландтага (1924–28), 1925 – вышел из НСДАП и основал Национал-социалистический народный союз, 1933 – повторное вступление в НСДАП, 1934 – исключение из партии с «пурпурным орденом».

Готтфрид Федер (1883–1941), инженер, 1918 – основатель Не-

мецкого боевого союза борьбы с налоговым игом, 1919 – вступление в ДАП/НСДАП, участник создания первой партийной программы НСДАП, 1924–33 – депутат Рейхстага от НСДАП, 1931 – председатель экономического совета НСДАП, 1933 – статс-секретарь Министерства экономики, 1934 – имперский комиссар по делам колоний.

³Письмо Гитлера «К НСДАП» от 16.2.1921 гласило: «Зарегистрированный член партии Адольф Гитлер, партбилет номер 55, настоящим просит об аннулировании его членства. Я не нарушал устава и не хочу видеть кровь при выступлении массы. Прошу принять к сведению. Адольф Гитлер» (цитата из: Hitler. Sämtl. Aufzeichnungen, aaO., S. 320). Британский биограф Гитлера Айэн Кершоу считает это письмо фальшивкой (I. Kershaw, aaO., S. 809, Anm. 161).

⁴I. Kershaw, aaO., S. 209.

⁵Цит. по: Hofbräuhaus 24.2.1938. CD DS 1387, Documentary Series. Речь опубликована также в VB Nr. 57 v.26.2.1938. Также фотокопия есть в государственном архиве в Кобленце (F. 7 EW 256–67 265).

⁶Adolf Hitler, Mein Kampf. Erster Band. Ein Abrechnung, München 1937, S. 384 f.

⁷Ibid., Zweiter Band. Die Nationalsozialistische Bewegung, S. 577.

⁸Граф Эрнст цу Ревентлов (1869–1943), писатель, капитан-лейтенант в отставке, брат писательницы Франциски цу Ревентлов, в 1888 вступил в кайзеровский военно-морской флот, 1899 – вышел в отставку, 1907 – суд чести из-за «неприличествующего сословию» брака, после 1918 – критик вильгельминизма и Веймарской республики, 1920 – издатель еженедельника «Дер Рейхсварт», 1922 – соучредитель DVFP, 1924–33 – депутат Рейхстага (от DVFP, с 1927 – от НСДАП), 1933 – заместитель руководителя Немецкого движения верующих.

⁹Так считает Вернер Мазер в: Werner Maser Sturm auf die Republik. Frühgeschichte der NSDAP, Stuttgart 1977, S. 266.

¹⁰Дитрих Эккарт (1868–1923), писатель и переводчик, 1918–21 – издатель еженедельника «Auf gut Deutsch», 1921–23 – главный редактор «Фёлькише Beobachter». Стал известен своим переводом драмы Ибсена «Пер Понт» и собственным произведением «Лоренцаччио», но как автор имел незначительный успех. Нацистский пропагандистский лозунг «Германия, проснись!» взят из его боевой песни. В ранний период партии Эккарт был почти «как отец» – другом и советником юного Гитлера, и помог ему войти во влиятельные круги общества. В 1925 году появилась его работа «Большевизм – от Моисея до Ленина. Диалог между Адольфом Гитлером и мной». Адольф Гитлер посвятил

Эккарту второй том книги «Майн Кампф». Портрет Эккарта висел над письменным столом Гитлера в «Коричневом доме».

¹¹Hitler. Sämtl. Aufzeichnungen, aaO., S. 436 ff.

¹²Цит. по: Tyrell, Albrecht, Vom «Trommler» zum «Führer», München 1975, S. 126–128.

¹³Письмо Антона Дрекслера Гитлеру, 1940, набросок письма, архив Дрекслера. Цит. по: Der Aufstieg der NSDAP in Augenzeugenberichten, aaO., S. 98.

¹⁴VB Nr. 61 v. 4.8.1921.

¹⁵Цит. по: Rudolf Heß, der Stellvertreter des Führers, данные составителя не приведены, вышла в серии «Zeitgeschichte», Berlin 1933, S. 9 ff.

¹⁶VB v. 11.8.1921.

¹⁷Adolf Hitler, aaO., S. 649.

¹⁸Ibid., S. 658 f.

¹⁹Цит. по: Fabry, Philipp W., Mutmaßungen über Hitler. Urteile von Zeitgenossen, Düsseldorf 1969, S. 23.

«Пишите свои письма на пишущей машинке!»

¹Рейнголд Вулле (1882–1950), журналист, 1914 – главный редактор газеты «Рейниш-Вестфалишен цайтунг», 1918 – главный редактор и директор издательства «Дас дойче цайтунг», 1920–24 – депутат рейхстага (от DNVP, с 1922 – от DVFP), 1922 – соучредитель DVFP, 1928 – председатель партии, 1938–42 – заключен в концлагерь Заксенхаузен, в 1945 вместе с бывшим руководителем пропаганды гау НСДАП Иоахимом фон Остау основал Германскую партию построения, вскоре запрещенную. О DVFP см. также: Jan Striesow, Die Deutschnationale Volkspartei und die Völkisch-Radikalen 1918–1922, Frankfurt/Main 1981, S. 409 ff.

²Joseph Goebbels, Tagebücher 1924–1945. Hrsg. von Ralf Georg Reuth, München 1992, S. 133 (далее: J. Goebbels. Tagebücher).

³Ibid., S. 156.

⁴Joseph Goebbels, Die Zweite Revolution. Briefe an Zeitgenossen, Zwickau o.J., S. 13–17.

⁵Ernst Jünger, «Der Frontsoldat und die Innere Politik», in: Die Standarte v. 29.11.1929.

⁶Барон Отто фон Лоссов (1868–1938), профессиональный военный, 1911–14 – военный советник в Турции, 1914 – начальник штаба 1-го баварского резервного корпуса, 1915–18 – германский военный пол-

номочный представитель в Турции, 1920 – начальник пехотного училища в Мюнхене, 1922–24 – земельный комендант Баварии и командир 7-й (баварской) дивизии, 1924 – досрочно отправлен в отставку, после этого служил в турецкой армии. Ганс фон Сект (1866–1936), генерал-полковник, в 1885 вступил в прусскую армию, 1899 – после окончания Военной академии служил в кайзеровском Генеральном штабе, 1913 – начальник штаба 2-го армейского корпуса, 1914–18 – представитель Генерального штаба на Восточном фронте и Балканах, произведен в генерал-майоры, 1918 – на командных постах в турецкой армии, 1919 – организатор борьбы против Красной Армии в Прибалтике, руководитель военной группы германской делегации на мирных переговорах в Версале, начальник Генерального штаба германской армии, 1920–26 – командующий сухопутными войсками рейхсвера, с ноября 1923 до февраля 1924 – высший представитель исполнительной власти в Германском рейхе, 1926 – произведен в генерал-полковники, уволен в отставку после того, как разрешил участие в маневрах бывшего кронпринца, 1930–32 – депутат Рейхстага (от ДФП), 1931 – участвовал в создании «Харцбургского фронта», 1933–35 – военный советник у Чан Кайши. Воспоминания Секта «Из моей жизни» вышли в 1938 году.

⁷ Цит. по: Kern, Erich, Adolf Hitler und seine Bewegung. Der Parteiführer, Preuß. Oldendorf 1970, S. 132.

⁸ По вопросу ритуала 9 ноября для «кровных свидетелей» НСДАП см.: Bräuninger, Werner, Strahlungsfelder, aaO., S. 187 ff.

⁹ Walter Görnitz/Herbert A. Quint, in: Adolf Hitler. Eine Biographie, Stuttgart 1952, S. 210.

¹⁰ Так, во всяком случае, в: E. Kern, aaO., S. 152.

¹¹ Альфред Розенберг, род. 1893, 1919 – вступил в ДАП/НСДАП, 1921 – редактор «Фёлькише беобахтер», 1923–37 – главный редактор, 1924 – создатель Народного общества Великой Германии, 1924–30 – издатель журнала «Дер Вельткампф», 1929 – основал Союз борьбы за германскую культуру. В 1930 году приобрел большую известность после выхода его книги «Миф 20-го века. Оценка борьбы за духовный образ нашего времени», фактически – мировоззренческий фундамент национал-социализма, который, впрочем, самим Гитлером, по большей части, отрицался и считался слишком труднопонимаемым. 1930–33 – депутат Рейхстага, 1933 – руководитель Внешнеполитического управления НСДАП, с 1934 – уполномоченный по наблюдению за духовным и мировоззренческим обучением и воспитанием в НСДАП. В 1941–45 Розенберг был имперским министром восточных оккупированных тер-

риторий, в 1946 державами-победительницами в Нюрнберге приговорен к смерти и казнен. В 1955 вышли в свет его «Последние записки».

Эрих Людендорф (1865–1937), с 1882 – профессиональный офицер, 1914 – начальник штаба 8-й армии, 1916 – 1-й генерал-квартирмейстер Верховного командования сухопутных войск. Октябрь 1918 – отставка, 1923 – участвовал в «Пивном путче», в 1924 – оправдан судом, 1924/25 – член высшего руководства НСФБ (вместе с фон Грефе и Грегором Штрассером), 1924–28 – депутат Рейхстага (от DVFP), 1925 – кандидат от НСДАП в рейхспрезиденты, 1925–33 – руководитель союза «Танненберг», 1930 – руководитель религиозной общины «Германский народ» (позднее переименованной в Союз германского признания Бога – дом Людендорфа). Во время государственной церемонии перед Фельдхеррnhалле 22.12.1937, организованной для отдания почестей умершему Людендорфу, Гитлер подошел к установленному для прощания гробу, стал по стойке смирно и громко воскликнул: «Генерал Людендорф! От имени единого немецкого народа с глубокой благодарностью я кладу перед Вами этот венок!»

Грегор Штрассер (1892–1934), аптекарь, 1919 – член Добровольческого корпуса Эппа, 1921 – вступил в НСДАП, 1923 – руководитель СА Нижней Баварии, 1924 – осужден на 18 месяцев заключения за участие в гитлеровском путче, 1924/25 – член руководства НСФБ (вместе с фон Грефе и Людендорфом), 1924 – депутат ландтага Баварии (от Народного блока), 1924/33 – депутат Рейхстага (НСДАП), 1925 – организатор НСДАП в северной и западной Германии, 1925/29 – гаулейтер Нижней Баварии, 1926/27 – имперский руководитель пропаганды, 1928–32 – имперский организационный руководитель. Наряду с Гитлером Грегор Штрассер был, вероятно, самым значительным человеком в НСДАП в «период борьбы». Как лидер социалистического крыла («резко антикапиталистического направления») внутри партии он был заметным теоретиком и постоянно выступал в Рейхстаге, где его речи производили большое впечатление. Его большая речь в Рейхстаге 10.5.1932 стала знаменитой. В качестве имперского организационного руководителя он создал новую, эффективную организационную структуру. Незадолго до взятия власти Штрассер, нарушив четко выраженную волю Гитлера, вступил в переговоры с рейхсканцлером фон Шлейхером об участии НСДАП в правительстве. 5.12.1932 к этому прибавились острые разногласия между ним и фюрером, выплеснувшиеся на съезде руководителей партии в берлинском отеле «Кайзерхоф». 8.12.1932 он ушел со всех партийных постов. В 1934, во время «ночи длинных ножей» Грегор Штрассер был убит.

¹²Hitler. Sämtl. Aufzeichnungen, aaO., S. 123 f.

¹³I. Kershaw, aaO., S. 289.

¹⁴Ibid., S. 290 ff.

¹⁵Цит. по: A. Tyrell, Führer, aaO., S. 92.

¹⁶Также: Der Aufstieg der NSDAP, aaO., S. 242 f.

¹⁷Ibid., S. 244 f.

¹⁸Hitler. Reden. Schriften. Anordnungen, Februar 1925 bis Januar 1933, Band I (Die Wiedergründung der NSDAP Februar 1925 – Juni 1926), München 1992, S. 27 (ссылки далее: «Hitler. RSA»).

¹⁹Georg Franz-Willing, Die Hitler-Bewegung 1925–1934, Preuß. Oldendorf 2001, S. 25.

²⁰BHSTA; SA II, Pol.Dir. Abt. VIA F v. 2.3.1926.

²¹VB Nr. 47 v. 26.2.1926.

²²München Augsburger Abendzeitung v. 11.3.1926.

²³PDN-Bericht Nr. 533, o.D. Sta München, Polizeidirektion München 6733, цитируется по: Hitler. RSA Band I, S. 334.

²⁴Ibid., S. 336.

²⁵Адольф Вагнер (1890–1944), 1919–29 – директор рудника, в 1923 вступил в НСДАП, 1924–33 – депутат баварского ландтага (от Народного блока, с 1925 – от НСДАП), 1928 – гаулейтер Оберпфальца, 1930 – гаулейтер Мюнхена – Верхней Баварии, 1933 – заместитель премьер-министра и министр внутренних дел Баварии, в 1934 получил почетный титул «Оратор партии» за то, что на ежегодных съездах НСДАП зачитывал воззвания Гитлера, 1936–42 – министр культуры. Его похоронили в правом крыле пантеона НСДАП на мюнхенской Кёнигсплатц. В 1945 американцы эксгумировали и сожгли его останки, а пепел развеяли.

²⁶Гитлер имел в виду веймарский съезд 15–17.8.1924, на котором планировалось сообщить об объединении НСДАП с DVFP в единый НСФБ, что не одобрялось Гитлером.

²⁷Речь идет о книге: Fridrich Plümer, Die Wahrheit über Hitler und seinen Kreis, München 1925.

²⁸Альбрехт фон Грэфе, по его словам, вечером 9 ноября 1923 был в редакции «Фёлькише беобахтер» и просил напечатать листовки.

²⁹Hitler. RSA, Band I, S. 337–351.

³⁰J. Goebbels, Tagebücher, aaO., S. 236.

³¹Цит. по: I. Kershaw, aaO., S. 381.

³²Hitler. RSA, Band II/1, (Vom Weimarer Pateitag bis zur Reichstagswahl Juli 1926 – Mai 1928), München 1992, S. 116.

³³Ibid., Band II/2, München 1992, S. 848.

³⁴ Томас Виммер (1887–1964), столяр, в 1911 году вступил в СПД, 1925–33 – член городского совета Мюнхена (от СПД), 1948–60 – обер-бургомистр Мюнхена.

Йозеф Остерхубер (1876–1965), журналист, 1903–05 – редактор газеты «Аугсбургер постцайтунг», 1905/06 – главный редактор «Ной-ен аугсбургер цайтунг», 1907–33 – главный редактор «Байеришен курир».

Адольф Дихтл (1879–1950), партийный секретарь СПД, в 1933 году заключен в концлагерь Дахау.

Юлиус Церфас (1886–1956), садовник, член СПД, с 1913 – независимый журналист, 1918–33 – редактор литературного отдела в газете «Мюнхенер пост», в 1933 году заключен в концлагерь Дахау, 1934 – побег в Швейцарию.

³⁵О политике Гитлера по вопросу о Южном Тироле см. главу 13 в *Mein Kampf. Band 2, Deutsche Bündnispolitik nach dem Kriege*, S. 261–300, позднее вышло отдельное издание (*Die Südtiroler Frage und das deutsche Bündnisproblem*, München 1926).

³⁶Эльза Брукман (1865–1946), урожденная принцесса Кантакузен, жена мюнхенского издателя Гуго Брукмана, часто приглашала лидера партии Гитлера в начале его карьеры в свой салон на вечера и так познакомила его с влиятельными кругами. В 1934 году Гитлер наградил ее Золотым партийным значком.

Макс Аманн (1891–1957), торговец, 1921 – управляющий делами НСДАП и «Фёлькише беобахтер», 1922–45 – директор Центрального издательства НСДАП («*Franz Eher Verlag*»), 1924–33 – член городского совета Мюнхена, 1933–45 – президент Имперской палаты печати.

Гертруда фон Зейдлиц (1872–1943), уроженка Финляндии или Прибалтики, поддерживала Гитлера в начале его карьеры, награждена Золотым партийным значком, в 1923 году дала НСДАП средства, с помощью которых нацистам удалось превратить «Фёлькише беобахтер» в ежедневную газету.

Филипп Боулер (1899–1945), лейтенант в отставке, 1922/23 – заместитель управляющего делами НСДАП, 1924 – управляющий делами Народного общества Великой Германии по экономическим вопросам, 1925–34 – имперский управляющий делами НСДАП, 1934 – полицей-президент Мюнхена, 1934–45 – шеф канцелярии фюрера НСДАП, председатель Партийной комиссии по охране нацистского наследия. Боулер написал биографию Наполеона («*Napoleon. Kometenbahn eines Genies*»). В 1945 году в ожидании ареста вместе с женой покончил жизнь самоубийством.

«Немецкие народные бродячие проповедники»

¹См. также: А. Hitler, Mein Kampf. Band I, aaO., S. 395 ff. (13. Kapitel. Die erste Entwicklungszeit der Nationalsozialistischen Deutschen Arbeiterpartei). Там Гитлер называет своих противников народного направления «народными Мафусаилами», «пьяными бородами», «комедиантами», «народными Иоаннами двадцатого века», «гусиными перьями», «лунатиками», «шарлатанами» и «народными ночными мотыльками».

²Artur Dinter, Mein Ausschluß aus dem Ferbande Deutscher Bühnenschriftsteller, München 1917. Также см.: http://www.bautz.de/bbkl/d/dinter_a.shtml.

³J. Fest, Hitler, aaO., S. 361.

⁴Georg L. Mosse, Die völkische Revolution, Frankfurt/Main 1991, S. 156 f.

⁵Artur Dinter, Ursprung, Ziel und Weg der deutschvölkischen Freiheitsbewegung, 1924, S. 29

⁶Armin Mohler, Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1932. Ein Handbuch, 5. Auflage, Graz 1999, S. 379.

⁷Письмо Винифред Вагнер Елене Бой от 7.7.1920. Цит. по: Hammann, Brigitte – Winifred Wagner oder Hitlers Bayreuth, München 2002, S. 60.

⁸Письмо Винифред Вагнер Елене Резенер от 27.3.1927, там же, S. 153.

⁹Насколько известно, это желание Гитлера не исполнилось; его зарыли в воронке между горами обломков и бетономешалкой, церемония сопровождалась ураганным огнем советской артиллерии.

¹⁰Hitler. RSA, Band I, S. 28.

¹¹Из: Die Weltbühne v. 17.3.1925, цитируется по: Der Aufstieg der NSDAP, aaO., S. 249.

¹²Эрнст Рём (1887–1934), профессиональный офицер, 1919 – командир в добровольческом корпусе Элпа, 1920 – вступление в НСДАП, 1921 – руководитель «Имперского флага» и создатель СА, 1924 – уволен из рядов рейхсвера за участие в гитлеровском путче и осужден на 15 месяцев тюрьмы, 1924/25 – руководитель «Фронтбанна», 1924 – депутат Рейхстага (от НСДАП), апрель 1925 – уход с постов вождя СА и «Фронтбанна», 1928–30 – военный инструктор в боливийской армии, с 1931 – начальник штаба СА, 1934 – убит во время «ночи длинных ножей».

¹³«Фронтбанн» основан в 1924 году Рёмом как крупная военизи-

рованная организация; в качестве формального руководителя выступал Эрих Людендорф.

¹⁴Thüringische Landeszeitung, BA, NS Misch, 1621. По вопросу истории организации НСДАП в гав Тюрингия см. также: Artur Dinter, Zur Gründungsgeschichte des Gaues Thüringen der NSDAP, Religiöse Revolution, Nr. 25 (März 1935).

¹⁵Hitler. RSA, Band I, S. 50.

¹⁶P. Hüttenberger, Gauleiter, aaO., S. 42.

¹⁷При выборах 6.6.1926 в ландтаг земли Мекленбург-Шверин НСДАП всего лишь с 4607 голосами (1,7 %) не получила ни одного мандата.

¹⁸Hitler. RSA, Band II/1, S. 148 f.

¹⁹J. Goebbels, Tagebücher, aaO., S. 269. Вероятно, имеется в виду философ Людвиг Клагес.

²⁰CVZ Nr. 19 v. 11.5.1928.

²¹Хьюстон Стюарт Чемберлен уделил особое внимание этому вопросу в главе «Явление Христа» своей книге «Основы XIX столетия» и пришел к выводу: «Вероятность того, что Христос не был евреем, настолько велика, что почти равна достоверности» (Grundlagen, Erste Hälfte, S. 256, München 1944). 21.10.1941 Адольф Гитлер говорит о Галилее, как о «колонии, где селились римские галлы-легионеры, и Иисус определенно, не был евреем. Евреи его называли также сыном проститутки и римского солдата» (A. Hitler, Monologe, aaO., S. 96).

²²Также см.: www.bautz.de, aaO.

²³Hitler. Reden und Proklamationen, aaO., S. 704 (anlässlich des Gauparteitages Mainfranken auf dem Residenzplatz in Würzburg). Некоторые примеры религиозных метафор в речах Гитлера: «Моя воля — и это должно стать нашим общим убеждением — это ваша вера! Моя вера — для меня — так же как для вас — это все на этом свете! Но самое высшее, что Бог дал мне на этом свете, это мой народ!» (речь в Берлине 1.5.1935). «Все, чем вы являетесь, вы получили от меня, и все, что есть у меня, я получил только от вас!» (речь в Берлине 30.1.1936). «С уверенностью мечтателя я иду по пути, указанному мне провидением» (речь в Мюнхене 14.3.1936). «Германский народ, я научил тебя верить, теперь ты дай мне свою веру!» (речь в Гамбурге 20.3.1936). «Как можем мы в этот час не почувствовать чуда, которое нас соединяет! Вы когда-то услышали голос человека, и этот голос ударил в ваше сердце, разбудил вас, и вы пошли за этим голосом... Когда мы здесь встречаемся, всех нас наполняет чудо этого объединения. Не каждый из вас видит меня, и не каждого из вас вижу я. Но я чувствую вас и вы

чувствуете меня!...Это — вера в наш народ... которая нас ошибающихся делает зрячими и объединяет нас!» (речь в Нюрнберге 11.9.1936). «Но если это всемогущество благословит творение так, как оно благословило наше, то люди больше не смогут его разрушить» (речь в Регенсбурге 6.6.1937). «Наша вера в Германию — непоколебима и наша воля — неудержима, и если воля и вера так пылко соединены, то небо не может отказать нам в поддержке» (речь в Берлине 6.10.1936). «Бог создал этот народ, он поднялся по его воле и по нашей воле он останется и никогда больше не исчезнет!» (речь в Бреслау 31.7.1937). «Я был воспитан в вере в германский народ и начал эту гигантскую борьбу. За мной последовали, веря в меня, сначала тысячи, затем сотни тысяч и, наконец, миллионы» (речь в Кёнигсберге 25.3.1938). «Я верю, что это была божья воля, отсюда (Австрия) послать мальчика в рейх, дать ему вырасти и подняться до вождя нации» (речь в Вене 9.4.1938). По этому вопросу см. также: Reichelt, Werner, *Das braune Evangelium. Hitler und die NS-Liturgie*, Wuppertal 1990.

²⁴Werner Kuhnt, Spuren, die noch nicht verweht sind. Ein ehemaliger NJ-Führer erinnert sich an Adolf Hitler, in: *Adolf Hitler 1889–1989, Deutsche Monatshefte Sondernummer April 1989, Berg am Starnberger See 1989, S. 28.*

Вернер Кунт (1911–2000), в 1929 году вступил в НСДАП и СА, 1930 — в Гитлерюгенд, обербаннфюрер в Центральной Силезии, обергебитсфюрер Курмарка (затем Вартеланда), 1938 — депутат Рейхстага, во время войны — лейтенант люфтваффе (кавалер Железного креста 1-го класса). После 1945 года сначала был членом Германской партии, затем — НПД. 1969–72 — председатель фракции НПД в ландтаге земли Баден-Вюртемберг, 1972–78 — также председатель ландтага, член руководства партии и в течение многих лет редактор партийного органа. В 1991 вышел из партии, автор книги о Гитлерюгенде.

²⁵Karl Wahl, *Aus Liebe zu Deutschland. 17 Jahre als Hitler Gauleiter*, Kiel 1997, S. 64 (старое название «Patrioten oder Verbrecher», Kiel 1975).

Карл Валь (1892–1981), слесарь, в 1910 году вступил добровольцем во 2-й баварский егерский батальон, санитар, унтер-офицер, 1913 — принят в школу военных санитаров в Ландау, 1914–18 — воинская служба (фельдфебель санитарной службы), 1919 — начальник гарнизонного госпиталя в Аугсбурге, 1922 — вступление в НСДАП, руководитель СА в Аугсбурге, в период запрета НСДАП — член «Народного блока», 1925 — повторное вступление в НСДАП, крайзлейтер Аугсбурга, 1928 — депутат ландтага Баварии (НСДАП), назначение гаулейтером Швабии, 1933 — депутат Рейхстага. При наступле-

ние американских войск 28.4.1945 способствовал сдаче Аугсбурга без боя и сам сдался в плен. В 1948 году осужден на 3,5 года трудовых лагерей, в 1949 вышел на свободу. В начале 50-х годов работал заместителем, а затем руководителем библиотеки фирмы «Мессершмидт».

²⁶Hitler. Reden und Proklamationen, aaO., S. 762.

²⁷Цит. по: Der Aufstieg der NSDAP, aaO., S. 267

²⁸Hitler. RSA, Band II/1, S. 158 ff.

²⁹Фриц Заукель (1894–1946), матрос и слесарь, 1919/20 – гаулейтер «Немецкого народного стрелкового и охранного союза» в Нижней Франконии, 1923 – вступление в НСДАП, 1925 – управляющий делами гау Тюрингия, 1927–45 – гаулейтер Тюрингии, 1929–33 – депутат ландтага Тюрингии и председатель фракции НСДАП, 1932/33 – премьер-министр и министр внутренних дел Тюрингии, 1933–45 – имперский наместник, 1942–45 – генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы, 1946 – казнен в Нюрнберге.

³⁰Из: Das Geistchristentum, Heft 9/10 (1928), S. 353–356. Цит. по: Hitler. RSA, Band III/1 (Zwischen den Reichstagwahlen Juli 1928 – September 1930), München 1994, S. 23–26.

³¹В ответном письме от 19.8.1928 Динтер отклонил каждое обвинение Ревентлова, так как он лишь критиковал книги последнего. Беседа проходила 30.10.1928 в Кобурге.

³²Hitler. RSA, Band III/1, S. 23 ff.

³³Ibid.: S. 42/

³⁴J.Fest, aaO., S. 361. По вопросу Национал-социалистического сената как координирующей и контрольной инстанции Третьего рейха см. также: W. Врдунингер, «Strahlungsfelder» aaO., S. 42–48

³⁵Hitler. RSA, Band III/1, S. 121.

³⁶Ibid.: S. 149.

³⁷В этой связи интересна брошюра Динтера «Der Kulturkampf gegen Hitler» (Patschau 1931).

³⁸Münchener Post Nr. 60 v. 12.3.1929.

³⁹Ernst Jünger, Politische Publizistik 1919–1933, hrsg. und komm. von Swen Olaf Berggutz, Stuttgart 2001, S. 411.

⁴⁰Hitler. RSA, Band III/1, S. 428.

⁴¹Hitler. Reden und Proklamationen, aaO., S. 893. См. также серьезную работу: Nicholas Goodrick-Clarke «Die okkulten Wurzeln des Nationalsozialismus» (Graz 1997). Более противоречивая и порой абсурдная книга: Victor und Victoria Trimondi (подлинные имена: Herbert und Mariana Ruttgen) Hitler. Buddha. Krishna. Eine unheilige Allianz vom

Dritten Reich bis heute (Wien 2002). Несмотря на свою экзальтированность, книга заслуживает уважения за прилежную работу авторов.

«Везде ложь и мошенничество»

¹Отто Питтингер (1878–1926), доктор медицины, советник санитарной службы, 1919 – руководитель баварской гражданской самообороны, заместитель имперского руководителя организации Эшериха, 1921 – основатель тайной организации «Питтингер», 1922–26 – основатель и вождь «Союза Баварии и рейха», одного из движений, выступавших за реставрацию Виттельсбахов.

²Густав Риттер фон Кар (1862–1934), юрист, 1917–20 и 1921–23 – председатель правительства Верхней Баварии, с марта по сентябрь 1920 – председатель правительства Баварии и до февраля 1924 – генеральный государственный комиссар Баварии, 1924–30 – президент баварской административной судебной палаты, 1934 – убит во время «ночи длинных ножей».

³Во всяком случае так в: E. Kern, ааО., S. 144.

⁴Ernst Deuerleien, Der Hitler-Putsch. Bayerische Dokumente zum 8./9. November 1923, Stuttgart 1962, S. 43 f.

⁵Цит. по: Luedeckte, Kurt – I knew Hitler, London 1938, S. 61. Курт Людеке родился в 1890, торговец, 1922 – вступил в НСДАП, 1922/23 – советник Гитлера по внешнеполитическим вопросам, 1926–28 – работал в США, после заключения в концлагере в 1934 – эмигрировал в США. О Гитлере как ораторе он заметил: «Его слова били как кнут. Когда он говорил о позоре Германии, я чувствовал, что готов наброситься на любого врага. Его призыв к чести немца был как приказ взяться за оружие, учение, которое он проповедовал, было откровением. Он казался мне вторым Лютером. Слушая его, я забывал обо всем. Оглядываясь вокруг себя, я видел, что его сила убеждения держит в своей власти тысячи, как будто это один человек... Мое переживание можно сравнить только с религиозным обращением в другую веру» (Цит. по: P. Fabry, ааО., S. 22)

⁶Ibid..

⁷Эдмунд Д. Морель (1873–1924), британский политик и журналист, 1903–15 – основатель и главный редактор журнала «Африкэн Мэйл», 1912–14 – депутат парламента (от Либеральной партии), 1914 – секретарь союза демократического контроля и главный редактор журнала «Форин Аффэйрс», 1922–24 – снова депутат парламента.

⁸Напечатано в «Фёлькише беобахтер» от 31.10.1923. Цит. по: Hitler. Sämtl. Aufzeichnungen, aaO.; S. 1043 f.

⁹См. также: Bayerischer Kurier vom 28.2.1925, Um die Finanzierung des Hitlerputsches; VB vom 7.3.1925, «Pittingers Abfuhr».

¹⁰О планах путча Питтингера в августе 1922 и позиции Гитлера см.: Thoss, Bruno, Der Ludendorff-Kreis 1919–1923. München als Zentrum der mitteleuropäischen Gegenrevolution zwischen Revolution und Hitler-Putsch, München 1978, S. 226 ff.

¹¹Председатель зачитывает статью из «Базлер Нахрихтен» от 23.10.1923, где говорится о том, что хорошо информированные английские парламентарии, встречавшиеся в Париже с делегациями партий одинакового направления, сообщили, что Гитлер получает деньги из французских источников. Сам Гитлер считает себя выше всяких подозрений по поводу согласия с Францией. Он отвергает любую сумму, якобы полученную им из Франции. Франция Пуанкаре хочет уничтожения Германии. Национальное выступление Гитлера Франция хотела бы сделать предлогом для своего дальнейшего наступления» (Цит. по: RSA, Band I, S. 11).

¹²Георг Фухс (1868–1949), писатель, 1908–14 – руководитель мюнхенского «Кюнстлер-театра», 1923 – приговорен к 12 годам каторжных работ и денежному штрафу в два миллиона рейхсмарок за государственную измену, 1927 – помилован.

Гуго Маххаус (1889–1923), капельмейстер, 1921 – редактор газеты «Фёлькише беобахтер», 1923 – покончил самоубийством в следственной тюрьме.

Огюстен Ксавье Ришер (1879–1975), французский офицер, с 1919 работал в оккупированных Рейнской и Саарской областях, 1922/23 – выполнял тайные поручения французской миссии в Мюнхене. Как констатировал народный суд округа Мюнхен I в своем приговоре от 9.7.1923 в ходе процесса Фухса–Маххауса, Ришер был посредником при передаче баварским сепаратистам значительных денежных сумм для подготовки путча, имеющего целью отделение Баварии от рейха. См. также: Hans Fenske, Konservativismus und Rechtsradikalismus in Bayern nach 1918, Bad Homburg 1969, S. 134 ff.

¹³Völkischen Kurier v. 28.2. und 3.3.1925 (Hitler gegen Pittinger). Цит. по: Hitler. RSA, Band I, S. 10 ff.

¹⁴См. также: Berliner Tageblatt v. 2.6.1925 (AA), Die Französischen Gelder Hitlers. Die abgewiesene Revision.

¹⁵Эрих Домбровски (1882–1972), журналист, с 1916 политический редактор газеты «Берлинер тагеблатт», в конце – заместитель главно-

го редактора, 1926–36 – главный редактор «Франкфуртер Генераль-анцайгер», затем ему запретили заниматься журналистикой, 1949–62 – соиздатель «Франкфуртер Альгемайнен цайтунг».

¹⁶VB v. 16.10.1925

¹⁷Der Oberbayerische Gebirgsbotev. 22.9.1925, Eine Erklrdung Adolf Hitlers. Цит. по: Hitler. RSA, Band I, S. 159.

¹⁸Vцlkischen Kurier v. 5.3.1925. Цит. по: Hitler. RSA, Band I, S. 32. Слух о том, что Гитлер был помолвлен с Эрной Ганфштенгль, сестрой своего пресс-секретаря Эрнста («Путци») Ганфштенгля, которая, кроме того, имела якобы еврейское происхождение, повторно опровергнут личным секретарем Гитлера Рудольфом Гессом 15.10.1925 (см. также VB v. от 15.10.1925, «Hitlers Verlobung»).

¹⁹Адвокат Кон был евреем.

²⁰Кон настаивал на прекращении процесса, ссылаясь на прусский закон об амнистии и, во вторую очередь, на оправдание.

²¹Имеется в виду Отто Баллерштедт.

Ганс Адам Дортен (1880–1963), доктор юридических наук, 1902–18 – на прусской государственной службе, в последний период – прокурор в Берлине, 1919–23 – вождь рейнских сепаратистов, в конце 1923 года эмигрировал во Францию.

²²VB v. 20.4.1926, «Eine Abrechnung!». Цит. по: Hitler. RSA, Band I, S. 401 ff.

²³9.7.1926 в Плауэне в суде первой инстанции слушалось подобное дело по жалобе Гитлера на Ойгена Фрича.

²⁴Berliner Tageblatt v. 10.7.1926 (MA), Der Hitler-ProzeЯ in Plauen. Wer hat franzцsisches Geld-genommen? Согласно отчетам, защитник Пауль Леви объяснил, что «Гитлер является подстрекателем убийства Гарайса». См. также: Vogtldндischer Anzeiger v. 11.7.1926, Hitler-ProzeВ vor dem Plauener Amtsgericht.

Карл Гарайс (1889–1921), школьный учитель, 1919–21 – депутат баварского ландтага и председатель фракции УСПД, убит 9.6.1921; убийца не найден.

²⁵VB v. 24.8.1926, Adolf Hitler siegreich über jцdisch Verleumdung. Berufungsverhandlung Adolf Hitlers gegen «Berliner Tageblatt». Цит. по: Hitler. RSA, Band II/1, S. 47 f.

²⁶Ойген Фрич (1884–1933), 1919 – уполномоченный правительства в Хемнитце, редактор газеты «Плауэнер фольксштимме», 1921–33 – руководитель организации СПД и председатель фракции в Плауэне, 1922–33 – редактор газеты «Фолькцайтунг» в Плауэне, 1933 – умер в концлагере.

²⁷Neue Vogtlandische Zeitung v. 10.7.1926, Prozeß Hitler-Fritsch. Цит. по: Hitler. RSA, Band II/1, S. 25 ff.

Феликс Фехенбах (1894–1933), журналист, 1912 – профсоюзный функционер в Мюнхене, 1918/19 – личный секретарь Курта Эйснера и член временного национального совета «Народного государства» Баварии, 1922 – приговорен к 11 годам каторги за государственную измену, в конце 1924 – освобожден условно, 1929–33 – редактор газеты «Детмольдер фольксблатт», 1933 – убит при перевозке в концлагерь Дахау.

²⁸См. также главу об Отто Баллерштедте в настоящей книге.

²⁹Имеется в виду политически руководимый Гитлером «Германский боевой союз», основанный в Нюрнберге 1./2.9.1923 в связи с «днями Германии» и объединявший части СА, «Оберланд» и «Рейхсфлагге».

³⁰Газета «Фогтлэндише Анцайгер» писала, что Гитлер сказал «есть два Людеке, один сидит в тюрьме и другой – в Америке». Речь идет о д-ре Х. Э. Людеке, осужденном за государственную измену. Однако прокурор Леви имел в виду советника Гитлера по внешнеполитическим вопросам Курта Людеке.

³¹Эмиль Ганссер (1871–1941), доктор философии, 1920 – вступил в НСДАП. Приглашение Гитлера в «Национальный клуб» в Берлине в значительной степени связано с посредничеством Ганссера. С 1923 года Ганссер работал для Гитлера в Швейцарии, в 1924 стал депутатом рейхстага (от НСФБ). В ранний период Ганссер активно помогал доставать деньги для НСДАП, и иногда это были огромные суммы. За его сомнительные манеры деловых операций и склонность к судебным тяжбам Гитлер, однако, уже в середине 1920-х годов отвернулся от Ганссера.

³²NVZ v. 10.7.1926.

³³VB v. 19.5.1927, «Adolf Hitler in Nürnberg».

³⁴См. также: VB v. 23.4.1927, «Rechtsschutz für Stresemann und Rechtsschutz für Hitler».

³⁵Георг Шпонсель (1876–1950), 1900 – посвящение в сан, 1914 – католический священник в Ансбахе, 1926 – член капитула собора в Бамберге, 1929 – священник собора, 1943 – декан собора.

³⁶Fränkische Zeitung v. 15.6.1927, Gerichtsverhandlungen. Цит. по: Hitler. RSA, Band II/1, S. 370.

³⁷См. также статью «Verleumderfreiheit gegen Hitler?» в VB v. 6./7.1.1928.

³⁸С 1900 по 1904 Гитлер ходил в первые три класса государственной реальной школы в Линце на Дунае.

³⁹Цит. по: Hitler. RSA, Band II/2, München 1992, S. 713 f.

⁴⁰Герман Фридрих (род. 1901), мясник, 1918–1923 – член СПД, 1923 – перешел в КПД, 1927 – вступил в НСДАП, автор брошюры «От молота и серпа – к свастике», август 1929 – вышел из НСДАП, затем занимался анти-нацистской агитацией.

⁴¹Роберт Вагнер (1895–1946), капитан, 1924 – осужден на 15 месяцев тюрьмы за участие в гитлеровском путче и уволен с военной службы, 1925–45 – гаулейтер Бадена, 1929–33 – депутат Баденского ландтага (от НСДАП), 1932 – вошел в состав Имперского руководства НСДАП, 1933–45 – премьер-министр и имперский наместник Бадена, 1940 – руководитель гражданской администрации в Эльзасе, 1946 – казнен. По вопросу внутривнутрипартийных разногласий в гау Баден см. также: Ernst Otto Bräunche, Die NSDAP in Baden 1928–1933. Der Weg zur Macht, in: Die Machtergreifung in Südwestdeutschland. Das Ende der Weimarer Republik in Baden und Württemberg 1928–1933, hrsg. von Thomas Schnabel, Stuttgart 1982, S. 15–48 sowie Johnpeter Horst Grill, The Nazi Movement in Baden, 1920–1945, Capitol Hill 1983.

⁴²По его собственным словам, Фридрих, в частности, действовал против безциркуляртера НСДАП, позднее – гаулейтера Йозефа Вагнера. См. брошюру: H. Friedrich, Unter dem Hakenkreuz, S. 16.

⁴³Hitler. RSA, Band III/2, München 1994, S. 293 ff. В своем ответе от 25.7.1929 Фридрих объяснил мотивы своего выхода из НСДАП.

⁴⁴Фриц Шэффер (1888–1967), юрист, 1917 – поступил на государственную службу в Баварии, 1920 – назначение в министерство образования и культов, 1920–33 – депутат ландтага в Баварии (от БФП), 1929–33 – председатель ландтага, после 1933 много раз арестовывался, с мая по сентябрь 1945 – премьер-министр Баварии, 1949–57 – министр финансов ФРГ, 1957–61 – министр юстиции.

⁴⁵Bayerischer Kurier v. 4.12.1929, «Der Tag der Verantwortung».

⁴⁶J. Goebbels, Tagebücher, aaO., S. 431. См. также главу о графе Зодене в настоящей книге.

⁴⁷Цит. по: Aufstieg der NSDAP, aaO., S. 405.

⁴⁸Это объяснение Шэффер повторил в Вюрцбурге 23.2.1933.

⁴⁹Hitler. Reden und Proklamationen, aaO., S. 214.

⁵⁰W. Görlich, aaO., S. 338.

«Гитлер угрожает кронпринцу Рупрехту»

¹André François-Poncet, Botschafter in Berlin 1931–1938, Berlin – Mainz 1962, s. 80 ff.

²Руппрехт (1869–1955), с 1913 – кронпринц Баварии, 1914 – генерал-полковник, командующий 6-й (баварской) армией, 1916–18 – командующий группой армий. В 1921 после смерти своего отца, короля Людвига III, кронпринц Руппрехт отклонил свое провозглашение королем. 1939–45 – находился в изгнании в Италии.

³Альфонс Беккенбауэр пишет о графе Зодене, что тот 27 сентября 1923, т. е. за шесть недель *перед* гитлеровским путчем, сообщил об этом Питтингеру.

⁴Юлиус Фридрих Леман (1864–1935), издатель многочисленных национал- и расово-политических трудов и книг, член общества «Туле», издатель журнала «Обновление Германии», 1931 – вступил в НСДАП.

⁵Alfons Beckenbauer, *Wie Adolf Hitler durch einen niederbayerischen Grafen zu einem Wutausbruch gebracht wurde. Aus den unveröffentlichten Memoiren des Josef Maria Graf von Soden-Fraunhofen – zugleich ein Beitrag zur Geschichte des monarchischen Gedankens in Bayern während der Weimarer Zeit*, in: *Verhandlungen des Historischen Vereins für Niederbayern* 103, Landshut 1977, S. 9.

⁶*Ibid.*, S. 14.

⁷Беккенбауэр ошибочно называет Эриха Людендорфа – «Людендорфом»!

Макс Эрвин Людвиг фон Шойбнер-Рихтер (1884–1923), прибалтийский немец, член организации самообороны «Прибалтийские немцы против большевизма», эмигрировал в Германию, 1914 – добровольно пошел в армию, вице-консул в Эрзеруме (Турция), 1915–16 – руководитель военно-политической экспедиции, затем – служба в Стокгольме, 1917–18 – в штабе сухопутных войск в Риге, 1919 – арестован большевиками и приговорен к смерти, от которой его спасло вмешательство Министерства иностранных дел, 1920 – участие в «путче Каппа» и вступление в НСДАП, 9.11.1923 – как участник гитлеровского путча погиб перед Фельдхеррнхалле (Шойбнер-Рихтер шел рядом с Гитлером в колонне демонстрантов и при первых выстрелах закрыл собой Гитлера, который упал и получил вывих плечевого сустава). Шойбнер-Рихтер располагал многочисленными связями с промышленниками, домом Виттельсбахов, великим князем Кириллом, а также – с церковью. Его влияние на Гитлера было значительным, последний считал Шойбнера «незаменимым».

Эрнст Пенер (1870–1925), 1919–21 – начальник полиции Мюнхена, 1921 – советник в высшем земельном суде Баварии, 1923 – участник гитлеровского путча, 1924 – осужден на 5 лет каторжных работ, 1924 – депутат баварского ландтага (от «Народного блока», с нояб-

ря — от DNVP), 1925 — погиб в результате несчастного случая. При переносе останков Пенера в Бург Хоэнекк 13.11.1927 среди других ораторов выступал и Гитлер.

Франц Ксавье Риттер фон Эпп (1868—1947), офицер, 1904—06 — командир роты в кайзеровской военной группы в Германской Юго-Западной Африке, 1919 — командир добровольческого корпуса своего имени, «освободитель Мюнхена» от Советской республики, 1920 — командир 7-й (баварской) дивизии рейхсвера, 1923 — уволен из армии, 1928 — перешел из БФП в НСДАП, 1928—33 — депутат Рейхстага (НСДАП), март 1933 — имперский комиссар Баварии и премьер-министр, 1933—45 — имперский наместник Баварии.

⁸Joseph Graf Soden, Memoiren, S. 443 ff. Цит. по: A. Beckenbauer, aaO., S. 27.

⁹Ibid., S. 469 ff. (S. 16 f.).

¹⁰Ойген принц (с 1930 — князь) цу Еттинген-Еттинген и Еттинген-Валлерштейн (1885—1969), до 1930 — шеф двора и администрации кронпринца Руппрехта, председатель Административного совета фонда Виттельсбахеров, председатель баварского земельного отделения Германского аристократического общества. Еттинген-Валлерштайн, член 47 организаций, таких, например, как «Баварский союз „Родина и король“» и «Стальной шлем», в феврале 1933 играл важную роль при планировании баварскими монархистами государственного переворота.

¹¹Карл Рабе родился в 1900, журналист, сотрудник газеты «Мюнхенер пост», главный редактор газеты «Мюнхенер телеграмм цайтунг», с марта по июнь 1933 был в тюрьме.

¹²VB v. 8.11.1929, Der Mißbrauch der monarchischen Idee im Dienste der Young-Front. Цит. по: Hitler. RSA, Band III/2, S. 430 ff.

¹³Герман Риттер фон Ленц (1872—1959), начальник штаба 6-й (баварской) армии, 1921 — уволен из армии в чине полковника, 1920 — командир временных добровольческих формирований в Мюнхене, 1929—33 — руководитель «Стального шлема» в Баварии.

¹⁴В 1814 году в результате реставрации Бурбонов на французский престол вступил король Людовик XVIII (1755—1824), брат казненного в 1792 короля Людовика XVI.

¹⁵Карл Рейхель.

¹⁶По-видимому, принц Альбрехт-Людвиг цу Гогенцоллерн, князь и рейнграф Отто II цу Сальм-Хорстмар и князь Франц Йозеф Изенбург.

¹⁷VB-Sondernummer (Nr. 258 a) v. 7.11.1929, «Offener Brief Adolf Hitlers an den Grafen Soden». Цит. по: Hitler. RSA, Band III/2, S. 440 ff.

¹⁸Цит. по: Hitler. RSA, Band III/1, München 1995, S. 23. Гитлер вспоминал, что он «чисто случайно» узнал в мюнхенском кафе «Хек», что кронпринц Руппрехт высказался против «Требований народа». Кафе «Хек» на улице Галериштрассе в двадцатые годы было одним из любимых мест встреч Адольфа Гитлера и его ближайших соратников, там всегда для них был зарезервирован стол (стол сохранился до сих пор).

¹⁹Joseph Graf Soden, в рукописи *Der von Hitler bestgehabte Mann*. Цит. по: A. Beckenbauer, ааО., S. 23 f. Слова «bestgehabte Mann» взяты из: Kurt Sendtner, *Rupprecht von Wittelsbach. Kronprinz von Bayern*, München 1954, S. 543.

²⁰Альфред Гугенберг (1865–1951), 1888 – доктор политических наук, 1890 – основатель «Общегерманского союза», 1903 – директор союза обществ ссудо-сберегательных касс, 1909–18 – председатель КГ «Фридрих Крупп», с 1914 – владелец влиятельного концерна печати и распространения информации, 1919–33 – депутат парламента (DNVP), 1928–33 – председатель DNVP, с января до июня 1933 – имперский министр экономики, а также имперский министр сельского хозяйства и продовольствия.

²¹Hitler. RSA, Band III/3, S. 31.

²²Принц Август Вильгельм Прусский, по прозвищу «Ави» (1887–1949), четвертый сын кайзера Вильгельма II, 1907 – получил звание доктора общественно-политических наук, ландрат округа Руппин, затем член «Стального шлема», с 1930 – член НСДАП и СА, депутат Рейхстага. Август Вильгельм регулярно выступал на массовых митингах, организуемых партией, 1939 – обергруппенфюрер СА. После негативного отзыва в узком кругу о Йозефе Геббельсе в 1942 ему запретили выступать публично. В 1945 – арестован американцами и провел три года в лагере.

Принц Кристоф Гессенский (1901–1943) бросил не закончив реальную гимназию и Высшее сельскохозяйственное училище, ученик-практикант в авторемонтной-мастерской, получил образование автомобильного техника на заводах компании «Майбах», работал в страховом обществе, женился на греческой принцессе Софи. До вступления в НСДАП (1931) выступал в соревнованиях по конному спорту и в мотогонках, 1936 – министриальрат и оберфюрер СС, затем – министриальдиректор и начальник исследовательского отдела руководитель Имперского министерства авиации. В 1943 погиб в Апеннингах.

Принц Фридрих Кристиан цу Шаумбург-Липпе (1906–1983), студент – член правой корпорации, 1927 – женитьба на графине цу Кас-

тель-Рюденаузен, 1928 – вступление в НСДАП и СА, внешнеполитический обозреватель нацистского издательства, сотрудник Роберта Лея в гау Рейнланд – Юг, 1933 – личный секретарь Геббельса, регингсрат, референт в Имперском министерстве просвещения и пропаганды (RMfVP), 1935 – работа в иностранном отделе RMfVP, 1943 – служба в танковых войсках, 1945-48 – интернирован, затем – писатель. Публикации: *Zwischen Krone und Kerker (Autobiographie)*, Wiesbaden, 1952; *Souveräne Menschen, Leoni am Starnberger See* 1962; *Verdammte Pflicht und Schuldigkeit. Weg und Erlebnis 1914–1933*, Leoni 1966; *Als die Goldne Abendsonne. Tagebücher 1933–1937*, München 1971; *War Hitler ein Diktator?* Witten 1977.

Эрбпринц Иосиас цу Вальдек-Пирмонт (1896–1967), профессиональный военный, участник Первой мировой войны, в ее конце – обер-лейтенант, член Добровольческого корпуса в Берлине и Верхней Силезии, получил сельскохозяйственное образование, 1923–27 – член «Молодежного германского ордена», 1929 – вступление в НСДАП и СС, 1930 – адъютант Зеппа Дитриха, 1933 – Генриха Гимлера, 1938–45 – высший руководитель СС и полиции «Фульда-Верра», обергруппенфюрер СС и генерал полиции, 1947 – на процессе в Бухенвальде приговорен к пожизненному заключению, освобожден в 1950.

Великий эрбгерцог Фридрих Франц Мекленбургский (род. 1910), внук русской великой княгини, 1931 – член НСДАП и СС, секретарь посольства в Дании и личный референт имперского наместника д-ра Вернера Беста.

Ландграф и принц Филипп Гессенский (1896–1980), воспитывался в Англии и в Потсдаме, офицер во время Первой мировой войны, затем учился в Высшем техническом училище в Дармштадте, изучал архитектуру, переселился в Италию, 1930 – вступление в НСДАП, 1931 – в СА, с 1933 – обер-президент Гессен-Нассау и обергруппенфюрер СА, 1938 – участник дипломатической миссии к Муссолини (его жена Матильда была дочерью короля Италии), добивавшейся согласия Муссолини на присоединение Австрии к рейху, после капитуляции Италии в 1943 вместе с женой отправлен в концлагерь Бухенвальд, где жена погибла при воздушной бомбардировке.

Герцог Карл Эдуард Саксен-Кобург-Готский (1884–1954), учился в главном кадетском корпусе Берлин-Лихтерфельде, 1904 – лейтенант в 1-м гвардейском полку в Потсдаме, с 1905 – правящий герцог в Саксен-Кобург-Готе, 1914–18 – генерал пехоты, 1920 – член бригады «Эрхардт», с 1926 – руководитель «Стального шлема», 1928 – начальник

штаба этой организации, 1929 – основатель и президент Национального германского автомобильного клуба, 1933 – вступление в НСДАП, с мая 1933 – почетный фюрер НСКК, 1934 – имперский уполномоченный по вопросам автомобильного спорта, 1936 – президент Германского союза фронтовиков, 1933–45 – президент Германского Красного Креста.

²³Принц Бернгард Саксен-Майнингенский вступил в НСДАП 7.11.1931, среди других материалов: BAB (BDC), PA: Prinz Bernhard v. Sachsen-Meiningen, 30.6.1901. Цит. по: Malinowski, Stephan – Vom König zum Führer. Sozialer Niedergang und politische Radikalisierung im deutschen Adel zwischen Kaiserreich und NS-Staat, (Elitenwandel in der Moderne, Band 4), Berlin 2003, S. 567.

²⁴См. также: А. Hitler, ааО., S. 259 ff. und S. 303 ff.

²⁵Hitler. Reden und Proklamationen, ааО., S. 353.

²⁶Цит. по: Friedrich Christian Prinz zu Schaumburg-Lippe, «...verdammte Pflicht und Schuldigkeit. Weg und Erlebnis 1914–1933», Leoni am Starnberger See 1966, S. 214.

²⁷А. Beckenbauer, ааО., S. 10.

«Партийная деспотия и безответственная демагогия»

¹Карл Кауфман (1900–1969), агроном, 1919 – член бригады «Эрхардт», 1920 – член «Стального шлема», 1921 – член НСДАП, 1925–26 – гаулейтер Рейнланд–Север, 1926 – гаулейтер Рура (вместе с Геббельсом и фон Пфедфером), 1929–45 – гаулейтер Гамбурга, 1928–30 – депутат прусского ландтага (от НСДАП), 1930–33 – депутат Рейхстага, с 1933 – также имперский наместник Гамбурга. В апреле 1945, когда Кауфман критиковал Адольфа Гитлера за приказ защищать Гамбург до последней капли крови, называя приказ нереальным из-за сложившейся военной обстановки, а также запретил в Гамбурге любую деятельность «Вервольфа», Гитлер распорядился сместить Кауфмана с поста имперского комиссара по обороне. В январе 1953 он был арестован по «делу Наумана».

²Цит. по: Bennecke, Heinrich – Hitler und die SA, München 1962, S. 238.

³Peter Longerich – Die Braunen Bataillone. Geschichte der SA, München 1989, S. 59.

⁴Запись Генриха Беннеке беседы с Францем Пфедфером фон Заломоном 12.11.1963. Цит. по: Franz-Willing, Georg, Hitler-Bewegung, ааО., S. 76.

⁵J. Goebbels, Tagebücher, aaO., S. 283.

⁶Письмо Вилли Феллера от 16.8.1930. Цит. по: А. Tyrell, «Führer», aaO., S. 297 f.

⁷Статья Гитлера «Das Braune Haus» появилась в VB от 21.2.1931, в ней он придает громадное значение новому партийному центру, размещенному в бывшем «Барлов-дворце». Вышеприведенная цитата взята из: Hitler. RSA, Band IV/1, S. 214 f.

⁸Цит. по: G. Franz-Willing, Hitler-Bewegung, aaO., S. 77.

⁹Отто Вагенер (1888–1971), капитан в отставке, 1919 – начальник штаба «Германского легиона в Прибалтике», 1920 – участие в «путче Каппа», арест, 1920/21 – руководитель «Организации Эшериха» в Бадене, с 1920 – директор фабрики швейных машин, 1924 – получил ученую степень доктора без защиты диссертации, октябрь 1929 – член руководства НСДАП, с января до декабря 1930 – начальник штаба СА, 1931 – руководитель политико-экономического отдела руководства НСДАП, 1932 – сотрудник штаба Гитлера для особых поручений, с апреля по июнь 1933 – рейхскомиссар по хозяйственным вопросам, смещен из-за интриг. 1939 – капитан резерва, 1945 – генерал-майор. Вагенер опубликовал свои воспоминания: «Hitler aus nächster Nähe, Aufzeichnungen eines Vertrauten 1929–1932», hrsg. von H.A. Turner, jr., Frankfurt/Main – Berlin – Wien 1978.

¹⁰Франц Вильке (родился в 1899), 1925 – вступил в НСДАП, 1926 – руководитель района IX гау Большой Берлин, казначей гау Берлин-Бранденбург, 1932 – член фракции НСДАП в Рейхстаге, 1932 – исключен из партии.

¹¹См. также: Werner, Andreas – SA und NSDAP. SA: «Wehrverband», «Parteitruppe» oder «Revolutionsarmee»? Studien zur Geschichte der SA und NSDAP 1920–1933, Diss. Phil., Nürnberg 1964; S. 475 ff., а также – рукопись Вальтера Штеннеса 1931 года «Wie es zur Stennes Aktion kam», IfZ-Archivalie, Fa 88.

¹²См. также распоряжения Гитлера по этому вопросу в: H. Bennecke, aaO., S. 251.

¹³Schreiben des Polizeipräsidenten von Berlin, Landeskriminalamt (I A) Nr. 3716 I A 7/1930 an die Polizeidirektion München v. 16.9.1930; StA München Polizeidirektion 6808. Цит. по: Hitler. RSA, Band III/3, S. 379.

¹⁴Ibid.

¹⁵Карл фон Литцман (1850–1936), генерал, победитель в битве при Лодзи («Löwe von Brzezini»), 1918 – вышел в отставку, 1929 – вступление в НСДАП, почетный президент германского Рейхстага. Литцман был – как Аугуст фон Макензен – одним из «примерных генералов»

эпохи Вильгельма. В 1940 город Лодзь переименовали в «Литцманштадт».

¹⁶J. Goebbels, *Tagebücher*, ааО., S. 510 f.

¹⁷*Ibid.*, S. 511 f.

¹⁸*Ibid.*, S. 519.

¹⁹H. Bennecke, ааО., S. 148

²⁰«Stellungnahme zur vorgesehenen Umorganisation der SA-Führung» v. 19.9.1930 (IfZ Fa 107 Bl. 64/73).

Август Шнайдерхубер (1888–1934), майор в отставке, агроном, 1928 – группенфюрер СА, 1929–31 – заместитель командующего СА на Юге (Мюнхен), 1931/32 – командир группы СА «Запад», 1932/33 – депутат Рейхстага (от НСДАП), 1932–34 – командир обергруппы СА VII (Мюнхен), 1933 – полицей-президент Мюнхена, 1934 – убит во время «Ночи длинных ножей».

²¹Цит. по: P. Longerich, ааО., S. 106.

²²*Ibid.*, S. 107.

²³J. Fest, *Hitler*, ааО., S. 398.

²⁴P. Longerich, ааО., S. 111.

²⁵Hitlers Verrat an der SA. Die Wahrheit über die Stennes-Aktion, hrsg. von der Unabhängigen Nationalsozialistischen Kampfbewegung Deutschlands, 1931.

²⁶Цит. по: H. Bennecke, ааО., S. 165.

²⁷DAZ v. 2.4.1931.

²⁸Вольф Генрих фон Хелльдорф (1896–1944), 1915 – лейтенант, 1919 – уволен из армии в чине ротмистра, 1918/19 – член добровольческого корпуса Россбаха, 1920 – участие в «Капповском путче», 1920–24 – ссылка в Италии, 1925–28 и 1932–33 – депутат прусского ландтага (от DVFP, позднее НСДАП), 1924/25 – соучредитель «Союза фронтовиков» (группа «Центр»), 1926 – вступление в НСДАП, 1927 – президент экономической палаты провинции Саксония, 1931 – оберфюрер СА, командир унтергруппы СА «Большой Берлин», 1933 – начальник полиции Потсдама, 1935–44 – начальник полиции Берлина, 1938 – обергруппенфюрер СА, 1944 – казнен за участие в заговоре 20 июля.

Ганс Петер фон Хейдебрек (1889–1934), группенфюрер СА, депутат Рейхстага (НСДАП), 1934 – убит по время «Ночи длинных ножей».

Карл Эрнст (1904–1934), группенфюрер СА, 1918–21 – учился в торговом училище, 1921–23 – торговый служащий, затем – администратор гостиницы, 1923 – вступил в НСДАП, 1931 – член руководства СА в гау Берлин-Бранденбург, 1932 – депутат Рейхстага (НСДАП),

1933 – создал «дикий» концлагерь, закрытый по распоряжению Геринга. Предполагают, что Эрнст имел гомосексуальные связи с начальником штаба СА Рёмом и пользовался поддержкой последнего. 1934 – накануне своего свадебного путешествия во время «Ночи длинных ножей» расстрелян как один из предполагаемых руководителей путчистов.

²⁹См. также: Hitler. Reden und Proklamationen, Teil II «Untergang», Vierter Band 1941–1945, S. 1788, включая примечание 506 (Макс Домарус: «Страх Гитлера перед обергруппенфюрерами был не слишком обоснованным. Не говоря о Рудольфе Гессе (обергруппенфюрер СС) и д-ре Тодте (обергруппенфюрер СА), он мог опасаться, самое большее, лишь графа Хелльдорффа (обергруппенфюрер СА)»).

³⁰1.11.1926 гау НСДАП Берлин-Бранденбург возглавил д-р Йозеф Геббельс.

³¹Hitler. RSA, Band IV/1 (Von der Reichstagswahl bis zur Reichspräsidentenwahl Oktober – 1930 Мдгз 1932), München 1994, S. 256.

³²Пауль Шульц (1898–1960), обер-лейтенант в отставке, 1919 – член добровольческого корпуса Ойленбурга, 1922/23 – офицер «черного рейхсвера», 1927 – за политическое убийство приговорен к смерти, замененной пожизненным заключением, 1930 – амнистирован, вступил в НСДАП, 1930–32 – заместитель и начальник штаба рейхслейтера НСДАП по организационным вопросам, 1932 – вышел из партии, 1934 – эмиграция.

³³J. Goebbels, Tagebücher, aaO., S. 575 f.

³⁴Ibid., S. 577.

³⁵Ibid., S. 583

³⁶VB v. 4.4.1931, Adolf Hitlers Absprechnung mit den Rebellen. Цит. по: Hitler. RSA, Band IV/1, S. 248 ff.

³⁷VB v. 8.4.1931. Цит. по: Hitler. RSA, Band IV/1, S. 273 ff.

³⁸Совместная работа со Штеннесом привела к выходу полуавтобиографической книги «Als Hitler nach Canossa ging», Berlin 1982.

³⁹Близко к этому вопросу см.: Hitler. RSA, Band IV/1, S. 360 ff.

⁴⁰По этой теме есть интересная статья: Adolphe Légalité в газете «Фоссишен цайтунг» от 9.5.1931.

⁴¹Hitler. Reden und Proklamationen, aaO., S. 423.

⁴²Ibid., S. 180 – по VB v. 13.1.1933.

⁴³P. Longerich, aaO., S. 163.

⁴⁴Цит. по: G. Franz-Willing, Hitler-Bewegung, aaO., S. 315.

⁴⁵Vossische Zeitung Nr. 34 (AA), S. 1, «Stegmanns Freikorps Franken».

⁴⁶Так по предположению P. Longerich, aaO., S. 164.

⁴⁷Ibid..

⁴⁸Hitler. Reden und Proklamationen, aaO., S. 423. -

⁴⁹Якоб Шпренгер (1884–1945), обер-инспектор почты, 1922 – вступил в НСДАП, 1925 – группенлейтер во Франкфурте-на-Майне и бециркслейтер в гау Гессен-Нассау – Юг, 1925–29 – уполномоченный во Франкфурте-на-Майне, 1927–33 – гаулейтер Гессен-Нассау – Юг, 1930–33 – председатель фракции в провинциальном ландтаге Гессена-Нассау, 1930–33 – депутат Рейхстага (НСДАП), 1932 – инспектор НСДАП на Юго-Западе, 1833–45 – гаулейтер Гессена-Нассау и имперский уполномоченный в земле Гессен. Когда в конце марта 1945 американские войска приближались к Франкфурту-на-Майне, Шпренгер в служебном автомобиле уехал из города и немного спустя вместе со своей женой покончил жизнь самоубийством.

⁵⁰Так сказал Франц фон Пфеддер в беседе с Генрихом Беннеке 21.4.1963.

⁵¹Goebbels, Band 3, Januar 1942 – März 1942, aaO., S. 548.

«Я хочу иметь не офицеров Генерального штаба, а вождей!»

¹Эрнст Анрих, проф., д-р, род. 9.8.1906 в Страсбурге, получил ученую степень в 1931 (диссертация «Югославский вопрос 1870–1914»), 1932 – как следствие своей многосторонней педагогической деятельности – прошел по конкурсу на должность преподавателя новой истории (с работой «Политика Англии в июле 1814 года»). Неоднократные попытки Анриха вступить в партию наталкивались на вето Шираха, даже письмо рейхсфюрера СС Гимmlера не могло ничего изменить (см.: «Reichsführer! Briefe an und von Himmler», hrsg. von Helmut Heiber, München 1970, S. 144). В 30-е годы Анрих выдвинулся как специалист по вопросам западной границы Германии и автор многих заметных исторических работ («Народ и государство как основа рейха», «Университеты как духовные пограничные крепости», «История западной границы Германии»). После недолгой военной службы в 1941–44 был деканом университета в Страсбурге, в 1949 основал в Дармштадте известное «Общество научной книги» и 17 лет был его руководителем. Перу Анриха принадлежат многие научные и политические труды, среди них – монументальная многотомная работа «Die Entstehung der beiden Weltkriege 1914/18 und 1939/45 aus Bedingnissen der deutschen Geschichte» (Seeheim 1997 und 2003), вторая часть которой, однако, осталась фрагментарной. Много лет Анрих занимался

также партийно-политической деятельностью, сначала в КДУ, с 1965 — в НПД, где был главным теоретиком. В 1975 он снова вышел из партии, т. к. считал, что с ней нельзя больше добиться положительного решения для Германии. Эрнст Анрих умер 21.10.2001.

Рейнхард Зункель (1900—1944), член Добровольческого корпуса, 1922 — вступил в НСДАП, 1927/28 — член НСДСБ в Киле, 1928 — переезд в Эрланген, 1930/31 — крайзлейтер Х (Берлин), организационный руководитель НСДСБ и заместитель Бальдура фон Шираха. Зункель был ведущим теоретиком НСДСБ в Северной Германии. 1931 — исключен из НСДСБ, группенлейтер НСДАП в Киле, 1932 — крайзлейтер, 1932/33 — депутат прусского ландтага, 1933/34 — советник в прусском Министерстве по делам науки, 1934/37 — служит в Имперском министерстве по делам воспитания, эпизодически — вице-инспектор НАПОЛА («Учреждений национально-политического воспитания»), компетентный, но после навязанного смещения д-ра Хаупта потерял эту должность, 1937 — вышел в отставку, 1944 — покончил жизнь самоубийством.

²Густав Адольф Анрих (1867—1930), теолог, с 1894 — священник в Лингольсхайме, с 1901 — руководил Теологическим училищем в Страсбурге, где он в 1903 стал экстраординарным профессором, в 1914 — ординарным профессором и позднее — ректором. В 1919 он переехал в Бонн и с 1924 — преподавал в Тюбингене. Анрих был председателем научного института Эльзаса-Лотарингии, входящего в состав университета Франкфурта-на-Майне. Сфера его исследований — древняя история церкви. Публикации, в частности: *Hagios Nikolaus. Der Hl. Nikolaus in der griechischen Kirche* (1913).

³Из неопубликованной рукописи Эрнста Анриха *Erinnerungen. Tagebuch eines Lebens*, S. 166 (ссылки далее: «E. Anrich»), которую Анрих любезно предоставил в распоряжение автора.

⁴E. Anrich, *Erinnerungen*, S. 218.

⁵Д-р Йоахим Хаупт (1900—1989), функционер НСДСБ в Северной Германии. Т. к. он был противником Бальдура фон Шираха, то сменил депутатство в прусском ландтаге (НСДАП) — на Имперское министерство воспитания, руководимое Рустом. Немного позднее он стал первым инспектором НАПОЛА, но 23 июня 1938 исключен из НСДАП высшим партийным судом по обвинению в нарушении § 175. По биографии Йоахима Хаупта — см. также: W. Bräuninger, «Strahlungsfelder» aaO. S. 59 ff.

Д-р Адриан фон Рентельн, род. 1897 в Гости/Россия, журналист, с 1929 — руководитель Национал-социалистического школьного союза,

с 1931–32 – «бундесфюрер» Гитлерюгенда. В 1932–33 – депутат рейхстага (от НСДАП). Кроме того, он был президентом съездов промышленников и торговцев и руководил главным управлением по вопросам ремесел в руководстве НСДАП и в Германском трудовом фронте. Во время войны Рентельн был генеральным комиссаром в Литве; в 1946 – казнен.

⁶Е. Angrich, aaO., S. 239.

В примечании Анрих пишет: «Манфред Франце в своей докторской диссертации («Die Erlanger Studentenschaft von 1918–1945», 1971, опубликованной в 1972, S. 124, и процитированной в Anselm Faust, Der NS-Studentenbund Band I, 1973, S. 176, Anm. 30), что я хотел говорить с Гитлером, чтобы высказать ему мое несогласие с Ширахом. Это совершенно не так. Тогда я надеялся полностью преодолеть это несогласие».

⁷Ibid., S. 248.

⁸Анрих также обращался с личным письмом к Гитлеру, чем вызвал гнев Шираха.

⁹Е. Angrich, aaO., S. 257.

¹⁰Ibid., S. 238.

¹¹Е. Angrich, aaO., S. 264 f.

Фридрих Карл Флориан (1894–1975), служащий горно-рудного предприятия в Вестфалии, 1914 – добровольцем вступил в армию, служил в 1-м гренадерском полку в Кёнигсберге, награжден Железным крестом 2-го класса, летчик-истребитель в воздушной эскадре «Рихтхофен», 1918 – британский плен, 1919 – вернулся в Рурскую область, с 1920 до 1929 – служащий горно-рудного предприятия в Буэре, член «Немецкого народного стрелкового и охранного союза», активный участник «борьбы в Руре», 1924 – основатель местной группы Народно-социального блока, 1925 – вступил в НСДАП, 1927 – избран депутатом в Буэре, 1927 – группенлейтер в Буэре, крейзлейтер Эмшер-Липпе, 1929 – бециркслейтер Бергишланд–Нижний Рейн, 1930 – назначен гаулейтером Дюссельдорфа, 1930 – депутат Рейхстага (от НСДАП), 1933 – руководитель фракции НСДАП в городском совете Дюссельдорфа, 1934 – государственный советник в Пруссии, основатель «Национал-социалистических консультационных пунктов». В конце апреля 1945 Флориан попал в плен к американцам, предпринял неудачную попытку отравиться. Вторая попытка самоубийства – он выбросился из окна третьего этажа казармы в Геттинген – тоже оказалась безуспешной, он получил серьезные травмы, но остался жив. Прошел через несколько лагерей и тюрем, в 1949 –

осужден на 6,5 лет заключения, в 1951 – освобожден, затем работал в промышленности.

¹²Ibid., S. 266.

¹³Ibid., S. 267 f.

¹⁴Ibid.

¹⁵Ганс Дитрих (1898–1945), учитель народной школы, 1920–22 – гау-варт «Немецкого народного стрелкового и охранного союза», 1923 – вступил в НСДАП, 1924–28 – депутат Рейхстага (НСДАП), 1929 – председатель фракции НСДАП в городском совете Кобурга, 1932/33 – депутат ландтага в Баварии, 1933 – референт по вопросам школ в Кобурге, 1933/34 – уполномоченный по вопросам обеспечения жертв войны в Баварии.

¹⁶По этому вопросу и истории НСДСБ см. также: Faust, Anselm, *Der National-Sozialistische Studentenbund. Studenten und Nationalsozialismus in der Weimarer Republik*, zwei Bde., Düsseldorf 1973.

¹⁷Ганс Поль, крейзлейтер VIII (германо-язычная Австрия) НСДСБ. Речь идет о письме Вильгельма Фелькера и Рейнхарда Зункеля Гансу Полю от 20.4.1931, преследовавшем цель побудить как можно больше групп НСДСБ в высших школах присоединиться к движению за выход из союза в знак протеста против политики Шираха. В нем говорилось: «Гитлеру нужны не люди, а цифры».

¹⁸Hitler. RSA, Band IV/1, S. 348 ff.

¹⁹Baldur von Schirach, *Ich glaube an Hitler*, Hamburg 1967, S. 88 ff.

²⁰См. также главу о Понтере Кауфмане и журнале «Вилле унд Махт».

²¹Цит. по: Kettenacker, Lothar, *Kontinuität in Denken Ernst Anrichs. Ein Beitrag zum Verständnis und gleichbleibender Anschauung des Rechtradikalismus in Deutschland*, in: Paul Kluge zum 60. Geburtstag, hrsg. von Dieter Rebentisch, Frankfurt/Main 1968. По той же теме также: Karl-Ernst Jeismann, *Nichts dazu gelernt und nichts vergessen! Zu E. Anrich, Leben ohne Geschichtsbewußtsein*, in: *Geschichte, Politik und ihre Didaktik (GPD)* 18, 1990, S. 63.

²²E. Anrich, aaO., S. 279.

²³Ernst Anrich, *Drei Stücke über Nationalsozialistische Weltanschauung*, Stuttgart 1932.

²⁴Вальтер Лиенау (1906–1941), студент, 1925 – вступил в НСДАП, 1929 – группенфюрер НСДСБ в высшем техническом училище Мюнхена, 1930 – крайзлейтер VII «Германского студенчества», затем – политический референт по вопросам высшей школы руководства НСДСБ, 1931/32 – первый председатель «Германского студенчества», потом – фермер, 1939 – вступил в дивизию СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», 1941 – погиб в Греции.

²⁵Hitler. RSA, Band IV/2, S. 294.

²⁶E. Anrich, aaO., S. 323.

²⁷Ibid., S. 327.

²⁸Фридрих Оскар Штэбель (1901–1977), в сентябре 1933 назначен руководителем «Германского студенчества» и имперским руководителем НСДСБ, 1933 – депутат Рейхстага (НСДАП), 1934 – руководитель отдела по делам студенчества в руководстве молодежным движением, директор «Союза немецких инженеров» и ответственный руководитель по вопросам обучения Национал-социалистического союза техники.

²⁹Ганс-Бернхард фон Грюнберг (1903–1975), 1922–29 – изучал экономику в Гейдельберге и Кёнигсберге, 1923 – изучал сельское хозяйство (не закончил), 1929 – доктор политических наук, в качестве референта вступил в главную сельскохозяйственную палату Пруссии в Берлине, 1/1931 – вступил в НСДАП, редактор газеты «Пройсишен цайтунг» в Кёнигсберге, оратор гау, 1931–34 – руководитель студенчества в Восточной Пруссии, затем – руководитель организации преподавателей высшей школы, 1933 – руководитель по жилищным вопросам «немецкого рабочего фронта» и начальник отдела планирования при администрации провинции Восточная Пруссия, 1934 – директор института экономики Восточной Германии при университете Кёнигсберга и экстраординарный профессор там же, 1935 – советник администрации провинции, 1937 – ректор университета Кёнигсберга, 1939 – участие в Польской кампании, был ранен, 1941–43 – прикомандирован к имперскому комиссариату на Украине. Незадолго до своего бегства из осажденного Кёнигсберга в феврале 1945 Грюнберг, как считают, распорядился увести Янтарную комнату. В марте 1945 он снова вступает в вермахт, до 1949 – находится в русском плену, затем – «за контрреволюционную деятельность» в лагере в Риге осужден на восемь лет, в марте 1950 – освобожден по амнистии, вернулся в ФРГ, 1954 – вступил в Германскую имперскую партию, став председателем ее организации в земле Северный Рейн – Вестфалия, 1964 – соучредитель Национал-демократической партии Германии, автор Национал-демократического манифеста, заместитель председателя ее организации в земле Северный Рейн – Вестфалия, в течение многих лет – член Правления партии, 1974 – выход из партии.

³⁰Отрывок из речи Адольфа Гитлера 20.5.1937: «...Когда некоторые говорят: Вы – фантаст!, то я могу им ответить лишь одно: Вы – идиот! Если бы я никогда в своей жизни не был фантастом, где были бы Вы и

все мы теперь? Я всегда верил в будущее Германии. Вы тогда говорили мне: Вы – фантаст. Я всегда верил в возрождение германского рейха, когда Вы мне говорили: «Вы дурак!» Я всегда верил в возрождение германской мощи, когда Вы мне говорили, что я сумасшедший. Я верил в преодоление экономической нужды, Вы говорили – это утопия. Кто оказался прав, фантаст или Вы? Я оказался прав и я буду прав и в будущем!»

³¹Е. Angich, aaO., S. 443.

Густав Адольф Шеель (1907–1979), активист немецкого молодежного движения, 1928 – начал изучать медицину, 1930 – вступление в НСДАП и СА, 1932 – руководитель Национал-социалистического студенчества в Гейдельберге, 1935 – д-р медицины и руководитель Национал-социалистического студенчества в Бадене, ноябрь 1936 – имперский руководитель студентов, 1938 – депутат Рейхстага, в 1934–41 занимал также высокие посты в СД, ноябрь 1941 – гаулейтер и имперский наместник Зальцбурга, 1944 – имперский руководитель доцентов. Как гаулейтер Зальцбурга в апреле 1945 Шеель предотвратил взрыв мостов и разрушение города. В «Завещании Гитлера» он назван имперским министром культуры, в 1945–48 – интернирован, согласно заявлению британской секретной службы, был членом организации «Братство» – основанного в 1949 в Гамбурге тайного общества бывших национал-социалистов, учредитель Клуба господ. 15.1.1953 на короткое время арестован англичанами за принадлежность к так называемому «кружку гаулейтеров» д-ра Вернера Наумана, 1954–79 – врач в Гамбурге. Литература: Georg Franz-Willing, Bin ich schuldig? Leben und Wirken des Reichsstudentenführers und Gauleiters Dr. Gustav Adolf Scheel 1907–1979. Eine Biographie, Leoni am Starnberger See 1987.

«Пока я веду партию...»

1 Fraenkel, Ernst, The Dual State, New-York – London – Toronto 1941.

²Goebbels, aaO., Band 8, Мдрз – Juli 1943, Мьнchen 1993 (Eintrag v. 16.3.1943).

³Reinhard Bollmus, Das Amt Rosenberg und seine Gegner. Zum Machtkampf im Nationalsozialistischen Herrschaftssystem, Stuttgart 1970.

⁴Готтхард Урбан (1905–1941), 1923 – вступил в НСДАП, в доме веймарского генерал-интенданта фон Шираха (отца Бальдура фон Шираха) познакомился с Альфредом Розенбергом. Сначала – руководитель по экономическим вопросам «Боевого союза за германскую культуру», 1933 – депутат Рейхстага, 1934 – обербаннфюрер в Имперском

руководстве Гитлерюгенда, с 1934 – начальник штаба ведомства Розенберга. В июле 1941 Урбан погиб в бою у озера Ильмень.

Д-р Хельмут Штелльрехт (родился в 1898), инженер, участник мировой войны и боец добровольческого корпуса. После работы в промышленности и получения ученой степени в высшем техническом училище Штуттгарта с 1932 – высокопоставленный функционер в руководстве НСДАП, много сделал для восстановления военизированной трудовой повинности. В 1933–39 – депутат Рейхстага, заместитель обергегбитсфюрера в Имперском руководстве Гитлерюгенда, руководил там ведомством военного воспитания и ушел оттуда из-за конфликта с фон Ширахом. Как сотрудник высокого ранга в ведомстве Розенберга он стал преемником Урбана на посту начальника штаба. Выпустил книгу: «Adolf Hitler. Heil und Unheil. Die verlorene Revolution» (Тьбинген 1974).

Генрих Хэртле (родился в 1909), обучался банковскому делу, 1927 – вступил в НСДАП, 1933–36 – учился в высшей политической школе в Берлине, 1936–39 – начальник отделения в ведомстве обучения Германского трудового фронта, 1939–45 – референт, с апреля 1941 – заместитель руководителя отделения науки в ведомстве Розенберга (возглавляемого Альфредом Баймлером или д-ром Вальтером Гроссом). После войны Хэртле работал для «Германской имперской партии» (ДРП) как редактор газет «Рейхсруф» и «Дойче вохен цайтунг». Публикации: Nietzsche und der Nationalsozialismus (1937), Die ideologischen Grundlagen des Bolschewismus (1944), Freispruch für Deutschland. Unsere Soldaten vor dem Nürnberger Tribunal (1965), Amerikas Krieg gegen Deutschland Wilson gegen Wilhelm II. Roosevelt gegen Hitler (1968), Großdeutschland. Traum und Tragodie. Rosenbergs Kritik am Hitlerismus (1969), Die Kriegsschuld der Sieger (1971), Deutsche und Juden. Studien zu einem Weltproblem (1977). Хэртле обработал воспоминания Альфреда Розенберга «Letzte Aufzeichnungen. Ideale und Idole der Nationalsozialistischen Revolution» (1955).

Тило фон Трота, род. 1909, примерно с 1932 – личный секретарь Альфреда Розенберга. Погиб в 1938 в автомобильной катастрофе. До сегодняшнего дня известен своей рецензией на работу Эрнста Юнгера «Рабочий. Власть и образ» в газете «Фёлькише беобахтер», содержащей запоминающиеся формулировки, например, – своей работой Юнгер осмелился зайти в «зону ранения в голову».

⁵Йозеф Грое (1902–1987), торговый служащий, 1919 – вступил в «Немецкий народный стрелковый и охранный союз», 1922 – вступил в НСДАП, 1924 – окружной руководитель по экономическим вопро-

сам «Народно-социального блока», 1925 – повторное вступление в НСДАП, заместитель гаулейтера Рейнланда – Юг (с 1926 – гау Рейнланд), 1926–31 – главный редактор газеты «Вестдойчен беобахтер», 1929 – городской уполномоченный в Кёльне, 1931–45 – гаулейтер Кёльна-Ахена, 1932/33 – депутат ландтага Пруссии, 1933 – государственный советник Пруссии, 1944 – имперский комиссар оккупированных территорий в Бельгии и Северной Франции, 1946–50 – находился в заключении.

⁶P. Hüttenberger, aaO., S. 51.

⁷Hitler. RSA, Band II/1, S. 333.

⁸Ганс Раушер (1897–1961), часовщик, 1920 – член Добровольческого корпуса Россбаха, 1921 – вступил в НСДАП, 1925 – штурмфюрер СА («Штурм I») в Мюнхене, 1927 – вышел из партии, 1929 – повторное вступление в НСДАП, 1933 – штандартенфюрер СА, 1939 – бесславное увольнение из СА.

⁹PND-Bericht Nr. 575 o.D.; StA München, Polizeidirektion München 6809. Цит. по: Hitler. RSA, Band II/1, S. 320 ff.

¹⁰Ibid., S. 421.

¹¹См. также: Höffkes, Karl – Hitlers politische Generale. Die Gauleiter des Dritten Reiches, 2. Auflage, Tübingen 1997, S. 246 f.

¹²Герман Рост, род. 1895, инспектор министерства в Шверине, 1929 – вступление в НСДАП, 1938 – оберрегирунгсрат.

¹³Hitler. RSA, Band III/3, S. 169 ff.

¹⁴BDC-Personalakte Friedrich Hildebrandt. Цит. по: Hitler. RSA, aaO., S. 170.

¹⁵Херберт Альбрехт (1900–1945), добровольно пошел на войну, 1919 – член добровольческого корпуса Халле и «Немецкого народного стрелкового и охранного союза», 1924 – сотрудник «Фёлькише беобахтер», 1925 – д-р философии, 1926 – вступление в НСДАП, избран депутатом ландтага Саксонии, 1930–33 – депутат Рейхстага, 1930/31 – заместитель гаулейтера Мекленбурга, 1933/34 – полномочный представитель Тюрингии в Рейхсрате и специальный представитель правительства Тюрингии в Берлине, 1934 – лишение всех партийных постов сроком на 3 года, член Наблюдательного совета государственной компании «Германское ревизионное и посредническое АГ».

¹⁶Hartmann Lauterbacher, Erlebt und mitgestaltet, Kronzeuge einer Epoche 1923–1945. Zu neuen Ufern nach Kriegsende, Preuß. Oldendorf 1984, S. 246.

Хартман Лаутербахер (1909–1988), 1922 – создание организации

«Германская молодежь», 1925–29 – изучение профессии фармацевта, 1927 – вхождение «Германской молодежи» в Гитлерюгенд и вступление в НСДАП, переезд в Брауншвейг, учеба в фармацевтической академии, 1930 – гауфюрер Гитлерюгенда в Южном Ганновере – Брауншвейге, 1932 – гебитсфюрер Гитлерюгенда в Нижнем Рейне – Вестфалии, 1933 – обергебитсфюрер Гитлерюгенда «Запад», 1934 – назначен начальником штаба Гитлерюгенда и заместителем имперского руководителя молодежи, 1936 – депутат Рейхстага, 1940 – гаулейтер Южного Ганновера – Брауншвейга. В 1944 Лаутербахер был тяжело ранен при воздушном налете на Берлин, в мае 1945 – бежал в Каринтию, попал в плен к англичанам, прошел интернирование в 27 тюрьмах и лагерях, 1948 – побег в Италию, новое интернирование и возврат в Германию. В 1953 Лаутербахер создал фирму «Лабора», до 1980 – советник за границей, в частности в Гане и Омане. В 1984 вышли его воспоминания.

¹⁷Отто Шмидт-Ганновер (1888–1971), профессиональный офицер, 1924–33 – депутат Рейхстага (от DNVP), 1924–25 – организатор предвыборной борьбы Гинденбурга, доверенное лицо Альфреда Гугенберга, последнего председателя фракции DNVP, 1945/55 – соучредитель (вместе с Гансом Церером) Консервативной партии, автор «Консервативного манифеста». В 1959 вышли воспоминания Шмидта-Ганновера «Umdenken oder Anarchie. Männer – Schicksale – Lehren».

¹⁸Albert Krebs, Tendenzen und Gestalten der NSDAP. Erinnerungen an die Frühzeit der Partei, Stuttgart 1948, S. 226.

¹⁹J. Fest, Hitler, aaO., S. 350.

²⁰A. Krebs, aaO., S. 66.

²¹Цит. по: Jochmann, Werner, Nationalsozialismus und Revolution. Ursprung und Geschichte der NSDAP in Hamburg 1922–1933, Frankfurt/Main 1963, S. 358 f.

²²Wilhelm Kube an Rudolf Heß, Akten der Parteikanzlei. Rekonstruktion eines ferlorengegangenes Bestandes. Sammlung der in anderen Provenienzen überlieferten Korrespondenzen, Niederschriften von Besprechungen usw. mit dem Stellvertreter des Führers und seinem Stab bzw. der Parteikanzlei, ihren Ämtern, Referaten und Unterabteilungen sowie mit Heß und Bormann persönlich. Hrsg. vom Institut für Zeitgeschichte. Bearb. von Helmut Heiber u.a., München 1983 ff. Microfiche 117 01263 (ссылки далее: «Akten der PK»).

²³M. Moll, «Sturz», aaO., S. 10.

²⁴См. также: «Der Führerstaat»: Mythos und Realität. Studien zur Struktur und Politik des Dritten Reiches, hrsg. von Gerhard Hirschfeld und

Lothar Kettenacker mit einer Einleitung von Wolfgang J. Mommsen, Stuttgart 1981, S. 291 ff. Вильгельм Майнберг (1898–1973), агроном, 1919 – член «Немецкого народного стрелкового и охранного союза», 1929 – вступил в НСДАП и СА, партийный оратор, 1932 – депутат ландтага Пруссии (НСДАП), 1933 – президент земельного союза и старшина сословия производителей продовольствия, государственный советник Пруссии и депутат Рейхстага, 1935 – советник окружного руководства НСДАП в Восточной Пруссии по вопросам сельского хозяйства, заместитель имперского руководителя крестьян. В 1955 Майнберг стал председателем Германской имперской партии и оставался им до 1960.

²⁵Der Führerstaat, aaO., S. 291.

²⁶Ibid., S. 292.

²⁷См. также: Robert Trévoz/Hans Branig/Cécile Lowenthal-Hensel, Pommern 1934/35 im Spiegel von Gestapo-Lageberichten und Sachakten (Die Geheime Staatspolizei in den preußischen Ostprovinzen 1934-36, Kuln – Berlin 1974, Band II, S. 31 ff.).

²⁸Martin Bormann an Alfred Rosenberg am 11.10.1941, Akten PK Nr. 126 02945.

²⁹По биографии Карпенштайна см. также: K. Höffkes, Hitlers pol. Generale, aaO., S. 177.

³⁰Rudolf Heß an alle Reichs- und Gauleiter am 4.12.1934, Akten der PK Nr. 117 01298. Цит. по: M. Moll, «Sturz», aaO., S. 12.

³¹Удо фон Войрш (1895–1982), высший руководитель СС и полиции, сын помещика-дворянина и королевского камергера, 1908–14 – учился в кадетском корпусе, 1914 – прапорщик, 1914–18 – участник войны, 1918 – в русском плену, 1919/20 – служба в пограничной охране в Силезии, 1921 – учеба на агронома, 1923 – принял во владение родительское имение, 1929 – вступил в НСДАП, 1930 – СС, 1932 – группенфюрер СС, 1933 – депутат Рейхстага (от НСДАП), руководитель оберабшнита СС «Юго-Восток» (Силезия) со штаб-квартирой в Бреслау, 1935 – обергруппенфюрер СС. В январе 1935 снят с поста из-за многочисленных убийств невиновных во время «Ночи длинных ножей» и прикомандирован к Личному штабу рейхсфюрера СС, 1939 – командир эйнзатцгруппы для особых поручений, уничтожившей сотни польских граждан, 1941 – генерал полиции, 1940–44 – высший руководитель СС и полиции на Эльбе со штаб-квартирой в Дрездене (снят с поста из-за «недостаточной профессиональной пригодности» и по тайному приказу Гимmlера сослан в свое имение), 1945–48 – в плену союзников, осужден на 20 лет тюрьмы, 1952 – освобожден, в

1957 во время так называемого «Второго процесса Рёма» осужден на 10 лет, 1977 – процесс прекращен из-за отсутствия состава преступления.

³²В пятидесятые годы юстиция ФРГ привлекла к ответственности многих бывших национал-социалистов по обвинению в убийствах изменивших национал-социалистов – особенно 30 июня 1934.

³³Так, во всяком случае: Karl Teppe, «Die preußischen Oberpräsidenten 1933–1945», in: Klaus Schwabe (Hrsg.): Die preußischen Oberpräsidenten 1933–1945 (Deutsche Führungsschichten in der Neuzeit 15, Boppard am Rhein 1985, S. 227)

³⁴Josef Wagner an Staatssekretär Grauert am 2.6.1935. Цит. по: К. Тeppe, ааО., S. 246 f.

³⁵По биографии Брюкнера см. также: К. Höffkes, ааО., S. 41 f.

³⁶VB v. 30.6.1933.

Герман Кордеман, бывший торговый представитель фирмы «Сименс» в Мексике и Франции, был, по сообщению Вагенера, специалистом по вопросам торговли в хозяйственно-политическом отделе руководства НСДАП. Упомянутое разъяснение датируется 14.12.1963 (IfZ, Sammlung Zeugenschrifttum, Nr. 1862, Bd. 1). В книге «Ich war königlich-preußischer Landrat» (Berlin 1970, S. 205) рейхскомиссар по вопросам занятости в кабинетах Шлейхера и Гитлера Гюнтер Гереке осенью 1932 называет Кордемана «своим личным референтом». Сам Гереке был арестован 27.3.1933 за растрату.

³⁷В отличие от так называемых «Бесед с Гитлером», которые хотел вести с Гитлером бывший президент сената Данцига Герман Раушнинг и которые позднее оказались грубой фальшивкой, записки Вагенера – при всей их утрированности и эгоцентричности – тем не менее в значительной степени заслуживают доверия.

³⁸См. также вступление издателя Henry A. Turner jr. in: Otto Wagener, «Hitler aus nächster Nähe. Aufzeichnungen eines Vertrauten 1929–1932», Frankfurt/Main – Berlin – Wien 1978, S. 482 (Anm. 6).

³⁹Запись Гугенберга об упомянутой беседе с Гитлером, а также его письма к Гинденбургу от 26 и 27 июня 1933 опубликованы: Anton Ritthaler, «Eine Etappe auf Hitlers Weg zur ungeteilten Macht. Hugenbergs Rücktritt als Reichsminister», in: VJHfZ (8), Stuttgart 1960, S. 193 ff.

⁴⁰Hitler. RSA, Band I, ааО., S. 100.

⁴¹Hitler. Reden und Proklamationen, ааО., S. 182.

⁴²Речь перед крайзлейтерами 29.4 или 23.11.1937 (Hitler-Jugend. Eine Dokumentation über Jugenderziehung im Dritten Reich. Von Horst Siebecke Ariola-Athena 70060 HW)

⁴³«Hitlers politisvhes Testament», aaO., S. 87 ff.

⁴⁴B. Mussolini, Opera Omnia, aaO., Band XXI, S. 357 f. und Band XXII, S. 360.

⁴⁵W. Вгдунингер, «Strahlungsfelder» aaO., S. 42–48.

«Недостойно Германии Канта и Гёте»

¹Вильгельм Кубе – Гитлеру от 17.10.1928, Фонд Ralf Georg Reuth.

²Вильгельм Кубе – Гитлеру от 4.3.1928, Фонд Ralf Georg Reuth.

³Так выразился Адольф Гитлер 4.1.1942 во время беседы в своей ставке «Вольфшанце» (см. Monologe im Führerhauptquartier, aaO., S. 176). В Пруссии существовал запрет на публичные выступления Гитлера с 25.9.1925 до 28.9.1928.

⁴Werner Kuhnt, Spuren, aaO., S. 28 f.

⁵Rudolf Jordan, Erlebt und erlitten. Weg eines Gauleiters von München bis Moskau, Leoni am Starnberger See 1971, S. 58 f.

Рудольф Йордан (1902–1988), учитель народной школы, 1925 – вступил в НСДАП, 1929 – депутат ландтага в Гессене-Нассау, городской уполномоченный в Фульде, 1931–37 – гаулейтер Галле-Мерсебург, 1932 – депутат ландтага в Саксонии и Пруссии, 1933 – государственный советник в Пруссии, 1937–45 – гаулейтер Магдебурга-Анхальта и имперский наместник Брауншвейга и Анхальта. В июле 1946 из американского лагеря для интернированных передан Советскому Союзу, тайный суд на московской Лубянке осудил его на обычный тогда срок – 25 лет тюрьмы. После многолетнего пребывания в одной из тюрем под Москвой без права переписки Йордан – тем временем объявленный западногерманским судом уже погибшим – осенью 1955 был отпущен в ФРГ. В 1971 вышли его воспоминания «Erlebt und erlitten. Weg eines Gauleiters von München bis Moskau».

⁶Сведения о деятельности Кубе в нацистском государстве можно найти в книге Gerd Rühle, Kurmark. Die Geschichte eines Gaues, Berlin 1934 sowie Wilhelm Zimmermann, «Der Ehrenbürger. Aus der politischen Biographie des NSDAP-Gauleiters der «Kurmark» und Oberpräsidenten der Provinz Brandenburg Wilhelm Kube», in: Uckermarkische Hefte, Band 1 (1989), 1. Teil, S. 245–260 und Band 2 (1995), S. 215–247.

⁷Вальтер Бух (1883–1949), 1904 – лейтенант в Бадене, 1919 – майор в отставке, член DNVP, 1922 – вступил в НСДАП, 1923 – участник гитлеровского путча, 1928–45 – председатель комитета по расследованию и улаживанию конфликтов при руководстве НСДАП, 1928–

33 – депутат Рейхстага, 1934–45 – руководитель высшего партийного суда, 1949 – покончил жизнь самоубийством.

⁸Rundschreiber von Rudolf Heß Nr. 99/36, o.D. Факсимильная копия приводится в книге К. Höffkes, aaO., S. 199 f.

⁹J. Goebbels, Tagebücher, aaO., S. 978.

¹⁰Die Tagebücher von Josef Goebbels, Sämtliche Fragmente, hrsg. Von Elke Frühlich im Auftrag des Instituts für Zeitgeschichte und in Verbindung mit dem Bundesarchiv, Teil 1, Aufzeichnungen von 1924–1941, Band 1 (27.6.1924–31.12.1930), München – New York – London – Paris 1987, S. 658 f. (ссылки далее: J. Goebbels. Fragmente).

¹¹M. Moll, «Sturz», aaO.

¹²Anordnung Nr. 38/38 des Stellvertreters des Führers, gez. Bormann vom 2.4.1939, IfZ Archivalie FA-223/48.

¹³Schreiben Hitlers an Kube vom 16.10.1936, BA, NA 10/70.

¹⁴Мартин Молль упоминает о возможной работе Кубе на радио. См. также: Helmut Heiber, Aus den Akten des Gauleiters Kube in: Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 1/1956.

¹⁵Hans Bernhard von Grünberg, Universitätskurator Friedrich Hoffmann. Zur hundertsten Wiederkehr seines Geburtstages, in: Rundbriefe der Gemeinnützigen Gesellschaft Albertinum Göttinger v. 19.01.1975 (Цит. по: Friedrich Richter – 450 Jahre Albertus-Universität zu Königsberg/Pr. 1544–1944–1994. Berichte und Dokumentationen zu ihrer jüngsten Geschichte. Die 400-Jahrfeier vom Juli 1944. Die wirtschaftlichen Staatswissenschaften 1900–1945, Stittgatr 1994, S. 110).

¹⁶J. Goebbels, Tagebücher, aaO., S. 1037 f.

¹⁷Барон Петер Пауль Эльтц фон Рюбенах (1875–1943), 1906 – работает в центральном железнодорожном ведомстве, 1911–14 – технический эксперт в немецком генеральном консульстве в Нью-Йорке, занимался модернизацией железных дорог в Болгарии, во время Первой мировой войны служил в главной ставке, 1918 – в Имперском министерстве транспорта, 1924 – президент дирекции железных дорог в Карлсруэ, в правительстве Папена – имперский министр транспорта, с 1940 – под наблюдением гестапо. В его просьбе об освобождении, направленной Гитлеру, говорится: «Мое решение далось мне бесконечно тяжело. Потому что моя служба никогда в моей жизни не доставляла мне большей радости и удовлетворения, чем под Вашим мудрым государственным руководством».

¹⁸Hitler. Reden und Proklamationen, aaO., S. 678.

¹⁹Генрих Лозе (1896–1964), банковский чиновник, 1920/21 – руководитель по экономическим вопросам земельной партии Шлезвиг-

Гольштейна в Ноймюнстере, 1923 – вступил в НСДАП, 1924 – член руководства «Народно-социального блока» в Шлезвиг-Гольштейне, 1924 – перешел в НСФП, 1924–29 – городской уполномоченный в Альтоне (с 1925 – НСДАП), 1925–45 – гаулейтер Шлезвиг-Гольштейна, 1928–33 – депутат ландтага в Пруссии (от НСДАП), 1928/29 – заместитель гаулейтера Гамбурга, 1932 – инспектор НСДАП «Север», 1932/33 – депутат Рейхстага, 1933–45 – обер-президент Шлезвиг-Гольштейна и член государственного совета Пруссии, 1941–44 – имперский комиссар «Остланд», 1948 – приговорен к десяти годам тюрьмы, 1951 – освобожден.

²⁰Эрих Кох (1896–1986), чиновник железнодорожного ведомства, 1922 – вступил в НСДАП, 1922–28 – член руководства гау Рур, 1926 – управляющий делами и заместитель гаулейтера Рура, 1926 – уволен со службы за политическую деятельность, 1928–45 – гаулейтер Восточной Пруссии, 1929 – председатель фракции в ландтаге Восточной Пруссии и председатель фракции НСДАП в городском совете Кёнигсберга, 1930–33 – депутат Рейхстага, 1933 – член государственного совета Пруссии, 1933–45 – обер-президент Восточной Пруссии, 1942–44 – имперский комиссар Украины, 1959 – в Польше приговорен к смерти, затем приговор заменен на пожизненное заключение. Считается, что Кох в тюрьме написал свои воспоминания. Он умер 12.11.1986 в тюрьме в Барчево (прежде Вартенбург, Восточная Пруссия). Упоминание о воспоминаниях Коха можно найти в: BA R6/34a, Aufzeichnungen des persönlichen Referenten Rosenbergs Dr. Koeppen über Hitlers Tischgespräche 1941, S. 12–13 (18.9.1941).

Вернер Кёппен (родился в 1910), 1935 – защитил диссертацию, один из руководящих сотрудников СА, 1937–1945 – адъютант Альфреда Розенберга, с июля 1941 до марта 1943 – представитель Розенберга в ставке фюрера.

²¹Wilfred von Oven, *Finale Furioso. Mit Goebbels bis zum Ende*, Tübingen 1974, S. 140.

²²Christian Gerlach, «Die Wannsee-Konferenz, das Schicksal der deutschen Juden und Hitlers politische Grundsatzentscheidung, alle Juden Europas zu ermorden», in: *Werkstatt Geschichte* 18 (1997), S. 17.

²³В газете «Вестфэлишен ландесцайтунг» Кубе писал 19.5.1934: «То, что для здоровья человечества означают чума, туберкулез и сифилис, то же самое для народов белой расы нравственно означает еврейство... Бациллоносителей чумы надо уничтожать и изолировать, и борьба против еврейства до его уничтожения должна стать частью наших гордых заветов!» Цит. по: http://www.kirchenlexikon.de/bbkl/k/kube_w.shtml.

²⁴Н. Heiber, Aus den Akten des Gauleiters Kube, aaO., S. 75.

²⁵Свидетельства университетского советника права д-ра Шимана от 26.5.1950, проф. д-ра Крауспе от 30.5.1950 и секретаря ректора г-жи Шиммельпфенниг, в наследии Ганса-Бернхарда фон Грюнберга (упоминается в: Friedrich Richter, Hans-Bernhard von Grünberg, letzter Rektor der Albertus-Universität zu Königsberg/Pr. 1937–1945. Biographische Notizen über sein Leben, in: Preußenland. Mitteilungen der Historischen Kommission für Ost- und West-preußische Landesforschung und aus den Archiven der Stiftung Preußischer Kulturbesitz, Nr. 1, Jahrgang 32/1994, S. 61).

²⁶Raul Hilberg, Die Vernichtung der europäischen Juden, 3 Bde., überarbeitete Ausgabe der deutsche Übersetzung, 2. erw. Auflage, Band 2, Frankfurt/Main 1990, S. 405. Цит. по: www.kirchenlexikon.de, aaO.

²⁷M. Moll, «Sturz», aaO., S. 16 Anm. 90.

²⁸Ibid., (Anm. 91).

²⁹Alexander Dallin, Deutsche Herrschaft in Rußland 1941–45. Eine Studie über Besatzungspolitik, Düsseldorf 1958, S. 215 f.

³⁰Н. Heiber, aaO., S. 90.

³¹Willi Krämer, Vom Stab Heß zu Dr. Goebbels, Vlotho/Weser 1979, S. 134 f.

³²W. v. Oven, aaO., S. 140 f.

³³Goebbels, aaO., Band 9, Juli – September 1943, S. 561, München 1993.

«Я довольно долго наблюдаю за ним»

¹Hitler. RSA, Band IV/1, aaO., S. 166.

²Н. Lauterbacher, aaO., S. 237.

³Вильгельм Шепман (1894–1970), учитель, в Первую мировую войну – офицер пехоты, 1922 – вступил в НСДАП вместе с Виктором Лутце, организатором СА в Руре, 1928 – уполномоченный НСДАП и руководитель СА в Гаттингене, 1930 – депутат ландтага в Пруссии (НСДАП), 1931 – уволен со службы в школе за нацистскую деятельность, руководитель группы СА Вестфалия–Юг, 1933 – депутат Рейхстага, руководитель СА Вестфалии, полицей-президент Дортмунда, 1934 – руководитель СА Нижнего Рейна - Вестфалии, затем Саксонии, 9.11.1943 – преемник Лютце на посту начальника штаба СА, 1949 – арестован британской службой безопасности и приговорен к девяти месяцам тюрьмы, 1952 – прекращение процесса по денацификации, запрет работать учителем, вошел в состав окружного совета Гифхорна (Союз изгнанных с родины и лишенных

прав), 1956 – заместитель бургомистра, 1961 – отставка после нападок общественности.

⁴P. Hüttenberger, aaO., S. 87.

⁵Генрих Феттер (1890–1969), неквалифицированный рабочий, 1911–13 – на военной службе, с 1914 – участник боев на Западном фронте, 1917 – тяжелое ранение с потерей правой ступни, 1919 – уволен из армии в чине фельдфебеля, вступление в Немецкую народную партию (DVP), 1924 – Народный блок, 1925 – НСДАП, соучредитель и руководитель местной группы НСДАП в Хагене, 1926 – бециркслейтер в Ленне-Фольме, 1929 – городской уполномоченный НСДАП в Хагене и депутат ландтага Вестфалии, 1930 – депутат Рейхстага (НСДАП), 1932 – крайзлейтер в Хагене, «имперский оратор», 1933 – обербургомистр Хагена, 1934/36 – инспектор гау Вестфалия–Юг и заместитель гаулейтера (фактически гаулейтер, из-за частого отсутствия Й. Вагнера). Склонность Феттера к алкоголю и способ его руководства способствовали коррупции и извращениям до такой степени, что преемник Йозефа Вагнера, Альберт Хоффман, в 1943 году приказал сместить Феттера; но сделать это в «почетной форме и после войны». 1945 – арест и трехлетнее интернирование. На своем «процессе денацификации» Феттер выступал как «бескомпромиссный последователь своего фюрера». В 1952 его арестовали как главу правозэкстремистского «Движения рейх», и вплоть до своей смерти он активно работал в правозэкстремистских политических кругах. Уже после его смерти, в 1992 году опубликованы воспоминания Феттера.

⁶Martin Bormann an Joseph Wagner am 25.2.1935, Akten der PK Nr. 117 0440.

⁷См. также: Stucken, Rudolf, Deutsche Geld- und Kreditpolitik 1914 bis 1953, Tübingen 1953.

⁸J. Goebbels. Fragmente, aaO., Band 2 (1.1.1931 – 31.12.1936), S. 21.

⁹Фриц Брахт (1899–1945), военная служба и плен, 1927 – вступил в НСДАП, 1928 – руководитель местной группы в Плеттенберге, 1931 – бециркслейтер НСДАП в Зауэрланде, 1931–35 – крайзлейтер в Альтена/Люденшайд, 1932 – депутат прусского ландтага (НСДАП), 1933 – депутат Рейхстага, 1935 – заместитель гаулейтера Силезии, январь 1941 – как преемник Йозефа Вагнера – гаулейтер вновь созданного гау Верхняя Силезия, 1945 – покончил жизнь самоубийством.

¹⁰Мартин Мучман (1879–1948), фабрикант, 1919 – член «Немецкого народного стрелкового и охранного союза», 1922 – вступил в НСДАП, 1924 – земельный руководитель Народного блока в Саксонии, 1925–45 – гаулейтер Саксонии, 1930–33 – депутат Рейхстага,

1932 – земельные инспектор НСДАП в Саксонии и Тюрингии, 1933–45 – имперский наместник Саксонии, 1935 – премьер-министр. При приближении советских войск Мучман уехал из своего гау. Дальнейшие события его жизни точно не известны, весьма вероятно, что его арестовали русские, пытали и затем убили. Предполагают, что перед этим его, посаженного в клетку, провезли через Дрезден.

¹¹Reinhard Heidrich, *Wandlungen unseres Kampfes*, München – Berlin 1936, S. 8 f.

¹²Jochen von Land, *Der Sekretär. Martin Bormann. Der Mann, der Hitler beherrschte*, Stuttgart 1977, S. 250 f.

¹³Ibid., S. 251.

¹⁴Карл Ханке (родился в 1903), мельник, 1928 – преподаватель в Берлине, вступление в НСДАП, после ухода с преподавательской работы, в основном действовал для НСДАП, 1932 – депутат ландтага в Пруссии и депутат Рейхстага, руководитель в ведомстве пропаганды, 1933 – личный референт и секретарь Йозефа Геббельса, 1937 – руководитель в Имперской министерстве пропаганды, 1938 – государственный секретарь, 1939 – командир роты в польском походе, 1941 – гаулейтер Нижней Силезии. Еще в марте 1945 Ханке обращался по радио из «крепости Бреслау» с призывом к непреклонной воле сопротивления. В «Завещании» Гитлера Ханке назван преемником Гимmlера на посту рейхсфюрера СС и шефа немецкой полиции. 5.5.1945 он отдал приказ о капитуляции Бреслау, а сам покинул город на самолете «Физелер Шторьх». Дальнейшую жизнь Ханке теперь уже трудно реконструировать; возможно, в июне 1945 он был убит чехами.

¹⁵Hitler. *Reden und Proklamationen*, aaO., Teil II Untergang, Vierter Band 1941–1945, S. 1777.

¹⁶Karl Wahl, *Aus Liebe zu Deutschland*, aaO., S. 196 f.

¹⁷J. Goebbels, *Tagebücher*, aaO., S. 1703 f.

¹⁸Goebbels, Band 2, Oktober 1941 – Dezember 1941, S. 343, München 1996.

¹⁹См. также: Письмо Генриха Гимmlера Мартину Борману от 5.3.1942 в: *Reichsführer!*, aaO., S. 136 ff.

²⁰Сообщение бывшего заместителя гаулейтера Лейзера Петеру Хюттенбергеру от 7.12.1965. По теме Эрнст Людвиг Лейзер см. также: Wolfgang Dieter, Ernst Ludwig Leyser. *Stellvertretender Gauleiter der NSDAP in der Saarpfalz. Eine biographische Skizze*, in: *JbwsttdtLG* 14, 1988, S. 209.

²¹*Großdeutschland. Traum und Tragödie. Rosenbergs Kritik am Hitlerismus*, hrsg. u. bearb. von Heinrich Härtle, München 1969, S. 132.

²²Франц Шлегельбергер (1876–1970), юрист, 1901 – судебный ассессор, 1904 – земельный судья, 1914 – советник судебной палаты в Берлине, 1918 – тайный советник, 1920 – министральрат, 1921 – министральдирингент в Имперском министерстве юстиции, 1927 – министральдиректор, 1931 – статс-секретарь, 1938 – вступил в НСДАП, 1941–42 – руководил Имперским министерством юстиции, затем вышел в отставку, 1947 – на процессе в Нюрнберге осужден на пожизненное заключение, 1950 – освобожден.

²³Hitler. Reden und Proklamationen, aaO., S. 1857.

²⁴Подробное описание «случая Шлитта», с ссылками на источники, приведено в статье: Hermann Georg Mostar in der Zeitschrift «Der Stern», Hamburg 1954, Nr. 30.

²⁵Hitler. Reden und Proklamationen, Band 4, aaO., S. 1874.

²⁶Отто Георг Тирак (1889–1946), юрист, 1914 – защитил диссертацию на ученую степень, 1914–18 – участник войны, в конце – лейтенант, 1920 – ассессор, 1921 – прокурор в Лейпциге, 1926 – член высшего земельного суда в Дрездене, 1932 – вступление в НСДАП, 1933–35 – министр юстиции Саксонии, 1935 – вице-президент Верховного суда, 1936 – президент Народной судебной палаты, 1942–45 – имперский министр юстиции и руководитель правового управления НСДАП (попытка создания национал-социалистического правосудия), 1946 – покончил жизнь самоубийством.

²⁷Hitler. Reden und Proklamationen, Band 4, aaO., S. 1874 f.

²⁸Goebbels, Band 4, April 1942 – Juni 1942, S. 586 f., München 1995.

²⁹Цит. по: P. Hüttenberger, aaO., S. 124.

³⁰Мартин Молль справедливо заметил, что высшие партийные чины в разгар войны, очевидно, располагали досугом для занятий подобными пустяками лично (M. Moll, «Sturz», aaO., S. 35, Anm. 252).

³¹H. Lauterbacher, aaO., S. 237.

³²См. примечание 19.

³³Hans Speidel, Aus unserer Zeit. Erinnerungen, Berlin – Frankfurt/Main – Wien 1977, S. 224.

«Партия должна состоять из готового к борьбе, решительного меньшинства»

¹Carl Röver, Denkschrift an die Partei, 1942, Staatsarchiv Oldenburg, Best. 320-1, Nr. 4; в нее вошли: Carl Röver. Der Bericht des Reichsstatthalters von Oldenburg und Bremen und Gauleiters Weser-Ems über die Lage der NSDAP. Eine Denkschrift aus dem Jahr 1942. Bearbeitet

und eingeleitet von Michael Rademacher, Vechta 2000, S. 6 (Einleitung) (ссылки далее: M. Rademacher, Röver).

²Цит. по: Rademacher, Michael (Hrsg.), Kurt Thiele: Aufzeichnungen und Erinnerungen des «Gauleiters Seefahrt» über die Frühzeit der NSDAP in Bremen. Ein Quellenband zur Geschichte der NSDAP in Bremen und Bremerhaven, Hamburg 2000, S. 17.

³Статья Йозефа Геббельса «Oldenburg», в газете «Der Angriff» от 7.5.1931. Цит. по: Joseph Goebbels, Wetterleuchten. Aufsätze aus der Kampfzeit («Der Angriff», 2. Band), hrsg. von Georg-Wilhelm Müller, München 1939, S. 147.

⁴A. Krebs, aaO., S. 224.

⁵Ibid., S. 115.

⁶Ibid..

⁷Цит. по: Schaap, Klaus, Die Endphase der Weimarer Republik im Freistaat Oldenburg 1928–1933, Düsseldorf 1978, S. 192.

⁸VB v. 1.6.1932.

⁹M. Rademacher, Röver, aaO., S. 7.

¹⁰H. Lauterbacher, aaO., S. 240.

¹¹Генрих Валькенхорст (1906–1972), торговец, 1930 – вступление в НСДАП, 1931–33 – крайзлейтер по вопросам пропаганды и организации, 1933–34 – крайзлейтер в Леер/Остфрисланд, с 1935 – организационный руководитель и начальник штаба гау Везер-Эмс, 1944 – руководитель отдела кадров в Партийной канцелярии. Валькенхорст написал некролог Рёвера «Carl Röver, Mensch und Persönlichkeit», in: Oldenburgische Hauskalender 1943, 117 Jg., S. 6 f. После 1945 работал в сфере страхования в Ольденбурге.

¹²Franz Stapelfeldt, Mein Verhältnis zur NSDAP, Bremen 1946. Цит. по: M. Rademacher, Röver, S. 9.

¹³Из политической биографии Генриха Валькенхорста (дата не указана), подготовленной для судебной палаты: Spruchkammerakte Heinrich Walkenhorst, BA Koblenz, Z 42 II/1058.

¹⁴См. также: NS-Senat, W. Bräuninger, Strahlungsfelder, aaO., S. 42–48.

¹⁵A. Hitler, aaO., S. 514.

¹⁶Hans Mommsen, Hitler Stellung im Nationalsozialistischen Herrschaftssystem, in: Der Führerstaat, aaO., S. 52. В примечании 21 там говорится, что «Меморандум» Рёвера сначала был написан Паулем Вегенером. Моммсен ссылается на: Dietrich Orlow, The History of the Nazi Party 1933–1945, Pittsburgh, 1973, S. 351 f. Но это опровергает утверждение Петера Лонгериха, так как сравнение предложений, содер-

жащихся в памятной записке, с фактически выполненными мероприятиями говорит скорее о том, что памятная записка появилась раньше, чем сменились гаулейтеры (Peter Longerich, *Hitlers Stellvertreter. Führung der Partei und Kontrolle des Staatsapparats durch den Stab Heß und die Partei-Kanzlei Bormann*, München – London – New York 1992, S. 191 f.). В заключение Рейнхард Боллмус говорит о «функционере» как авторе памятной записки (R. Bollmus, ааО., S. 245).

¹⁷Неподалеку от Альхорнер Фиштейше Рёвер в 1936 году построил деревянный домик, в котором встречался с ведущими членами партии, политиками и друзьями своего гау.

¹⁸Цит. по: M. Rademacher, Röver, ааО., S. 11 ff.

¹⁹Ingo Harms, *Der plötzliche Tod des Oldenburger Gauleiters Carl Rövers*, in: *Das Land Oldenburg. Mitteilungsblatt der Oldenburgischen Landschaft Nr. 102, I, Quartal 1999*, S. 2.

²⁰Так описывает Хармс Густава Рихтера. Дальше Рёвер говорит: Гитлер так много пил и распутничал, как никто из нас, и когда он достиг своей цели, он стал вегетарианцем.

²¹Речь идет о лекаре-самоучке Лидии Риттер-Дубберт из Ольденбурга.

²²Reichsführer, ааО., S. 148

²³См. также: M. Rademacher, Röver, ааО., S. 8. Инго Хармс выдвинул также тезис о возможном убийстве Рёвера, ааО., S. 8.

²⁴Йозеф Бюркель (1895–1944), учитель народной школы, добровольно пошел на войну 1914–18, 1923 – участвовал в подавлении сепаратистского движения в Пфальце, издатель газеты «Дер Айзенхаммер», 1925 – вступил в НСДАП, 1926–35 – гаулейтер Рейнпфальца, 1935–42 – Саарпфальца, 1942–44 – Вестмарка, 1930–33 – депутат Рейхстага (НСДАП), 1934 – уполномоченный правительства в Сааре, 1935 – имперский комиссар по присоединению Саарской области, 1936 – имперский комиссар Саарланда, 1938 – имперский комиссар по вопросам воссоединения Австрии с Германским рейхом, 1939/40 – гаулейтер Вены и наместник Остмарка, 1940 – короткое время был наместником Вены, 1940–44 – глава гражданской администрации в Лотарингии, 1941–44 – имперский наместник Вестмарка.

²⁵Цит. по: *Der Gauleiter. Josef Bürckel: Lebensweg eines Politikers aus der Pfalz, Fernsehdokumentation*.

²⁶P. Hüttenberger, ааО., S. 211.

²⁷Во всяком случае, так в: *Hitler. Reden und Proklamationen, Band 4*, ааО., S. 1881.

²⁸F. Stapelfeldt ааО.

²⁹J. Goebbels, *Fragmente*, aaO., Band 2, S. 205.

³⁰Газета «Ольденбургшише штаатсцайтунг» писала 24 мая: «фюрер простился с Карлом Рёвером» и цитировала слова Гитлера «Ты сделал свое».

³¹Пауль Вегенер (1908–1993), учился в колониальной школе, получил диплом колониального хозяйственника, 1930 – вступил в НСДАП, 1931 – группенлейтер в Фареле, 1933 – крайзлейтер в Бремене, 1933 – депутат Рейхстага (НСДАП), 1934–36 – служил в штабе заместителя фюрера в ранге рейхсамтслейтера, в августе 1936 назначен заместителем гаулейтера Марк-Бранденбурга и Курмарка, военная служба в ВВС в качестве военного корреспондента, 1940 – назначен комиссаром Северной Норвегии и руководителем оперативного штаба НСДАП в Норвегии, в составе полка «Лейбштандарт Адольф Гитлер» участвовал в походе на Грецию, май 1942 – гаулейтер Везер-Эмс, преемник Карла Рёвера, в апреле 1945 – назначен гроссадмиралом Деницем верховным гражданским имперским комиссаром обороны Северной Германии, в мае 1945 – начальник гражданского кабинета Деница в ранге статс-секретаря, арестован вместе с правительством Деница, 1949 – судебный процесс и осуждение на шесть лет и шесть месяцев тюрьмы, 1951 – вышел на свободу.

³²P. Hüttenberger, aaO., S. 200.

«Мы не хотим терпеть идеологов расизма»

¹Письменное сообщение Гюнтера Кауфмана Вернеру Бройнингеру от 16.10.1995. Густлофф был застрелен 4.2.1936 в своем доме 25-летним евреем Давидом Франкфуртером.

²См. также: Herbert Taeye, *NS-Perestroika? Reformziele Nationalsozialistischer Führungskräfte*, Band 1, Lindhorst 1988.

³Wille und Macht, Heft 22 v. 15. November 1936.

⁴См. также: Выступление Шираха перед Международным военным трибуналом: IMT, *Protokolle*, Band XIII, 24.5.1946, S. 464.

⁵См. также главы: «Swastika und Aufgehende Sonne. Der deutsch-japanische Jugendaustausch» in: W. Brduninger, *Strahlungsfelder*, aaO., S. 82 ff.

⁶Письменное сообщение Гюнтера Кауфмана Вернеру Бройнингеру от 9.7.1995. В нем идет речь о циркулярном письме от 24.1.1939 начальника штаба Урбана из ведомства Альфреда Розенберга своим сотрудникам: «Разногласия между рейхсюгендфюрером и рейхслейтером Розенбергом улажены путем личной беседы. Рейхсюгендфюрер

отказался от своего решения выйти из Рабочего общества по обучению всего движения и информированию немецкого народа; рейхс-лейтер Розенберг прекращает цензуру журнала «Вилле унд Махт». Совместная работа нашего ведомства и руководства молодежного движения — в той степени, в какой она была прервана, — снсва восстановлена».

⁷Письменное сообщение Гюнтера Кауфмана Вернеру Бройнингеру от 11.11.1995.

⁸Цит. по: Lang, Jochen von, *Der Hitler-Junge Baldur von Schirach. Der Mann, der Deutschlands Jugend erzog*, Hamburg 1988.

⁹Эберхард Коэбель («Туск») (родился в 1907), основатель и вождь «Независимого юношества 1.11. этого года». Коэбель, которого во время поездки по Скандинавии называли «туск» (немец), с тех пор носил в союзе псевдоним «Туск» — «Немец». «Туск» тренировал одетых в синюю форму юношей своего союза и мечтал об автономном «государстве юных», но конкретных вариантов национально-политического содержания этого термина он не мог и не хотел предлагать. Но полный честолюбивых и громких планов «Туск» так и остался на всю жизнь политическим скитальцем. В то же самое время, когда он порекомендовал своим сторонникам перейти в Гитлерюгенд, сам он вступил в КПД. Позднее служил в министерстве обороны и в руководящем совете по делам молодежи — но без особого успеха. Будучи арестованным гестапо, он предпринял попытку самоубийства, она не удалась. После освобождения переехал в Лондон, где жил одиноко. В 1945 эмигрант вернулся в Германию, пытался сначала обосноваться на западе, но затем переехал в советскую зону оккупации, где консультировал Социалистическую единую партию Германии (СЕПГ) по вопросам строительства молодежной организации «Свободная немецкая молодежь» (СНМ). Но и коммунистическим функционерам фанатичный индивидуалист показался зловещим. Уже задолго до своей смерти (1955) «Туска» перевели на второстепенное дело — расследование мелких хозяйственных нарушений.

¹⁰G. Kaufmann, ааО., 9.7.1995.

¹¹Ibid.

¹²Goebbels, Teil I, Band 5, Dezember 1937 — Juli 1938, S. 167, München 2000.

¹³G. Kaufmann, ааО., 16.10.1995.

¹⁴По биографии Бальдура фон Шираха см. также: Kaufmann, Günter — *Ein Jugendführer in Deutschland*, Füssen 1993.

¹⁵G. Kaufmann, ааО., 9.7.1995.

¹⁶Письмо Мартина Бормана Бальдуру фон Шираху от 17.9.1942.

¹⁷Письменное сообщение Гюнтера Кауфмана Вернеру Бройнингеру от 27.9.1995.

¹⁸Ibid.

¹⁹Goebbels, Band 1, Juli 1942 – September 1942, S. 567 f., München 1996.

²⁰Младший статс-секретарь Лютер в 1938–43 руководил германским отделом Министерства иностранных дел. Он участвовал в так называемой Ванзейской конференции. Из-за его все более отчетливо проявляющейся оппозиционности он в 1943 был заключен в концлагерь, где предпринял попытку самоубийства. Он умер сразу же после «освобождения» лагеря в мае 1945.

²¹Цит. по: Thorwald, Jürgen – Die Illusion. Rotarmisten in Hitlers Heeren, München, S. 186 f.

²²Rudolf Rahn, Ruheloses Leben, Düsseldorf 1949, S. 194.

²³Karl Michel, Ost und West. Der Ruf Stauffenbergs, Zürich 1947, S. 105.

²⁴Ibid.

²⁵G. Kaufmann, 9.7.1995, aaO.

²⁶G. Kaufmann, 27.9.1995, aaO.

²⁷Artur Axmann, Das kann doch nicht das Ende sein. Hitlers letzter Reichsjugendführer erinnert sich, Koblenz 1995, S. 444. В этой связи часто высказывается мнение, что Гитлер выставил немецкую молодежь, которую он в последний час посылал в огонь, как бы ответственной за действия, вытекавшие из его распоряжений, а сам «сбежал» путем трусливого самоубийства. Генерал-полковник Йодль писал из своей тюремной камеры в Нюрнберге: «Капитулировать он не мог. Ни один из противников больше не шел на переговоры, т. к. они условились между собой, что целью войны будет лишь безоговорочная капитуляция. Что оставалось делать Гитлеру? Он мог либо бороться до конца, или искать смерти. Он всю свою жизнь был борцом, и он выбрал первое. Говорят, что ему следовало погибнуть в бою, а не прибегать к самоубийству. Он хотел этого и сделал бы это, если бы ему позволили физические силы. И он выбрал не самую легкую смерть, а самую надежную... Он велел похоронить себя на развалинах своего рейха и своей надежды. Можно ли осуждать его за это, кто-то может – я не могу!» (Percy Ernst Schramm, Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht 1940–45, Band IV, S. 1721).

²⁸В 2001 Кауфман опубликовал книгу «Другой Третий рейх. Взгляд на национал-социалистическое молодежное движение в свете документов». В том же году он умер.

«Шедевр двуличной трактовки»

¹Карл Зайтц (1869–1950), бургомистр Вены в 1923–24.

Эмиль Фей (1886–1938, самоубийство), офицер, 1931 – руководитель организации «Вена на защите родины» (соперник Эрнста Рюдигера Штархемберга), 1933–35 – вице-канцлер и министр в правительствах Долльфуса и Шушнигга, принимал активное участие в подавлении восстания в Вене в феврале 1934, 1936 – исключен из «Хаймвера».

Энгельберт Долльфус (1892–1934), с 1932 – бундесканцлер Австрии, тесно связан с Муссолини и фашистской Италией, в 1933 разогнал национальный совет и вводил все более авторитарный стиль правления, запретил НСДАП и коммунистическую партию Австрии, основал «Фронт родины», 1934 – запрет социал-демократической рабочей партии Австрии, отказ от парламентской демократии и реорганизация «Фронт родины» в государственную партию, 25.7.1934 – застрелен в здании бундесканцелярии в Вене при попытке путча австрийских национал-социалистов.

²См. также по этому вопросу автобиографию: Alfred E. Frauenfeld «Und trage keine Reu». Vom Wiener Gauleiter zum Generalkommissar der Krim. Erinnerungen und Aufzeichnungen, Leoni am Starnberger See 1978.

³A. Hitler, Monologe im Führerhauptquartier, aaO., S. 124.

⁴A. Frauenfeld, aaO., S. 217.

⁵Цит. по документации к телепередаче «Гаулейтер Эрих Кох». Фильм Вильгельма Рехла и Мечислава Симински.

⁶Ibid., S. 224.

⁷Ibid., S. 226.

⁸См. также: A. Dallin, «Deutsche Herrschaft», aaO.

⁹DNB-Text v. 17.11.1941.

¹⁰Albert Speer, Erinnerungen, Frankfurt/Main – Berlin – Wien 1969, S. 251.

¹¹«Großdeutschland», aaO., S. 176.

¹²Ibid., S. 177.

¹³Есть письмо Генриха Гиммлера Фрауэнфельду от 10.7.1942. Из него следует, что в том же году была подготовлена памятная записка по вопросу Южного Тироля. Вот текст письма: «Дорогой партайгеноссе Фрауэнфельд! Весьма благодарен за Ваше письмо от 10 июня 1942 и Вашу памятную записку о переселении южнотирольцев в Крым. Вчера я имел возможность поговорить с фюрером по этому вопросу и увидел, что он никоим образом не против. Я тоже не против такого решения, но господствует общее мнение, что такое переселение дол-

жно начаться только после окончания войны. Для Бургундии мы найдем тогда другую народность или другое население. Но я прошу Вас об этом проекте ни в коем случае не говорить с жителями Южного Тироля. Хайль Гитлер! Ваш старый друг Г. Гиммлер» (Reichsführer!, aaO., S. 157 f.).

¹⁴Вильгельм Штукарт (1902–1953), юрист, участник Добровольческого корпуса Эппа, 1922 – вступил в НСДАП, 1926 – юрисконсульт партии в Висбадене, 1932 – лишен права работать судьей из-за деятельности в НСДАП, 1933 – бургомистр Штеттина, государственный секретарь в министерстве культуры Пруссии, 1934 – работает в Имперском министерстве внутренних дел, соавтор «Нюрнбергских законов», обергруппенфюрер СС, 1942 – участник Ванзейской конференции, в «Завещании Гитлера» он назначен имперским министром внутренних дел в правительстве Деница, 1949 – осужден на четыре года тюрьмы, городской казначей, предполагают, что он был членом Социалистической имперской партии, 1953 – погиб в автокатастрофе.

¹⁵A. Frauenfeld, aaO., S. 239–272.

¹⁶Goebbels, Band 11, Januar 1944 – März 1944, S. 426 f., München 1994.

¹⁷A. Frauenfeld, aaO., S. 274.

¹⁸Das Reich v. 25.2.1945.

¹⁹W. Von Oven, aaO., S. 637.

²⁰Ibid., S. 295.

²¹Ibid., S. 238.

«Он не видит фактов»

¹Otto Abetz, Das offene Problem. Ein Rückblick auf zwei Jahrzehnte deutscher Frankreichpolitik, Köln 1951, S. 23.

²Ibid., S. 29.

³Ibid., S. 33.

⁴Карл Наберсберг (1908–1946), еще будучи школьником вступил в СА, 1925 – в НСДАП, 1931 – имперский организационный руководитель Гитлерюгенда, 1934 – начальник штаба Гитлерюгенда, заместитель Бальдура фон Шираха, с 1.6.1934 – руководитель иностранного отдела Гитлерюгенда.

⁵O. Abetz, aaO., S. 39.

⁶По вопросу внешней НС-политики см. также: Hildebrandt, Klaus – «Deutsche Außenpolitik 1933–1945. Kalkül oder Dogma?», Stuttgart 1971.

⁷Ibid., S. 53.

⁸Ibid., S. 80 f.

⁹Лотар Кюне (родился в 1908), активист НСДСВ в университете Йены, с 1931 – член НСДАП, входил в состав штаба рейхслейтера Боулера, функционер в СС и СД. После войны Кюне, в значительной степени, определял политику Свободной демократической партии в Нижней Саксонии, до 1967 он был первым председателем Национал-демократической партии (НДП) в Нижней Саксонии.

¹⁰Густав Адольф Зонненхоль в 1930 вступил в СА, 1931 – в НСДАП. Он осуществлял связь между Вильгельмштрассе и Главным управлением имперской безопасности (РСХА), с 1944 – вице-консул в Женеве. Его прием на службу в Министерство иностранных дел после 1945 поначалу встретил сопротивление Аденауэра. С 1968 – посол в Претории.

¹¹Roland Ray, *Annäherung an Frankreich im Dienste Hitlers? Otto Abetz und die deutsche Frankreichpolitik 1930–1942*, München 2000, S. 220.

¹²Отто Абетц – в главное управление СС, 20.7.1937.

¹³Мнение суда СС (Мюнхен), от 2.2.1938.

¹⁴R. Ray, *aaO.*, S. 235.

¹⁵Шарфе (Суд СС) – начальнику штаба ф. Хуман-Хайнхофену, 9.4.1939.

¹⁶ф. Войрш – Шарфе (Суд СС) и Шмитту (Управление кадров СС), 25.4.1939; начальнику штаба ф. Хуман-Хайнхофену, 27.12.1938 («Будьте уверены, я этим процессом более чем потрясен»).

¹⁷Фридрих Гримм (1888–1956), юрист, 1921 – приват-доцент в Мюнстере, 1927 – профессор там же, защитник на политических и экономических судебных процессах, представитель Германского рейха на международных судах, защитник «борцов Рура». Как писатель специализировался на германо-французских отношениях, критиковал французскую рейнскую политику, 1933–45 – депутат Рейхстага (от НСДАП), 1945 – французский плен, с 1949 – снова служит адвокатом, вместе с Эрнстом Ахенбахом – влиятельный представитель движения за полную амнистию нацистских преступников. Публикации: «Mit offenem Visier. Aus den Lebenserinnerungen eines Deutschen Rechtsanwalts», bearb. von Herrmann Schild (Leoni am Starnberger See 1961), «Politische Justiz. Die Krankheit unserer Zeit» (Bonn 1953).

Рудольф Шлейер (1899–1959), дипломат, служба в Министерстве иностранных дел, посланник, 1940–43 – служба в посольстве в Париже, заместитель Абетца.

Фридрих Зибург (1893–1964), писатель, литературный критик и журналист, 1912 – изучал литературоведение и философию в Гейдельберге у Макса Вебера и Фридриха Гундольфа, поддерживал связь с

«кружком Георга», 1914 – пехотинец на Западном фронте, 1916 – офицер авиации, 1919 – получил ученую степень, свободный писатель в Берлине, 1923 – эмигрирует в Данию, 1926 – иностранный корреспондент газеты «Франкфуртер цайтунг» в Париже, 1929 – вышло самое известное произведение Зибурга «Бог во Франции. Попытка», 1929–32 – корреспондент «Франкфуртер цайтунг» в Лондоне, увлечение национал-социализмом, 1933–39 – снова корреспондент в Париже, публикация путевых заметок, с 1939 – на дипломатической службе, 1940 – в отделе информации и культурно-политическом штабе германского посольства в Париже. Там Зибург был одним из важнейших собеседников французских коллаборационистов. С 1941 – член НСДАП, 1942 – вернулся в Германию и работал в «Франкфуртер цайтунг» вплоть до запрещения газеты в 1943, затем работал для газеты «Берзенцайтунг» и был членом группы почетного сопровождения маршала Петена. 1945–48 – запрет на публикации, наложенный французскими оккупационными властями, с 1948 – соиздатель журнала «Ди Гегенварт». Произведения: «Робеспьер» (1935), «Наши самые прекрасные годы. Жизнь с Парижем» (1950), «Шатобриан. Романтик и политик» (1959), «Наполеон. Сто дней» (1963).

Карл Эптинг (1905–1979), романист, 1924–28 – изучал германистику, романистику и историю, 1928 – сдача государственного экзамена и получение ученой степени, 1934–39 – руководил немецким агентством научного обмена в Париже, с 1940 – директор Германского института там же, откуда посылали лекторов, организовывали обмен докладами, делали заказы на переводы, сопровождали французских интеллектуалов в поездках в Германию. Фактически институт работал как культурно-политический отдел германского посольства и стал форумом сотрудничества. Целью института и его публикаций было моральное обновление Франции в германском духе. С июня 1942 до февраля 1943 Эптинг был отозван в Германию, 1943 – участвовал в конкурсе на замещение должности преподавателя по специальности «Французские народы и краеведение». Он писал под псевдонимом «Матиас Швабе». В 1946–49 Эптинг находился во французском и американском плену, затем работал руководителем издательства «Гревен» в Кёльне, в 1952–69 – директор гимназии.

¹⁸Эрнст Ахенбах (1909–1991), д-р юридических наук, 1939 – атташе, 1940–44 – советник-посланник и руководитель политического отдела германского посольства в Париже, 1946 – адвокат в Эссене (где работали также д-р Вернер Бест и проф. д-р Франц Альфред Сикс), адвокат на нюрнбергских процессах, с 1950 – депутат ландтага Север-

ного Рейна – Вестфалии (от Свободной демократической партии), в 1957–76 – депутат бундестага, 1962–77 – депутат Европарламента. С 1950 Ахенбах поддерживал контакт с д-ром Вернером Науманом, бывшим статс-секретарем у д-ра Геббельса и его так называемого «кружка гаулейтера». Ахенбах прилагал усилия к тому, чтобы бывшие функционеры НСДАП могли найти новую политическую родину в партии ФДП. При председателе партии – издателе Фридрихе Миддельхауфе многие бывшие высокопоставленные деятели НСДАП заняли ключевые посты в ФДП земли Северный Рейн–Вестфалия, например, руководители Гитлерюгенда Вильке и Цоглман или советник Имперского министерства пропаганды Вольфганг Диверге. Процесс исключения Ахенбаха из партии за его предполагаемое участие в депортации французских евреев успеха не имел.

¹⁹Arno Breker, *Im Strahlungsfeld der Ereignisse 1925–1965. Leben und Wirken eines Künstlers. Porträts, Begegnungen, Schicksale*, Preuß. Oldendorf 1972, S. 151 ff. und Albert Speer, *Erinnerungen*, aaO., S. 185 ff.

²⁰*Ibid.*, S. 167.

²¹Пьер Лаваль (1883–1945), юрист, 1909 – получил ученую степень, вступил в социалистическую партию, 1914 – депутат парламента. Будучи пацифистом, отказался участвовать в войне. После 1918 отошел от левого движения, с 1925 – министр в различных правительственных кабинетах. В 30-е годы он дважды становился премьер-министром Франции, один раз – министром иностранных дел. В правительстве Виши до декабря 1940 Лаваль был заместителем премьер-министра и министром иностранных дел, затем, после недолгого смещения, с 1942 – глава правительства. Лаваль отличался расчетливой тактикой, он всегда умел защищать интересы Франции. Но это не мешало ему в разговорах с Гитлером предостерегать того от создания «европейского союза государств». В 1945 на большом показательном судебном процессе Лавалья приговорили к смерти, 15 октября его расстреляли. Перед смертью он крикнул: «Да здравствует Франция!»

²²O. Abetz, aaO., S. 151.

²³*Ibid.*, S. 152.

²⁴Маршал Филипп Петен (1856–1951), 1916 – руководил обороной Вердена, 1922–31 – генеральный инспектор армии. Сразу после того, как Петен 16.6.1940 возглавил французское правительство, он начал переговоры о перемирии с Германией. В июле 1940 он стал официальным главой Франции, с резиденцией в Виши. В 1945 на большом показательном судебном процессе Петена приговорили к смерти; Де Голль заменил расстрел на пожизненное заключение.

²⁵Arno Breker, *Im Strahlungsfeld der Ereignisse*, aaO., S. 161.

²⁶O. Abetz, aaO., S. 181.

²⁷Léon Degrelle, *Denn der Haß stirbt... Erinnerungen eines Europäers*, München 1992, S. 175. Вручая Рыцарский крест Дегреллю, Гитлер сказал: «Если бы у меня был сын, то я хотел бы, чтобы он был таким, как вы!».

²⁸Gerhard Heller, *In einem besetzten Land. NS-Kulturpolitik in Frankreich. Erinnerungen 1940–1944*, Köln 1982, S. 208 f.

Герхард Хеллер (1909–1982), романист, публицист и издатель, 1940–44 – руководитель специальной пропагандистской группы в оккупированном Париже и в этом качестве ведавший вопросами литературы, друг Эрнста Юнгера, в дневнике которого («Stralungen») он часто упоминается (см. Ernst Jünger, *Siebzig verweht III*, Stuttgart 1993, S. 180).

²⁹См. также: François Dufay, *Die Herbstreise. Französische Schriftsteller im Oktober 1941 in Deutschland. Ein Bericht*, Berlin 2001, а также: W. Bräuning, *Strahlungsfelder*, aaO., S. 169 ff.

³⁰O. Abetz, aaO., S. 208.

³¹A Hitler, *Monologe*, aaO., S. 304.

³²O. Abetz, aaO., S. 266.

³³Анрио был убит 28.6.1944 в числе 15 террористов, переодетых в милиционеров и проникших в помещение своего министерства.

³⁴Ernst Jünger, *Stralungen II. Das zweite Pariser Tagebuch*, München 1988, S. 288.

³⁵O. Abetz, aaO., S. 292.

³⁶*Ibid.*, S. 293.

³⁷E. Jünger, aaO., см. там также описание освобождения Парижа.

³⁸Отто Райнебек (родился в 1883), с 1937 – посланник 1-го класса в Гватемале, после разрыва дипломатических связей 20.5.1942 вернулся в Германию. Между 1942 и 1944 работал в центральном аппарате Министерства иностранных дел в Берлине. 23.12.1944 ему поручили временно руководить «посольством в Сигмарингене». Он приступил к работе в этой должности 6.1.1945.

³⁹O. Abetz, aaO., S. 316.

⁴⁰*Ibid.*, S. 323.

⁴¹Hitlers politisches Testament, aaO., S. 87 ff.

⁴²Во всяком случае, так утверждает Абетц в своих воспоминаниях: aaO., S. 324.

⁴³Цит. по: Pringet, Pierre de, *Die Kollaboration. Untersuchung eines Fehlschlages*, Tübingen 1981, S. 42 f.

«Странный наци»

¹Фридрих «Фриц» Кребс (1894–1961), д-р права, советник высшего земельного суда, 1922 – вступил в НСДАП, позднее – крайзлейтер во Франкфурте-на-Майне, 1932–33 – депутат ландтага Пруссии (от НСДАП), март 1933 – обер-бургомистр Франкфурта-на-Майне. При вступлении в город армии союзников Кребс остался там. После 1945 – уполномоченный Германской партии во Франкфурте (до 1952), затем работал адвокатом. См. также: Friedrich Krebs – «Nationalsozialistischer Oberbürgermeister in Frankfurt am Main. Rekonstruktion eines politischen Lebens», in: Hessisches Jahrbuch für Landesgeschichte Bd. 42, 1992.

Карл Винсент Крогман (1889–1978), судовладелец, 1932 – подписал, в числе других, заявление хозяйственных руководителей Гинденбургу с призывом назначить Гитлера рейхсканцлером, 1933 – вступил в НСДАП, бургомистр Гамбурга, до апреля 1948 – интернирован, затем – сначала подручный на стройке, потом оптовый торговец лесом. Публикация: Es ging um Deutschlands Zukunft 1932–1939, Leoni am Starnberger See 1976.

²Ernst Jünger, In Stahlgewittern, 33 Auflage, Stuttgart 1992, S. 1.

³Ганс Шпейдель (1897–1984), участник Первой мировой войны, офицер рейхсвера, 1925 – получил ученую степень д-ра философии, 1930 – сотрудник генерального штаба, 1933–35 – помощник германского военного атташе в Париже, 1936 – командир батальона, 1936/37 – руководитель отдела Иностранные армии Запада Генштаба, во время войны – начальник штабов многих фронтов, 1944 – начальник штаба группы армий «Б» под командой Роммеля. В том же году арестован за участие в заговоре 20 июля 1944, заключен в концлагерь, 1945 – освобожден французами. Затем – советник Конрада Аденауэра, 1955–57 – генерал-лейтенант, начальник отдела в штабе объединенных вооруженных сил, 1957–63 – главнокомандующий объединенными сухопутными силами НАТО в Центральной Европе со штаб-квартирой в Фонтенбло. Шпейдель внес большой вклад в строительство бундсвера и считается одним из главных его создателей.

⁴Возможно, здесь речь идет о событии, которое Айэн Кершоу в своей книге «Гитлер. 1889–1936» описывает так: «К жертвам «Белой гвардии» прибавились 33 русских военнопленных, не имевших ничего общего с советской республикой и расстрелянных в каменоломне; жертвами стали также несколько работников скорой помощи, принятых за революционеров, двенадцать гражданских сторонников СПД в рабочем квартале Перлах, убитых по доносу политических врагов, и

21 член католической общины, по ошибке принятых за спартаковцев» (I. Kershaw, aaO., S. 157).

⁵Отмар Шпан (1878–1950), политэкономист, социолог и историк-философ, профессор экономических и социальных наук. Шпан вышел из старинного венского буржуазного рода, изучал философию и политическую экономию (не сдал экзамен на аттестат зрелости), 1903 – получил степень д-ра политических наук (ученик Фридриха Наумана), 1908 – доцент в Вене, 1911 – заведующий кафедрой в Брюнне, с 1914 – на военной службе, офицер пехоты, воевал в России, получил тяжелое ранение, 1916–18 – работает в «комитете военного хозяйства» в Вене, 1919 – заведующий кафедрой в Вене, 1921 – Шпан публикует свой главный труд «Правильное государство. Лекции о сломе и новом строительстве общества», 1929 – Шпан делал основной доклад на церемонии открытия нового «Боевого союза германской культуры» в Мюнхене, в присутствии Гитлера и Розенберга. Попытка повлиять на австрийский «Хаймвер» и на НСДАП осталась без успеха. Начиная с 1935 теория Шпана о сословном государстве подвергается все более резкой критике в нацистской печати, в 1938 Шпана на должности профессора сменил национал-социалист, многомесячное заключение в концлагере Дахау, где со Шпаном жестоко обращались и его зрение ухудшилось на длительный срок. После освобождения из заключения ему запретили заниматься преподаванием. В 1946 он реабилитирован новым австрийским государством, но уже больше не смог вести учебную работу. В период 1925–1935 он был одним из заметных авторов, преподавателей и ораторов течения «консервативной революции».

⁶Hitler. RSA, Band IV/1, aaO., S. 156 f.

⁷См. также: Schnabel, Thomas, «Die NSDAP in Württemberg 1928–1933. Die Schwäche einer regionalen Parteiorganisation», in: Die Machtergreifung in Südwestdeutschland. Das Ende der Weimarer Republik in Baden und Württemberg 1928–1933, Stuttgart 1982, S. 49 ff.

Вильгельм Мурр, род. 1888, торговый служащий, военный, 1914–18 – добровольно пошел на войну, участвовал в боевых действиях на Западном и Восточном фронтах, 1915 – тяжело ранен под Аррасом, произведен в вице-фельдфебели, 1922 – вступил в НСДАП, 1928–45 – гаулейтер Вюртемберга, 1930–33 – депутат рейхстага (НСДАП), 1933 – президент, министр внутренних дел и экономики Вюртемберга, 1933–45 – государственный наместник в Вюртемберге. Когда войска союзников заняли Вюртемберг, Мурр с женой под именем «Мюллер» уехали в Форарльберг (Шрунс), где стали жить в хижине в горах. Но их

выследили французы и жену разъединили с мужем. Жена приняла яд, после этого гаулейтера Мурра пытались идентифицировать; видя жену мертвой, он раскусил капсулу с цианистым калием. Оба супруга были похоронены вместе на кладбище Эгга как «супруги Мюллер». Только в 1946 могилу вскрыли, и бывший зубной врач окончательно идентифицировал останки Мурра. По биографии Вильгельма Мурра см. также: Paul Sauer, Wilhelm Murr. Hitlers Statthalter in Württemberg, Stuttgart 2000.

⁸Генрих Гаусс (1858–1921), изучал право, старший судья в суде первой инстанции в Теттнанге, 1894 – муниципальный советник в Штутгарте, 1899 – избран обер-бургомистром Штутгарта. Наибольшее внимание Гаусс уделял развитию муниципального самоуправления. Он председательствовал на съезде представителей городов Вюртемберга и с 1905 года представлял Штутгарт на съездах представителей городов Германии. С 1906 – депутат ландтага. В последний год своей работы Гаусс столкнулся с сильной оппозицией в муниципальном совете, это привело его к болезни и уходу в отставку в 1911 году.

Карл Лаутеншлагер (1868–1952), изучал право и политические науки, начал карьеру чиновника. Член правящего совета Штутгарта, с 1911 – обер-бургомистр. В 1921 и 1931 – переизбран на должность подавляющим большинством голосов. Он руководил городом во время Первой мировой войны и последовавшего за ней экономического кризиса, помог вступлению Штутгарта в земельную систему водоснабжения, форсировал строительство главного вокзала и прокладку важных улиц. В 1933 он передал свой пост Карлу Штрёлину.

⁹Ойген Больц (1881–1945), изучал право, 1912 – депутат рейхстага (от партии центра), 1913–33 – депутат вюртембергского ландтага (от партии центра), 1918 – судья в суде первой инстанции, 1919–23 – министр внутренних дел Вюртемберга. В своей политике Больц придерживался католического направления. Наконец, в 1928 он с небольшим преимуществом победил на выборах президента Вюртемберга и оставался на этом посту до 1933. В 1933 много недель провел в концлагере, затем работал в хозяйственной организации. С 1941 поддерживал контакты с кругом Карла Гёрделера, где его кандидатуру намечали на пост имперского министра культуры. После 20 июля 1944 – арест, смертный приговор и 23 января 1945 – казнь на гильотине в тюрьме Берлин-Плетцензее.

¹⁰Цит. по: Hitler. Reden und Proklamationen, S. 210 ff.

¹¹Joseph Goebbels, Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei, München 1936, S. 263.

¹²Цит. по: Nachtmann, Walter, Karl Strölin. Stuttgarter Oberbürgermeister im «Führerstaat», Stuttgart 1995, S. 96. Написанная Нахтманом вероятно, самая ценная в познавательном отношении биография Карла Штрёлина. Кроме того, есть еще литература: Locher, Albert, In memoriam Dr. Karl Strölin. Oberbürgermeister der Stadt Stuttgart von 1933–1945, Stuttgart 1963; Matzerath, Horst, Oberbürgermeister im Dritten Reich, in: Führerstaat, ааО., S. 228–252; Rebentisch, Dieter, „Die politische Stellung der Oberbürgermeister im Dritten Reich», in: Oberbürgermeister, hrsg. von Klaus Schwabe, Boppard 1981, S. 125–155; Wurm, Theophil, Lebenserinnerungen, Stuttgart 1953.

¹³См. также сообщение Штрёлина «Моя поездка по Соединенным Штатам Северной Америки». Это выступление состоялось 13 ноября 1936 в праздничном зале «Лидерхалле» в Штутгарте, см.: Der Auslandsdeutsche, Jahrgang 19, 1936, S. 892–909.

¹⁴Эрнст Вильгельм Боле (1903, Брэдфорд/Англия – 1960, Дюссельдорф), 1906 – семья переселилась в Капштадт, позднее изучал политическую экономию и торговлю в Кельне и Берлине, 1923 – дипломированный торговец, 1930 – основал свою фирму автопринадлежностей, с 1931 – сотрудник на общественных началах «иностранного отдела НСДАП», 1932 – вступление в НСДАП и назначение на пост инспектора иностранного гау, 1933 – назначен руководителем Зарубежной организации (АО) НСДАП в ранге гаулейтера, депутат Рейхстага, 1937 – шеф АО и статс-секретарь Министерства иностранных дел, лишь в 1937 отказался от британского гражданства. В 1945 Боле арестован союзниками и предстал перед судом в так называемом «процессе Вильгельмштрассе» в Нюрнберге. Там он, единственный из всех обвиняемых, признан виновным и в 1949 приговорен к пяти годам тюрьмы. В том же году он освобожден по амнистии, затем работал в Гамбурге торговцем.

¹⁵Эрнст фон Вайцеккер (1882–1951), 1900 – кадет в кайзеровском ВМФ, 1901 – в офицерском училище ВМФ в Киле, 1902–05 – служит на тяжелом крейсере «Герта», базирующимся в Восточной Азии, инструктор принца Адальберта, третьего сына Вильгельма II, 1905–12 – служит в Киле, 1912 – переведен в штаб ВМС в Берлине, 1914–18 – участвует в боевых действиях флота, 1918 – офицер связи штаба флота при высшем военном руководстве, служил в Имперском морском управлении в Берлине, 1919 – военно-морской атташе в Гааге, 1920 – начало работы в Министерстве иностранных дел, 1921 – глава консульства в Базеле, 1924 – советник-посланник в Копенгагене, 1928 – руководитель отдела «Народный союз» в Министерстве иностранных

дел, 1931 – посланник в Осло, 1933–37 – в Берне, 1936 – заместитель начальника политического отдела Министерства иностранных дел, 1937 – начальник, 1938 – статс-секретарь, 1938 – вступил в НСДАП, с 1939 – контакты с движением Сопротивления, 1943–45 – посол в Ватикане. В этом качестве он предупреждал евреев Рима о готовящихся депортациях. 1945–46 – сначала гость Ватикана, затем вернулся в Германию, 1947 – арест и осуждение на так называемом «процессе Вильгельмштрассе» к 7 годам тюрьмы. Сын Вайцзеккера, Рихард, будущий президент ФРГ, участвовал в качестве адвоката в защите своего отца. В 1950 Эрнст фон Вайцзеккер во время общей амнистии был освобожден и опубликовал свои «Воспоминания».

¹⁶Karl Strölin, Stuttgart im Endstadium des Krieges, Stuttgart 1950, S. 29 ff.

¹⁷Цит. по: Müller, Roland – Stuttgart zur Zeit des Nationalsozialismus, Stuttgart 1988, S. 516.

¹⁸Karl Strölin, Verräter oder Patrioten? Der 20. Juli 1944 und das Recht auf Widerstand, Stuttgart 1952.

¹⁹Карл Гёрделер (1884–1945), изучал право, 1908 – получил ученую степень, 1912–14 – первый уполномоченный в Золингене, во время Первой мировой войны – офицер и эксперт по вопросам управления в Белоруссии, 1920 – член DNVP, второй бургомистр в Кёнигсберге, 1930–34 – обер-бургомистр Лейпцига, 1931/32 – имперский комиссар по ценам, 1934 – снова на этой должности, 1935 – освобождение от поста, 1937 – демонстративный уход с поста обер-бургомистра Лейпцига в знак протеста против удаления памятника композитору-еврею Феликсу Мендельсону-Бартольди в Лейпциге, работа в концерне «Бош». С 1939 – один из ведущих представителей движения консервативного сопротивления Гитлеру. Гёрделер был одним из основных составителей плана устранения Гитлера и государственного переворота 20 июля 1944; он сам намечался на пост главы нового правительства. В июле 1944 бежал в Восточную Пруссию, в августе – арестован. 8 сентября 1944 Гёрделер приговорен к смерти Народной судебной палатой, но еще многие месяцы его продолжали допрашивать. 2 февраля 1945 его казнили в тюрьме Берлин-Плетцензее.

²⁰Роберт Бош (1861–1942), учился на механика по точным работам, работал на различных предприятиях, в том числе на фирме «Сименс», 1884 – работает в США и Великобритании, 1886 – открывает собственную фабрику, на которой изготавливаются, главным образом, системы зажигания для автомобилей («Бош-Цюндунг»). Бош первым из предпринимателей стал поставлять унифицированное электронное

оборудование для автомобильной промышленности. В своем концерне Бош провел прогрессивные социальные преобразования для улучшения жизни рабочих, такие как восьмичасовой рабочий день и пятидневная рабочая неделя («красный Бош»). Бош был близок к ДФП. К национал-социализму он относился сдержанно; поддерживал не связанные обязательствами контакты с представителями либерального сопротивления. См. также: Scholtyssek, Joachim, Robert Bosch und der liberale Widerstand gegen Hitler 1933–1945, München 1999.

Ганс Вальц (1883–1974), промышленник, изучал банковское дело, занимал ведущие должности в различных банках, с 1912 – личный секретарь Роберта Боша, 1919 – член наблюдательного совета фирмы, 1924 – член правления, 1948 – председатель наблюдательного совета, 1952–63 – руководитель производства.

²¹Hans Speidel, Invasion 1944, Berlin 1975, S. 81.

²²K. Strülin, Verräter, ааО.

²³Рихард Драуц (1894–1946), инженер, 1928 – вступил в НСДАП, с 1932 – крайзлейтер в Хайльбронне, 1932–38 – руководитель издания газеты «Хайльброннер тагблатт», 1933 – депутат Рейхстага (НСДАП), 1943 – глава района и крайзлейтер в Вахингене/Энц и Людвигсбурге. 11.12.1945 американский военный суд в Дахау приговорил Драуца к смерти за расстрел американского пилота, казнь состоялась 4.12.1946 в Ландсберге.

²⁴Арнольф Клетт (1905–1974), изучал право, 1928 – получил ученую степень, 1927–30 – стажер, затем работал в Штутгарте, 1933 – заключен в концлагерь, во время Второй мировой войны – гражданский защитник в военных судах в различных городах Европы. Клетт входил в кружок сопротивления, образовавшийся вокруг Рудольфа Пехеля. После 1945 – обер-бургомистр Штутгарта, 1948/54 и 1966 – переизбран как беспартийный обер-бургомистр. Клетт многое сделал для современного облика Штутгарта.

²⁵Например, статья: «Die Pflicht zum Widerstand», in: Nation Europa, Jg. 1, Nr. 9, S. 37–42.

Заключение

¹Sebastian Haffner, Anmerkungen zu Hitler, München 1978.

²Здесь говорится о перемене взглядов Теодора Моммсена (Römische Geschichte, Band III, 5. Buch, Kap. 11).

³Hitler. Reden und Proklamationen, ааО., S. 730 (Из заключительного выступления на партийном конгрессе в Нюрнберге 13.9.1937).

⁴Sebastian Haffner, *aaO.*, S. 34.

⁵Hans-Dietrich Sander, *Die Auflösung aller Dinge. Zur geschichtlichen Lage des Judentums in den Metamorphosen der Moderne*, München 1988, S. 162 f.

⁶*Ibid.*, S. 165. О Гитлере как «диком звере» см. также: Jakob Taube (hrsg.): «Der Fürst dieses Welt – Carl Schmitt und die Folgen. Religions-
theorie und Politische Theologie», Bd. 1, München – Paderborn 1983, Vorwort.

⁷«Гроядеutschland», *aaO.*, S. 238.

⁸См. также: A. Speer, *aaO.*, S. 453.

⁹Gustave Le Bon, *Psychologie des foules*, Paris 1895, S. 92 (есть немецкий перевод «Psychologie der Massen»).

¹⁰Max Weber, «Die drei reinen Typen der legitimen Herrschaft», in: *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*, Tübingen 1922.

¹¹VB Nr. 254 v. 11.9.1934.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
♦САМЫМ БОЛЬШИМ МОИМ ПРОТИВНИКОМ БЫЛ БАЛЛЕРШТЕДТ». Баварский сепаратист против Гитлера	16
♦ПАРТИЯ – НЕ ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ!». Летний кризис НСДАП в 1921 году	26
♦ПИШИТЕ СВОИ ПИСЬМА НА ПИШУЩЕЙ МАШИНКЕ!». Борьба Адольфа Гитлера против Альбрехта фон Грэфе	37
♦НЕМЕЦКИЕ НАРОДНЫЕ БРОДЯЧИЕ ПРОПОВЕДНИКИ». Религиозно-реформаторское течение в НСДАП д-ра Артура Динтера	62
♦ВЕЗДЕ ЛОЖЬ И МОШЕННИЧЕСТВО». Судебные процессы Гитлера по делу об оскорблении личности в «период борьбы» (1919–1933)	81
♦ГИТЛЕР УГРОЖАЕТ КРОНПРИНЦУ РУППРЕХТУ». Дискуссия с монархистом графом Йозефом фон Зоден-Фрауенхофеном	103
♦ПАРТИЙНАЯ ДЕСПОТИЯ И БЕЗОТВЕТСТВЕННАЯ ДЕМАГОГИЯ». Бунт вождя берлинских штурмовиков Вальтера Штеннеса	133
♦Я ХОЧУ ИМЕТЬ НЕ ОФИЦЕРОВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА, А ВОЖДЕЙ!». Эрнст Анрих и внутренняя оппозиция в Национал-социалистическом студенческом союзе, 1930–1931 годы	163
♦ПОКА Я ВЕДУ ПАРТИЮ...». Смещения с постов, исключения и повторные вступления в партию	193

«НЕДОСТОЙНО ГЕРМАНИИ КАНТА И ГЁТЕ». Об амбивалентности «старого борца» Вильгельма Кубе	213
«Я ДОВОЛЬНО ДОЛГО НАБЛЮДАЮ ЗА НИМ». Падение верного Гитлеру гаулейтера Йозефа Вагнера	226
«ПАРТИЯ ДОЛЖНА СОСТОЯТЬ ИЗ ГОТОВОГО К БОРЬБЕ, РЕШИТЕЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА». Меморандум гаулейтера Карла Рёвера о положении в НСДАП (1942 год)	241
«МЫ НЕ ХОТИМ ТЕРПЕТЬ ИДЕОЛОГОВ РАСИЗМА». Гюнтер Кауфман и оппозиционеры из центрального печатного органа Гитлерюгенда	257
«ШЕДЕВР ДВУЛИЧНОЙ ТРАКТОВКИ». Альфред Э. Фрауенфельд и проблема управления оккупированными восточными областями	271
«ОН НЕ ВИДИТ ФАКТОВ». Отто Абетц и немецкое посольство в Париже, 1940–1944 годы	283
«СТРАННЫЙ НАЦИ». Обер-бургомистр Штутгарта д-р Карл Штрёлин	304
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Эпитафия немецкому междоусобицу?	325
ПРИМЕЧАНИЯ	332

Бройнингер В.

ПРОТИВНИКИ ГИТЛЕРА В НСДАП. 1921–1945

Заведующая редакцией **О. В. Сухарева**
Редактор **К. А. Залесский**
Технический редактор **Т. П. Тимошина**
Корректор **И. Н. Мокина**
Компьютерная верстка **А.П. Сорманова**

Подписано в печать 15.08.2005 г. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 21. Тираж 4000 экз. Заказ № 7991.
Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры.
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.2005 г.

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, проезд Ольминского, д. 3а

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93

Наши электронные адреса:
www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ФГУПП ордена Трудового Красного Знамени
«Детская книга» МПТР РФ.
127018, Москва, Суцёвский вал, 49.

«В Германии не было оппозиции Гитлеру» – это не только один из самых расхожих, но и самых спорных постулатов. На протяжении всей своей политической карьеры Гитлер постоянно сталкивался с оппозицией внутри своего же нацистского движения, в рядах своих соратников.

Книга Бройнингера проливает свет на борьбу за власть внутри руководства национал-социалистической партии. Уже во время так называемого «второго периода борьбы» (1925–1933) имели место отстранения с ведущих постов, полный роспуск местных парторганизаций, далеко идущее соперничество среди руководящей верхушки, процессы исключения из партии и следующие за ними восстановления членства в партии.

История НСДАП – непрерывная цепь эпизодов борьбы за власть. В конце концов, после 1933 года образовался организационный хаос, который, перефразируя изречение Гитлера, был «сравним только с древними Египтом, Вавилоном и Римом».

ISBN 5-17-031698-4

9 785170 316984